КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1980

Сборник включает ряд исследований, которые ставят задачей осветить политическое и военное значение Куликовской битвы 1380 г. Впервые дается широкий анализ событий как в историографическом, так и в географическом плане, оценка явлений как бы из разных центров — Литвы, Москвы, Орды.

Редакционная коллегия:
Л. Г. Бескровный (ответственный редактор),
В. И. Буганов, *В. А. Кучкин*,
академик *А. Л. Нарочницкий*,
А. А. Преображенский, академик *Б. А. Рыбаков*

На 1-й и 4-й сторонках обложки воспроизведены фрагменты рисунка конца XIX в. художника И. Г. Блинова «Мамаево побоище», хранящегося в Государственном историческом музее.

К $\frac{10604-230}{042(02)-80}$—41—80. 0505010000 © Издательство «Наука», 1980 г.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Исполнилось 600 лет со дня Куликовской битвы. «Донское побоище» было одним из выдающихся событий в жизни Европы в XIV в. Куликовская битва стала переломным этапом жизни русского народа. Эта битва не только содействовала, но и закрепляла процесс образования русского централизованного государства.

В этом сражении проявились лучшие качества русских людей: стойкость, мужество, храбрость, готовность жертвовать своей жизнью ради национального освобождения народа от тяжкого иноземного ига. Русский народ выдвинул выдающегося стратега и замечательного тактика Дмитрия Ивановича Донского, полководческая деятельность которого составила эпоху в истории русского военного искусства.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей включает ряд исследований, которые ставят задачей осветить политическое и военное значение Куликовской битвы.

Сборник открывается статьей Л. Г. Бескровного «Историография Куликовской битвы». Эта статья представляет собой первый опыт комплексного рассмотрения суждений и оценок битвы начиная с ее современников и до наших дней. В ней раскрываются идейные изменения произведений, связанные с их классовой и политической направленностью.

В статье В. А. Кучкина «Русские княжества и земли перед Куликовской битвой» дана картина расстановки сил в Северо-Восточной Руси. Автор дал четкую политическую карту русских земель и княжеств в 60-е годы XIV в. и охарактеризовал их взаимоотношения перед Куликовской битвой. Анализ отношений между русскими княжествами позволил сделать важный вывод о том,

что накануне битвы Москва смогла сплотить на борьбу с Ордой Мамая почти все силы Северо-Восточной Руси, что позволило стать Куликовской битве общенародным делом.

Международные отношения освещены также в статье И. Б. Грекова «Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в.». Статья посвящена отношениям Москвы со своими западными соседями. В ней вскрыты политические тенденции Литовского государства, ведущего борьбу на севере с немецкими агрессорами и с Москвой на востоке с целью консолидации русских земель вокруг Литвы.

Статья Б. Н. Флори «Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле» дополняет наши представления о внешней политике Литовского государства во второй половине XIV в. На основе широкого круга источников и литературы автор внес важные поправки в современную буржуазную историографию о характере литовской политики, что позволило раскрыть формы участия Литвы в период борьбы Москвы с Золотой Ордой. Отказ украинских и белорусских ополчений активно выступить против общерусского войска предопределил неучастие литовского войска в Куликовском сражении, что способствовало разгрому Орды Мамая Дмитрием Донским.

В статье В. Л. Егорова «Золотая Орда перед Куликовской битвой» охарактеризовано внутреннее состояние золотоордынского государства с середины до начала 80-х годов XIV столетия, когда в нем стали резко проявляться центробежные тенденции. На основе синтеза данных письменных и материальных памятников автор вскрыл социально-экономические причины феодального дробления Золотой Орды и показал попытки Орды восстановить свое могущество путем новой агрессии. В статье подняты вопросы внешней политики Орды накануне Куликовской битвы.

Статья Л. Г. Бескровного «Куликовская битва» освещает военные аспекты, связанные с подготовкой и ходом сражения. В ней охарактеризовано состояние военного дела в Северо-Восточной Руси во второй половине XIV в. Подчеркнут национальный характер организации русского войска и определены особенности способов и форм ведения войны и боя. Автор осветил сосредоточение войск к Москве, показал стратегическое значение марш-маневра русских войск к Куликову полю и раскрыл ход сраже-

ния на всех его этапах. В статье получило освещение полководческое искусство Дмитрия Донского — организатора победы над Золотой Ордой.

Заключает этот цикл статья В. И. Буганова, в которой охарактеризован исторический период от Куликовской битвы 1380 г. до противостояния на р. Угре 1480 г. Эти два события показаны как звенья единого процесса, завершившего полное освобождение русского народа от золотоордынского ига.

В статье Л. Н. Пушкарева «К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре» прослеживается влияние победы на Куликовом поле на устное народное творчество.

Заключает сборник статья В. Н. Ашуркова «Памятники Куликова поля». На основе архивных данных автор статьи прослеживает превращение Куликова поля в мемориальный памятник. В статье характеризуется отношение русского общества к сохранению и увековечиванию памяти о Куликовской битве.

В сборник вошла также библиография, составленная Н. А. Араловец и П. В. Прониной, куда помещены данные о первоисточниках и основных научных работах.

Включенные в сборник карты составлены В. А. Кучкиным и А. А. Королевой.

Научно-организационная работа по сборнику проделана Н. В. Сергеевой.

Приведенный в сборнике материал показывает героическую борьбу русского народа против иноплеменного ига. Победа на Куликовом поле послужила примером и другим народам, поднявшимся на борьбу за свое национальное освобождение.

Куликовская победа стала синонимом русской славы и получила оценку в нашей истории как переломный момент в жизни России.

Л. Г. Бескровный

ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Впервые события, связанные с Куликовской битвой, нашли отражение не в официальной летописной трактовке, а в поэтическом произведении — «Задонщине». Поэма была создана после победы на Куликовом поле. «Задонщина» носит и другое название: «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Писание Софониа Старца Рязанца» [1].

Автор «Слова» не ставил целью дать исторически точное и последовательное изображение Куликовской битвы. Свою задачу он видел в том, чтобы связать современность с прошлым — победу на Дону с поражением на Каяле — и показать взаимосвязь между этими событиями. Софоний выдвинул главную идею, состоящую в пропаганде полного единения всех русских княжеств в борьбе за освобождение от золотоордынского ига, душившего русский народ. Вот почему автор поэмы не упоминает о том, что в походе не приняли участие ни нижегородские и суздальские князья, ни Новгород, ни рязанский князь Олег. В трактовке Софония победу на Куликовом поле одержала вся «Русская земля». Эта победа покончила с тяжким бременем позора «Калятьской рати», явившимся следствием феодальных распрей и усобиц.

Создание «Задонщины» вскоре после Куликовской битвы говорит о громадном значении, которое придавали современники победе над Ордой.

Дальнейшее развитие идеи, поставленные «Задонщиной», получили в летописях. Летописи выступают не только в качестве важнейших, а в ряде случаев единственных источников, но и как историографический факт.

[1] В другой редакции: «Слово Софония рязанца о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Ондреевиче» (Повести о Куликовской битве. М., 1959).

В них отразился процесс складывания исторической концепции. Конечно, нужно учесть, что летописные повести создавались позднее описываемых событий. На раскрытие темы о Куликовской битве существенное влияние оказало последующее нападение Золотой Орды на Русь в 1382 г. Взятие Тохтамышем Москвы, разорение многих городов Северо-Восточной Руси, в том числе ряда городов Рязанского княжества, омрачили победу на Куликовом поле и как бы понизили в глазах современников ее значение. Тем не менее летописи этого времени широко освещают победу на Куликовом поле. Как известно, монголо-татарское разорение Руси привело к упадку в XIII — первой половине XIV в. летописания Древнерусского государства. Новый этап его развития относится к концу XIV — началу XV в., когда начался процесс консолидации земель вокруг крупных центров — Новгорода, Пскова, Твери и Москвы. В большинстве случаев летописи этого времени отражают местные события, хотя летописцы в ряде случаев пишут о событиях, касаясь страны в целом. Но областные интересы кажутся летописцам более важными, чем общерусские проблемы. Далеко не во всех летописях выдвинута идея объединения княжеств в общерусское государство, которая столь ярко была отражена в «Задонщине». В связи с этим оценка Куликовской битвы в ранних летописях не поднимается до общерусского значения.

Так, например, Новгородская I летопись младшего извода рассматривает это событие с позиции Великого Новгорода. Летописец пишет, что борьба с монголо-татарами — дело московского князя, на которого «люто гневался» Мамай, хотя, впрочем, указывается, что Мамай замахивался «и на всю Рускую землю» [2].

В летописи нет данных о призыве князя Дмитрия к объединению всех русских сил для отпора новому нашествию. Летопись глухо отмечает, что князь Дмитрий, услышав, что на него наступает сила «велика татарская и собрав многы вои и поиде противу безбожных Татар». Встреча с Золотой Ордой завершилась победой, «и погнани быша от крестиян и ови же от оружия падоша, а инии в реце истопошася, бещисленое их множество». В этой битве, отмечает летописец, недостаточно стойко проявили себя «молодые» москвичи, к которым причисля-

[2] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 376.

лись ремесленники и другие посадские люди, не имевшие боевого опыта. «Москвици же мнози небывалци, видевши множество рати татарскои устрашишася и живота отцаявшаяся, а инеи на беги обратишася...» [3]

Несколько по-иному освещает Куликовскую битву Троицкая летопись, которая, как указывает Д. С. Лихачев, явилась первым сводом, где нашла отражение московская трактовка событий. В этой летописи поход Мамая представлен как угроза не только Московскому княжеству, но и всей Русской земле. «Хотя пленити землю Русскую», Мамай собрал войско, куда входили силы половецкие и татарские и «наемные рати многи» — «Фрязы и Черкасы и Ясы». Троицкая летопись, хотя и не указывает на стремление московского князя объединить силы русских княжеств, подчеркивает его стремление не только «оборонити своея отчины», но и «всю Русскую землю» [4]. В этой летописи было выдвинуто обвинение рязанскому князю Олегу в том, что он не принял участия в отражении нашествия Золотой Орды. Больше того, указывает летописец, князь Олег «посылал на помощь Мамаю свою силу, а сам на реках мосты переметал» [5]. Выдвинув это обвинение, летописец умолчал о союзе Мамая и Олега с Литвой. Чувствуя свою вину, Олег после поражения Мамая направил в Москву послов. Он молил о прощении и изъявлял готовность подчиниться Дмитрию Ивановичу («рядишася у него в ряд»). Князь Дмитрий простил Олега, но посадил в Рязани своего наместника.

Еще короче упоминание о Куликовской битве в Псковской I летописи, составленной, по мнению А. Н. Насонова, во второй половине XV в. Этому событию посвящено лишь несколько строк. «Бысть похвален[ие] поганых Тотар на землю Роускую: бысть побоище велико, бившася на Рожество святыя богородица, в день соуботный до вечера, омерькше бючися; и пособе бог великомоу князю Дмитрею, биша и на 30 верст гонячися». Это выдающееся событие поставлено в один ряд с упоминанием, что «того же лета во озере Чюдском истопли четыри лодии» [6].

[3] Там же, с. 376—377.
[4] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. с. 419.
[5] Там же, с. 420.
[6] Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1 (Псковская I летопись.

На аналогичных позициях стоял Рогожский летописец[7]. Причиной столь скромного отражения событий, имевших общерусское значение, было то, что Тверь, Нижний Новгород и Рязань продолжали упорствовать и не желали признавать Московское княжество лидером политического объединения русских земель. Согласно Тверской летописи главным оплотом борьбы Руси с монголо-татарами является не Москва, а Тверь. Эта летопись противопоставляет тверскую политику союза с Литвой московской политике союза с Ордой.

Таким образом, летописи конца XIV и середины XV в. не всегда поднимались до осознания роли Куликовской битвы как общерусской победы, явившейся результатом объединения всех сил вокруг Москвы.

По-иному трактуют эти проблемы летописи времени складывания Русского государства с центром в Москве. До нашего времени не дошел общерусский свод 1418 г., составленный при митрополите Фотии. Мы располагаем Московским сводом 1479 г., где освещены главные проблемы, волновавшие современников. Середина XV в. характеризуется обострением феодальной войны. Она приобретает напряженный характер в связи с тем, что в нее вмешиваются татары, участившие свои набеги на Русь. Положение изменилось только в последней четверти XV в., когда были ликвидированы уделы и пала Новгородская республика. В результате объединения русских княжеств создались предпосылки для ликвидации остатков золотоордынского ига. Ф. Энгельс подчеркнул эту сторону исторического процесса: «... В России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III»[8]. Борьба с сепаратными удельными князьями вновь выдвинула на первый план идею объединения сил для полного освобождения от иноземного ига. Победа в Куликовской битве звучала как призыв к окончательному освобождению, которое могло быть осуществлено в результате объединения княжеств вокруг Москвы.

Главной целью московских летописцев в середине XV в. было обоснование идеи объединения русских кня-

Тихановский список) / Отв. ред. Б. Д. Греков; Предисловие А. Н. Насонова, с. 24.

[7] ПСРЛ. Пг., 1922, т. XV, вып. 1 (Рогожский летописец и Тверской сборник).

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 416.

жеств перед лицом нового нашествия Золотой Орды. В связи с этим в Московский свод 1479 г. введены сведения о набегах Орды на Нижегородское и Рязанское княжества, следствием которых явилось разорение этих княжеств. Летопись уделяет большое внимание оборонительным действиям московского князя Дмитрия Ивановича, который организовал помощь княжествам, подвергшимся нападению. Именно поэтому в летописи уделяется большое внимание бою на р. Воже на территории Рязанского княжества, который завершился поражением золотоордынского войска. Летопись указывает, что эта победа положила начало дальнейшим событиям, приведшим к битве на Куликовом поле. Не прошло двух лет, указывает летописец, как «Ординский князь Мамай с единосмысленники своими с всеми князи Ордынскими и со всею силою Татарскою и Половецкою» организовал новый поход на Русь. Не надеясь на свои силы, он «поинаимовал рати, Бессермене и Армены, Фрязы и Черкасы и Буртасы». В своде появилось указание на союз Орды с литовским князем Ягайлом со всею силою «Литовскою и Лятьскою» [9]. В «одначестве с ними» был князь Олег Рязанский, который будто бы вел сношения с Ордой о военном союзе против Москвы. Летописец указывает, что для отражения нашествия Золотой Орды и ее союзников князь Дмитрий собрал не только силы Московского княжества, но также силы «князей Русских и воевод местных. От начала бо такова сила не бывала князей Русских якоже в се время» [10].

Таким образом, составитель Московского свода 1479 г. снова поднял вопрос о Москве как объединительнице усилий русских княжеств. Московский летописец обратил внимание на то, что в рассматриваемый период сложилась грозная ситуация: «Се бо въсташа на нь три земли и три рати, Татарьская, Литовьская и Рязаньскаа» [11].

Борьба с этой коалицией потребовала от князя Дмитрия и его союзников огромных усилий по сбору сил. Таким образом, победа на Куликовом поле явилась в трактовке Московского свода 1479 г. победой общерусских сил, во главе которых стояла Москва.

Столь же полно события последней четверти XIV в.

[9] ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. XXV (Московский летописный свод конца XV в.), с. 201.
[10] Там же, с. 202.
[11] Там же, с. 203.

отображены в Новгородской IV летописи. Как и Московский свод, Новгородская летопись рассматривает борьбу с Мамаем как общерусское дело, инициатором которой явилась Москва. В этой летописи особенно выпукло показано отступничество Олега Рязанского от своего долга. Летопись называет его «сотонщиком дьяволю советнику отлученному сыне божиа, помраченному тмою греховною...», «поборником бессерменским, лоукавым сыном» [12]. В летописном рассказе большое место отведено освещению попыток Олега установить союз с «поганым Ягайло» и Мамаем. «Душегубивый же Олег нача зло к злу прикладати: посылаше к Мамаю и к Ягайлоу своего си боярина единомысленного антихристова протечу» (Е. Кореева) с предложением соединить свои силы на р. Оке, и таким образом Олег «съвет сътвори с погаными» [13]. Особенно важны страницы летописной повести, показывающие организацию общерусского похода против Мамая. Роль организатора похода взял на себя князь Дмитрий. «И съвокупився с всеми князми рускими и с всею силою и пойде противоу их в борзе с Москвы, и хотя боронити своа отчины». Летопись определяет непосредственные силы московского князя в 100 тыс. человек и «опрично» 50 тыс. приведенными другими князьями и воеводами [14].

Летопись содержит подробное описание марша русского войска, его подготовки к битве и сам ход битвы. Автор летописи указывает на проявленную стойкость и храбрость простых людей, никто «не оубояся никако же, не устрашишася». Наоборот, все были готовы стоять насмерть. Летопись указывает на паническое бегство с поля битвы как золотоордынского войска, так и литовского: «Литва с Ягайлом побегоша назад с многою скоростию ни кем же гоними: не видеша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружиа его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху» [15].

Таким образом, летописцы этого времени развивали идею, что Москва стала наследницей Киева и Владимира. Она нашла отражение не только в Московском своде 1479 г., но и в Новгородской IV и Львовской летописях. Эта идея оплодотворяла национальное самосознание

[12] Там же. Пг., 1915, т. IV, ч. 1, вып. 1 (Новгородская IV летопись), с. 312.
[13] Там же.
[14] Там же, с. 314.
[15] Там же. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 323.

и служила важным духовным оружием в борьбе за национальную независимость и свободу.

Последовавшую за этим неудачу с отражением нашествия Золотой Орды на Москву в 1382 г. летописи объясняли «неодначьством и неимоварьством» русских князей [16], вследствие чего Дмитрий Иванович был вынужден уехать из Москвы в Ростов и Кострому для организации обороны. Причину «неодначества» Львовская летопись объясняет так: «И бысть разньство во князех; одни хотяху, а инии не хотяху — бяху бо мнози от них на Дону избиты, а се царь на них идяше со многою силою, бяше близ уже, яко и совокупитися некогда» [17]. И снова летописцы указывают на неблаговидную роль рязанского князя Олега и суздальских князей.

В летописях второй половины XVI в., когда процесс образования Русского централизованного государства был в основном завершен, события Куликовской битвы излагаются короче и спокойнее. На первый план выдвигается мысль, что эта победа способствовала единению русских земель. Никоновская летопись в доказательство приводит факт, что сразу же после битвы (1 ноября 1380 г.) русские князья, «сославшеся, велию любовь учиниша между собою» [18]. Эта летопись повторяет главные положения Новгородской IV летописи. Антирязанское и антилитовское звучание рассказа об обстоятельствах Куликовской битвы стало традиционным. В то же время все резкие выражения в адрес Олега и Ягайло были опущены. Больше того, в летописях сделаны попытки объяснить поведение рязанского князя желанием уберечь свое княжество от окончательного разорения.

Таким образом, тема Куликовской битвы стояла на первом плане не только в XIV, по и в XV—XVII вв. Она была важнейшим средством идеологической борьбы правящего класса за утверждение руководящей роли в процессе становления Русского централизованного государства. Этому способствовала также церковь, канонизировавшая Дмитрия Донского.

Отдельно стоят сказания о Мамаевом побоище. Их существует несколько редакций, часть которых собрал и издал С. К. Шамбинаго [19]. Сказания представляют

[16] Там же, т. XXV, с. 207.
[17] Там же. СПб., 1910, т. XX, ч. 1 (Львовская летопись), с. 203.
[18] Там же. СПб., 1897, т. XI (Никоновская летопись), с. 61.
[19] *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

собой сводные тексты из различных повестей и поэтических произведений типа «Задонщины». Эти сказания составлялись то при великокняжеских, то при митрополичьем дворах. Поэтому события освещаются под определенным углом зрения. По мере отдаления событий в сказаниях наслаивается все новый материал, нередко искажающий историческую правду. Наиболее ценные повести, помещенные в летописях XV в., были использованы при составлении летописей XVI—XVII вв. (например, Никоновской летописи).

Новый этап в развитии этой темы связан со становлением дворянской историографии в XVIII в.

Первое описание событий XIV в. дал один из крупнейших деятелей петровского времени — В. Н. Татищев. Он доказывал историческую обусловленность самодержавия. Освещение борьбы с золотоордынским игом имело целью доказать, «сколь монаршеское правление государству нашему прочих полезнее» [20]. Стремясь приблизиться к первоисточнику, Татищев широко привлекал летописный материал. Он даже сохранил характер летописного изложения. Привлечение первоисточников, по мнению Татищева, должно было поднять научный уровень истории, чтобы «чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сусчие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся» [21].

Следуя главным образом за Никоновской летописью, Татищев довольно подробно осветил ход событий. Заключая описание Куликовской битвы, Татищев написал: «А ноября 1 вся князи рустии, сославшися межи собою, учиниша межи собою любовь и закляшася всии друг под другом ничего не искати, татаром не клеветати и на Русь не паводити, и асче на кого будет беда от татар, всем за един стояти» [22].

На Татищеве завершается летописный период освещения исторических событий, относящихся к концу XIV в.

* * *

Расцвет дворянской историографии Куликовской битвы падает на XIX столетие. В начале века выступил Н. М. Карамзин. Как и Татищев, он прославлял само-

[20] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941, с. 75.
[21] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. I, с. 81.
[22] Там же. М.: Л., 1965, т. V, с. 151.

державие, видя в нем «палладиум России». Рассмотрев исторический процесс с реакционных позиций, Карамзин сделал вывод, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [23].

«История государства Российского» предстает перед нами как история великих князей и русских царей, как история самодержавия. Карамзин поднимает на щит «сильных» государственных деятелей.

События конца XIV в. как нельзя лучше укладывались в эту схему. Время великого княжения Дмитрия Ивановича, по Карамзину, составляет грань русской истории. С ним историк связывает оформление идеи «искоренить систему уделов» [24], без чего было невозможно приступить к политическому объединению русских земель. На пути стояли Тверь, Рязань и Орда. Главным противником была, конечно, Золотая Орда. Однако, прежде чем ставить вопрос об освобождении Руси от иноземной зависимости, нужно было заставить Тверь и Рязань отказаться от сепаратистских устремлений. В этих целях «великий князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело с тверитянами и с Литвою и Монголами» [25]. В результате успешных походов против Твери великий князь Дмитрий заставил признать за Москвой право на объединение русских княжеств для предстоящей борьбы с Ордой.

Стремление московского князя к освобождению от иноземного ига было расценено Мамаем как опасность для Золотой Орды потерять всю Русь как постоянного данника. Готовясь к походу на Русь, Мамай объявил, «что идет по древним следам Батыя, истребить государство Российское» [26]. Результатом столкновения Руси с Золотой Ордой явилась Куликовская битва. Однако Карамзин считает, что хотя победа над Мамаем была лишь первым шагом в деле освобождения от иноземной зависимости, но она «доказала возрождение сил ее» (России) [27]. Таким образом, впервые Куликовская битва была осве-

[23] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, с. 10.
[24] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. 4-е изд. СПб., 1834, кн. II, т. V, с. 12.
[25] Там же, с. 32.
[26] Там же, с. 56.
[27] Там же, с. 70.

щена как система причинно-следственных связей в целях прославления самодержавия. Дворянская концепция Куликовской победы продержалась до начала XX в.

Концепция Карамзина вызвала отповедь будущих декабристов. Возражая Карамзину, утверждавшему, что история есть продукт деятельности царей, Никита Муравьев писал: «История принадлежит народам» [28]. Опираясь на этот тезис, декабристы вели борьбу с апологией самодержавия путем разработки проблем военной истории. Ф. Н. Глинка предъявлял к военным историкам особые требования. Чтобы понять военную историю своей страны, нужно быть русским «по рождению, поступкам, воспитанию, воле и душой» [29]. Глинка предложил программу истории русского военного искусства, в которой древность занимала важное место. «Начиная от Святослава, гремевшего победами в X веке, искусство в войне не переставало прославлять оружия русского». Он указывал, что был период, когда оно вынуждено было «уступить превосходство силе татар», но вековой враг был разгромлен на Куликовом поле [30].

Идеи декабристов о народе как ведущей силе истории развивали революционные демократы. Касаясь истории периода феодальной раздробленности, В. Г. Белинский писал, что образование Русского государства происходило в период острой борьбы русского народа с монголо-татарами за свою независимость. Он писал, что русский народ в борьбе с иноземными захватчиками «закалял свои силы и создал свою государственность... Дмитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью» [31].

Белинский не уставал подчеркивать, что русский народ смог добиться своего освобождения благодаря единению своих сил: «Дух народный всегда был велик и могущ; это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение

[28] *Муравьев Н. М.* Об «Истории» Карамзина.— В кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 333.

[29] *Глинка Ф.* Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 г.— Сын отечества, 1816, ч. 27, № IV, с. 148.

[30] *Глинка Ф. Н.* Краткое начертание «Военного журнала». СПб., 1816, с. 10.

[31] *Белинский В. Г.* Избранные соч. М., 1947, с. 552.

татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и возрождение России» [32].

Идею Белинского, что главной причиной, способствовавшей созданию Русского государства, является воля народа, его неукротимое стремление к свободе, поддержали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Конечно, такое представление было идеалистическим, но весьма ценным было проявление внимания к деятельности народа. Отмечая эту сторону, Чернышевский писал: «Сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями» [33]. Русский же народ способен «дать себе все, что серьезно захочет» [34]. Он был способен вынести монголо-татарское нашествие, затем он сверг иноземное иго и, наконец, в конце XV в. добился «национального единства». Взгляды Чернышевского разделял Добролюбов. Таким образом, и декабристы, и революционеры-демократы, останавливаясь на событиях последней четверти XIV в., выдвигали на первый план борьбу народных масс за национальное освобождение и расценивали Куликовскую битву как важный этап в создании Русского государства.

Дальнейшее развитие данная тема получила в работах С. М. Соловьева, одного из основоположников буржуазной историографии. Соловьев рассматривал события последней четверти XIV в. через призму борьбы московского князя за единовластие с соседними Тверским и Рязанским княжествами и Литвой. Усиление Московского княжества привело к открытой борьбе с Ордой. «После Вожской битвы московский князь не мог надеяться, что Мамай ограничится местью на Рязанские земли» и повторит Батыево нашествие [35].

Соловьев указывает, что Мамай вступил в союз с Ягайло Литовским, «который имел много причин недоброжелательствовать Московскому князю» [36]. Характерно, что позицию рязанского князя Соловьев рассматривал не как предательство, а как следствие недавнего страшного опустошения, постигшего Рязанское княжество в результате набега Мамая в 1379 г. Олег не надеялся, чтобы

[32] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 12 томах, т. XII, с. 274.
[33] *Чернышевский Н. Г.* Соч. СПб., 1906, т. II, с. 541.
[34] Там же, с. 405.
[35] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. II, с. 284.
[36] Там же.

Дмитрий Московский «дерзнул выйти против татар», и решил только предупредить его, сообщив о появлении Орды у устья р. Воронеж. Рязанский князь полагал, что князь Дмитрий оставит Москву и отойдет либо в Нижний Новгород, либо за Двину [37]. Соловьев приводит версию о плане раздела Московского княжества после его разгрома между Литвой и Рязанью, но говорит об этом осторожно («говорят»). О количестве собранных сил в одном месте приводится цифра 150 тыс. человек: «Собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси,— 150 000 чел.!». В другом месте указывается цифра 400 тыс.

Особенно важна оценка результата битвы. По мнению Соловьева, она служила, с одной стороны, доказательством того, что сформировавшееся Русское государство успело объединиться, окрепнуть — и Куликовская битва послужила доказательством этой крепости,— а с другой — «она была знаком торжества Европы над Азией» [38]. Как и победы в Каталонской битве, где римляне спасли Западную Европу от гуннов, и в Турской битве, где было остановлено нашествие арабов, Куликовская битва имела характер «отчаянного столкновения Европы с Азией, долженствовавшего решить великий в истории человечества вопрос — которой из этих частей света торжествовать над другой». Куликовская битва, в-третьих, служила освещением нового порядка вещей, начавшегося и утвердившегося на северо-востоке [39]. Этот порядок проявился в единстве усилий русских княжеств за национальное освобождение. Но победа граничила с тяжким поражением, так велики были потери. Оскудение в людях «дало татарам еще кратковременное торжество над куликовскими победителями» [40] спустя два года (1382).

Полное развитие буржуазная концепция в XIX в. нашла в работах В. О. Ключевского. Если Соловьев рассматривал географический фактор в качестве одной из причин возвышения Москвы, то Ключевский уже писал, что «исторические силы, работавшие над подготовкой успехов Московского княжества, с первых минут своего существования» проявились в экономических условиях.

[37] Там же, с. 285.
[38] Там же, с. 287.
[39] Там же.
[40] Там же, с. 288.

«Выросши среди внешних гроз и внутренних бед...», Северная Русь «чувствовала потребность в политическом сосредоточении своих неустроенных сил, в твердом государственном порядке, чтобы выйти из удельной неурядицы и татарского порабощения» [41].

В вопросе о роли места событий конца XIV в. Ключевский следовал за Соловьевым. Он повторяет, что тверской князь «неоднократно наводил на Русь Литву, столько зла наделавшую православным христианам, и нередко объединялся даже с поганым Мамаем». «Наконец, почти вся северная Русь под руководством Москвы стала против Орды на Куликовом поле и под московскими знаменами одержала первую народную победу над агарянством. Это сообщило Московскому князю значение *национального вождя* северной Руси в борьбе с внешними врагами» [42].

Пятисотлетие Куликовской битвы было отмечено главным образом представителями дворянской историографии Д. И. Иловайским, Н. С. Голицыным, Д. Ф. Масловским и Н. П. Михневичем.

Принято считать, что основные положения, составлявшие дворянскую концепцию Куликовской битвы, окончательно сформулировал в конце XIX в. Иловайский, но, по сути дела, он ничего нового по сравнению с Карамзиным не дал. Иловайский рассматривал объединение сил вокруг Московского княжества как естественный союз северорусских княжеств против исконного врага. По его мнению, особенно важным для Москвы был союз с Рязанью, которая прикрывала Московское княжество от монголо-татарского нашествия [43]. Князь Дмитрий надеялся на сохранение этого союза. Собирание всех сил было следствием необходимости: «наученные горьким опытом и смиренные тяжким игом северорусские князья покорно и единодушно идут за своим вождем; они понимают, что в их единении заключается главная сила русской земли» [44]. Тем опаснее была измена Олега, которая, однако, не поколебала «решения и бодрости» князя Дмитрия [45]. В то же время Иловайский считал, что князь Олег не выступал активно на стороне Мамая против русской рати,

[41] *Ключевский В. О.* Соч. М., 1957, т. II, ч. 2, с. 47.
[42] Там же, с. 23.
[43] *Иловайский Д. И.* История России. М., 1884, т. 2, с. 119.
[44] Там же, с. 123.
[45] Там же, с. 116.

поэтому проклятия, высказанные в ряде летописей, напрасны [46].

Голицын дал разбор Куликовской битвы с военно-исторической точки зрения. Он считал, что столкновения с Ордой были вызваны «открытой войной и беспрестанными вторжениями последней, соединенной с варварством» [47]. Когда положение стало невыносимым, против Золотой Орды поднялась Московская Русь. Голицын подчеркнул, что Мамай надеялся не только на силы татар, а усилил свое войско половцами, хорезмийцами, турками, ясами, касогами, буртасами, армянами и генуэзцами. Он обратил внимание также на то, что Мамай хотел использовать противоречия между московским князем, с одной стороны, литовским князем Ягайло и поддерживавшим его тверским князем — с другой [48]. Он указал на двойственную позицию рязанского князя. Довольно много места занимает обзор хода военных действий, в основном повторяющий описание Карамзина.

Более подробный анализ этого выдающегося события в жизни русского народа дал Масловский. Обращает на себя внимание наличие в его статье раздела, характеризующего состояние русского войска. Масловский ошибочно считал, что русское войско в XIV в. состояло главным образом из конных полков, пехота же была немногочисленной [49]. Он остановился на проблемах стратегии князя Дмитрия и с этой позиции разобрал его действия по сосредоточению сил и движению их к Куликову полю.

Любопытно, что Масловский считает выбор позиции и расположение русских войск на Куликовом поле неудачными, так как в случае поражения могло погибнуть все войско Дмитрия Донского. В определении численности русских войск Дмитрия Донского Масловский отмечает преувеличения летописей и останавливается на цифре 100—150 тыс. [50] Особенно интересна та часть критического разбора, которая связана с характеристикой плана Дмитрия Донского и ходом сражения [51]. В целом Маслов-

[46] Там же, с. 128.
[47] *Голицын Н. С.* Русская военная история. СПб., 1877, ч. 1, с. 181.
[48] Там же, с. 183—184.
[49] *Масловский Д. Ф.* Из истории военного искусства в России: Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 г. до Куликовской битвы включительно.— Военный сборник, 1881, № 8, отд. 1, с. 215.
[50] Там же, с. 220.
[51] Там же, с. 224—225.

ский высоко оценивает военное искусство русских войск этого времени.

На рубеже XIX—XX вв. исследователи вновь вернулись к событиям конца XIV в. В последние десять лет XIX в. в военной историографии происходила борьба между так называемыми русской и академической школами в области военной истории. Представители русской школы стремились утвердить «русские начала» в русской военной истории. Их работы в значительной степени содействовали раскрытию процесса развития русского военного искусства. Наиболее крупным историком данного направления был Михневич. Он считал, что «наше военное искусство почти никогда не уступало западноевропейскому, а весьма часто шло впереди, давало направление, новые идеи в области тактики и стратегии...» [52]. Книга Михневича открывается сравнительной характеристикой Куликовской битвы и битвы при Кресси (1346 г.). Из этого сравнения Михневич делал вывод, что русское военное искусство в средние века было выше западноевропейского.

Таким образом, дворянские и буржуазные историки XIX — начала XX в. сосредоточили главное внимание на изучении процесса образования Русского государства и на выявлении роли великого князя Дмитрия в объединении русских княжеств для борьбы с Золотой Ордой. Эти события излагаются под углом зрения необходимости укрепления абсолютизма в России. Историков мало занимала проблема освещения участия народных масс в борьбе Руси за национальное освобождение. Остались неосвещенными и международные отношения, складывавшиеся в рассматриваемый период.

Новую трактовку Куликовская битва получила в советской историографии. При этом следует сказать, что она сложилась не сразу. В работах историков 20-х годов, когда шла борьба против дворянско-буржуазных концепций, Куликовская битва получила негативную оценку.

В изложении М. Н. Покровского московский князь воспользовался смутным временем в Золотой Орде (1357—1362 гг.) и выказал неповиновение Сараю. Московский князь начал с того, что привел «в свою волю» нижегородского и ростовского князей и выгнал галицкого князя.

[52] *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898, с. 7.

Действия Дмитрия Донского были признаны опасными для Орды. Усилившись, Мамаи начал в противовес Москве поддерживать тверского князя. Московский князь стал наступать на Тверь и Рязань. Следствием победы над ними явилось утверждение за Москвой руководящей роли. Таким образом, Покровский рассматривал Куликовскую битву как княжеское восстание против Золотой Орды под главенством московского князя [53]. Полагая, что интересы борьбы с Золотой Ордой не могли играть значительной роли в истории сплочения Руси вокруг Московского княжества, Покровский считал Куликовскую битву событием, не имевшим особого значения в истории. По этой причине он почти обходит молчанием данное событие в основных своих работах, и прежде всего в «Русской истории с древнейших времен».

Проблема борьбы народных масс за национальную независимость не укладывалась в разработанную им схему образования Московского государства, в которой определяющими силами были князья и церковь. «Московский князь,— писал Покровский,— опирался, с одной стороны, на свое богатство, с другой — на татар, с третьей — на поддержку церкви и сделался понемногу главой всех русских князей» [54]. Об участии народных масс в борьбе за национальную независимость на Куликовом поле Покровский умолчал. Они появляются только при освещении им обороны Москвы во время нашествия Тохтамыша в 1382 г.

Историческая концепция Покровского не встретила поддержки историков-марксистов. Резкое возражение вызвало его утверждение, что монголо-татары сыграли прогрессивную роль в образовании Русского централизованного государства и что в создании самодержавия главная роль принадлежит «торговому капиталу».

Решение ЦК ВКП(б) 1934 г. о преподавании истории в школе потребовало отказа от социологических схем, основанных на антимарксистской концепции истории России. Она подвергалась резкой критике.

С критикой взглядов Покровского о роли и месте Куликовской битвы выступил А. Н. Насонов. Он указал, что открытая борьба с монголами в истории сплочения Руси вокруг Москвы сыграла огромную роль. И хотя на

[53] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933, вып. 1.

[54] *Покровский М. Н.* Избранные произведения. М., 1967, кн. 3, с. 43.

Куликовом поле против Орды «бились главным образом силы Московского княжества и «земли великого княжения Владимирского», присоединенного к территории Московского княжения при Дмитрии Ивановиче... Тем не менее Куликовская битва по своему значению явилась общенародным делом» [55]. Насонов подчеркивал, что «благодаря усилиям Мамая крупные княжества — Тверское, Нижегородское — находились во вражде с Москвой и в походе не участвовали. Олег Рязанский перешел на сторону татар» [56]. Тем не менее одержанная победа имела общерусское значение.

После Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. резко возрос интерес к историческому прошлому. Особенно большое внимание было уделено борьбе народных масс за свою свободу и независимость. В 1949 г. вышел сборник «Воинские повести Древней Руси», в котором вновь была опубликована «Задонщина». Комментируя это произведение, В. П. Адрианова-Перетц отметила выдающуюся роль Куликовской битвы, показавшей, что начавшееся объединение русских княжеств несло в себе залог освобождения от иноземного ига. Больше того, «Куликовская победа утвердила вместе с тем окончательно за Московским княжеством первенство в «собирании» русской земли» [57]. Адрианова-Перетц указывает на одну особенность «Задонщины». В этом произведении, говорит она, нет ни одного слова о действиях Олега Рязанского и Ягайло Литовского. Причиной этого, считает Адрианова-Перетц, было стремление автора «Задонщины» представить картину полного единения «Руси великой», заставившего «поганых» «оружия своя» повергнуть «на землю», а «главы своя» преклонить «под мечи руские» [58]. Спустя десять лет вышел сборник «Повести о Куликовской битве». Это была очень важная публикация. М. Н. Тихомиров отметил, что Куликовская битва 1380 г. была «великой победой русского народа». Она стала поворотным моментом в его борьбе [59] с иноземным игом. В этой борьбе Москва и

[55] *Насонов А. Н.* Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского.— В кн.: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940, ч. 2, с. 85.
[56] Там же.
[57] Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949, с. 143.
[58] Там же, с. 157.
[59] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 374.

москвичи выступили «главными защитниками русских земель» [60]. Правда, Тихомиров указывал, что степень объединения русских земель вокруг Москвы в конце XIV в. не следует преувеличивать: хотя Московское княжество и заняло в это время первое место, однако такие княжества, как Тверское, Рязанское, Нижегородское и Смоленское, а также Новгород и Псков продолжали самостоятельную политику и вступали в конфликт с Москвой. Следствием этого явилось длительное сохранение феодальной раздробленности и междоусобицы.

Тихомиров отметил, что по установившейся традиции «поход Мамая на Русь обычно изображается только как столкновение Золотой Орды с крепнущей Россией, вне международных событий конца XIV в. И в этом случае победа русских войск на Дону представляется явлением выдающимся». Между тем положение Руси было значительно более сложным и опасным, так как «коалиция золотоордынского хана и литовского великого князя была поистине грозной силой, угрожавшей всей России, в том числе рязанским и тверским землям, князья которых не поддержали московского князя», «отстаивая самостоятельность своих княжений, в ущерб русскому народу в целом» [61].

Выводы Тихомирова получили развитие в работах В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина. Пашуто поставил в связь борьбу русского народа с Золотой Ордой с борьбой против попыток немецкого Ордена навязать Руси свое господство. Говоря о значении Куликовской битвы, Пашуто подчеркнул, что «победа русского народа на Куликовом поле закрепила за Москвой значение основного центра воссоединения земель Древней Руси, положила начало освобождению от татарского ига Руси и других народов нашей страны; она дала и народам Прибалтики, подвластным немецкому Ордену, пример освободительной борьбы» [62].

Вопрос о борьбе русского народа с Ордой Л. В. Черепнин рассматривал в связи с усилением роли Московского княжества в деле объединения русских земель. При этом он подчеркнул, что «национально-освободительная

[60] Там же, с. 340.
[61] Там же, с. 351.
[62] *Пашуто В. Т.* Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XV вв.— В кн.: Страницы боевого прошлого. М., 1968, с. 34.

борьба русского населения против иноземных вторжений одновременно направлялась и против тех русских князей и феодалов, которые таким вторжениям содействовали» [63].

Начало 70-х годов XIV в., указывает Л. В. Черепнин, ознаменовалось усилением национально-освободительной борьбы в русских княжествах. Против Золотой Орды вспыхнули народные восстания в Нижнем Новгороде и Рязани, а в 1374 г. московский князь порвал мир с Мамаем. По существу московское правительство уже в это время перешло от оборонительных мероприятий по защите рубежей к активным действиям, что проявилось в походе Дмитрия Ивановича против болгар и в поддержке тех сил в соседних княжествах, которые тяготели к Москве. Активизация Москвы привела к столкновению на реках Пьяне (1377 г.) и Воже (1378 г.). В процессе борьбы с Золотой Ордой происходила консолидация сил русских княжеств вокруг Московского княжества. Однако феодальные противоречия мешали объединению всех сил. Это использовал Мамай, который «договорился с великим князем литовским Ягайлом Ольгердовичем и с великим князем рязанским Олегом Ивановичем о том, что они предоставят ему военную помощь» [64].

Черепнин склоняется к признанию, что стремление князя Олега к установлению союзных отношений с Ордой было продиктовано желанием оградить Рязанскую землю от нового погрома. В отношении же позиции литовского князя Ягайло он подчеркнул агрессивный характер действий Литвы. Черепнин указал на то, что на борьбу с Мамаем выступили все социальные круги («вся люди»), что и обусловило возможность составления достаточно сильного войска, способного противостоять мамаевой Орде и добиться полной победы, которая, правда, досталась дорогой ценой. «Куликовская битва,— делает вывод Черепнин,— была переломным моментом в борьбе Руси за свою независимость, в образовании Русского централизованного государства» [65].

Краткий обзор оценок Куликовской битвы в русской и советской литературе свидетельствует о том, что эта тема всегда привлекала пристальное внимание историков. Оценка же значения Куликовской битвы определялась

[63] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 582.
[64] Там же, с. 599.
[65] Там же, с. 622.

господствующими взглядами на исторический процесс. Во всяком случае данная тема служила средством идеологической борьбы господствующих классов. Это и определяло развитие дворянской и буржуазной концепций.

Таким образом, первый этап историографии темы составляли повести и сказания, характеризующие битву с позиций провиденциализма; второй этап составила дворянская историография, раскрывающая проблему с позиций легитимизма. Источником единения было объявлено монархическое начало. Буржуазная историография сделала попытку показать единение княжеской власти и народа в борьбе против иноземного ига. Советская историография выдвинула тезис о решающем значении народных масс в борьбе за национальное освобождение. Сама же Куликовская битва рассматривалась советскими историками как переломный момент в жизни русского народа.

Однако при всем положительном значении достижений советской историографии в трудах исследователей не получили должного освещения, хотя и были затронуты в отдельных работах, такие проблемы, как процесс складывания внутренних связей, обуславливающих возможность объединенного выступления русских княжеств в решающий момент борьбы, недостаточно полно были освещены международные связи и отношения северорусских княжеств с соседним Литовско-Русским государством, с другими государствами, вследствие чего не было обращено внимание на международное значение победы на Куликовом поле; нечетко была раскрыта связь событий четвертой четверти XIV в. с последующим ходом исторического процесса; наконец, не была раскрыта в полной мере военная сторона вопроса.

В. А. Кучкин

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ ПЕРЕД КУЛИКОВСКОЙ БИТВОЙ

Княжичу Дмитрию — будущему Донскому — едва сравнялось 9 лет, когда 13 ноября 1359 г. умер его отец великий князь московский и владимирский Иван Иванович Красный [1]. Из всех потомков Всеволода Большое Гнездо, занимавших к середине XIV в. княжеские столы в Северо-Восточной Руси, Иван Красный был самым могущественным.

Князь Иван стоял во главе московского княжеского дома, которому принадлежало среднее по размерам своей территории, но одно из самых населенных северо-восточных княжеств. В 50-е годы XIV в. Московское княжество простиралось от верховьев рек Москвы и Гжати на западе до истоков р. Нерской и среднего течения р. Цны, левого притока р. Оки, на востоке, от верховьев рек Клязьмы и Вели на севере до р. Протвы и р. Оки ниже протвинского устья на юге. Самыми населенными в княжестве были земли, прилегавшие к р. Москве. Не случайно, что именно на этой реке стояли все тогдашние города Московского княжества: в верхнем течении р. Москвы — Можайск, захваченный в 1303 г. Юрием Московским у смоленских князей [2], в среднем — сама Москва и превратившийся в город при Иване Красном Звенигород [3],

[1] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 100, под 6867 г. мартовским. Дмитрий Донской родился 12 октября 1350 г. (Там же, с. 97, под 6858 г. мартовским). О датах см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963, с. 351.

[2] ПСРЛ, т. XVIII, с. 86.

[3] В духовных грамотах великого князя Ивана Ивановича фигурирует «Звенигород со всѣми волостми, и с мытомъ, и съ селы, и з бортью, и с оброчники, и с пошлинами» (ДДГ. М.; Л., 1950, № 4, с. 15; ср. с. 17). Такая формула применялась для обозначения городов с относящимися к ним округами. В более ранних духовных грамотах Ивана Калиты Звенигород — одна из волостей, завещанных его второму сыну — тому же Ивану Ивановичу (Там же, № 1, с. 7, 9).

в нижнем течении — отторгнутая в 1306 г. от Рязанского княжества Коломна[4]. Все четыре города (Москва — в совместном владении с племянником Владимиром Андреевичем) принадлежали великому князю Ивану.

Хотя великокняжеские владения, включавшие в свой состав не только указанные города, но и многочисленные волости, были весьма значительны, они охватывали не всю территорию Московского княжества. В 50-е годы XIV в. здесь сохранялись уделы и других членов местной правящей династии. Так, мачехе великого князя Ивана Ивановича, второй жене Ивана Калиты Ульяне с дочерью принадлежали земли на севере Московского княжества в бассейнах рек Истры, верхней Клязьмы, Вори, а также волости на восток от Москвы по рекам Гжели, Вохонке и Дрезне. Кроме того, великая княгиня Ульяна владела несколькими селами близ Москвы и в московской округе, или «уезде»[5], к которому относилась территория радиусом в 40—60 км от города.

Другая вдовая великая княгиня Мария, жена старшего брата Ивана Ивановича Симеона Гордого, владела коломенскими волостями, лежавшими по нижнему течению р. Москвы и ее притокам рекам Тре (Отре), Северке, Нерской, Мезыне, левому притоку р. Оки р. Каширке, а также землями на юго-западе Московского княжества по среднему течению р. Лужи и по р. Береге[6]. Как и у княгини Ульяны, у Марии было несколько сел в московской округе и около самой столицы. Ей, в частности, принадлежали села Напрудское, позднее слившееся с городом, и Малаховское[7].

Южные волости Московского княжества составляли удел малолетнего племянника князя Ивана, сына его младшего брата Андрея княжича Владимира. Его владения охватывали бассейны рек Лопасни и Нары, р. Пахры

[4] ПСРЛ, т. XVIII, с. 86—87, под 6815 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 276—277, 351. Хотя в исторической литературе присоединение Коломны к Москве обычно относят к 1300 г., эта дата имеет под собой значительно меньше оснований, чем 1306 г.

[5] *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901, ч. I, с. 18—21.

[6] ДДГ, № 4, с. 15, 16. О местоположении юго-западных волостей княгини Марии Забереги и Заячкова см.: *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, с. 56 и прим. 13.

[7] ДДГ, с. 15; *Дебольский В. Н.* Указ. соч., ч. I, с. 11.

и ее притоков рек Десны, Мочи и Рожаи, а также верховья р. Северки [8]. Близ Москвы стояли такие села Владимира Андреевича, как Ногатинское и Коломенское [9]. В московском «уезде» у княжича были и другие села [10]. Младший внук Ивана Калиты имел свою часть даже в самой столице. Речь идет не о территориальном членении города между потомками Калиты, а о делении на доли различных доходов, получаемых с московского населения: тамги, мыта, различных судебных пошлин. Княжичу Владимиру принадлежала сначала четвертая, а затем третья часть таких доходов [11]. Остальные поступали в казну великого князя.

Кроме того, великий князь Иван имел право получать с уделов Московского княжества монголо-татарскую дань — выплачиваемый налог (выход, или харадж) Золотой Орде [12]. Он командовал объединенными вооруженными силами княжества и ведал всеми внешнеполитическими вопросами. Но не только на этом зиждилось могущество Ивана Ивановича Красного. Второй сын Ивана Калиты, будучи московским великим князем, одновременно занимал стол великого княжества Владимирского.

Со времен Андрея Боголюбского основанная в начале XII в. Владимиром Мономахом небольшая крепость Володимерь на р. Клязме превратилась в главный город Северо-Восточной Руси. Так было до нашествия Батыя, так продолжалось и в ордынский период. «Град славный Володимерь, стол земля Русскыя» — так писал о Владимире летописец даже в начале XV в., когда блеск возвышавшейся Москвы начинал затмевать историческое прошлое более древних городов [13]. С установлением монголо-татарского господства над Русью Владимирское великое княжество, сохраняя свое первенствующее политическое положение среди остальных северо-восточных земель, сделалось объектом постоянных притязаний со

[8] *Дебольский В. Н.* Указ. соч., ч. I, с. 16—17, 24.

[9] ДДГ, № 4, с. 15; № 1, с. 9. О местоположении этих сел см.: *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 34; *Дебольский В. Н.* Указ. соч., ч. I, с. 17.

[10] ДДГ, № 4, с. 15; № 1, с. 9.

[11] Там же, № 2, с. 11; № 4, с. 15.

[12] Ср.: Там же, № 5, с. 20. Впрочем, непосредственный сбор татарской дани с населения московских уделов осуществлялся данщиками удельных, а не великих князей, но собранные деньги вносились в великокняжескую казну.

[13] ПСРЛ. Пг., 1922, т. XV, вып. 1, стб. 186; ср. также стб. 181.

стороны целого ряда русских князей. Последнее объясняется тем, что Орда установила свой контроль над владимирским столом. Она не допускала превращения Владимирского великого княжества в наследственное достояние какой-либо княжеской династии. Владимирское княжество передавалось ханами лишь в управление, причем таким князьям, которые щедрее других раздавали подарки ханам и их окружению, которые обязывались выплачивать бо́льшую дань Орде, проводили угодную ей политику. Впрочем, от этого великое княжение не теряло своей притягательной силы. С обладанием Владимирским княжеством связывались определенные политические прерогативы. Занимавший владимирский стол князь считался старшим среди остальных князей Северо-Восточной Руси: он возглавлял ее объединенные военные силы, руководил дипломатией в тех, правда, редких случаях, когда дело касалось интересов всех княжеств, в его казну поступал ордынский выход с большинства русских земель, который затем отвозился в Сарай [14]. Управление великим княжеством давало также возможность эксплуатировать обширные, богатые природными ресурсами земли.

Хотя территория Владимирского княжества за время ордынского господства не оставалась неизменной, то сужаясь, то расширяясь, в 50-е годы XIV в. она была весьма обширной. Помимо стольного Владимира, она включала в свой состав такие центры, как бывшие еще в первой половине XIV в. столицами самостоятельных княжеств города Переяславль и Юрьев Польский, стоявший на восточной окраине Владимирщины древний Ярополч, богатейшие соляные месторождения средневековой Руси в районе Нерехты и Соли Великой (позднее — Большой), а также протянувшиеся почти до Кубенского озера заволжские земли с центром Костромой [15].

[14] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 100; ср. с. 63, 66—67, 76.

[15] Территория бывшего Переяславского княжества слилась с территорией великого княжества Владимирского, вероятно, в 1305 г. Во всяком случае, в 1317 г. Переяславль был уже великокняжеской территорией (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 37). Последнее упоминание о юрьевском князе — под 1340 г. (Там же, стб. 52). После этого Юрьев вошел в состав великого княжения (*Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891, т. II, с. 260). О Ярополче см.: ДДГ, № 13, с. 38 (распоряжается великий князь). Кострома как великокняжеское владение фигурирует в рассказе 1305 г. (ПСРЛ, т. XVIII, с. 86).

Со времен Ивана Калиты великокняжеской стала Стретенская половина Ростова [16]. Это была восточная часть собственно города Ростова. Западная, Борисоглебская половина, названная так по стоявшей в ростовском Кремле церкви Бориса и Глеба, оставалась в руках местного князя [17].

Носители титула великого князя владимирского становились, как правило, и князьями новгородскими [18]. Правда, власть князя в Новгороде Великом была ограничена республиканскими и местными церковными органами правления, но тем не менее за князем сохранялись права и определенные доходы с ряда новгородских земель, а также право на управление великокняжескими частями территорий Волока Ламского, Торжка, а с XIV в.— и Вологды [19].

Помимо Московского и великого княжества Владимирского, Иван Красный, по-видимому, имел ханские ярлыки на управление Углицким и Галицким княжествами. В отношении Галицкого княжества это подтверждается записью на известном Галицком евангелии, которое было написано 22 февраля 1357 г. «грешным Фофаном» «въ град(ѣ) в Галичѣ при княженьи великого князя Ивана Ивановича» [20]. Лет за сто до этого Галицкое княжество составляло единое целое с Дмитровом, но к 30-м годам XIV в. обособилось и стало самостоятельным княжеством [21–22]. Оно занимало довольно значительную, богатую соляными источниками, но малонаселенную территорию с городами Галичем Мерским, Чухломой и, вероятно, Солью Галицкой.

Галицкое княжество считалось «куплей» Ивана Калиты [23]. «Купля» означала, скорее всего, владение княжеством по ханскому ярлыку [24]. К таким «куплям», сделан-

[16] ГИМ, собр. И. Е. Забелина, № 262 (503), л. 237.

[17] Дозорные и переписные книги древнего города Ростова, изд. А. А. Титова. М., 1880, с. 31 и план г. Ростова. О владении ростовскими князьями Борисоглебской половиной города и в XV в. см.: ПСРЛ. Пг., 1924, т. XXIV, с. 194; РИИР. М., 1977, вып. 2, с. 97.

[18] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 66, 93.

[19] ГВНП. М.; Л., 1949, с. 27, 29; 17, 25 (Вологда).

[20] ГИМ, Синод. № 68, л. 178 об.

[21–22] Ср.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 47, под 6843 г.

[23] ДДГ, № 12, с. 34.

[24] *Кучкин В. А.* Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в.— Исторические записки, М., 1974, вып. 94, с. 377—378.

ным тем же Калитой, относилось и Углицкое княжество [25]. Это было небольшое княжество, занимавшее территорию преимущественно по левому берегу р. Волги, в бассейне притока последней р. Корожичны, верхнему течению р. Сити и р. Сутке с захватом и небольшой части волжского правобережья [26]. Можно догадываться, что после Ивана Калиты Углицким княжеством по-прежнему управляли князья московского дома: сначала Симеон Гордый, а затем Иван Красный. Благодаря контролю над Угличем московские князья получали доступ к наиболее оживленной части волжского торгового пути от Ржевы до Костромы.

Не имея возможности превратить территорию великого княжества Владимирского в наследственное достояние, московские князья, занимавшие владимирский стол, стремились внедриться в эту территорию путем покупки и приобретения отдельных сел. Такие села становились уже полной собственностью московских Даниловичей и могли передаваться по наследству. Источники XIV в. фиксируют ряд принадлежавших московским князьям сел в различных районах Владимирского княжества: близ самого Владимира [27], в Переяславле [28], на Костроме [29], в Юрьеве [30]. Мало того, московские князья сумели приобрести села и в таких формально суверенных княжествах, как Ростовское [31] и Дмитровское [32]. Все эти села служили не только источниками обогащения московских князей, но и очагами распространения и упрочения их власти в княжествах, которые им не принадлежали.

Таким образом, в руках великого князя Ивана Ивановича сосредоточивалась власть над весьма значительной территорией, в несколько раз превышавшей размеры его «отчины» — Московского княжества и, вероятно, в десятки раз — собственных владений князя Ивана внутри Московского княжества.

.....

[25] ДДГ, № 12, с. 34.
[26] *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 65.
[27] ДДГ, № 1, с. 10 — с. Борисовское.
[28] Там же, № 3, с. 14 — с. Самаровское и с. Романовское на Кержаче.
[29] Там же, № 1, с. 10 — с. Александр святой.
[30] Там же, с. Варварское и с. Меловское; № 3, с. 14 — с. Ортаковское.
[31] Там же, № 1, с. 10 — с. Богородичское.
[32] Там же, № 3, с. 14 — безымянное село «в Дмитровѣ», купленное Симеоном Гордым у князя Ивана Друцкого.

Пределы других княжеств, на которые в XIV в. делилась Северо-Восточная Русь, были много скромней территорий, контролировавшихся Москвой.

На северо-западе к переяславским волостям Владимирского великого княжества примыкала территория великого княжества Тверского. Земли этого княжества, сыгравшего крупную роль в исторических судьбах Северо-Восточной Руси, тянулись неширокой полосой вдоль р. Волги от стоявшего на ней Зубцова до основанного позднее, уже в XV в., Калязина, захватывая пространства в 15—90 км от волжских берегов. Несколько уступая в размерах территории Московскому княжеству, Тверское княжество превосходило его количеством городов. Помимо стольного города Твери, источники фиксируют в XIV в. и в более ранние периоды такие города Тверского княжества, как Кашин [33], Зубцов [34], Старица [35], Клин [36], Холм [37], Микулин [38], Кснятин [39], Хорвач (позднее Новый Городок) [40], Белый Городок [41]. Впрочем, два последних города, будучи, несомненно, центрами феодального властвования, в 50-е годы XIV в. как ремесленно-торговые пункты имели, видимо, небольшое значение [42].

В рассматриваемое время Тверское княжество управлялось потомками казненного по приказу хана Узбека в 1318 г. в Орде князя Михаила Ярославича. Главный, тверской стол занимал младший сын этого князя Василий [43]. Помимо собственно Твери и относившихся к ней волостей, князь Василий Михайлович владел еще Кашином, выделенным ему по завещанию отца [44].

.....

[33] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 55, под 6852 г.
[34] Там же, стб. 93.
[35] Там же. СПб., 1863, т. XV, стб. 456.
[36] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 185; ср. стб. 37.
[37] Там же. СПб., 1885, т. X, с. 218.
[38] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 111.
[39] Там же. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 388.
[40] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 87; *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887, с. 34.
[41] ПСРЛ. Пг., 1915, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 303.
[42] *Рикман Э. А.* Обследование городов Тверского княжества.— КСИИМК, 1951, вып. XLI, с. 78, 84—85.
[43] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 481; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 67—69.
[44] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 39 (о духовной грамоте Михаила Ярославича, по которой его отчина — Тверское княжество — была разделена между сыновьями); ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 49, 87—88.

Невестка и племянники Василия Кашинского — жена и дети другого убитого в Орде тверского князя Александра Михайловича [45] — владели землями на юге Тверского княжества. Княгине Анастасии, ее сыновьям Всеволоду, Михаилу, Владимиру и Андрею принадлежали Холм, Микулин [46] и, как можно думать на основании некоторых более поздних фактов, Старица с Зубцовом. Это был единый удел всей семьи Александра Михайловича. Его вдова и сыновья осуществляли коллективный княжеский суверенитет в рамках принадлежавшей им территории [47].

В 50-е годы XIV в. в Тверском княжестве жили и другие потомки Михаила Ярославича. Речь идет о детях его третьего сына Константина, с небольшим перерывом занимавшего тверской стол в 1328—1346 гг. [48]

У Константина остались сыновья Еремей и Семен [49]. Правнуки Еремея князья Юрий и Осип носили прозвища Дорогобужских [50]. Основываясь на этих прозвищах, историки считали, что центром владений в Тверском княжестве Юрия и Осипа, а следовательно, и их предков был Дорогобуж. Со времен Н. М. Карамзина принято отождествлять этот Дорогобуж с с. Дорожаевом [51]. Однако отождествление, сделанное не по совпадению, а лишь по созвучию наименований, не может считаться корректным. К тому же с. Дорожаево никогда не было каким-либо административным центром [52].

В 1965 г. выяснилось, что свои прозвища князья Юрий и Осип унаследовали от отца, который в первой половине XV в. получил от великого князя литовского в кормление смоленский город Дорогобуж и ряд смоленских волостей, почему и стал Дорогобужским [53]. Основываясь

.....

[45] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 50—51.

[46] Там же, т. X, с. 218; т. XV, вып. 1, стб. 75.

[47] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 192—193 и прим. 1 на с. 192.

[48] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 476—478 (дата смерти Константина у Экземплярского указана неверно — ср.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 57).

[49] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 478.

[50] ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. XXV, с. 228; т. XVIII, с. 230; т. XV, стб. 498.

[51] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Изд. И. Эйперлинга. СПб., 1842, кн. II, т. V, прим. 9 (здесь это село названо не совсем верно — Дорожево); *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 515.

[52] ПКМГ. СПб., 1877, ч. 1, отд. II, с. 103 (с опиской в названии), 236.

[53] *Флоря Б. Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского.— Советское славяноведение, 1965, № 2,

на свидетельстве польского историка XVI в. Матвея Меховского о существовании в составе Тверского Клинского княжества, Б. Н. Флоря высказал мысль, что уделом предков Дорогобужских князей был Клин [54]. Это заключение подтверждается другими данными, хотя и более позднего времени. Известен живший в 80-х годах XV в. праправнук князя Еремея Константиновича князь Андрей Семенович Чернятинский [55]. Его прозвище сопоставляется с двумя селами Чернятинами, расположенными недалеко от Клина [56]. Эти поздние остатки родовых владений свидетельствуют о том, что предки А. С. Чернятинского действительно княжили в Клину.

Клинский удел занимал юго-восточную часть Тверского княжества. Он простирался примерно от р. Ламы, правого притока р. Шоши, до стоявшего на правом берегу р. Волги, при впадении в нее р. Хотчи, Белого городка [57]. Как показывает летописное описание тверских событий второй половины 60-х годов XIV в.[58], Клинское княжество было поделено между Еремеем и Семеном Константиновичами, причем Семен владел, видимо, его северной частью.

Таким образом, в то время, когда малолетний Дмитрий Иванович стал московским князем, Тверское княжество, постоянно соперничавшее с Москвой за верховенство в Северо-Восточной Руси, было разделено на ряд владений. Наибольшее из них принадлежало тверскому великому князю Василию Михайловичу Кашинскому, остальные три — семейству покойного князя Александра Михайловича и Еремею и Семену Константиновичам.

Феодальное дробление Тверского княжества вызвало ожесточенную междоусобную борьбу тверских князей.

с. 57. Данные о смоленских кормлениях князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского были опубликованы М. К. Любавским (*Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, с. 274).

[54] *Флоря Б. Н.* Указ. соч., с. 57.

[55] *Милюков П. Н.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, с. 15.

[56] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876, с. 28.

[57] С Белым городком следует отождествлять тот Городок на р. Волге, который поставил в 1366 г. тверской великий князь Михаил Александрович, стремясь закрепить за собой владения князя Семена Константиновича (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 81 и 87).

[58] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 79, 81, 84, 87, 90.

Борьба эта началась в 1346 г.[59] и длилась много лет. Она выражалась в попытках князей, занимавших великокняжеский тверской стол, ограничить власть князей удельных и усилить свою собственную. Речь, таким образом, шла о централизации власти в княжестве. Но, поскольку соперничавшие князья опирались одни на Литву, другие на Москву и все контролировались Ордой, противоборство их выходило за собственно тверские рамки и долго не приводило к победе одной из сторон. Москва поддерживала Василия Кашинского[60]. Ему противостояла семья Александра Михайловича, старший сын которого Всеволод с помощью Литвы отстаивал независимость отцовского удела, а в один из благоприятных моментов даже занял тверской стол[61]. После смерти союзника князя Василия Ивана Ивановича Московского враждующие стороны помирились и в 1360 г. «раздѣлишася волостьми», причем Тверь осталась за кашинским князем[62].

На востоке владимирские земли граничили с еще одним великим княжеством Северо-Восточной Руси — Нижегородским. Это княжество было образовано в результате политической акции Орды. В 1341 г. хан Узбек передал находившиеся дотоле в составе великого княжества Владимирского территории Нижнего Новгорода и Городца суздальскому князю Константину Васильевичу[63]. В результате такого действия Орды было ослаблено великое княжество Владимирское, т. е. управлявшие этим княжеством и набиравшие силу московские князья, поскольку из-под их контроля как великих князей владимирских уходила большая территория. Кроме того, на восточной окраине русских земель возникало новое крупное государственное образование, князь которого, опираясь на поддержку монголо-татар и собственные значительные ресурсы, мог вести политику, не согласованную с политикой остальных русских княжеств. Акция Орды препятствовала, таким образом, развитию центростремительных тенденций в Северо-Восточной Руси.

В 50-х годах XIV в. Нижегородское княжество простиралось от р. Нерли Клязьминской и ее правого при-

[59] ПСРЛ, т. X, с. 217.
[60] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 65—66.
[61] Там же, т. X, с. 220.
[62] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 69.
[63] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 97—98.

тока р. Ирмеса на западе до р. Суры и ее левых притоков рек Пьяны и Киши на востоке, от Унжи на севере до Сары (поселения в среднем течении р. Суры) на юге. Она включала в свой состав такие города, как Нижний Новгород[64], Суздаль[65], Городец[66], Гороховец[67], Бережец[68] и, вероятно, Унжу[69]. Впрочем, заселена и освоена эта значительная территория была неравномерно.

Наиболее населенной и окультуренной являлась древняя округа г. Суздаля. Знаменитое суздальское ополье заключало в своих пределах много старинных крупных сел[70], зато районы, расположенные всего в 25—30 км к востоку и северу от Суздаля, представляли собой большие лесные массивы с мелкими и редкими точками поселений[71]. По-видимому, столь же редко были заселены относившиеся к Суздалю районы верхних течений рек Уводи, Тезы и Луха. Малоосвоенной оставалась и остальная территория княжества. Даже близ Городца и Нижнего Новгорода к середине XIV в. не сформировалось еще такой сельской округи, какая была у Суздаля. Городецкие села и в значительно более позднее время не отходили далеко от волжских берегов[72]. А на территории, относившейся к Нижнему Новгороду, даже в XV в. произрастали леса площадью в несколько сотен квадратных километров[73]. Однако экономический уровень развития

[64] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 64.
[65] Там же, стб. 72.
[66] Там же, стб. 54.
[67] НПЛ, с. 477; АСВР. М., 1958, т. II, № 435, с. 479.
[68] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 78; НПЛ, с. 477.
[69] Город Унжа впервые упоминается в XIII в. (ПСРЛ. М.; Л., 1949, т. XXV, с. 116). В начале XV в. упоминается унжинская тамга, которую собирал князь, владевший Городцом (ДДГ, № 86, с. 43; ср.: НПЛ, с. 477). Города Гороховец, Бережец и Унжа упоминаются в известном списке «А се имена всѣм градом рускым, далним и ближним» (НПЛ, с. 477), составленном около 1394—1396 гг. (*Наумов Е. П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних».— В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей, 1973 г. М., 1974, с. 157, 163).
[70] *Любавский М. К.* Образование..., с. 107 и карта; ср.: *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА. М., 1961, № 94. Прилож., врезка к карте № 4.
[71] АСВР, т. II, № 463, с. 500—501; ср.: ЦГВИА, ВУА, № 21272, л. 12.
[72] Ср.: *Звездин А. И.* Материалы по истории заселения Нижегородского края.— В кн.: Сборник документов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1908, т. VII; Горьковский областной историко-архитектурный музей-заповедник, д. 13309, л. 26—36.
[73] АСВР. М., 1964, т. III, № 302, с. 329, 330.

самих городов был достаточно высок. Особенно это относится к Нижнему Новгороду, в XIV в. превратившемуся в один из крупнейших городов Восточной Европы. В Нижнем Новгороде получили развитие такие сложные и тонкие средневековые ремесла, как литье колоколов, золочение по меди, каменное строительство. Нижний Новгород стал вторым после Москвы городом Северо-Восточной Руси, где в 1372 г. приступили к возведению стен каменного Кремля. Город вырос в крупный международный торговый центр, куда со своими товарами приплывали даже восточные купцы [74].

В политическом отношении к концу 50-х годов XIV в. Нижегородское княжество не было вполне единым. Первый нижегородский князь Константин Васильевич Суздальский, правивший в княжестве единовластно и даже сделавший в 1354 г. после смерти Симеона Гордого попытку оспорить в Орде у Ивана Красного стол великого княжества Владимирского [75], умер в 1355 г. [76] Нижегородское княжество он разделил на части между своими сыновьями-наследниками. Старший сын Константина Андрей получил собственно Нижний Новгород с относившимися к нему волостями по нижней Оке и нижней Клязьме, а также по р. Волге, преимущественно по правым притокам последней. Второй сын Константина Дмитрий-Фома получил г. Суздаль и села в суздальском ополье. Возможно, ему принадлежали какие-то земли и на северо-восток от Суздаля. Третьему сыну Константина Борису достался Городец с его волостями, расположенными по обоим берегам р. Волги от нижнего течения р. Унжи до позднейшей Балахны. Наконец, четвертый сын Константина тоже Дмитрий по прозвищу Ноготь владел подгородными суздальскими селами и землями по нижнему течению р. Уводи и ее правых притоков рек Вязьмы и Ухтомы [77].

Таким образом, во второй половине 50-х годов XIV в. Нижегородское княжество оказалось поделенным на четыре части сообразно числу владельцев — наследников князя

[74] *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, с. 66—69. Каменный Кремль в Нижнем Новгороде не был достроен.

[75] НПЛ, с. 363; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 286; СПб., 1853, т. V, с. 228.

[76] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 64.

[77] *Кучкин В. А.* Нижний Новгород и Нижегородское княжество в XIII—XIV вв.— В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 243—246.

Константина. Начавшееся феодальное дробление нижегородской территории еще не повлекло за собой политического обособления местных уделов, но, видимо, на общее политическое положение нижегородских князей определенное влияние оказывало. Во всяком случае нижегородский князь Андрей Константинович вынужден был заключить в 1356 г. с занимавшим владимирский стол московским князем Иваном Красным договор, по которому признавал себя «братом молодшим» великого князя, т. е. формально соглашался считать последнего своим сюзереном [78].

В нижнем течении р. Клязьмы, гранича с одной стороны с Нижегородским великим княжеством, а с другой — с территорией великого княжества Владимирского, лежало образованное еще во втором десятилетии XIII в. Стародубское княжество. Размеры этого княжества по сравнению с другими были невелики. Оно простиралось от с. Палеха на севере до рек Тары и Нерехты, правых притоков р. Клязьмы, на юге, от низовьев р. Уводи на западе до среднего течения р. Луха на востоке. Единственным городом княжества была его столица Стародуб — позднейший Кляземский городок [79].

Стародубские князья играли весьма скромную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси XIV в. Обычно они выступали союзниками великих князей владимирских [80]. Но, несмотря на свою экономическую и военную слабость, малозаметное положение среди других князей, стародубские князья не дробили своего владения. Источники свидетельствуют о том, что Стародубское княжество управлялось одним князем и до последней четверти XIV в. не делилось на уделы. Можно подозревать, что в 1355—1356 гг. в Стародубе вспыхнула

[78] ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. XXVII, с. 241, 326. Договор 1356 г., видимо, означал конец той политики скрытой, а временами и открытой конфронтации с Москвой, какую проводил отец Андрея и его братьев князь Константин Васильевич. Для характеристики этой политики весьма показательны брачные союзы нижегородских князей: сам Андрей был женат на дочери тверского боярина Ивана Киясовского (ПСРЛ, т. XVIII, с. 126), его брат Борис — на дочери великого князя литовского Ольгерда (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 61), их сестра была замужем за князем Михаилом Александровичем, ставшим впоследствии великим князем тверским (Там же).

[79] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 174.

[80] *Кучкин В. А.* Стародубское княжество и его уделы до конца XIV в.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 245—246.

борьба за княжеский стол между родственниками умершего летом 1355 г. князя Дмитрия Федоровича Стародубского, но эта борьба не привела к образованию «особных» владений соперников. Княжество осталось единым, стародубский стол зимой 1356/57 г. занял брат Дмитрия Иван, а старший сын Дмитрия Семен, видимо, покинул свою отчину, перейдя на службу к московскому князю [81]. Это стремление к сохранению единовластия в небольшом северо-восточном княжестве весьма показательно. Оно свидетельствует об определенных центростремительных процессах, проходивших даже в малых государственных образованиях Северо-Восточной Руси в период, предшествовавший Куликовской битве.

Далеко на запад от Стародубского княжества, захватывая самые истоки р. Клязьмы, лежало княжество Дмитровское. На юго-западе, юге и востоке дмитровские земли граничили с московскими. Дмитровско-московский рубеж проходил по верховьям р. Маглуши (Малогощи), левого притока р. Малой Истры, и р. Истры, левого притока р. Москвы. На востоке верховья рек Яхромы, Вели, правых притоков р. Сестры, а также верховье р. Талицы, правого притока впадавшей в Клязьму р. Ворѝ, разделяли территории Дмитровского и Московского княжеств [82]. На западе дмитровская территория захватывала, по-видимому, земли по верхнему течению р. Сестры и все течение ее притоков рек Лутосны и Яхромы, на севере и северо-востоке — левобережья рек Вели и Дубны [83]. Таким образом, Дмитровское княжество было весьма скромных размеров, по площади своей территории оно уступало даже Стародубскому княжеству.

До середины XIV в. дмитровские князья чрезвычайно редко упоминаются в письменных источниках, поэтому нет возможности судить о том, как управлялось это княжество, делилось ли оно на уделы и т. д. Есть, однако, факты, свидетельствующие о политическом бессилии дмитровских князей и постепенной утрате ими своих суверенных прав. Так, в начале XIV в. князь Борис, скорее всего дмитровский, был наместником великого князя владимирского Михаила Ярославича Тверского в Пскове [84]. Своим княжеством он тогда, по-видимому,

[81] Там же, с. 246—247.
[82] *Дебольский В. И.* Указ. соч., ч. I, с. 18—19.
[83] Ср.: Там же. СПб., 1902, ч. II, с. 29.
[84] *Кучкин В. А.* Из истории..., с. 380.

не управлял. А в духовной 1354 г. Симеопа Гордого упоминается «село в Дмитровѣ, что есмь купил у Ивана у Друцьского»[85]. Иван Друцкий, очевидно, тот князь Иван Друцкий, о котором говорит летопись под 1339 г.[86] Таким образом, где-то в 40-х — начале 50-х годов XIV в. князь Друцкий приобрел село в Дмитрове, а затем уступил его Симеону Гордому. Факт существования в Дмитровском княжестве инокняжеских владений служит ясным показателем ограничения прав местных князей в отношении их отчинной территории, а покупка села великим князем — стремления московских Даниловичей утвердиться и расширить свое влияние в этом соседнем с их собствеппым княжестве.

Обширные земли в бассейнах рек Юхоти, Черемхи, Пажи, Которосли — правых притоков р. Волги, но главным образом в Заволжье, у озер Кубенского, Белого, Воже, Лаче, а также на севере в бассейнах рек Сухоны, Юга и на верхней Северной Двине принадлежали в XIV в. потомкам старшего сына Всеволода Большое Гнездо Константина. Представление о размерах их владений дают летописные известия конца XIV в. о смерти ростовского архиепископа Федора и поставлении на ростовскую кафедру его преемника Григория. В этих известиях указываются пределы Ростовской епархии, включавшей в себя волости «Ростова и Ярославля, Бѣлаозера и Устюга, Углича Поля, Мологи»[87]. Хотя углицкая территория в середине XIV в. находилась, как было отмечено выше, под контролем московских князей, остальными городами с относившимися к ним волостями владели представители старшей линии Всеволода Большое Гнездо. Они правили в трех княжествах: Ростовском, Ярославском[88] и Белозерском.

[85] ДДГ, № 3, с. 14.

[86] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 52.

[87] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Изд. И. Эйнерлинга, кн. II, т. V, прим. 245 (выписка из летописи). М. Д. Приселков считал, что выписка сделана Карамзиным из пергаментной Троицкой летописи, сгоревшей в московский пожар 1812 г. (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 445, прим. 3). О поставлении Григория владыкой «граду Ростову и Ярославлю, и Бѣлуозѣру, и Оуглечю Полю, и Оустьюгу, и Молозѣ» см.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, с. 381.

[88] Ярославское княжество в руках потомков Всеволода было довольно короткое время. В 60-х годах XIII в. оно перешло к смоленскому князю Федору Ростиславичу Черному, женившемуся на дочери первого ярославского князя Марии Васильевне. За-

Ростов, в XIII в. бывший столицей громадной отчины Константина Всеволодовича, в XIV в. во многом утратил свое прежнее политическое значение. Правда, он оставался центром Ростовской епископии (с конца XIV в.— архиепископии) и стольным городом Ростовского княжества, но княжества, значительно уступавшего по своим размерам тому, которое существовало в начале XIII в.

В середине XIV в. границы собственно ростовской территории отстояли всего на 25—70 км от самого Ростова. Зато за сотни километров от оз. Неро, на берегу которого стоял Ростов, ростовским князьям принадлежали территории в несколько тысяч квадратных километров. Их центром был г. Устюг.

Бытует мнение о том, что Ростовское княжество делилось на множество уделов уже в XIV в. Это о ростовских князьях можно было сказать пословицей «Сколько ворот, столько господ»[89]. И действительно, в XV—XVI вв. московским государям служили многочисленнейшие представители рода ростовских князей, давно утратившие суверенитет над своим княжеством и опустившиеся до положения простых вотчинников средней и даже мелкой руки. «Постепенно нарастает это вырождение в XIV и XV столетиях,— писал известный исследователь русского средневековья А. Е. Пресняков,— но поворотный пункт в истории ростовских князей агиограф Епифаний правильно отметил в дни в. к. Ивана Даниловича»[90]. Однако история Ростовского княжества в XIV в. не укладывается в такую характеристику.

Как уже говорилось, московским князьям на наследственном праве принадлежало в Ростове с. Богородицкое, а как великим князьям владимирским — Стретенская половина самого г. Ростова. Но, несмотря на это, Ростовское княжество до самого конца 50-х годов XIV в. предстает достаточно единым государственным образованием. На протяжении более 20 лет, с конца 30-х годов XIV в. по начало 60-х годов XIV в., в летописных источниках с эпитетом «Ростовский» фигурирует только один князь — зять Ивана Калиты, женатый на его дочери Марии, Кон-

тем Федор вступил в брак с дочерью ордынского хана, в крещении принявшей имя Анны. От брака Федора с Анной и ведут свое начало ярославские князья XIV—XVI вв. (*Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 83—84).

[89] *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957, с. 716.

[90] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 149.

стантин Васильевич [91]. Именно Константин Ростовский, единственный из местных князей, участвует в общерусских княжеских съездах, возглавляет ростовские полки, преимущественно он ездит в Орду [92]. Кроме того, источники в середине XIV в. упоминают еще одного ростовского князя — Андрея Федоровича [93], приходившегося племянником Константину [94]. Существование второго ростовского князя делает естественным предположение о делении Ростовского княжества между дядей и племянником. Проверить правильность такого предположения позволяют более поздние свидетельства XV в.

В 70-е годы XV в. московское правительство, ведя борьбу с Новгородом, составило так называемый Список Двинских земель, в котором перечислялись захваченные новгородцами московские владения в Заволочье. Часть этих владений в более раннее время была подвластна Ростову. Всего в Списке указано семь крупных районов, некогда принадлежавших четырем ростовским князьям. Эти семь районов охватывали территории по нижнему течению р. Ваги и ее левому притоку р. Леди с центром в погосте Емьская Гора; по обе стороны правого притока р. Ваги р. Кулоя на всем его протяжении; по р. Юмышу — левому притоку р. Северной Двины; в верховьях р. Ваги и в бассейнах ее левых притоков рек Вели, Пежмы, а также правых притоков рек Терменге и Двиницы (три района); по течению р. Северной Двины, ее левому притоку р. Сии и правым притокам рекам Пингише и Челмахте [95]. Владельцами перечисленных земель были ростовские князья Иван Владимирович, Федор Андреевич, Иван Александрович и Константин Владимирович. Все они происходили от князя Константина Васильевича Ростовского [96]. Смежность владений четырех ростовских

[91] ПСРЛ. Л., 1928, т. I, 2-е изд., вып. 3, стб. 531, под 6836 г.

[92] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 52—55, 59, 69—71, под 6847, 6848, 6850, 6852, 6856, 6857, 6868 и 6869 гг.

[93] Там же, стб. 60, под 6858 г.— нижегородский князь Константин выдал свою дочь за князя Андрея Федоровича «въ Ростовъ».

[94] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 40.

[95] АСВР, т. III, № 16, с. 32—33. О местоположении перечисленных владений ростовских князей см.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909, т. I, с. 5, прим. 1; с. 10, 28; Прилож., с. 23, 62 и карта; *Зарубин П. А.* Важская земля в XIV—XV вв.— История СССР, 1970, № 1.

[96] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, родословная табл. 1 (князья XVII степени и XVIII степени — князь Федор Андреевич).

князей указывает на то, что ранее эти владения составляли единое целое и скорее всего при родоначальнике названных князей Константине Ростовском. Высокое положение в Ростовском княжестве князя Константина дает основания полагать, что этот князь в середине XIV в. владел не только Ростовом, но и землями по рекам Ваге и Северной Двине, а также находившимся по соседству с ними вторым городом Ростовского княжества — Устюгом. В таком случае князь Андрей Федорович Ростовский должен был иметь довольно незначительный удел или не иметь его вовсе.

Из источников XV в. известен князь Юрий Бохтюжский [97], получивший свое прозвище по небольшому левому притоку р. Сухоны р. Бохтюге [98]. Здесь, очевидно, и находилось его княжество. Сохранились две грамоты этого князя, данные им основателю нескольких монастырей на русском Севере Дионисию Глушицкому [99]. Из этих грамот следует, что Юрий Бохтюжский жил в первой половине XV в. и что его отцом был князь Иван. Сопоставление этих данных с родословными князей Северо-Восточной Руси, подвизавшихся в конце XIV — первой половине XV в., приводит к заключению, что Юрий Бохтюжский приходился старшим сыном первенца князя Андрея Федоровича Ростовского Ивана [100].

Почему же старшие потомки князя Андрея, в 1363 г. ставшего ростовским князем, правили в столь захолустном княжестве? Напрашивается единственный ответ на поставленный вопрос: очевидно, Бохтюжским княжеством в свое время владел сам Андрей Федорович, а при переходе на более высокий ростовский стол он посадил там своего старшего сына, сделав Бохтюжский удел фамильным достоянием. Таким образом, открывается возможность решить намеченную ранее задачу: был или не был владетельным князем Андрей Ростовский в конце 30-х — начале 60-х годов XIV в., когда Ростовским княжеством, его основными землями управлял его дядя князь Константин Васильевич. Формально Андрей может считаться таким князем, но обладание весьма незначительным уделом близ юго-восточных берегов Кубенского озера делало его фигурой, малозаметной в политическом отно-

[97] ГБЛ. ф. 304, № 603, л. 31.
[98] ЦГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 309.
[99] АСВР, т. III, № 258, 259, с. 278, 279.
[100] ПСРЛ, т. XXIV, с. 228.

шении. Скромность владений и положения Андрея Федоровича — лишнее свидетельство главенствующей роли в княжестве Константина Васильевича, сконцентрировавшего в своих руках и все прерогативы верховной власти, и контроль над большей частью ростовской территории. Очевидно, что в 50-е годы XIV в. в Ростовском княжестве преобладали центростремительные процессы, приведшие к усилению власти одного князя. Говорить о нарастании политического распада в Ростовском княжестве в указанное время не приходится. Этот распад начался позже и под влиянием событий, определивших политические судьбы всей Северо-Восточной Руси.

К северу от Ростова лежало Ярославское княжество. Его территория включала в себя земли по обоим берегам р. Волги и нижним течениям ее притоков рек Юхоти, Которосли, Шексны; большой район от верховьев р. Ухры, левого притока р. Шексны, до водораздела р. Ухры с р. Сотью и далее на юг до р. Волги, а также нижнее течение р. Мологи до г. Устюжны включительно. Кроме того, ярославские князья обладали небольшой территорией, примыкавшей к южному берегу Кубенского озера, и значительными пространствами к северо-востоку от этого озера в бассейне р. Кубены, доходившими до верховьев уже упоминавшихся рек Вели, Пежмы и Кулоя [101].

Помимо Ярославля, местным князьям принадлежали такие города, как Молога и Устюжна. Во второй половине XIV в. в Ярославском княжестве был основан еще один город — Романов [102]. К Ярославлю относились также земли по р. Солонице близ крупнейших центров соляной добычи средневековой Северо-Восточной Руси — Соли Великой и Нерехты.

Относительно политического развития Ярославского княжества в XIV в. в научной литературе была высказана мысль, что ко времени Куликовской битвы Ярославский «удел» раздробился «на множество мелких владений» [103]. Имеющиеся к настоящему времени в распоря-

[101] *Любавский М. К.* Образование..., с. 105—106, 111—113. Следует иметь в виду, что в определении территорий Заозерско-Кубенского, Моложского и Ярославского княжеств, в первой половине XIV в. составлявших единое целое, М. К. Любавским допущены некоторые неточности.

[102] РИИР, вып. 2, с. 28, 101.

[103] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— Вопросы истории, 1955, № 8, с. 17.

жении исследователей факты рисуют дело в несколько ином свете.

Представления о феодальном делении Ярославского княжества основываются главным образом на свидетельствах родословных книг. Однако родословные книги являются источником поздним, они составлялись в конце XV—XVII в., а потому не совсем надежны при характеристике владельческих отношений внутри ярославского княжеского дома в ранний период. Гораздо достовернее сведения о ярославских князьях летописных сводов.

Летописные известия заставляют внести коррективы в представления о распаде Ярославского княжества на мелкие владения. После смерти Федора Ростиславича Черного в 1299 г. Ярославское княжество осталось единым под властью старшего сына Федора Давыда [104]. Давыд умер в 1321 г., оставив двух сыновей — Василия и Михаила [105]. Считается, что во времена этих князей и произошел первый раздел Ярославского княжества: Василий сидел на столе в Ярославле, Михаил княжил в Мологе [106]. Летописные своды действительно неоднократно сообщают о княжении Василия в Ярославле, причем подчеркивают его первенствующее положение. Так, только Василий Давыдович, единственный из ярославских князей, ездил в 1340 и 1342 гг. в Орду, вероятно, для получения там ханского ярлыка на свое княжество [107]. Зимой 1340/41 г. он принял участие в общерусском княжеском съезде в Москве и в последовавшем затем походе на Торжок [108]. Именно за Василия выдал свою дочь Евдокию Иван Калита [109], что лишний раз свидетельствует о верховенстве старшего сына Давыда Федоровича в землях последнего. Что же касается младшего брата Василия Михаила, то первое летописное упоминание

.....

[104] У Федора Черного был еще сын Константин, но никаких намеков на его княжение в Ярославле или на существование у него удела в источниках нет (*Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 84). Предположение А. И. Маркевича о правлении Константина в Ярославском княжестве совершенно умозрительно (*Маркевич А. И.* Ярославские князья в Московском государстве.— Труды VII Археологического съезда. М., 1891, т. II, с. 83).

[105] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 84.

[106] Там же.

[107] НПЛ, с. 351; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 54.

[108] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 53.

[109] НПЛ, с. 350 (Калита — «тесть» Василия Ярославского); ПСРЛ, т. XVIII, с. 94, под 6850 г. (о смерти жены Василия Евдокии).

о нем под 1340 г. характеризует его не как моложского князя, а как наместника великого князя Симеона Гордого в Торжке [110]. Видимо, до своей смерти в 1345 г.[111] Василий Давыдович не делил власти в Ярославском княжестве. Оно оставалось единым. Следует думать, что это единство не нарушалось и в последующие полтора десятка лет. Во всяком случае под 1361 г. летопись называет лишь одного ярославского князя, отправившегося за ярлыком к хану Хызру (Хидырю русских источников),— Михаила, причем ему дано определение «Ярославский»[112]. Речь, очевидно, должна идти о Михаиле Давыдовиче, прозвище которого говорит за то, что именно он наследовал брату.

Распад Ярославского княжества на уделы следует относить к более позднему времени, к периоду между 1361 и 1375 гг., когда летописи упоминают в качестве моложского князя сына (или двух разных сыновей?) Михаила Давыдовича, а сыновей Василия Давыдовича Василия и Романа — как ярославских князей, выступавших во главе своих особых полков, т. е. уже имевших свои отчины [113]. При этом никакого «множества» княжеских удельных владений в Ярославле не было. Перед Куликовской битвой их насчитывалось всего четыре. Моложским княжеством, совершенно обособившимся от Ярославского, до XV в. управлял Федор Михайлович [114]. Собственно Ярославское было поделено между тремя сыновьями Василия Давыдовича. Как можно судить по целому ряду разновременных данных о владениях потомков трех Васильевичей, старшему из сыновей Василия Давыдовича Василию припадлежал сам город Ярославль, все земли по правому берегу р. Волги и заозерско-кубенская территория; второму сыну Василия Давыдовича Глебу — земли по левому берегу р. Волги на северо-восток от Ярославля в бассейнах рек Касти и Ити (р. Ить, левый приток р. Волги, отделяла владения Глеба от владений его младшего брата Романа); отчиной третьего Васильевича были земли на левом берегу р. Волги от нижнего течения р. Шексны до р. Ити. Округа г. Яро-

[110] НПЛ, с. 352.
[111] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 56.
[112] Там же, т. XVIII, с. 101.
[113] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 73, под 6870 г.; стб. 110—111; т. XVIII, с. 115—116.
[114] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 105—106.

славля была, по-видимому, общим достоянием братьев [115]. Такая структура феодального членения Ярославского княжества способствовала политическому единству сыновей Василия Давыдовича.

С севера и запада к землям ярославских князей примыкала территория Белозерского княжества. Она включала в свой состав районы озер Лаче, Воже и Белого, бассейн правого притока р. Шексны р. Суды, бассейн левого притока р. Шексны р. Согожи, земли по среднему течению р. Ухры, также левого притока р. Шексны, и по самой р. Шексне почти на всем ее протяжении [116]. Обширные пространства Белозерского княжества были населены редко. Наиболее заселенной являлось верхнее течение р. Шексны, где при истоке ее из Белого озера стоял единственный город княжества — Белоозеро, после 1352 г. перенесенный на южный берег оз. Белого на 17 км к западу от старого города [117]. Княжество изобиловало различными природными богатствами. В верховьях р. Суды были значительные выходы болотного железа, белозерские леса славились пушниной и охотничьими птицами, а реки — рыбой. Через княжество проходили важные военные и торговые пути, связывавшие центральные области Северо-Восточной Руси, а также Новгород Великий с Подвиньем.

Политическое развитие Белозерского княжества в XIV в. было весьма сложным. До начала XIV в. оно входило в состав Ростовского княжества [118]. После 1302 г. оно, по-видимому, снова оказалось под властью белозерских отчичей — потомков первого белозерского князя Глеба Васильевича. Между 1328 и 1339 гг. княжество перешло к Ивану Калите, осуществившему «куплю» Бело-

[115] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв.: Автореф. докт. дис. М., 1979, с. 48—50.

[116] *Любавский М. К.* Образование..., с. 76—79.

[117] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 152; *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951, карта № 1.

[118] Белозерское княжество было захвачено в 1279 г. ростовским князем Дмитрием Борисовичем (Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 49). В 1286 г. он сохраняет его в своих руках (Там же). Позднее оно, видимо, переходит к его брату Константину (Там же, под 6798 г.— упоминаются Ростов и Устюг у Дмитрия, тогда как по размену 1286 г. они должны быть у Константина; отсюда следует, что у Константина — прежние волости Дмитрия Углич и Белоозеро).

озера, т. е. добывшему в Орде ярлык на него [119]. Под 1339 г. в летописях упоминается князь «Романчюкъ Бѣлозерьскыи», который самостоятельно сносится с Ордой [120]. Очевидно, речь идет о суверенном белозерском князе. Следовательно, Белозерское княжество в конце 30-х годов XIV в. вновь приобретает самостоятельность. Эта независимость Белоозера сохраняется вплоть до Куликовской битвы [121].

Есть некоторые основания полагать, что между 1339 и 1380 гг. Белозерское княжество разделилось на два удела по числу сыновей князя Романа Михайловича. Судя по данным XV—XVI вв., старший Романович Федор владел землями по рекам Шексне, Суде и Ухре, а младший Василий Романович — по рекам Кеми, Андоге (близ оз. Белого) и в Пошехонье по рекам Согоже и ее левому притоку Ухтоме [122]. Но, несмотря на начавшийся процесс феодального дробления Белозерского княжества, политическое единство его князей не нарушалось. Главой княжества оставался Федор Романович, который руководил белозерскими полками в общерусских походах на Тверь в 1375 г. [123] и против Мамая в 1380 г.

Перечисленные 11 княжеств с их почти 20 уделами, управляемые потомками Всеволода Большое Гнездо, и составляли в середине XIV в. в совокупности то, что в исторической науке получило наименование Северо-Восточной Руси. Особенностью ее внутреннего политического развития как определенной территориально-династической общности было то, что не все княжеские линии могли претендовать хотя бы на формальное руководство остальными. По сложившемуся на Северо-Востоке княжому праву потомство старшего сына Всеволода Константина Ростовского не вступалось в политические и владельческие права потомства младших братьев Константина. Борьба за стол великого княжества Владимирского, обладание которым, помимо контроля над обширной территорией, давало «старейшинство в князьях», т. е. ряд политических прерогатив, в XIV в. свелась к соперничеству различных линий потомков третьего сына Всеволода

.....

[119] *Кучкин В. А.* Формирование..., с. 52.
[120] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 52.
[121] В этой битве пали белозерский князь Федор Романович и его сын Иван (Там же, стб. 140).
[122] *Кучкин В. А.* Формирование..., с. 52—53.
[123] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 111.

Большое Гнездо Ярослава. На протяжении XIV в. претендентами на титул великого князя владимирского выступали правители Твери, Москвы и Нижнего Новгорода. Соотношение сил между великими княжествами Тверским, Московским и Нижегородским должно было определить, какое из них станет тем центром, вокруг которого сможет объединиться Русь. В период княжения Ивана Ивановича Красного достаточно определенно выразился перевес Москвы. Однако успехи московских князей или их соперников зависели не только от соотношения их собственных сил. Очень многое зависело от внешнеполитической обстановки, позиций Орды, а отчасти и Литвы. Важна была и ориентация других русских княжеств и земель, непосредственно граничивших с Северо-Восточной Русью. Какие же это были княжества и земли?

На западе к землям Северо-Восточной Руси в XIV в. примыкало образовавшееся еще в XII столетии Смоленское княжество. Данных за XIV в. о Смоленском княжестве очень мало. Представление о его размерах строится в основном на свидетельствах XV в., времени, когда Смоленское княжество как самостоятельное государственное образование уже было ликвидировано и присоединено к Литве [124]. Судя по материалам XV в. и некоторым известиям предшествовавшего столетия, к середине XIV в. в состав Смоленского княжества входили Смоленск, Торопец, Дорогобуж, Мстиславль, Медынь, Вязьма, Белая с относившимися к ним волостями, а также Ржева с прилегавшей к этому городу округой (основные ржевские волости были захвачены литовскими князьями) [125]. Впрочем, в 50-х годах XIV в. Ольгерд Литовский отнял у Смоленска Ржеву [126], Мстиславль [127] и, вероятно, Белую [128], а в 1362 г.— Торопец [129].

[124] Смоленск был присоединен к Литовскому государству в 1404 г. (НПЛ, с. 398).

[125] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 33—34 и карта; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68; ДДГ, № 12, с. 34.

[126] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 65, под 6864 г.

[127] Там же, стб. 68, под 6867 г.

[128] В 1359 г. смольняне воевали Белую (Там же). Очевидно, что тогда она им не принадлежала. Начатую в том же году Ольгердом войну со Смоленском следует ставить в прямую связь с нападением смольнян на Белую. Следовательно, к 1359 г. Белая была литовским владением. Белая отошла к Литве скорее всего в 1356 г., когда литовцами была захвачена соседняя с Белой Ржева.

[129] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 34.

Фрагментарность сохранившихся сведений о Смоленском княжестве XIV в. не позволяет в полной мере судить о том, какие уделы были в этом княжестве на протяжении указанного периода. По родословным росписям XVI в. смоленских князей и другим источникам удается с бесспорностью установить существование двух уделов: Торопецкого и Вяземского [130]. Однако из-за недостатка данных трудно говорить о том, как влияло на внутреннее развитие княжества и внешнюю политику его князей наличие в Смоленском княжестве уделов.

На юго-восток и восток от Смоленска, приближаясь к южной границе Московского княжества, на значительном пространстве были расположены владения потомков Михаила Всеволодовича Черниговского. Наиболее значительным в этом районе было Брянское княжество, занимавшее территорию по верхнему и среднему течению р. Десны и ее притокам. В состав Брянского княжества входил г. Трубчевск [131].

К востоку от Брянского лежало Карачевское княжество, включавшее в свой состав, помимо Карачева, расположенные значительно севернее его Козельск (на левом берегу р. Жиздры), Перемышль и Мосальск [132]. На основании Послания 1371 г. литовского великого князя Ольгерда константинопольскому патриарху Филофею следует считать, что к 1370 г. в Карачевском княжестве по крайней мере существовал Козельский удел, а может быть, Козельск стал уже центром самостоятельного княжества [133].

Восточнее Карачевского княжества было расположено княжество Новосильское. В его состав входили такие города, как Новосиль, Одоев, Белев и Воротынск [134], а также Мценск и Калуга [135]. Территория Новосильского

[130] Там же, с. 33; РИИР, ч. 2, с. 26.

[131] *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 43—45 и карта.

[132] РИИР, ч. 2, с. 42, 112; *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 52.

[133] РИБ. СПб., 1908, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 138. В начале XV в. фиксируется уже Перемышльский удел Козельского княжества (*Любавский М. К.* Областное деление..., с. 54).

[134] Центры Новосильского княжества устанавливаются на основании прозвищ потомков первого глуховского и новосильского князя Семена (РИИР, ч. 2, с. 112—113; см. также: *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 47).

[135] Заключение о принадлежности Мценска и Калуги Новосильскому княжеству вытекает из анализа Послания 1371 г. Ольгерда патриарху Филофею. Ольгерд сообщает о нападении москвичей

княжества заходила даже за р. Протву. Здесь на правобережье р. Береги в первой половине XIV в. лежала новосильская волость Заберега, проданная в 40-х годах XIV в. Семеном Новосильским великому князю Симеону Гордому [136].

На севере земли Новосильского княжества перемежались, видимо, с землями княжества Оболенского и Тарусского. Это княжество занимало междуречье рек Оки, Угры и Протвы, включая стоявший близ верховьев р. Серены Мезческ (Мезецк) [137].

Далее по правому, а частично и по левому берегу р. Оки лежали земли Рязанского княжества. Это было значительное княжество, простиравшееся по р. Оке почти до впадения в нее р. Гуся и включавшее в свой состав бассейн другого окского притока — р. Прони [138]. В XIV в. в Рязанском княжестве продолжали существовать два домонгольских удела: собственно Рязанское княжество с центром в Переяславле Рязанском (современная Рязань) и Пронское со столицей в Пронске, стоявшем на левом берегу р. Пропи в ее среднем течении [139]. Оба княжества в XIV в. вели самостоятельную политику и нередко вступали во враждебные отношения между собой [140].

На северо-востоке Рязанское княжество граничило с Муромским. Основной артерией Муромского княжества, как и Рязанского, была р. Ока, по обе стороны от которой лежали владения муромских князей. Северо-восточная граница Мурома достигала нижегородских земель в районе Гороховца, а западная заходила за среднее тече-

на его зятя Ивана Новосильского, а также перечисляет города, захваченные у него Москвой, в том числе Калугу и Мценск. Последние находились в совсем ином регионе, чем остальные упомянутые в Послании Ольгерда города, но там, где были расположены другие центры Новосильского княжества. Это дает основание относить Калугу и Мценск к территории Новосиля. Возможно, что Калуга и Мценск составляли удел в Новосильском княжестве князя Ивана (РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 136, 138).

[136] ДДГ, № 2, с. 12; № 3, с. 14. О местонахождении Забереги см.: *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, с. 374; *Любавский М. К.* Образование..., с. 58.

[137] РИИР, ч. 2. с. 112; *Любавский М. К.* Областное деление..., карта.

[138] *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858, с. 244—245 и карта; *Любавский М. К.* Образование..., с. 130—131.

[139] *Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 619—625.

[140] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 51, 54, 98, 99, под 6847, 6849, 6879 и 6880 гг.

ние р. Пры [141]. Сведения о Муромском княжестве в XIV в. чрезвычайно редки, поэтому почти невозможно судить ни о внутренних процессах, происходивших в княжестве, ни о внешнеполитической ориентации его правителей. Правда, относительно последней следует высказать одно соображение. Под 1355 г. летопись сообщает о свержении муромского князя Юрия Ярославича и вокняжении в Муроме князя Федора Глебовича [142]. А под 1348 г. в том же источнике упоминается о посольстве великого князя владимирского Симеона Гордого в Орду, которое возглавлял Федор Глебович [143]. По-видимому, Федор Глебович статьи 1348 г.— одно лицо с муромским князем Федором Глебовичем, действовавшим в 1355 г. [144] Если так, то во второй половине 50-х годов XIV в. Муромское княжество управлялось князем, тесно связанным с Москвой, возможно даже московским ставленником.

Если на юге Северо-Восточная Русь граничила с несколькими княжествами, то на севере ее соседом было единственное государственное образование — Новгородская феодальная республика. В XIV в. «Господин Вели-

[141] Там же, т. XXV, с. 264 (упоминается село «меж Новагорода и Мурома» по р. Оке). В XV в. к Мурому относились волости Шатур и Муромское сельцо (ДДГ, № 61, с. 197). Об их местоположении см.: *Готье Ю. В.* Указ. соч., с. 377, 378. Интересно отметить, что примерно в середине XIII в. территория Муромского княжества простиралась почти до Переяславля Рязанского. В грамоте 1371 г. рязанскому Ольгову монастырю упоминается Ольговская околица, т. е., очевидно, окрестности Ольгова монастыря, в свое время принадлежавшие муромским князьям (АСВР, т. III, № 322, с. 351).

[142] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 64.

[143] Там же, стб. 58.

[144] В статье 1348 г. Федор Глебович фигурирует без какого-либо титула, а в статье 1355 г. он назван князем. Это обстоятельство не может, однако, препятствовать отождествлению названных лиц. В XIV в. титулом «князь» наделялись владетельные князья, а князья, терявшие свои владения, зачастую назывались только по имени и отчеству. Ср., например, упоминания в источниках перешедшего на службу к Дмитрию Московскому литовского князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. При описании походов 1376 и 1379 гг. он упоминается с титулом «князь» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116, 138), а при описании похода 1371 г.— без этого титула (Там же, стб. 98). Без титула стоит его имя и в московско-литовском договоре 1372 г. (ДДГ, № 6, с. 22). Показательно также, что источники не знают какого-либо боярина, служившего в XIV в. московским великим князьям, по имени Федор Глебович [*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969 (по указателю)].

кий Новгород» простирал свою власть на обширнейшие пространства европейского Севера. Подвластные здесь Новгороду земли включали в свой состав бассейн р. Печоры и достигали западных отрогов Урала, где жила летописная югра [145]. Тут проходили восточные рубежи новгородских владений на Севере. На западе Новгород граничил с Норвежским и Шведским королевствами, вассалом Тевтонского Ордена Ливонским Орденом, а на юге, в районе верхней Ловати, ее правого притока р. Полы и близ истоков Западной Двины — с великим княжеством Литовским.

В конце 40-х годов XIV в. от Новгорода окончательно отделилась Псковская феодальная республика [146]. Территория этого государства была небольшой по своим размерам. Она охватывала бассейн р. Великой, при впадении в которую р. Псковы стоял сам Псков, и вытягивалась длинным языком на север, подходя к ливонской крепости Ругодиву (Нарве). На юге крайним опорным пунктом Псковской земли была Опочка, охранявшая южные псковские рубежи от вторжений литовских феодалов. Но, пожалуй, самой протяженной границей Пскова была его западная граница с Ливонским Орденом [147]. Именно с Ливонией и ее сюзереном Тевтонским Орденом у Пскова и поддерживавшего его Новгорода с начала 60-х годов XIV в. резко обострились отношения, что заставило обе республики искать опоры в Москве и повлияло на общую ситуацию в Северо-Восточной Руси [148].

Таково было положение княжеств потомков Всеволода Большое Гнездо и прилегавших к ним других русских княжеств и земель примерно за двадцать лет до Куликовской битвы, когда на авансцену истории вступил будущий победитель Мамая Дмитрий Московский. Последующие два десятилетия внесли немало изменений в жизнь тог-

.....

[145] ГВНП, с. 27, 29 (упоминания в XIV в. Печоры и Югры в качестве новгородских волостей); *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.— В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955, т. III, ч. 1, с. 74—75 и прим. 8.

[146] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. II, т. 3—4, с. 257—258; Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. М., 1953, ч. 2, с. 190—191.

[147] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 317—318 и карта на с. 277. Как отметил Тихомиров, глухие леса и болотные топи на западе Псковщины представляли ее естественную границу не только в XVI в., но и ранее.

[148] НПЛ, с. 368—370.

дашних русских государств, в частности в их политическое развитие. В конечном итоге эти изменения привели к разгрому мамаевой Орды и вместе с этим фактом определили дальнейшие судьбы Руси. Рассмотрение напряженного, изобиловавшего крупными политическими коллизиями периода 1360—1380 гг. русской истории вскрывает те закономерности, которые вели к противоборству на Куликовом поле и одной из ярчайших побед русского народа.

* * *

Преждевременная смерть великого князя Ивана Ивановича Красного (он умер, не дожив нескольких месяцев до своего 34-летия) [149] поставила его окружение перед необходимостью решения многих сложных задач. В силу вступала последняя духовная грамота князя Ивана — завещание и в то же время определенный политический наказ своим наследникам. Их у Ивана Красного было трое: жена Александра и ее два сына. Старшему из сыновей Ивана Ивановича Дмитрию было, как уже говорилось, 9 лет, младшему Ивану — и того меньше [150].

Содержание предсмертного «ряда» князя Ивана (его духовной) показывает, что именно в Дмитрии он видел своего преемника. Помимо доли в собственно московских доходах, Дмитрию предназначались самые крупные после Москвы города Московского княжества — Коломна и Можайск, причем последний со всеми относившимися к нему волостями (по данным 1389 г., которые для 1359 г. должны быть занижены, их насчитывалось 12). Дмитрию передавалась также половина захваченных при его отце рязанских волостей на левом берегу р. Оки и село (а возможно, и ряд сел) на территории великого княжества Владимирского.

Младший брат Дмитрия Иван получал свою долю в московских доходах, а также Звенигород «со всѣми волостми, и с мытомъ, и с селы, и з бортью, и с оброч-

[149] Иван Красный родился 30 марта 1326 г. (*Экземплярский А. В.* Указ. соч. СПб., 1889, т. I, с. 89, прим. 224).

[150] В одной из записей о смерти этого князя, последовавшей 23 октября 1364 г., указано, что он был «дѣтя»: «на Москвѣ князь Ивашко дѣтя преставися» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 79). Следовательно, и спустя без малого 5 лет после смерти отца князь Иван оставался все еще ребенком.

ники, со всѣми пошлинами» — всего 10 волостей и 11 сел, другую половину отторгнутых от Рязани волостей и два села на территории великого княжества Владимирского.

Жена Ивана Красного Александра получила в удел три коломенские и две звенигородские волости и четыре села, а также одно подмосковное село и долю в доходах ее сыновей.

Вдова Симеона Гордого великая княгиня Мария Александровна удержала в своих руках 15 коломенских волостей, две волости на юго-западной окраине Московского княжества и села в коломенской и подмосковной округах. После смерти Марии две юго-западные волости должны были перейти к жене Ивана Красного Александре, а все остальное — к его сыну Дмитрию.

Вдова Ивана Калиты великая княгиня Ульяна продолжала владеть тем уделом, который был выделен ей еще самим Калитой, т. е. 14 волостями преимущественно на севере и востоке Московского княжества и более чем десятком сел в различных местах Подмосковья, а также сбором московского осмничего — торгового налога с суммы товара.

Племянник Ивана Красного 5-летний князь Владимир Андреевич должен был по-прежнему владеть уделом своего отца, состоявшим из 11 волостей и 10 сел. Кроме того, он получал от дяди — великого князя — Новый городок в устье р. Протвы и третью долю московских доходов [151].

Таким образом, после смерти Ивана Ивановича Красного в Московском княжестве стало насчитываться 6 уделов, причем собственно великокняжеские владения, несмотря на оставление в руках Дмитрия Можайска и Коломны, резко сократились. Серьезного преобладания домена великого князя над владениями удельных князей внутри Московского княжества, преобладания, являвшегося характерной чертой внутреннего развития княжества в эпоху Ивана Калиты, Симеона Гордого и самого Ивана Красного, теперь не стало. Это создавало известные предпосылки упадка великокняжеской власти в Московском княжестве, а при наличии определенных обстоятельств влекло за собой возгорание пламени междоусобной борьбы и, как следствие всего этого, утрату политического

[151] ДДГ, № 4, с. 17—19. О можайских волостях см.: Там же, № 12, с. 34. Об уделе отца князя Владимира Андреевича см.: Там же, № 1, с. 9.

верховенства московской династии среди русских князей. Вот почему удержание за московской княжеской фамилией, именно за ее старшим по положению и возрасту представителем Дмитрием, владимирского великокняжеского стола становилось насущной задачей московской политики.

Ее руководителем в годы малолетства Дмитрия и его братьев стал глава русской церкви митрополит «Киевский и всея Руси» Алексей. Выходец из знатной московской боярской семьи, крестник Ивана Калиты, первый местный уроженец, возведенный византийской церковью в столь высокий сан, митрополит Алексей полностью разделял интересы московского боярства и московских князей, добившихся его поставления в митрополиты и оказывавших ему поддержку в его противоборстве с литовским митрополитом Романом, стремившимся поставить под свой контроль епископии, традиционно относившиеся к митрополии «Киевской и всея Руси» [152]. По свидетельству византийского источника XIV в., «великий князь московский и всея Руси» Иван «перед своею смертью не только оставил на попечение тому митрополиту (Алексею) своего сына, нынешнего великого князя всея Руси Димитрия, но и поручил управление и охрану всего княжества, не доверяя никому другому ввиду множества врагов — внешних, готовых к нападению со всех сторон, и внутренних, которые завидовали его власти и искали удобного времени захватить ее» [153]. Несколько позднее в соборном определении 1389 г. константинопольского патриарха Антония об Алексее было сказано так: «Когда же великий князь московский Иоанн, умирая, возложил на него попечение, заботу и промышление о своем сыне Димитрии, то он весь предался этому делу и презрел божественные законы и постановления, приняв на себя вместо пасения и поучения христиан, мирское начальствование, вследствие чего, призванный учить миру и согласию, увлекся в войны, брани и раздоры» [154]. Первым «промышлением» правительства митрополита Алексея была отправка малолетнего князя Дмитрия с опытными наставниками-дипломатами в Орду для получения там ярлыка на великое княжение Владимирское.

[152] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 74—80.
[153] Там же, стб. 166.
[154] Там же, стб. 198.

Орда в то время была неспокойна. В 1357 г. после убийства хана Джанибека его сыном Бердибеком там начались смуты. В междоусобной борьбе после краткого сидения на сарайском столе гибли ханы. Каждый новый сарайский владыка требовал к себе русских князей и уже от своего имени утверждал их на их княжествах. В начале 1360 г. власть в Сарае захватил Ноуруз [155]. К новому хану за ярлыками на свои княжества потянулись русские князья. Московское посольство прибыло к Ноурузу первым [156]. Однако ордынский хан, «видѣ... князя Дмитрея Ивановича уна суща и млада возрастомъ», предложил ярлык на великое княжение нижегородскому князю Андрею Константиновичу [157], старшему сыну первого нижегородского князя Константина Васильевича, который в свое время домогался Владимирского княжества, но безуспешно. Летописец объяснил столь жестокий удар Орды по московским интересам незрелой юностью князя Дмитрия, но на самом деле причины решительного шага хана Ноуруза лежали гораздо глубже.

Несмотря на начавшуюся феодальную борьбу внутри Орды, она все еще оставалась единым государством [158]. Ордынская правящая знать отдавала себе отчет в том, что усиление их «улусника» — московского великого князя — может привести к попыткам русских княжеств, объединенных под его властью, освободиться от ига. Тревожные для Орды симптомы обнаружились уже во времена великого княжения отца Дмитрия Ивана Красного. Историки давно уже отметили один характерный факт. В конце 1358 г. из Орды на Русь прибыл посол царевич Мамат Хожа, который, причинив «многа... зла» Рязанскому княжеству, потребовал размежевания рязанских земель от других русских. Однако великий князь Иван Иванович «не въпусти его во свою очину въ Русьскую землю» [159]. Карательных ответных мер со стороны

[155] *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 121, прим. 5 (Ноуруз в Сарае приблизительно с января-февраля 1360 г.); *Егоров В. Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде.— ВИ, 1974, № 8, с. 47 (Ноуруз показан после Кульны, который правил до февраля 1360 г.).

[156] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68.

[157] Там же.

[158] *Егоров В. Л.* Указ. соч., с. 47.

[159] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 67. Известие помещено после сообщения о поездке в Киев митрополита Алексея «тое же зимы по крещеньи».

монголо-татар на столь решительный отказ не последовало только потому, что царевич вошел «въ коромолу» к хану и был убит [160].

Сравнительно недавно опубликованы летописные тексты, содержащие еще одно ценное сведение о взаимоотношениях Ивана Красного с Ордой. Сведение это весьма показательно. Как сообщают летописные своды 1493 и 1495 гг., весной 1358 г. «князь великии выведе из Орды посла Чечаклиа противу лютого посла Алачи и възврати его въспять» [161]. Оказывается, и несколько раньше у великого князя Ивана Ивановича были какие-то трения с Ордой: на Русь был послан «лютый» посол, но Иван сумел добиться его отзыва. Эпизод же с Мамат Хожей был первым случаем открытой конфронтации с Ордой московского великого князя. Ничего подобного нельзя отметить ни во времена великого княжения отца Ивана Красного Ивана Калиты, ни во времена великого княжения непосредственного предшественника Ивана — его старшего брата Симеона Гордого. Эти случаи неподчинения великого князя Ивана Ивановича знатным ордынским послам и обусловили скорее всего решение Ноуруза и его советников отказать сыну Ивана Дмитрию в ярлыке на великое княжество Владимирское. Но это было еще не все.

Сообщая о возвращении русских князей из Орды в 1360 г., летописец отметил: «приде изъ Орды князь Дмитреи Борисовичь пожалованъ въ Галичь, князя Костянтина весь Ростовъ» [162]. Если вспомнить, что Галицкое княжество было «куплей» Калиты, т. е. что там княжили московские князья, то станет ясным значение передачи Ордой Галича другому князю. «Купля» московских князей ликвидировалась, восстанавлчвалось суверенное Галицкое княжество, причем во главе даже не с прямым потомком галицких князей, а с представителем их боковой ветви — сыном дмитровского князя [163]. Благодаря наход-

[160] Там же. Об этом эпизоде см.: *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. II, т. 3—4, с. 263; *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 233—234; *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 121; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 538.

[161] ПСРЛ. М.; Л., 1962, т. XXVII, с. 241, 326. На это известие впервые обратил внимание А. Н. Насонов [*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы: (новые материалы).— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1955, вып. IV, с. 250, прим. 1].

[162] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 69.

[163] *Кучкин В. А.* Из истории..., с. 371—372.

ке А. Н. Насоновым летописного текста о переходе под власть Ивана Калиты половины (Стретенской) города Ростова расшифровывается скупая летописная фраза о «всем Ростове» местного князя Константина. Делается очевидным, что в Ростовском княжестве был ликвидирован очаг великокняжеских владений, которым распоряжались представители московской княжеской фамилии, и все это княжество (возможно, и купленное московскими князьями с. Богородицкое) переходило под власть одного Константина Ростовского. Вырисовывается, таким образом, крупная политическая акция слабевшей, но еще достаточно могущественной Орды. В своей политике по отношению к северо-восточным русским княжествам кочевая знать стремилась прежде всего свести на нет возросшее могущество московских князей, реставрировать систему независимых от Москвы княжеств, чтобы затем заставить их обессилеть в борьбе друг с другом за владимирское наследие. Именно такая политика приносила Орде успех в прошлом, она же должна была обеспечить монголо-татарское господство над русским «улусом» в будущем. В качестве своей опоры Орда попыталась использовать Нижегородское княжество.

В силу каких-то причин, может быть сугубо личных, Андрей Нижегородский не решился принять от Ноуруза ярлык на Владимирское княжество, но «соступися брату своему меньшему князю Дмитрею» [164]. Суздальский князь Дмитрий — Фома от ярлыка не отказался и по приходе на Русь 22 июня 1360 г. был торжественно посажен на великокняжеский стол во Владимире [165]. В дальнейшем Дмитрий Константинович старался выполнять волю ханов. Когда в конце того же, 1360 г. новгородские ушкуйники захватили и ограбили ордынский город Жукотин на р. Каме и «за то прогнѣвалися погании бесермена», Дмитрий Константинович созвал съезд русских князей на Костроме «о разбоиницѣхъ». Состав съезда показывает, кто из северо-восточных князей поддерживал нового великого князя. Это были брат Дмитрия Андрей Нижегородский и оба ростовских князя — Константин Васильевич и Андрей Федорович [166]. Кроме того, Дмитрий был

[164] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68.
[165] Там же, стб. 69.
[166] Там же.

признан Новгородом [167]. События несколько более позднего времени свидетельствуют, что помощь новому избраннику Орды оказывал белозерский князь [168]. Возможно также, что в русле политики Дмитрия Суздальского действовали стародубский и галицкий князья. Становится очевидным, что московское правительство лишилось не только контроля над значительными территориями, но и прежних своих союзников-вассалов.

Правда, Москва, видимо, несколько компенсировала эти потери. К Московскому княжеству было присоединено соседнее Дмитровское княжество, где, как отмечалось ранее, московские князья имели земельные владения еще в конце 40-х — начале 50-х годов XIV в. Дмитровская рать под командованием не местных князей, а московских воевод упоминается в летописи уже под 1368 г. [169] Следовательно, дмитровская территория была присоединена до 1368 г. Очевидно, это случилось около 1360 г., когда сын дмитровского князя выпросил в Орде ярлык не на свое отчинное, вероятно, уже занятое княжество, а на Галич [170]. По-видимому, Дмитров стал собственностью одного Дмитрия, и тем самым московский великий князь по размерам своего домена стал превосходить владения остальных представителей московского княжеского дома.

Между тем расширявшаяся феодальная смута в Орде привела к расколу государства. От Сарая в 1361 г. отделилась орда Мамая, где правили ханы-марионетки, угодные этому могущественному темнику [171]. Для русских княжеств открылась возможность при осуществлении своих планов тактически использовать противоречия монголо-татарских ханов. Но не это было главным. Ослаб общий контроль завоевателей над Северо-Восточной Русью, и ее князья оказались предоставленными самим себе. Теперь они собственными силами могли решить во-

.....

[167] Новгородцы приняли Дмитриевых наместников «и суд имъ даша, домолвяся съ княземъ». Это произошло еще до захвата ушкуйниками Жукотина, видимо в конце лета 1360 г. (НПЛ, с. 367).

[168] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 74.

[169] Там же, стб. 89.

[170] Неясна судьба в эти годы Углицкого княжества, которое считалось «куплей» московских князей. Сохранилась ли здесь власть Дмитрия Московского, или Углич был передан Ордой Константину Ростовскому, решить невозможно по полному молчанию источников.

[171] Подробнее см. статью В. Л. Егорова в этом сборнике.

прос о том, кому владеть великокняжеским столом во Владимире, кто в действительности способен возглавить процесс объединения русских земель.

Москва выжидала и накапливала силы и средства в течение более двух лет, и в 1362 г. Дмитрий Московский вступил в открытую борьбу с великим князем Дмитрием Суздальским. «Князь Дмитреи Иванович Московьскыи и князь Дмитреи Костянтинович Суждальскыи сперъся о великомъ княжении,— записывал под 1362 г. летописец,— и послаша кто ж своихъ киличеевъ въ Орду къ царю Мурату и принесоша ярлыкъ княжение великое по отчинѣ и по дѣдинѣ князю великому Дмитрею Ивановичю Московьскому» [172]. В период ордынских смут престиж ханской власти на Руси резко упал, и оба соперника уже не едут сами в Орду, что обязательно делали их предшественники, а посылают туда своих киличеев — полномочных послов, знавших татарский язык [173]. Характерно, что и московский князь, и великий князь владимирский признавали по традиции того хана, который сидел в Сарае, в данном случае Мюрида (Мурата, или Амурата русских источников) [174]. Хана мамаевой Орды и самого Мамая русские князья на первых порах просто игнорировали.

Все процитированное известие о получении Дмитрием Московским ярлыка на великое княжение от хана Мюрида, несомненно, составлено московским летописцем. Этот летописец указал лишь единственную причину того, почему сарайский правитель предпочел из двух соперников московского князя: тот, оказывается, имел право на Владимирское княжество «по отчинѣ и по дединѣ». В интерпретации средневекового хрониста оказались скрыты реальные мотивы, которыми руководствовался Мюрид. Зная предыдущую практику выдачи ярлыков ханами русским князьям, едва ли можно сделать большую ошибку, утверждая, что тут, как и в некоторых аналогичных случаях, дело решили деньги и подарки, розданные в Орде. И в этом отношении возможности московского претендента на великое княжение оказались, очевидно, выше, чем у Дмитрия Суздальского. Не исключено,

[172] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 72.

[173] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963, Bd. I, S. 471—472.

[174] О том, что Мюрид правил в Сарае, см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь, с. 124.

что митрополит Алексей, возглавлявший московское правительство, для достижения цели использовал и средства русской церкви.

Однако, несмотря на то что Дмитрий Московский получил ханский ярлык, суздальский князь добровольно владимирский стол ему не уступил. Тогда Дмитрий Иванович со своими братьями (родным и двоюродным) и «со всѣми боляры и собравъ воя многы своея отчины» зимой 1362 г. подступил к Переяславлю, где в то время пребывал Дмитрий Суздальский. Последний, по словам промосковски настроенного летописца, «ратнаго духа сдрогнуся и, уразумѣвъ свое неизволение», бежал сначала во Владимир, а затем в свой вотчинный Суздаль [175]. «Въ силѣ... тяжцѣ въеха» во Владимир Дмитрий Московский. Великокняжеский стол оказался в его руках. На стороне Дмитрия было не только преимущество в денежных средствах, но и перевес в военных силах, т. е. он пользовался широкой поддержкой церковных и светских феодалов. На следующий год к Дмитрию во Владимир приехал посол от хана мамаевой Орды Абдуллаха (Авдуля русских летописей) и вручил ему ярлык на великое княжение еще и от своего хана [176] — случай беспрецедентный в практике русско-ордынских отношений предшествовавшего времени. Правда, Дмитрий Суздальский, опираясь на помощь хана Мюрида (князь Иван Белозерский привел ему 30 «татариновъ» «изъ Муротовы Орды»), сделал было попытку захватить Владимир силой, но сумел продержаться в столице только неделю. Дмитрий Московский вновь собрал войска и выгнал суздальского князя из города. «Не токмо же се,— добавляет летописец,— но и тамо иде на него ратию къ Суждалю», и только после стояния под Суздалем Дмитрий Иванович пошел на мир со своим тезкой [177]. Владимирское великое княжество он объявил своей отчиной, т. е. наследственным владением, на которое не имели права посягать князья других княжеств, даже если бы они имели на него ярлыки от ордынских ханов.

1363 год стал годом больших политических успехов Москвы. Ликвидировав попытку суздальского князя вернуть себе владимирский стол, Дмитрий Московский привел под свою руку и те княжества, где правили недруже-

[175] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 72.
[176] Там же, стб. 74.
[177] Там же.

ственные ему князья. Краткое известие об этом помещено в Рогожском летописце: «Тако же падъ Ростовьскымъ княземъ. А Галичьскаго Дмитрея изъ Галича выгнали» [178]. Другие летописные своды сохранили несколько более подробное описание событий. Так, в Софийской I летописи читается сообщение, восходящее к ростовскому летописному источнику, согласно которому в 1363 г. «князь Андрѣй Федоровичь приѣха изъ Переяславля въ Ростовъ, а съ нимъ князь Иванъ Ржевский съ силою» [179]. В иных близких по тексту сводах добавлено «силою великою» [180]. Переяславль в 1362 г. как часть великокняжеской территории был под контролем Дмитрия Ивановича, и приход оттуда в Ростов князей Андрея Ростовского и Ивана Ржевского ясно показывает, что их действия направлялись великим князем. Да и «сила великая» не могла быть самостоятельно собрана ни Андреем, до того времени владевшим незначительным Бохтюжским уделом в Ростовском княжестве, ни Иваном, вероятно вообще не имевшим тогда каких-либо самостоятельных владений в Смоленском княжестве.

Появление в Ростове Андрея Федоровича с великокняжескими полками привело там к политическим переменам. Под 1364 г. в ростовском летописании сообщалось, что «того же лѣта поѣха князь Костянтинъ Василиевичь на Устюгъ» [181]. После этих событий определение «Ростовский» прилагается в источниках уже ко князю Андрею Федоровичу [182], из чего становится ясным, что именно он стал править в Ростове. Показательно и то, что только Андрей из всех ростовских князей «ведал» Орду, т. е. имел право дипломатических сношений с нею [183]. Что касается дяди Дмитрия Московского по женской линии князя Константина Васильевича, то, судя по летописному указанию на Устюг и по тому, что

[178] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 74.

[179] Там же. СПб., 1851, т. V, с. 229.

[180] Там же, т. I, стб. 532; *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века: (по двум спискам).— В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. II, с. 302.

[181] ПСРЛ, т. V, с. 230; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 291; т. I, стб. 533; *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века, с. 302 (в последнем источнике это событие датировано не 1364, а 1363 г.).

[182] ПСРЛ, т. XVIII, с. 110, под 6879 г.; т. XV, вып. 1, стб. 110, под 6883 г.; т. I, вып. 3, стб. 439, под 6917 г. Князь Константин назван Ростовским только в записи о его смерти (Там же, т. XV, вып. 1, стб. 79, под 6873 г.).

[183] Там же, т. XVIII, с. 110.

его потомки владели землями по р. Ваге, он получил в удел эту удаленную часть Ростовского княжества.

Переход Ростова в руки московского ставленника должен был вернуть Дмитрею Московскому те территории в княжестве, которые принадлежали его предшественникам, в частности с. Богородицкое, которое, кстати, упоминается в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.[184], и Стретенскую половину города Ростова.

Ростовское летописание сохранило подробности не только относительно промосковских политических перемен в древнейшем княжестве Северо-Восточной Руси, но и некоторые детали московской операции против Галицкого княжества. Оказывается, на галицкого князя Дмитрия Борисовича обрушилась объединенная рать всех московских князей: Дмитрия и Ивана Ивановичей, а также Владимира Андреевича. Жена галицкого князя была захвачена в плен, а сам он изгнан из княжества[185]. В Галиче была восстановлена власть московских Даниловичей.

Такая же участь постигла и стародубского князя Ивана Федоровича. Под напором московской силы он вынужден был оставить Стародуб и уйти, как и Дмитрий Галицкий, в Нижегородское княжество к противнику Москвы Дмитрию Суздальскому[186]. Некоторые историки считают, что в результате этих событий Стародубское княжество утратило свою самостоятельность и было присоединено к Москве[187]. Согласиться с такой точкой зрения невозможно, ввиду того что местные князья, владевшие Стародубом, упоминаются в источниках и после 1363 г.[188] Но несомненно, что в 1363 г. стародубский стол перешел в руки сторонника великого князя Дмитрия Ивановича. В этом небольшом княжестве Москва также упрочила свое влияние.

[184] ДДГ, № 12, с. 34.

[185] *Насонов А. Н.* Летописный свод XV века, с. 301.

[186] ПСРЛ, т. XXVII, с. 243, 327; везде под 6870 г., но здесь изложены события 1362 и 1363 гг. Летописная статья 6871 г. в этих сводах пропущена.

[187] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 149, прим. 3 (Иван Федорович — последний стародубский князь); Очерки истории СССР: Период феодализма, IX—XV вв., ч. 2, с. 135.

[188] Так, князь Андрей Федорович Стародубский упомянут среди участников похода на Тверь в 1375 г., причем явно во главе сил своего княжества (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 111).

Таким образом, через четыре года после смерти Ивана Красного московское правительство сумело не только восстановить все то, чем владел этот великий князь, но и упрочить эти владения за собой, объявив бо́льшую их часть собственностью своего князя.

Между тем утративший владимирский стол князь Дмитрий Суздальский не думал так легко примириться с потерей. В это время старший брат Дмитрия Андрей, видимо, отказался от нижегородского стола, и Дмитрий решил прежде всего расширить свою власть в собственном княжестве. По старшинству именно он должен был наследовать Андрею. Но когда Дмитрий с матерью и суздальским епископом Алексеем приехал в Нижний Новгород, он застал там нового нижегородского князя — своего брата Бориса Городецкого. Тот не уступил ему нижегородского стола, и Дмитрию ни с чем пришлось вернуться в свой Суздаль. Предвидя неизбежную борьбу за главный стол княжества, Борис осенью 1363 г. укрепил Нижний [188].

Московское правительство следило за развитием событий в Нижегородском княжестве. Захват Борисом нижегородского стола, видимо, вызвал какие-то опасения Москвы. Во всяком случае следует отметить, что создавалась потенциальная возможность образования на востоке русских земель крупного единого княжества, включавшего такие центры, как удельный город Бориса Городец и занятый им Нижний Новгород. Важное значение приобретали при этом тесные родственные связи Бориса с великим князем литовским Ольгердом, которому он приходился зятем, и начатые Борисом дружественные контакты с Сараем, откуда ханские послы привезли ему ярлык на Нижегородское княжение [189]. В складывавшуюся в Нижегородском княжестве ситуацию решил вмешаться митрополит Алексей.

Дело в том, что когда в 1341 г. в результате прямых действий Орды путем слияния Суздальского княжества с выделенными из Владимирского княжества территориями Нижнего и Городца было образовано Нижегородское княжество во главе с Константином Суздальским, в церковном отношении земли нового княжества оказались поделенными надвое. Суздальская территория осталась

[188] Там же, стб. 74.
[189] Там же, т. V, с. 230; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 291.

в ведении суздальского епископа, а волости Городца и Нижнего Новгорода, ранее относившиеся к Владимиру, остались в составе Владимирской епархии, которой управлял сам митрополит. Таким образом, на территории, над которой в 1363 г. установил свой контроль Борис Городецкий, церковная власть принадлежала Алексею [190]. И последний решил ею воспользоваться.

В Нижний Новгород были направлены послы митрополита архимандрит Павел и игумен Герасим, которые пригласили Бориса на переговоры в Москву. Тот отказался. В ответ митрополичьи представители закрыли местные церкви. Тогда Борис решил послать в Москву посольство из бояр, но по дороге туда на послов напал старший сын Дмитрия Суздальского Василий, который захватил в плен большинство бояр. Лишь один нижегородский боярин сумел добраться до Москвы и решил остаться там служить. Произошло это осенью или в начале зимы 1363 г.[191]

Уже после этих событий Дмитрий Суздальский отправил своего первенца Василия в Орду за ярлыком на Владимирское великое княжение. Василий возвратился на Русь в конце 1364 г. С ним пришел посол Урусманды от сарайского хана Азиза со столь желанным ранее ярлыком для Дмитрия [192]. Но обстоятельства изменились. Суздальский князь за это время так и не овладел нижегородским столом. Дмитрий Константинович, конечно, понимал, что если раньше он не смог продержаться против Дмитрия Московского, обладая всем Владимирским великим княжеством, то теперь, располагая силами лишь своего удела, у него нет никаких шансов закрепиться на владимирском столе. Поэтому он передал ярлык Азиза Дмитрию Ивановичу, а сам «испросилъ и взялъ собѣ у него силу къ Новугороду къ Нижнему на брата своего князя Бориса» [193]. Когда не помогло дипломатическое вмешательство великого князя о «подѣлѣ» Нижегородского княжества между братьями, он дал свои полки старшему из них. Дмитрий Константинович собрал много воев и в своем Суздальском уделе. Объединенная рать выступила к Нижнему. Борис вынужден был смириться. У Бережца, близ впадения р. Клязьмы в р. Оку, Борис со своими

[190] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 280.
[191] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 74—75.
[192] Там же, стб. 77—78.
[193] Там же, стб. 78.

боярами встретил брата, «кланяяся и покаряяся и прося мира, а княжениа ся съступая»[194]. Дмитрий, наконец-то, получил Нижний Новгород. Борис вернулся на свой Городецкий удел. Смерть 2 июня 1365 г. бывшего нижегородского князя Андрея Константиновича[195] укрепила положение внутри княжества Дмитрия[196]. Однако

[194] Там же. О местоположении Бережца см.: АСВР, т. II, № 482, с. 522; т. III, № 488—489, с. 470. Акты XV в. упоминают и Бережецкую дорогу, причем в одном из них она названа «пошлой» (старой) (Там же, т. III, № 487, с. 469; т. II, № 459, с. 482).

[195] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 78.

[196] Нижегородские события 1363—1365 гг. весьма трудны для интерпретации. Из всех описанных выше событий только одно имеет точную дату: смерть Андрея Нижегородского случилась 2 июня, в неделю пентикостную лета 6873, т. е. 2 июня 1365 г. (*Черепнин Л. В.* Русская хронология. М., 1944, с. 61, 63 и табл. XVI). Рогожский летописец под 6871 годом рассказывает о вторичном изгнании Дмитрия Суздальского из Владимира, приезде его с матерью и владыкой Алексеем в Нижний Новгород, размолвке с Борисом, возвращении в Суздаль. Далее осенью того же, 6871 г. в этом источнике датируется укрепление Нижнего Борисом, приезд в Нижний Новгород послов митрополита Алексея, закрытие ими церквей, посылка Борисом бояр в Москву, нападение на них князя Василия Дмитриевича и бегство к Москве боярина Василия Олексича. Под 6872 годом описаны все события от прихода из Орды Василия Дмитриевича с послом от хана Азиза до мира между князьями Дмитрием и Борисом и разделении между ними Нижегородского княжества включительно. Под 6873 годом сообщается о смерти Андрея Нижегородского. В Софийской I (далее: СI) и Новгородской IV (далее: НIV) летописях события изложены в ином порядке. Весь рассказ о них помещается под 6873 г. Сначала говорится о смерти 2 июня (дата неполная) Андрея Нижегородского, затем о приезде в Нижний Новгород Дмитрия Суздальского, которому его младший брат Борис «не сступися» княжения. Далее идет описание рязанских событий, а затем говорится о приезде «той же зимы» в Нижний Новгород двух послов из Орды: посла от хана Баираил-Хози и посла от ханши Осана, которые посадили на нижегородский стол Бориса Константиновича. Далее рассказывается о том, что митрополит Алексей отнял Нижегородскую епископию от суздальского владыки Алексея, о приходе посла к Борису от великого князя Дмитрия Ивановича игумена Сергия, который звал Бориса на Москву, а когда он не поехал, «они же церкви затвориша». В заключение повествуется, как великий князь дал Дмитрию Суздальскому войска, как тот пошел на Нижний, как «доби ему челом» брат Борис и как они разделились княжением (ПСРЛ, т. V, с. 230; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 291—292). Я. С. Лурье полагает, что известие о нижегородских событиях под 6873 г. в СI и НIV уникально и восходит к «северо-восточному (ростовскому и суздальскому) источнику» этих сводов (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 98, 99). Но говорить о каком-то ростово-суздальском летописном памятнике для

стабильность этого положения зависела от великокняжеской поддержки. И почти до конца своей жизни нижегородский князь не нарушал союза с Москвой. Этот союз упрочился после женитьбы Дмитрия Московского на младшей дочери Дмитрия Константиновича Евдокии в январе 1367 г.[197] Свою старшую дочь Марию Дмитрий Нижегородский выдал за сына первого из московских бояр тысяцкого В. В. Вельяминова Николая (Микулу) [198]. Так были закреплены связи между Москвой и Нижним Новгородом. После этого московское правительство могло приступить к активной политике в отношении другого великого княжества Северо-Восточной Руси — Тверского.

В истории Тверского княжества 60-е годы XIV в., особенно их первая половина, стали временем перелома в его внутреннем развитии. Ослабление ханского контроля над Русью коснулось и его, вызвав там подъем нацио-

XIV в. не приходится: Ростов и Суздаль, как показано было выше, относились к совершенно различным княжествам. Что касается источника статьи 6873 г. CI и HIV, то скорее всего им была Троицкая летопись, т. е. такой текст (за одним исключением) об этих событиях, который читается под 6871—6873 гг. в Рогожском летописце. Только в Новгородско-Софийском своде или в его источнике — своде Фотия — текст был препарирован и изложен после сообщения о смерти Андрея Нижегородского, получив законченную логическую последовательность. Правда, некоторые неудачные следы редакционной работы все-таки остались. Сводчики написали об отнятии у суздальского епископа Алексея Новгородской (Нижегородской) епископии, хотя Нижний Новгород к его епархии не принадлежал. Вместо двух послов митрополита Алексея введен в рассказ посол великого князя игумен Сергий, который неизвестно по какому праву закрывает церкви в Нижнем Новгороде. К тому же сохранившаяся в HIV фраза «они же церкви затвориша» показывает, что в источнике CI и HIV читалось о двух послах, а не об одном Сергии. Поэтому последовательность событий приходится восстанавливать по тексту Рогожского летописца. Анализ этого текста приводит к выводу, что в 1363 г. Андрей Нижегородский хотя и был жив, но уже не княжил и вся борьба Бориса с Дмитрием за нижегородский стол разыгралась при его жизни. По-видимому, это-то обстоятельство и ввело в затруднение составителей Новгородско-Софийского свода (или его источника), и они отнесли все события ко времени после смерти Андрея. Но в их своде читалось действительно уникальное известие о посажении Бориса на нижегородский стол ордынскими послами. Ввиду того что в CI и HIV под 6873 г. изложены нижегородские события за ряд лет, трудно определить, зимой какого именно года приезжали в Нижний два ханских посла, но в 1363 г. вероятнее.

[197] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 83.

[198] Там же, т. XXV, с. 250, под 6941 г.; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 215.

нальных и объединительных устремлений. Опиравшийся на поддержку Орды и московских князей, занимавших владимирский великокняжеский стол, тверской великий князь Василий Михайлович Кашинский в 1360 г., когда Москва потеряла Владимир, а Орда раздиралась внутренними мятежами знати, вынужден был пойти на соглашение со своими противниками — сыновьями Александра Михайловича Тверского [199]. Старший из них — Всеволод — в 1348—1349 гг. уже занимал стол великого княжения Тверского [200], однако в начале 60-х годов XIV в. на первый план выдвигается следующий по возрасту Александрович — Михаил [201]. Именно Михаил в 1362 г. ездил в Литву заключать мир с Ольгердом, нарушенный скорее всего в 1361 г., когда «Литва волости Тфѣрьскыи имали» [202]. Именно на Михаила хотел было организовать поход тверской великий князь Василий Кашинский, но, собрав уже войско, так и не решился выступить [203]. К осени 1365 г. Михаил Александрович уже сидел на тверском великокняжеском столе [204]. Его дядя Василий Михайлович должен был удалиться в свой Кашин. Конец 1365 — начало 1366 г. ознаменовались вспышкой моровой эпидемии в Твери, которая унесла жизни многих местных князей, а их владения сделала выморочными [205]. В итоге к весне 1366 г. князь Михаил стал обладателем не только Тверского великого княжения, но и всего удела своего отца, а также половины клинских волостей, отчинный владелец которых князь Семен Константинович отказал их перед своей смертью Михаилу. В руках Михаила Александровича оказалась, таким образом, сконцентрированной бóльшая часть территории всего Тверского княжества. Подобного не было уже ряд десятилетий.

Помня об историческом прошлом, когда именно с Тверью пришлось выдержать наиболее ожесточенную и кровавую борьбу за Владимирское великое княжение, мо-

.....

[199] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 69.
[200] Там же, т. X, с. 220, 221.
[201] Последняя акция, где Всеволод еще выступает лидером всех Александровичей,— его поездка в Орду в 1361 г., связанная, вероятно, как и поездка Василия Кашинского, с внесением ордынского выхода (Там же, т. XV, вып. 1, стб. 72; ср. стб. 71, где указывается, что князь Василий в Бездеже «сребро... поклалъ»).
[202] Там же, стб. 72.
[203] Там же, стб. 75.
[204] Там же, стб. 79 (Михаил титулуется великим князем).
[205] Там же.

ковское правительство, естественно, было обеспокоено и утратой его союзником Василием Кашинским тверского стола, и явными успехами энергичного Михаила Александровича. Объективный рост объединительных тенденций, наблюдаемый в разных княжествах Северо-Восточной Руси того времени, московские политики хотели использовать исключительно в своих целях, как правители других княжеств стремились использовать его в своих. И как только в Тверском княжестве обнаружилась оппозиция действиям великого князя Михаила, попытавшегося сразу же закрепиться в Семеновом уделе, поставив там крепость, в лице Василия Кашинского и брата Семена Еремея, Москва сразу же вмешалась в конфликт. Митрополит Алексей приказал тверскому епископу Василию рассудить князей. Но епископ принял сторону сильнейшего[206]. Открытое столкновение между Москвой и Тверью было несколько отложено из-за неожиданно возникшего московско-новгородского конфликта.

Летом 1366 г. новгородские ушкуйники организовали поход на Волгу, где разгромили пристань Нижнего Новгорода и ограбили многих русских и мусульманских купцов. В ответ Дмитрий перекрыл путь с Подвинья на Новгород через Вологду и захватил там новгородского боярина Василия Даниловича с сыном[207]. Это случилось зимой 1366 г. Мир с Новгородом был разорван.

Обострившиеся отношения с Тверью и Новгородом побудили московских князей к тесному сплочению. К тому времени умер младший брат Дмитрия Иван[208], и в московской княжеской династии остались два представителя мужского потомства Ивана Калиты: сам Дмитрий Иванович и его двоюродный брат Владимир Андреевич. Они и заключили в 1366 г. между собой союз, оформленный письменным соглашением, которое сохранилось[209]. До-

[206] Там же, стб. 81.

[207] НПЛ, с. 369; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 81.

[208] Он умер 23 октября 1364 г. (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 76).

[209] ДДГ, № 5, с. 19—21. Датировка договора колеблется у различных исследователей: А. Е. Пресняков признавал правильным тот вариант его датировки у А. В. Экземплярского, в котором он относил составление документа к 1362 г. (*Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 172—173 и прим. 1 на с. 172). К этому же моменту относит составление договора А. А. Зимин, уточняя его дату: зима 1362/63 г. (*Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв.— В кн.: Проблемы источниковедения. М., 1958, вып. VI, с. 282). Более поздним периодом датировал оформление соглашения между москов-

говор определял статус владений каждого князя, в том числе и на территории бывшего великого княжества Владимирского, провозглашал невмешательство одного в права другого, теснейшее дипломатическое и военное сотрудничество братьев перед лицом внешней опасности. Но при этом договор не был докончанием равноправных сторон. Князь Владимир признавал себя «братом молодшим», а Дмитрия — «братом старейшим», т. е. своим сюзереном. Важно и другое. Текст договора помогает понять, почему московский удельный князь поддерживал объединительную политику своего брата, был заинтересован в ее положительных результатах. Статья докончания: «А коли ми будеть гдѣ отпущати своихъ воеводъ из великого княженья, а кто будеть (пропуск 5 букв; может быть, «тамо»? — *В. К.*) твоихъ бояръ и слуг, тобѣ послати своихъ воевод с моими воеводами вмѣстѣ, без ослушанья» [210], — показывает, что на территории великого княже-

скими князьями Л. В. Черепнин. Он считал, что договор составлен после 23 октября 1364 г., когда умер младший брат Дмитрия Ивановича князь Иван. Далее, уже не обосновывая своего решения текстом документа, Черепнин называл дату его составления — 1367 г. Очевидно, по мысли Черепнина, возведение каменного Кремля в Москве и война с Тверью должны были непременно привести к соглашению Дмитрия с Владимиром (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 32—33). Все предложенные датировки договора почти не основываются на изучении его текста. Между тем отсутствие в нем какого-либо упоминания о семьях заключивших договор князей свидетельствует, что он составлен до 18 января 1367 г., когда Дмитрий женился. С другой стороны, статья докончания «А в твои ми [удѣлъ грамотъ жаловаль]ныхъ не давати. Тако же и тобѣ в мои удѣлъ и во все мое великое княженье не давати своихъ грамотъ. А которыи грамоты буду подавал, а тѣ ми грамоты отоимати. А тобѣ тако же, брату моему молодшему, грамоты отоимати, кому будешь подавал в моемь княженьи» (ДДГ, № 5, с. 21), говорит за то, что Дмитрий уже владел великим княжеством Владимирским, причем сравнительно продолжительное время, поскольку его двоюродный брат успел выдать на какие-то земли (видимо, села) великого княжества свои грамоты. Поэтому отнесение договора к зиме 1362/63 г. является неприемлемым. Полагая вслед за Черепниным и вопреки Преснякову, что договор вызван к жизни не внутренними событиями в Московском княжестве, а осложнением внешней обстановки, в намеченных хронологических рамках (после зимы 1362/63 г. и до 18 января 1367 г.), следует остановиться на 1366 г. как времени, когда эта обстановка стала наиболее тревожной для московских князей и потребовала их единения.

[210] ДДГ, № 5, с. 21.

ния жили бояре и слуги удельного князя, которые вместе с поселенными или проживавшими там же своими людьми должны были ходить под стягом князя Владимира. Удельный князь был кровно заинтересован в увеличении численности своих полков за счет населения великого княжения. И, хотя он не имел в этом княжении никакой власти, он охотно поддерживал права на него своего старшего родича. Ведь переход великого княжения в руки иной княжеской династии повлек бы за собой ликвидацию там владений бояр и слуг Владимира Андреевича. Кроме того, договор подчеркивал обязанность великого князя за верные союз и службу «кормить» удельного [211].

В 1366 г. произошло не только укрепление политического единства московских князей, но и укрепление в прямом, изначальном смысле этого слова самой Москвы. Сильно пострадавшая от большого пожара летом 1365 г., Москва в случае столкновения с серьезным противником представляла для него легкую добычу. Взрывоопасная ситуация 1366 г. побудила Дмитрия и Владимира к строительству каменного Кремля в Москве. «Тое же зимы,— сообщает московский летописец,— князь великыи Дмитреи Ивановичь, погадавъ съ братомъ своимъ съ княземъ съ Володимеромъ Андрѣевичемъ и съ всѣми бояры старѣишими и сдумаша ставити город каменъ Москву, да еже умыслиша, то и сътвориша» [212]. Возведение каменных стен Москвы было первым случаем строительства значительной каменной крепости в Северо-Восточной Руси в послемонгольский период. Ставшая единственным на Северо-Востоке городом с каменным Кремлем, Москва превратилась в военный оплот своих князей. Связь их политики по отношению к другим княжествам со строительством Кремля не укрылась от современников. Враждебно настроенный к Москве тверской летописец отмечал: «Того же лѣта на Москвѣ почали ставити городъ каменъ, надѣяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити въ свою волю, а которыи почалъ не повиноватися ихъ волѣ, на тыхъ почали посягати злобою» [213].

«Приведение в свою волю» коснулось прежде всего Твери. Этому предшествовал мир с Новгородом в начале

[211] Там же: «а мнѣ тобе кормити по твоеи службѣ».
[212] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 83.
[213] Там же, стб. 84.

1367 г.[214], который развязал руки московскому правительству. Тверской владыка Василий был вызван митрополитом в Москву и из судьи превратился в подсудимого. Алексей оправдал Василия Кашинского и его племянника Еремея, а епископу «бышеть истома и проторъ великъ»[215]. Михаил Александрович Тверской должен был покинуть княжество и искать помощи в Литве. Тверь захватили князья Василий и Еремей. Вместе с московской ратью они повоевали тверские волости, пытались взять городок, поставленный Михаилом в бывшем уделе князя Семена, но безуспешно. Другие московские полки вместе с волоколамскими в это время опустошили тверские и клинские земли по правому берегу р. Волги. Но в самом конце октября 1367 г. в Тверь вместе с литовским войском вернулся великий князь Михаил Тверской. Он быстро восстановил свою власть в княжестве. Его противники — местные князья вынуждены были просить мира. При таком обороте дела великому князю Дмитрию Ивановичу не оставалось ничего иного, как в свою очередь заключить мир с Михаилом. Это произошло в начале 1368 г.[216] Правда, у великого князя еще сохранялась возможность вмешаться в тверские дела. К нему на службу («въ рядъ»), порвав договор с Михаилом Тверским, перешел князь Еремей Константинович[217], но пока возможность не стала реальностью. Реальностью же оказалось то, что великий князь Михаил, пользуясь поддержкой Литвы, распространил свою власть не только на Семенову половину Клинского удела, но и на часть князя Еремея. Становилось ясно, что для «приведения в свою волю» Твери необходимо вести борьбу с Тверью и Литвой одновременно.

Из документов и летописных свидетельств несколько более позднего времени выясняется, что в начале 1368 г. московское правительство сумело обрести важных союзников в предстоявшем противоборстве с великим княжеством Литовским и великим княжеством Тверским.

В результате обращения митрополита «Киевского и всея Руси» Алексея константинопольский патриарх Филофей в июне 1370 г. издал два интердикта: одна отлучительная грамота была адресована смоленскому велико-

[214] НПЛ, с. 369.
[215] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 84.
[216] Там же, стб. 84—85.
[217] Там же, стб. 85.

му князю Святославу, другая — не названным поименно «благороднейшим князьям русским»[218]. Причина отлучения Святослава Смоленского от церкви излагалась в патриаршем послании следующим образом: «Мерность наша узнала, что ты согласился и заключил договор с великим князем всея Руси кир Дмитрием, обязавшись страшными клятвами и целованием честного и животворящего креста в том, чтобы тебе ополчиться на врагов нашей веры и креста, поклоняющихся огню и верующих в него. И великий князь, как условился и договорился с тобою, был готов и ожидал тебя; но ты не только не сделал, как обещался и клялся, но, преступив клятвы, договор, обещание и крестное целование, ополчился вместе с Ольгердом против христиан, и многие из них были убиты и разорены...»[219]. Те же обоснования церковной карательной меры были приведены и в отлучительной грамоте русским князьям[220]. Таким образом, выясняется, что до июня 1370 г. Святослав Смоленский и некоторые другие князья заключили с великим князем Дмитрием Ивановичем договоры против Литвы (врагом, «поклоняющимся огню и верующим в него», был Ольгерд), а затем не только не поддержали Дмитрия, уже собравшего полки, но и выступили против него вместе с Ольгердом. До июня 1370 г. имело место лишь одно столкновение литовского великого князя с владимирским: так называемая «первая литовщина» — поход Ольгерда на Москву в конце 1368 г., в котором приняла участие, как об этом прямо пишет летопись, «смоленьскаа сила»[221]. Следовательно, соглашения Дмитрия Ивановича со смоленским и другими русскими князьями, упоминаемые в интердиктах Филофея, состоялись до конца 1368 г., скорее всего в его начале после замирения Дмитрия с Михаилом Тверским. Какие же русские князья выступали тогда в союзе с Москвой?

Колебания этих союзников Москвы, переход их на сторону то Дмитрия, то Ольгерда подсказывают, что речь должна идти о тех князьях, чьи княжества лежали между Литовским государством и Северо-Восточной Русью. Одним из таких княжеств было Смоленское, князь кото-

[218] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., № 21 и 20.
[219] Там же, стб. 122. В переводе напечатано «верующим в него», хотя должно быть «верующих в него».
[220] Там же, стб. 118, 120.
[221] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 88 и 89—90.

рого прямо назван в процитированном послании константинопольского патриарха. В 50—60-х годах XIV в. Ольгерд, как уже отмечалось, сумел оттторгнуть от Смоленска ряд городов и волостей. «Все теснее надвигалась на Смоленское княжество, охватывая его крепким кольцом, литовская сила» [222],— резюмировал А. Е. Пресняков. И в этих обстоятельствах смоленский князь становился естественным союзником русской великокняжеской власти. Положение усугублялось еще и тем, что Смоленск, Брянск, приокские княжества в церковном отношении были подвластны митрополиту Алексею, плохо контактировавшему с язычником Ольгердом. К военному и дипломатическому противодействиям нажиму Литовского государства примешивалась и религиозная неприязнь, и все это взаимно питало друг друга.

Очевидно, что в такой же ситуации, в какой оказался смоленский князь, были и другие «благороднейшие князья русские», которых в 1370 г. осудил Константинополь. Речь, очевидно, должна идти об удельных смоленских князьях и князьях восточной Черниговщины, чьи владения лежали в бассейне верхней Оки. Такое предположение подтверждается указанием летописи на союзника великого князя Дмитрия Оболенского князя Константина Юрьевича, убитого в 1368 г.[223], а также жалобой патриарху Ольгерда Литовского на князей Ивана Вяземского и Ивана Козельского, принявших сторону Москвы [224]. Возможно, что на сторону Дмитрия встал крещеный сын Ольгерда полоцкий князь Андрей, который в начале 1368 г. совершил нападение на Хорвач и Родню, две тверские волости, относившиеся к отчинным владениям Михаила Тверского [225]. Во всяком случае, если поименное определение союзников великого князя Дмитрия несколько затруднительно, то общее заключение о соглашении между Москвой и пограничными с Литвой русскими кня-

[222] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 298.

[223] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 89.

[224] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 138. Впрочем, позиция Ивана Вяземского и Ивана Козельского, ранее служивших Ольгерду, могла измениться под влиянием событий 1369 и 1370 гг., когда москвичи воевали смоленские волости, а затем совершили поход на Брянск (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 91, 92).

[225] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 87. О крещении Андрея см.: НПЛ, с. 354, под 6850 г. О местоположении Хорвача см.: *Квашнин-Самарин Н. Д.* Указ. соч., с. 34. О местоположении Родни см.: *Борзаковский В. С.* Указ. соч., с. 31.

жествами в начале 1368 г., думается, не должно вызывать сомнений.

Заручившись такой поддержкой, московское правительство не только собрало войска, как это констатирует в своих отлучительных грамотах патриарх Филофей, но и приступило к военным действиям против Литвы. В первой половине 1368 г. удельный московский князь Владимир Андреевич «ходилъ ратию да взялъ Ржеву» [226]. Речь шла о захвате не только города Ржевы, а, как можно судить на основании жалобы Ольгерда константинопольскому патриарху, и всей относившейся к Ржеве территории, доходившей на западе до озер Волго, Вселуг и Селигер и равной по своим размерам территории среднего княжества Северо-Восточной Руси [227].

Нанеся чувствительный удар Литве, московское правительство решило не прибегать к силе в борьбе с другим своим противником — Михаилом Тверским. Тверскую проблему в Москве попытались разрешить «мирными средствами», но в типично средневековом духе. Князя Михаила пригласили на переговоры в Москву. Тот заколебался, опасаясь западни. Тогда ему были даны клятвенные гарантии его безопасности, и Михаил решился. Со своими боярами он отправился в Москву, но по прибытии был схвачен, бояре его арестованы и заключены под стражу. Грех за клятвопреступление снял с москвичей митрополит Алексей. Арестовав Михаила, московское правительство захватило у него удел князя Семена Константиновича и посадило там князя Еремея со своим наместником. Только приход в том же, 1368 г. в Москву посольства от Мамая спас Михаила Тверского от худшего. Опасаясь нежелательной ордынской реакции, московское правительство вынуждено было отпустить тверского князя [228].

[226] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 87.

[227] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., № 24, стб. 138. К территории Ржевы относились первые 10 (кроме Великих Лук) городков, перечисленных в Послании Ольгерда как отнятые у него войскамп великого князя Дмитрия. О местоположении этих городков см.: *Успенский В. П.* Литовские пограничные городки: Селук, Горышин и другие. Тверь, 1892.

[228] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 87. О посольстве монголо-татар в 1368 г. и об опасениях великого князя Дмитрия см.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь, с. 128—129. Что это было посольство Мамая, доказывается тем, что в 1368 г. Мамай был руководителем всей Орды, ему в названном году удалось занять Сарай (см. статью В. Л. Егорова в настоящем сборнике).

Гнев чудом избежавшего «истомы» Михаила на великого князя Дмитрия и особенно на митрополита требовал выхода. Тверской князь вновь обратился к Ольгерду, долго и красноречиво «прося помощи собѣ и обороны, дабы сътворилъ мѣсть его въскорѣ» [229]. Теперь Ольгерд, сам понесший серьезный урон от великокняжеских полков, проявил и сговорчивость, и энергию. К осени 1368 г. он собрал большое войско и двинулся с ним на Москву. Появление в землях, соседивших с Северо-Восточной Русью, объединенной рати литовских князей (помимо самого Ольгерда, в походе участвовали его брат Кейстут, сын последнего Витовт, сыновья Ольгерда и «вси князи Литовьстии»), видимо, привело к тому, что смоленские и черниговские (верховские) князья отложились от Дмитрия Московского. Присоединив к себе тверскую и смоленскую силы, Ольгерд скрытно подошел к рубежам Московского княжества. В Москве противника не ожидали. «Въ заставу противу Олгерда» были посланы наспех собранные московская, коломенская и дмитровская рати. В другие города успели послать лишь грамоты с наказом выступить в поход. Настоящего отпора организовать не удалось. Продвигаясь к Москве со стороны р. Протвы, Ольгерд последовательно разбил заслон князя Семена Дмитриевича Стародубского, причем сам Семен пал в бою, затем занял Оболенск, где убил князя Константина Юрьевича, и на р. Тростне 21 ноября 1368 г. одержал победу над присланной из Москвы заставой [230]. Путь на саму Москву был свободен. Дмитрий Иванович, Владимир Андреевич и митрополит Алексей укрылись в городе. Тут-то и сыграли свою роль новые каменные стены московского Кремля. Подошедший к крепости Ольгерд простоял под ними трое суток, выжег и разграбил все предместья, посек и попленил людей, но города взять не смог и вынужден был вернуться восвояси [231]. Тем не менее моральный и материальный ущерб от «первой Литовщины» был настолько велик, что летописец сравнил его с бедствиями от нашествия ордынской Федорчуковой рати, затопившей в крови восстание тверичей в 1328 г. Военная неудача вынудила московское правительство пойти на дипломатические уступки. Тверскому великому князю был возвращен удел князя Семена Константино-

[229] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 88.
[230] Там же, стб. 89.
[231] Там же, стб. 89—90.

вича, а князь Еремей по сути дела выдан головою [232]. И на сей раз стремление москвичей «привести в свою волю» тверского князя было парализовано.

Однако своих намерений Дмитрий не оставил. Он укрепил союз с Новгородом и Псковом, отражавшими агрессию Тевтонского Ордена, послав во Псков своего представителя Никиту, а в Новгород — двоюродного брата Владимира, очевидно, с какой-то помощью [233]. Пользуясь тем, что немцы начали наступление и на Литву, Дмитрий сумел взять реванш за осадное «сидение» 1368 г. В 1369 г. московские и волоцкие полки повоевали союзное Литве Смоленское княжество [234], а в 1370 г. воеводы Дмитрия совершили поход на Брянск [235]. Результатом этих военных действий было то, что Дмитрий удержал за собой Ржеву и ржевские волости, захватил Мценск и Калугу, выбив оттуда сторонника Ольгерда его зятя Ивана Новосильского, укрепил союз с князьями Иваном Вяземским и Иваном Козельским и, по-видимому, установил контроль над Брянском или частью брянской территории, склонив на свою сторону нагубника Василия [236]. Одновременно Дмитрий предпринял и некоторые оборонительные меры. В 1368—1369 гг. он укрепил Переяславль, через который лежал путь из Твери во Владимир [237].

Но не бездействовал и Михаил Тверской. Осенью 1369 г. он в две недели обнес Тверь новыми деревянными стенами, для большей прочности обмазав их глиной [238]. Примерно в это же время он, оценив ситуацию и понимая, что у его главного союзника — литовского великого князя руки связаны борьбой с Тевтонским Орде-

[232] Там же, стб. 90.

[233] Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 23; М., 1955, вып. 2, с. 27, 103.

[234] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 91.

[235] Там же, стб. 92.

[236] РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., № 24, стб. 138, 140. Упоминаемый здесь нагубник Василий, который давал перед лицом епископа клятву верности Ольгерду, несомненно, крупное должностное лицо, скорее всего наместник в каком-то центре, подчинявшемся уже не местным князьям, а самому литовскому великому князю. Таким центром с 1357 г. стал Брянск (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 65). Поскольку именно на Брянск был совершен поход 1370 г. московских воевод, в нагубнике Василии и следует видеть брянского наместника.

[237] ПСРЛ, т. XVIII, с. 109.

[238] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 91; т. XVIII, с. 109 (лишь здесь читается, что стены «глиною помазали»).

ном, обратился за помощью к Мамаю, согласившись на ставший было уходить в прошлое старый порядок утверждения русских князей на их столах Ордой. Только так можно расценить скупое известие тверского летописного источника о приходе в Тверь в 1370 г. монгольских отрядов Каптагая и Тюзяка, которые «привезли ярлыкъ князю великому Михаилу на Тфѣрьское княжение» [239]. Очевидно, что Мамай, успевший к тому времени в очередной раз потерять захваченный было Сарай, весьма охотно пошел навстречу тверскому князю. Помощь ему укрепляла контроль Орды над русскими землями. Примечательно, что в том же, 1370 г. Мамай сумел отправить в поход против своих врагов полки нижегородского князя Дмитрия Константиновича и посадить с их помощью своего ставленника в Булгарском княжестве [240]. 1370 год стал началом активизации политики Мамая в отношении Северо-Восточной Руси.

Чувствуя поддержку всевластного темника, Михаил Тверской послал летом 1370 г. посольство в Москву «любви крѣпити». Но в Москве последовательно шли к своей цели. Переговоры с посольством были отвергнуты, прежнее крестоцелование было сложено, и Михаилу было объявлено о начале войны. Узнав об этом, тверской князь уехал в Литву [241]. С конца августа начались военные действия. Москвичи и волочане сначала повоевали тверское порубежье, а 1 сентября в кампанию вступил «самъ князь великии Дмитрии съ всею силою». В несколько дней был опустошен юг Тверского княжества, а г. Зубцов взят и сожжен [242]. Удар был нанесен по собственным волостям Михаила Александровича, являвшимся, видимо, основной базой экономической и военной силы этого князя.

В таких обстоятельствах, действуя, очевидно, по совету литовского великого князя, Михаил решил вновь обратиться за поддержкой к Мамаю. Но теперь он просил у него помощи не в удержании за собой тверского стола, а в получении ярлыка на все Владимирское великое княжение. Раздав большие дары ханским советникам и посулив им еще бо́льшие в будущем, Михаил Тверской сумел получить великокняжеский ярлык от мамаева ханамарионетки. Михаилу был также дан ордынский посол,

[239] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 92—93.
[240] Там же, стб. 92.
[241] Там же.
[242] Там же, стб. 93.

видимо с вооруженным отрядом, который должен был сопровождать тверского князя на Русь и участвовать в его посажении на стол великого княжения. Смысл явно чрезмерных, особенно в его положении, претензий Михаила Тверского сводился, видимо, к тому, чтобы заставить заколебаться сторонников и союзников московского князя, поставленных перед вопросом: сторону какого из великих князей им принимать? Тем самым ослаблялось бы давление на его собственное княжество, а при благоприятной ситуации Михаил мог рассчитывать и на сохранение за собой владимирского стола. Подрыв могущества Москвы, возможные междоусобицы на Руси сулили благоприятные перспективы для распространения на русские земли литовского и ордынского влияний. Поэтому Михаила поддержали и Литва, и Орда. Намечались контуры весьма опасного для великого князя Дмитрия Ивановича союза. Но, пока Ольгерд был озабочен защитой своих северо-западных владений от Ордена, а Мамай еще не решился открыто враждовать с Москвой, был намечен пробный шаг, осуществить который должен был тверской великий князь.

Однако его попытка превратиться из номинального в фактического великого князя владимирского закончилась полнейшей неудачей. Сторонники и союзники Дмитрия Московского не только не проявили какого-либо колебания, но дружно выступили против Михаила. Его и его ордынского попечителя просто не пустили на Русь: «переимали его по заставамъ и многыми пути ганялися за нимъ»[243]. В итоге Михаил, так ничего и не добившись, вынужден был снова вернуться к Ольгерду.

Тот решил еще раз устрашить москвичей. Собрав полки вассальных литовских князей, присоединив к ним войска своих союзников Святослава Смоленского и Михаила Тверского, Ольгерд 26 ноября 1370 г. начал военные действия. На сей раз он решил напасть на Москву с запада. Видимо, прежний, южный вариант похода теперь не проходил, поскольку князья приокских княжеств держали сторону Дмитрия. Первый удар «другой Литовщины» пришелся на Волок Ламский. Ольгерд осаждал его два дня, выжег всю округу, но города взять так и не сумел. 6 декабря, на Николин день осенний, литовское войско подошло к Москве. Великий князь Дмитрий Ива-

[243] Там же.

нович возглавил оборону города, а его двоюродный брат Владимир Андреевич расположился в Перемышле, одной из своих удельных волостей, лежавшей близ современного г. Подольска [244], «събрався силою... оплъчився» [245]. Отсюда можно было в один переход достигнуть Москвы или перехватить Ольгерда при его отступлении. Литовский великий князь в течение 8 дней упорно пытался взять Москву, сжег загородие и часть посада, повоевал и пожег волости, захватил людей, но главного так и не добился: Москва осталась для него неприступной. Узнав, что в Перемышль к Владимиру Андреевичу подоспела помощь в лице князя Владимира Пронского с рязанской силой, Ольгерд предложил сидевшему в осаде Дмитрию вечный мир. Но Дмитрий согласился пока на временное перемирие до середины 1371 г. Такое перемирие было заключено, и Ольгерд, удовлетворившись лишь частичным военным успехом, но ничем более существенным, увел войска. Как сообщает летописец, он возвращался в свою землю «съ многымъ опасениемъ, озираяся и бояся за собою погони» [246].

Скромные результаты второго похода на Москву побудили Михаила Тверского вновь обратиться за помощью к Мамаю. И снова помощь ему была оказана. 10 апреля 1371 г. Михаил Александрович с ордынским послом Сарыхожей и с новым ярлыком на великое княжение пришли в Тверь и оттуда направились было во Владимир. Однако Дмитрий Московский взял с бояр и горожан, вероятно, всего великого княжества клятвенное обещание в том, что они не будут признавать Михаила Тверского и не пустят его на владимирский стол. Сам Дмитрий Иванович вместе с Владимиром Андреевичем собрали рать и стали с нею в Переяславле, закрыв Михаилу дорогу на Владимир. И хотя посол потребовал от Дмитрия подчиниться ханскому решению, тот ответил твердо: «къ ярлыку не еду, а въ землю на княжение на великое не пущаю, а тебѣ послу путь чистъ» [247]. Правда, открытая борьба с Мамаем не входила в то время в расчеты московского правительства, и решительный отказ от подчинения распоряжению Орды был смягчен любезным приглашением самого посла в Москву. Тому ничего не оставалось, как

[244] *Дебольский В. Н.* Указ. соч., ч. II, с. 10—11.
[245] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 94.
[246] Там же, стб. 95.
[247] Там же.

сделать хорошую мину при плохой игре и, отдав ярлык формальному великому князю, отправиться к действительному. В Москве Сарыхожа был щедро одарен и с этими подарками убыл в Орду. Но для московского правительства стало ясно, что необходимо предпринимать решительные дипломатические действия, чтобы пресечь идущую извне помощь Михаилу Тверскому и парализовать его попытки занять владимирский великокняжеский стол. К тому же Михаил, видимо, при содействии ордынского посла сумел укрепиться в тех районах великого княжества, которые непосредственно примыкали к тверской территории или были расположены в сравнительной близости от нее. Его наместники были посажены в Бежецком Верхе и Торжке [248]; возможно, под контроль Михаила перешли некоторые углицкие и моложские волости. Во всяком случае в 1371 г. Михаил повоевал Углич и взял Мологу [249].

29 июня 1371 г. кончался срок перемирия с Ольгердом. В Москву должны были приехать его представители «покрепить мир». Но, не дожидаясь прибытия литовских послов, Дмитрий в начале второй декады июня отправился в Орду. Более 10 лет не ездил Дмитрий к ханам, но теперь обстоятельства вынуждали его к такой поездке. До р. Оки великого князя провожал митрополит Алексей, который, вероятно, и задумал эту важную дипломатическую миссию [250]. Вместе с Дмитрием в Орду отправился князь Андрей Федорович Ростовский [251] — признак, что Ростов в это время следовал московской политике. В Орде Дмитрий вынужден был золотом и серебром покупать себе расположение ордынских вельмож. В результате он добился желаемого. Мамай отдал ему ярлык на великое княжение, но обременил тяжелыми поборами. Готовясь к новому походу на Сарай, он, видимо, нуждался в средствах. Осенью 1371 г. Дмитрий вернулся на Русь «съ многыми длъжникы, и бышеть отъ него по городомъ тягость даннаа велика людемъ» [252]. Мамай извлек из распри русских князей не только немалую финансовую выгоду, но и ряд выгод политического характера. Михаилу Тверскому, хотя и было отказано в военной по-

[248] Там же, стб. 98, 101.
[249] Там же, стб. 96.
[250] Там же.
[251] Там же, т. XVIII, с. 110.
[252] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 98.

мощи против Дмитрия Московского, тем не менее был оставлен ярлык на великое княжение Владимирское. В Северо-Восточной Руси устанавливалось, таким образом, двоевластие, причем каждый из соперников оказывался теперь заинтересованным в Мамае. Кроме того, возрождался определенный ордынский надзор на местах (в лице монголо-татарских «должников», очевидно, с вооруженными отрядами) за финансовой политикой русских князей в отношении Орды, чего не случалось уже несколько десятков лет. Это было тяжелым испытанием и для рядового населения Руси, и для объединительной политики московского князя.

В отсутствие Дмитрия в Москве был заключен договор с Литвой. Мирные отношения должны были быть подкреплены брачным союзом: стороны договорились об обручении Владимира Андреевича с дочерью Ольгерда Еленой [253]. Их свадьба была сыграна уже в начале 1372 г.[254]

Замирение с литовским великим князем несколько развязало руки московскому правительству. Когда из Орды вернулся Дмитрий Иванович и стало ясно, что монголо-татарской подмоги тверскому князю не будет, началась новая война с Тверью. Москвичи заняли Бежецкий Верх и убили там тверского наместника Никифора Лыча. В ответ тверская рать взяла одну из бежецких волостей — Кистьму и увела в плен воевод Дмитрия. Но успехи последнего оказались весомее. Под нажимом Москвы кашинский князь Михаил Васильевич и его бояре перешли на ее сторону и разорвали договор с Михаилом Александровичем [255]. Последний опять оказался в трудной ситуации и, как всегда в таких случаях, обратился за помощью к Литве. Дмитрию же Московскому, кроме тверской, пришлось решать и иные проблемы. Летом 1371 г. в его отсутствие новгородские ушкуйники взяли Ярославль и Кострому [256]. Наказать новгородцев значило подтолкнуть их к союзу с Михаилом Тверским, а этого московское правительство допустить не могло. Пришлось нападение ушкуйников оставить без ответа, зато с Новгородом была достигнута договоренность о совместной борьбе против общих врагов.

[253] Там же, стб. 96.
[254] Там же, стб. 99.
[255] Там же, стб. 98.
[256] Там же, стб. 97; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 296.

Именно к концу 1371 г. должно относиться оформление того новгородско-московского соглашения, текст которого сохранился в списке конца XV в. и озаглавлен там «О одиначьствѣ»[257]. Договор этот был заключен от лица «великого князя... всея Руси» Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича, с одной стороны, и новгородского владыки Алексея, посадника Юрия и тысяцкого Елисея — с другой.

Последнее исследование о датировке докончания принадлежит В. Л. Янину, который пересмотрел все написанное об этом своих предшественников и пришел к мысли, что договор составлен не ранее весны 1374 г.[258] Такой вывод построен на определении времени, когда степенным посадником и степенным тысяцким были одновременно Юрий и Елисей. Вместе они упоминаются летописью под 9 марта 1376 г.[259], что могло означать исполнение ими своих должностей или с февраля 1375 г. по февраль — начало марта 1376 г., или с последней даты по февраль 1377 г. Янин допускает, что эти же лица занимали свои должности и с февраля 1374 по февраль 1375 г., и на основании этого допущения называет дату рассматриваемого договора. Однако эти же лица — «Юрьи Иванович посадникъ новгородчькыи ... Олисѣи тысячькыи» — фигурируют вместе в летописи значительно раньше, при описании событий 1371 г., вероятно его конца[260]. Янин предполагает, что Елисей в летописном рассказе 1371 г. назван тысяцким не потому, что он исполнял тогда должность степенного тысяцкого, а потому, что был кончанским тысяцким. Должность же степенного тысяцкого занимал тогда Матфей Фалалеевич[261]. Такое заключение основывается на данных двух документов: проекте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом, который был приведен в письме Дерпта Ревелю, датированном 22 августа 1371 г., и договорной грамоте Новгорода с немецким купечеством от 20 июля 1372 г.[262] В проекте упоминались новгородский посадник Юрий и тысяцкий Матфей, в договоре — посадник Михаил и тот

[257] ГВНП, № 16, с. 31.
[258] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 209.
[259] НПЛ, с. 373.
[260] НПЛ, с. 371; ср.: ГВНП, с. 77, прим. 1.
[261] *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 205.
[262] Там же.

же тысяцкий Матфей [263]. Поскольку смена новгородских должностных лиц происходила в конце мартовского года, Янин, учитывая также летописное упоминание посадника Юрия под 1371 г., сделал вывод, что Юрий посадничал с февраля 1371 по февраль 1372 г., а затем его сменил Михаил. Матфей же оставался тысяцким два годичных срока: с февраля 1371 по февраль 1373 г. Поэтому в 1371 г. (с марта по декабрь) Елисей не мог быть степенным тысяцким [264].

Однако подобная интерпретация данных о новгородских должностных лицах нуждается в уточнении. Упоминание тысяцкого Матфея в проекте договора вовсе не означает, что он был тысяцким в августе 1371 г. Проект мог быть составлен в конце февраля — начале марта 1371 г., когда Матфей заканчивал годичный срок своего пребывания в должности степенного тысяцкого. Затем он был сменен Елисеем, почему летопись и называет его тысяцким при описании переговоров с немцами, имевших место во второй половине 1371 г. Таким образом, сомнения Янина относительно возможности отнесения договора между Новгородом и Москвой к более раннему времени, чем весна 1374 г., не являются твердо обоснованными. Исходя из состава лиц, заключивших договор, и занимаемых ими должностей договор вполне мог быть заключен в 1371 г., а необходимость урегулирования новгородско-московского конфликта, связанного с нападением ушкуйников в 1371 г. на Кострому, делает такую возможность реальной. Сказанное позволяет оценить значение московско-новгородского соглашения в связи с политической ситуацией того времени.

Прежде всего договор представляет собой оформление московско-новгородского союза, направленного против Литвы и Твери, а также немцев, которые выступают в тексте соглашения как противники одного Новгорода. В случае столкновения со всеми ними стороны обязались воевать вместе. Ожиданием войны, причем войны внезапной, проникнуто все содержание договора. Поэтому московская сторона специально оговаривала: «а поидетъ на насъ рать, ѣхати ми от васъ, или брату моему, безъ хитрости, а то намъ не в ызмену» [265]. Для Дмитрия Ивано-

[263] ГВНП, № 42, с. 74; № 43, с. 76.
[264] *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 205.
[265] ГВНП, № 16, с. 31.

вича очень важным было то, чтобы Новгород именно его, а не Михаила Тверского признавал великим князем. После получения ханского ярлыка он мог рассчитывать на это. Отсюда пышный титул Дмитрия в договоре: «великий князь всея Руси». Отсюда и включение в договор статьи, которая не имеет аналогий в текстах других докончаний великих князей с новгородцами: «А княженье вы великое мое держати честно и грозно, без обиды» [266]. Эта же статья должна была оградить в будущем земли Дмитрия от возможных «обид» новгородских ушкуйников. Договор 1371 г. достаточно ясно характеризует позицию московского правительства в тот период, его оценку сложившейся ситуации и планы на будущее. Главными противниками по-прежнему оставались Литва и Тверь [267]. К борьбе с ними велась подготовка в Москве. Но эти планы были нарушены в самом конце 1371 г.

Осложнения возникли на южных рубежах Московского княжества. Летопись сообщает, что в декабре 1371 г. Дмитрием была послана рать под командованием князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского, которая нанесла поражение на Скорнищеве рязанскому князю Олегу Ивановичу [268]. Речь идет не о порубежной стычке, а о специально организованном походе московских войск под стены Переяславля Рязанского [269]. Если о причинах или поводах конфликта приходится лишь гадать, строя более или менее вероятные допущения, поскольку этот факт плохо вписывается в общую картину московской политики тех лет [270], то конкретные результаты его известны: Олег Рязанский бежал, и Рязань занял союзный Москве Владимир Пронский [271]. Впрочем, в начале 1372 г.

[266] Там же.

[267] Несмотря на договор в июне 1371 г., московско-литовские отношения, по-видимому, не были до конца урегулированы. Как можно догадываться по тексту московско-литовской перемирной грамоты 1372 г. (о ней далее в тексте), московское правительство должно было передать Ольгерду Ржеву, но не сделало этого.

[268] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 98—99.

[269] Скорнищево было расположено у города Переяславля (Новой Рязани) (ДДГ, № 19, с. 54).

[270] *Соловьев С. М.* Указ. соч., кн. II, т. 3—4, с. 273; *Иловайский Д. И.* Указ. соч., с. 162—163; *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 235—237, прим. 5 на с. 235 и прим. 1 на с. 236; *Черепнин Л. В.* Образование..., с. 596; *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965, с. 213.

[271] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 99.

Олег изгнал Владимира и вернул себе рязанский стол [272]. Дмитрий Иванович отказался от повторного вмешательства в рязанские дела, и между Москвой, Пронском и Рязанью были установлены мирные отношения [273].

Отказ московского правительства от поддержки Владимира Пронского в его конфронтации с Олегом Рязанским был вызван объективной причиной. Ранней весной 1372 г. Михаил Тверской возобновил военные действия. Хотя за несколько месяцев до этого Ольгерд Литовский заключил мир с Москвой, на стороне тверского князя вновь выступили литовские полки. Правда, сам Ольгерд в военных операциях участия не принял, но вместо него действовали его брат Кейстут, сын Андрей Полоцкий и другие литовские князья [274]. 4 апреля Михаилу Тверскому неожиданным ударом удалось захватить г. Дмитров. Посад города и окрестные села были сожжены, население уведено в плен. 7 апреля литовские князья появились под стенами Переяславля. Самого города они взять не смогли, но сожгли посад и села, захватили много пленных и имущества, а, чтобы нанести больше убытка населению, «скоты ихъ исколоша» [275]. Затем тверская и литовская рати соединились и пошли к Кашину. Кашинский князь вынужден был признать себя вассалом Михаила Тверского [276]. В результате этих нападений Михаилу Александровичу, по-видимому, удалось в некоторых волостях великого княжества Владимирского вновь посадить своих наместников, о которых говорит летопись под 1374 г.[277] К наместнику Михаила перешло и управление новгородским Торжком.

В возникшей ситуации великий князь Дмитрий решил прежде всего скрепить родственный союз с Владимиром Андреевичем. Новый зять великого князя литовского Владимир до сих пор действовал вместе со старшим братом, но изменение обстановки могло повлечь за собой и изменение княжеских отношений, тем более что теперь на стороне Владимира мог оказаться Ольгерд. Дошед-

[272] Там же, стб. 100.
[273] ДДГ, № 6, с. 22 (упоминание о докончании и любви между великим князем Дмитрием, Олегом Рязанским и Владимиром Пронским).
[274] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 99; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 297.
[275] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 99. Дата взятия Переяславля — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 297.
[276] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 100.
[277] Там же, стб. 105, последнее известие статьи 6881 г.

ший, правда в дефектном виде, текст этого соглашения [278] свидетельствует, что между Дмитрием и Владимиром существовали некоторые трения. Так, великий князь посылал своих данщиков в удельные волости Владимира Перемышль и Ростовец, а также в отданный ему Козлов Брод без согласия удельного князя. Очевидно, необходимость выплаты большого выхода Мамаю заставляла Дмитрия действовать самоуправно на территориях, юридически ему не принадлежавших. Договор между братьями прекращал такую практику [279]. Владимир, как и прежде, считался вассалом Дмитрия, он обязался блюсти под ним его удел и великое княжение, которое они вместе должны были еще «найти», т. е. восстановить власть Дмитрия на всей его территории. Со своей стороны великий князь обязывался не вступаться в удел Владимира и соблюдать его права на него. Чтобы сделать двоюродного брата более заинтересованным в удержании за Москвой великого княжения, Дмитрий передал ему Дмитров и Галич. Передача именно этих центров Владимиру Андреевичу объясняется тем, что по материнской линии он был потомком дмитровско-галицких князей [280].

Между тем захват Торжка Михаилом Тверским вызвал ответные действия новгородцев. Их отряд выступил к Торжку, занял его, изгнал тверского наместника, а бывших тут тверичей пленил и ограбил. Тогда к Торж-

[278] ДДГ, № 7. Не входя здесь в подробное рассмотрение всех аргументов, на основании которых исследователи относят этот документ к различным датам в пределах 1359—1375 гг. (см. таблицу-приложение к ДДГ), следует указать на следующие особенности договора, которые сужают его датировку. В источнике упоминаются дети князя Владимира Андреевича (ДДГ, № 7, с. 24), что по меньшей мере может свидетельствовать о женитьбе Владимира. Она, как известно, состоялась в начале 1372 г. В договоре двойственно решается вопрос о великом княжении: с одной стороны, великое княжение за Дмитрием Ивановичем, с другой — ему предстояло его «найти». Такая ситуация могла иметь место до 16 января 1374 г. (о дате см. ниже в тексте статьи). Следовательно, договор был заключен между началом 1372 г. и 16 января 1374 г. В указанных хронологических пределах логичнее всего остановиться на первой половине 1372 г., когда Тверь и Литва добились наибольших успехов в борьбе с Москвой и тверской князь установил свой контроль над частью великокняжеской территории.

[279] «А что переже сего... [Пере]мышль, в Растовець, в Козловъ Бродъ, тѣмъ мя... отъступил... данщиковъ ти, господине, своих в та мѣста не слати» [ДДГ, № 7, с. 23; ср. № 11, с. 31 (текст относительно взимания дани в этих волостях)].

[280] *Кучкин В. А.* Из истории..., с. 370, 378.

ку подступил Михаил Тверской и предъявил ультиматум: выдать грабителей и вновь принять тверского наместника, иначе — война. Новгородцы и новоторжцы предпочли бой. Он закончился их полным поражением. Тверичи заняли Торжок и устроили там настоящую резню и погром. Срывали даже серебряные оклады с икон, а потом подожгли город [281]. «Ни от поганых не бывало такового зла»,— записал новгородский летописец [282].

Напуганные разгромом Торжка, новгородцы не решились продолжить борьбу против Михаила. Они прислали к нему посольство, которое предлагало мир всего на двух условиях: возврат пленных и сведение с Торжка и его волостей тверских наместников [283]. Михаил Александрович пошел на мир не сразу [284]. По меньшей мере в течение нескольких месяцев он удерживал Торжок за собой.

Успехи Михаила Тверского активизировали его главного союзника Ольгерда. Летом 1372 г. тверичи и литовцы предприняли третий поход на Москву. Во второй половине июля их войска соединились на р. Оке под Любутском [285]. Новое объединенное выступление противников не застало врасплох московское правительство. Видимо, теперь оно заранее собирало информацию об их военных планах. Дмитрий успел собрать войска и двинулся с ними к Любутску. В стычке со сторожевым полком Ольгерда москвичи одержали верх и заставили полк отступить [286]. Затем московская и литовско-смоленско-тверская рати сошлись у глубокого оврага. Простояв у него несколько дней, не решившись первыми начать нападение, враждующие стороны заключили мир и увели свои полки [287].

Предварительные условия Любутского мира изложены в дошедшем до наших дней документе. Это пере-

[281] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 101—102; НПЛ, с. 371—372.
[282] НПЛ, с. 372.
[283] ГВНП, № 17, с. 33.
[284] Там же, № 18, с. 33—34. Договор был заключен не ранее марта 1373 г., поскольку в его тексте фигурирует новгородский посадник Юрий Иванович, тогда как посольство 1372 г. привезло предложения от посадника Михаила. Вероятно, он был оформлен вскоре после московско-тверского докончания от 16 января 1374 г., которым регулировались и новгородско-тверские отношения.
[285] О местоположении Любутска см.: *Любавский М. К.* Областное деление..., карта (Любутск на р. Оке несколько ниже Алексина).
[286] ПСРЛ, т. XVIII, с. 113.
[287] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 103—104.

мирная грамота между Ольгердом, Кейстутом, смоленским князем Святославом, тверским князем Михаилом и Дмитрием Ольгердовичем Брянским, с одной стороны, и Дмитрием Ивановичем, Владимиром Андреевичем, Олегом Рязанским, Владимиром Пронским и Романом, очевидно Новосильским,— с другой. Перемирие заключалось на три месяца: с госпожина заговенья до Дмитриева дня, т. е. с 31 июля по 26 октября [288]. Уже сама дата начала перемирия наталкивает на мысль, что составление грамоты связано с «любутским стоянием». Оно приходится как раз на вторую половину июля: Михаил Тверской выступил из Твери на соединение с Ольгердом 12 июля [289], следовательно, через несколько дней он был под Любутском. Правда, последний исследователь этого докончания Л. В. Черепнин считал, что события под Любутском относятся к июню 1372 г., а сама грамота должна датироваться 1371 г.[290] Но июнь (вместо июля) стоит по описке в поздних летописных сводах [291], а заключение Черепнина о том, что первая из упоминаемых в Описи архива Посольского приказа 1626 г. двух копий с договорных грамот московского правительства с Ольгердом («докончалная грамота Олексея митрополита всеа Русии с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею» и «грамота докончальная Ольгердова с великим князем Дмитреем Ивановичем под Любуцком») соответствует рассматриваемому документу, а вторая нет, является спорным [292]. Дело в том, что сохранившееся докончание прямо названо в Описи 1626 г.[293] и едва ли может быть сближено с одной из недошедших копий XV в.[294]

.....

[288] ДДГ, № 6, с. 21—22.

[289] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 103; т. V, с. 233; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 300.

[290] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 46, 49.

[291] Там же, с. 46, прим. 136 (в Симеоновской летописи, на которую здесь также сослался Л. В. Черепнин, даты нет — см. ПСРЛ, т. XVIII, с. 113).

[292] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 49; ср.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977, ч. 1, с. 34, л. 4 об.— 5; с. 35, л. 6.

[293] Опись архива..., с. 34, л. 4.

[294] По-видимому, первая из указанных копий была действительно снята с текста июньского соглашения 1371 г., заключенного литовскими послами в Москве. Вторая, скорее всего, представляла текст не перемирия, а мира, заключенного после стояния под Любутском.

Если же обратиться к тексту докончания, то обращает на себя внимание одна из его статей: «А что князь Михаило на первомъ перемирье, на другомъ, и на третьемъ которая будетъ мѣста пограбил в нашеи очинѣ, в великом княженьи, а то князю великому Олгѣрду мнѣ чистити, то князю Михаилу по исправѣ подавати назад, по докончанью князя великого Олгѣрда» [295]. Кусочек статьи о «перемириях» процитировал Черепнин, но, уклонившись от разбора того, что же следует понимать под «первым» перемирием грамоты, «другим» и «третьим», ограничился общим замечанием: «имеется в виду нарушение ряда договорных грамот о перемирии, начиная с 1368 г.» [296] Между тем проведенное выше рассмотрение московско-литовских отношений конца 60-х — начала 70-х годов показывает, что до стояния под Любутском московское правительство заключало соглашения с Ольгердом трижды: в конце 1368 г. после «первой Литовщины», в декабре 1370 г. и в июне 1371 г. Уже после этих соглашений Михаил Тверской совершал нападения на территорию великого княжения Дмитрия Ивановича: в «другую Литовщину», в апреле 1371 г. и в апреле 1372 г. Следовательно, сохранившаяся московско-литовская перемирная грамота, зафиксировавшая в процитированной статье все эти события, могла быть составлена только в 1372 г. после похода Ольгерда к Любутску.

Установив дату документа, можно извлечь из него ряд важных свидетельств, характеризующих обстановку лета 1372 г. Прежде всего обращает на себя внимание состав союзников противоборствовавших князей. На стороне Ольгерда по-прежнему выступают тверской и смоленский князья, а также брянский князь — его сын. Очевидно, что к лету 1372 г. Брянск находился под полным контролем Литвы. На стороне Дмитрия его брат Владимир, а также рязанский, пронский и новосильский князья. Последнее означает, что московской дипломатии удалось расширить крайне важную для себя союзно-вассальную коалицию князей, чьи владения прикрывали центральные русские области с юга. Видимо, уже в этот период московское правительство учитывало возможность обострения отношений не только с Литвой, но и с Ордой.

[295] ДДГ, № 6, с. 22.
[296] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 47.

Впрочем, в 1372 г. Дмитрий вполне признавал Мамая и стремился использовать его в борьбе с Тверью. Об этом прямо свидетельствует статья докончания: «А что пошли в Орду ко царю люди жаловатися на князя на Михаила, а то есмы въ божьи воли и во царевѣ, как повелитъ, так ны дѣяти, а то от нас не в-ызмѣну» [297]. Ясно, что ожидались какие-то санкции Орды в отношении тверского князя. Согласно перемирной грамоте Михаил Александрович должен был свести с территории великого княжения всех своих наместников и волостелей, не «пакостить» и не «грабить» великого княжения, а захваченное ранее — вернуть. В противном случае великий князь Дмитрий и его союзники «ведались» с ним сами, литовские князья не должны были «вступаться» за Михаила.

Все требования к тверскому князю основывались на презумпции московской стороны, что великое княжение — «наша отчина», и, судя по тому, что такая терминология употреблена в тексте официального дипломатического акта, литовская сторона признавала (или вынуждена была признавать) это право московского князя.

Весьма интересна заключительная фраза грамоты, по сути дела приписка к договору: «А со Ржевы до исправы не сослати». Кто кому должен был уступать Ржеву? Следует напомнить, что по крайней мере во второй половине 1370 г. Ржева была в руках Дмитрия Ивановича. В 1376 г. Ржева уже литовская [298]. Следовательно, переход Ржевы под власть Ольгерда совершился между 1371 и 1376 гг. Как раз на этот хронологический промежуток и приходится московско-литовское соглашение со статьей о Ржеве. Становится очевидным, что речь в перемирной грамоте идет о московских наместниках, которые еще сидели в самой Ржеве и ее волостях и должны были уйти, когда произойдет «исправа», т. е. будут выполнены какие-то условия для заключения уже длительного мира [299]. Поскольку в тексте грамоты о Ржеве ни-

[297] ДДГ, № 6, с. 22. Выражение «въ божьи воли и во царевѣ» интересно сопоставить с фразой второго докончания Дмитрия с Владимиром Андреевичем: «аж да... пожалуеть нас богъ, наидемъ тобѣ, князю великому, великое...» (ДДГ, № 7, с. 23). Не содержит ли вторая фраза намека на ту поездку в Орду, которая указана в перемирной грамоте?

[298] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116.

[299] Предположение об уходе из Ржевы литовских наместников влечет за собой признание, что в 1371 или 1372 г. Ржева отошла к Литве, а это не находит опоры в источниках. Кроме того, ста-

чего не говорится, о ней упоминается только в приписке, делается также ясным, что Ржева была объектом внимания другого, более раннего московско-литовского докончания. Скорее всего, речь должна идти не о перемирии конца 1370 г., а о мирном договоре 1371 г., по которому Ржева возвращалась Ольгерду, а тот скреплял мирные отношения выдачей замуж своей дочери за князя Владимира. Как известно, их брак состоялся, а с передачей Ржевы Литве московское правительство не спешило.

Согласно летописи, вернувшись из-под Любутска в Москву, Дмитрий отправил посольство в Орду. Возможно, именно это посольство и имелось в виду в перемирной грамоте. Во всяком случае, если эта грамота и была составлена в связи с «любутским стоянием», то совсем необязательно, что она и оформлена была под Любутском. Это могло произойти и в Москве. Но где бы ни была написана грамота, если верно заключение о тождестве посольств в Орду, о которых говорят докончание и летопись, то введение в договор оговорки относительно будущих результатов переговоров людей Дмитрия Московского в Орде («то от нас не в-ызмѣну») весьма симптоматично. Дело в том, что, по сообщению летописи, Дмитрий направил к Мамаю своих киличеев «со многымъ сребромъ» с целью добиться выдачи за деньги Москве находившегося с лета 1371 г. в Орде старшего сына Михаила Тверского Ивана [300]. И этот маневр московской дипломатии имел полный успех. В середине ноября 1372 г. тверской княжич был привезен в Москву и брошен в темницу [301]. А примерно через полтора месяца кашинский князь Михаил Васильевич разорвал вассальный договор с Михаилом Тверским и ушел от него в Москву, а оттуда в Орду [302]. Московское правительство старалось различными средствами добиться политической изоляции и капитуляции тверского князя. Видимо, с целью укрепления московско-новгородского союза и изменения новгородско-тверских отношений, несколько стабилизированных переговорами новгородского посольства в Твери после взятия Торжка, в марте 1373 г. в Новгород приехал князь Вла-

.....

новится непонятным тот факт, что Литва после наступательных действий конца 1370 и 1372 г. вдруг почему-то отказывается от Ржевы.

[300] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 104 и 96.

[301] Там же, стб. 104: «начаша его держати в ыстомѣ».

[302] Там же.

димир Андреевич [303]. Он оставался там в течение трех с половиной месяцев, когда вести о грядущей рати заставили его в соответствии с договором 1371 г. покинуть Новгород.

Вести эти касались Орды. Летом 1373 г. Мамай обрушился на Рязань. Причиной, видимо, послужило то обстоятельство, что Олег Рязанский захватил некоторые пограничные ордынские владения [304]. По летописи, монголо-татары «грады пожгоша, а людии многое множество плѣниша и побиша и сътворше много зла христианомъ» [305]. Это было первое военное нападение Мамая на русские земли. До сих пор, искусно играя на противоречиях между русскими князьями, Мамай старался упрочить свой контроль над ними дипломатическим путем. Ему удалось выкачать значительные денежные средства из русского «улуса», восстановить в известной мере практику выдачи ярлыков русским князьям. Теперь он перешел к жестокому военному подавлению князей, которые осмеливались хотя бы в какой-то степени затрагивать его интересы. Поход Мамая на Рязань приводил к смещению позиций многих русских князей. Олег Рязанский был союзником Москвы. Но московские князья вынуждены были считаться с Ордой. Конфликт с нею мог привести и к прямому вооруженному столкновению, и к вспышке тверской активности. С другой стороны, совершенно не отреагировать на эту акцию Мамая также было невозможно. При индифферентном отношении пламя подожженных монголо-татарами рязанских городов легко могло перекинуться на соседние русские княжества. Поэтому Дмитрий Иванович, собрав большое войско («всю силу княженiа великаго»), расположился на левом берегу

.....

[303] НПЛ, с. 372. Князь Владимир приехал «по Зборѣ за недѣлю». Соборное воскресенье в 1373 г. приходилось на 6 марта. Л. В. Черепнин считал, что Владимир был в Новгороде уже 27 февраля (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 311, прим. 340). Однако приведенное выражение надо понимать не как неделю до Соборного воскресенья, а как через неделю после этого воскресенья. Иными словами, Владимир прибыл в Новгород не 27 февраля, а 13 марта. Оставался он в Новгороде до «Петрова дни», т. е. до 29 июня.

[304] О них говорится в договорной грамоте 1381 г. между Москвой и Рязанью: «А что князь великии Олегъ отоимал Татарская от татаръ дотоле же (до докончания 1381 г.— *В. К.*], а то князю великому Олгу та мѣста» (ДДГ, № 10, с. 29).

[305] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 104.

р. Оки. Здесь его и застал Владимир [306]. Дмитрий не решился помочь Олегу, а Мамай не решился развить свой успех. Нападение Орды на Рязань показало русским князьям агрессивность намерений Мамая и пагубность разъединенных действий.

20 декабря 1373 г. умер кашинский князь Михаил Васильевич. Ему наследовал его сын Василий, вероятно еще совсем молодой [307]. Перемена на кашинском столе привела и к перемене отношений между кашинским и тверским князьями. Новый князь вместе с боярами «вдашеся въ... волю» Михаилу Александровичу.

Изменение международной ситуации и ситуации внутри Тверского княжества заставило Дмитрия пойти на соглашение с тверским великим князем. Дмитрий освободил из заточения сына Михаила Ивана, а Михаил свел своих наместников с великого княжения, полностью признав права на него московского князя. Летопись сообщает об этом после известия о кончине Михаила Кашинского [308]. Следовательно, мир между Москвой и Тверью был заключен после 20 декабря 1373 г. Его точная дата устанавливается на основании упоминания в московско-тверском докончании 1375 г. прежнего «первого нашего целованья от положенья веригъ святаго апостола Петра» [309]. Положение вериг апостола Петра отмечалось 16 января. Очевидно, что договор между Москвой и Тверью был оформлен 16 января 1374 г. Важно отметить, что, судя по репликам в акте 1375 г., в тексте соглашения 1374 г. имелись статьи, касавшиеся новгородско-тверских отношений. Михаил Тверской обязывался вернуть Новгороду имущество и пленных, захваченных им в Торжке в 1372 г.[310] Включение таких статей позволяло Дмитрию требовать от Новгорода ответной поддержки своей политики.

Примирившись с Тверью, укрепив связи с Новгородом, великий князь Дмитрий упрочил свои отношения и с союзным ему Нижегородским княжеством. 19 февраля 1374 г. в Москве митрополит Алексей поставил в епископы суздальские архимандрита нижегородского Печер-

[306] Там же.
[307] Тверская летописная запись называет его Васко, возможно, потому, что он был еще ребенком (Там же, стб. 106).
[308] Там же, стб. 105.
[309] ДДГ, № 9, с. 28.
[310] Там же, с. 27.

ского монастыря Дионисия и придал к его епархии Нижний Новгород и Городец, т. е. те территории, которые ранее были в заведовании самой русской митрополии [311]. Этот шаг московского правительства отражал его полное доверие к Дмитрию Нижегородскому и способствовал тому, что последний через своего епископа мог влиять на положение церковных дел во всем Нижегородском княжестве.

Обеспечив себе нейтралитет тверского князя, дружественную поддержку Новгорода и Нижнего Новгорода, а возможно, и других княжеств Северо-Восточной Руси, Дмитрий Иванович, воспользовавшись ослаблением Мамая, потерпевшего в то время поражение от Хаджи-Черкеса и потерявшего Сарай [312], разорвал с ним отношения. «А князю великому Дмитрию Московьскому бышеть розмирие съ Тотары и съ Мамаемъ»,— записал летописец [313]. Одним из следствий этого «розмирия» было, несомненно, прекращение выплаты дани Орде, ложившейся тяжким бременем на трудовое население русских княжеств. Ликвидация «тягости данной великой», естественно, находила полное сочувствие простого люда и способствовала росту авторитета московского правительства.

Разрыв отношений с Мамаем вызвал его немедленную ответную реакцию. В Нижний Новгород был направлен посол Сарайка (возможно, тот самый Сарыхожа, который приходил на Русь в 1371 г. ставить на владимирский стол Михаила Тверского) с крупным военным отрядом. Видимо, Мамай не располагал еще достаточными силами, чтобы иметь дело с самим Дмитрием Ивановичем, и решил сначала оторвать от союза с Москвой путем ли переговоров, вооруженным ли путем самое восточное русское княжество. Однако в Нижнем Новгороде, видимо, подготовились к такому повороту событий. Нижегородцы разгромили посольство Сарайки («побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними татаръ с тысящу»), а самого его с ближайшим окружением захватили в плен [314]. Теперь надо было готовиться к отражению более решительного натиска Орды.

[311] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 105; РИБ, т. VI. 2-е изд. Прилож., стб. 280, 288. Поставление Дионисия имело место в Соборное воскресенье 1374 г., которое тогда приходилось па 19 февраля.
[312] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь, с. 131.
[313] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 106.
[314] Там же.

Не случайно поэтому, что именно в 1374 г. князь Владимир Андреевич возводит город Серпухов и сооружает близ него Высоцкий монастырь [315]. Дело вовсе не в том, что как раз в это время Владимир решил обстроить «свое вотчинное гнездо», как иногда трактуется факт основания Серпухова в исторической литературе [316]. Строительство новой крепости (Владимир «повелѣ его (т. е. Серпухов.— *В. К.*) нарядити и срубити дубовъ») близ левого берега р. Оки на р. Наре и монастыря, по сути дела крепостного предградия, укрепляло русскую линию обороны вдоль крупного естественного заслона — р. Оки — и препятствовало возможному проникновению ордынской конницы в глубь северо-восточных земель.

Эти военные мероприятия были дополнены дипломатическими. Как сообщает летопись, 26 ноября 1374 г. у великого князя Дмитрия родился сын Юрий. Родился он почему-то не в Москве, а в Переяславле. При его рождении присутствовали его дед с материнской стороны князь Дмитрий Нижегородский «съ своею братиею и со княгинею и съ дѣтми, и съ бояры, и съ слугами». А далее летопись добавляет: «И бѣаше съѣздъ великъ въ Переяславли, отъвсюду съехашася князи и бояре, и бысть радость велика въ градѣ въ Переяславлѣ и радовахуся о рожении отрочати» [317]. Истинная причина столь представительного съезда князей, бояр и духовенства (в Переяславле был Сергий Радонежский, крестивший маленького Юрия), несомненно, скрыта летописцем. Ничего подобного не было при рождении даже первенца Дмитрия — Василия [318]. Съезд в Переяславле в ноябре 1374 г. следует расценивать как важную политическую веху в истории Северо-Восточной Руси. Со времени великого княжения Дмитрия Ивановича это был первый случай созыва общекняжеского съезда. Редкий форум должен был решать и редкие по своей важности задачи. Надо полагать, что на нем русские князья договорились о борьбе с Ордой.

Однако среди участников съезда наверняка не было тверского князя. Незадолго до встречи в Переяславле вновь обострились взаимоотношения Твери с Кашином.

[315] Там же, стб. 106—107.
[316] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы..., ч. 1, с. 38; ср. с. 37.
[317] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108.
[318] Там же, стб. 99.

Кашинский «князь Васко ступилъ с Тфѣри на Москву ко князю къ великому Дмитрию»[319]. Тверской князь вновь превратился в потенциального врага Москвы.

Свои намерения Михаил Александрович обнаружил очень скоро. В начале марта 1375 г. в Тверь перебежали из Москвы сын последнего московского тысяцкого Иван и крупный гость, торговавший с Востоком и Крымом, Некомат[320]. Причина их измены Дмитрию Московскому заключалась, вероятно, в том, что после смерти 17 сентября 1374 г. московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова[321] его сын не получил этой крупнейшей должности, наследственной в их роду[322]. Зная об обострившихся отношениях между Дмитрием и Мамаем, князь Михаил решил воспользоваться пособничеством переметчиков. Они были посланы в Орду для получения там тверскому князю ярлыка на великое княжение Владимирское. А некоторое время спустя после их отъезда сам Михаил отправился в Литву. Пробыв там «мало врѣмя», он вернулся в Тверь. Вскоре после этого он сумел заключить договор с Новгородом, который признавал его великим князем, если «вынесуть тобѣ изъ Орды княжение великое»[323]. Ярлык был получен Михаилом 13 июля. В тот же день тверской князь отправил на Москву посольство, которое известило москвичей о разрыве отношений. Одновременно Михаил послал «ратию» вооруженные отряды на Торжок и Углич, чтобы посадить там своих наместников[324].

Бегство из Москвы Ивана Вельяминова и Некомата, действия Михаила Тверского ставили под угрозу реализацию тех общекняжеских планов, которые были выработаны на съезде в Переяславле в ноябре 1374 г. В конце

.....

[319] Там же, стб. 106.

[320] Там же, стб. 109. Иван и Некомат попали в Тверь «о великомъ заговѣнии», а на Федоровой неделе тверской князь отправил их в Орду. В 1375 г. заговенье и Федорова неделя приходились на первую половину марта месяца (*Черепнин Л. В.* Русская хронология, с. 63 и табл. XV и XVI).

[321] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108.

[322] *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 216.

[323] ГВНП, № 15, с. 30. Единственный случай, когда Михаил Тверской не сам ездил к Мамаю за великокняжеским ярлыком, а посылал за ним, относится к началу 1375 г. Поэтому указание новгородско-тверского докончания на то, что ярлык привезут Михаилу, позволяет датировать договор 1375 годом.

[324] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 110.

марта 1375 г., когда Вельяминов и Некомат уже направились в Орду, а Михаил Александрович был в Литве, собрался новый съезд русских князей [325]. Близость по времени действий тверского князя и заседаний съезда говорит за то, что на съезде вырабатывалась общая политика по отношению к Твери и ее союзникам.

Думается, что именно с точки зрения претворения общерусских замыслов следует рассматривать эпизод, случившийся в Нижнем Новгороде в марте 1375 г. Находившихся там в плену Сарайку и его окружение решили подвергнуть более строгой изоляции, но ордынцы взбунтовались и были перебиты [326]. Смерть пленников, конечно, не была заранее обдуманным шагом нижегородского князя (Нижним вместо отсутствовавшего отца тогда управлял князь Василий Дмитриевич), но стремление к ужесточению режима их содержания говорит за то, что мириться с Мамаем русские князья не собирались.

Когда летом 1375 г. Некомат вернулся от Мамая с великокняжеским ярлыком для Михаила и в сопровождении ордынского посла Ачихожи, уже бывавшего на Руси и руководившего в 1370 г. совместным русско-ордынским походом на Булгарию, стало ясно, что времени терять нельзя. На стороне Михаила могла выступить и более серьезная сила Мамая. Конфликт с Тверью необходимо было решать быстро.

В течение двух недель, прошедших с момента нападения тверичей на Торжок и Углич, великий князь Дмитрий сумел собрать огромное войско. Весьма показателен приводимый летописью перечень князей, принявших участие в тверской войне 1375 г. на стороне Москвы. В по-

[325] Там же, стб. 109. Место сбора этого съезда неизвестно. Г. М. Прохоров полагает, что речь в источнике идет о Переяславском съезде 1374 г. «Съезд,— пишет он,— длился по меньшей мере четыре месяца,— после известия, датированного 31 марта 1375 г., в летописи сказано: «А в то время быша князи на съезде» (если, конечно, они не съехались вновь)» (*Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 30). Верна не основная мысль Прохорова, а его оговорка. Представить себе четырехмесячные заседания князей в обстановке неясностей и тревог, да еще с застольными речами (Там же), довольно трудно. К тому же Прохоров почему-то не обратил внимания на то, что состав съездов был разный. Так, если на Переяславском съезде Дмитрий Нижегородский был «съ дѣтми», то на съезде в марте 1375 г. не было старшего сына Дмитрия Василия Кирдяпы (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108).

[326] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 108—109.

ходе участвовали двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич, Дмитрий Нижегородский с сыном Семеном и со своими братьями Борисом и Дмитрием Ногтем, представлявшими все уделы Нижегородского княжества; ростовский великий князь Андрей Федорович и его племянники удельные ростовские князья Василий и Александр Константиновичи; ярославский великий князь Василий Васильевич и его младший брат удельный ярославский князь Роман; моложский князь Федор Михайлович; старший из двух белозерских князей Федор Романович; стародубский князь Андрей Федорович; удельный тверской князь Василий Михайлович Кашинский (возможно, еще ребенок). Кроме князей Северо-Восточной Руси, вместе с Дмитрием Ивановичем выступили новосильский князь Роман Семенович, оболенский князь Семен Константинович, его брат тарусский князь Иван, один из смоленских удельных князей Иван Васильевич и князь Роман Михайлович Брянский, относительно которого неизвестно, владел ли он какими-то землями [327].

Если проанализировать приведенный в летописи список князей Северо-Восточной Руси, «всевших на конь» по призыву Дмитрия, то в нем не будет только князя Глеба Васильевича, владевшего вторым по значению уделом Ярославского княжества, князя Василия Романовича, управлявшего частью (неглавной) Белозерского княжества, и удельного ростовского князя Владимира Константиновича [328], которому принадлежала часть устюжских волостей. Даже если эти князья не разумеются под словами «и вси князи Русстии», которыми заканчивается в летописи княжеский список, и не входили в число той «силы», что прибывала к Дмитрию уже в ходе самой войны, становится очевидным по сути дела всеобщее участие северо-восточных князей в борьбе с Тверью.

Что касается других русских князей, то под рукой Дмитрия выступили князья оболенский и тарусский, владения которых непосредственно граничили с московскими землями, обладатель наиболее крупного из верховских княжеств — князь новосильский, Роман Брянский и, что особенно примечательно, один из смоленских князей. Последний факт говорит о том, что смоленско-литовский

[327] Там же, стб. 110—111; т. XVIII, с. 115—116.
[328] О нем см.: РИИР, ч. 2, с. 15 и 16.

союз к лету 1375 г. дал трещину и смоленский князь стал ориентироваться на Москву.

Впрочем, не все южнорусские князья участвовали в походе на Тверь. Обращает на себя внимание отсутствие муромского, рязанского и пронского князей. Напрашивается вывод, что после учиненного Мамаем погрома Рязанского княжества в 1373 г., во время которого великий князь Дмитрий не решился помочь Олегу, отношения между ними стали натянутыми. Однако такое заключение будет преждевременным. В московско-тверском договоре 1375 г., несомненно продиктованном Дмитрием Михаилу, Олег Рязанский фигурирует в качестве третейского судьи между Москвой и Тверью и титулуется великим князем [329]. Ясно, что Москва и Рязань в 1375 г. поддерживали дружественные отношения. И если так, то отсутствие муромских и пронских полков в походе на Тверь можно объяснить только тем, что они прикрывали русские земли с юга от возможного удара Мамая.

Тверская война началась 29 июля выступлением соединившихся в Волоколамске полков всех русских князей [330]. Основным объектом нападения была выбрана сама Тверь. На пути к ней 1 августа был взят Микулин — центр бывшего удела Михаила Александровича. 5 августа войска подступили к Твери, а 8 августа начался штурм города, который продолжался до вечера. Однако Тверь, укрепленная Михаилом в 1369 и 1373 гг.[331], сумела выстоять. Тогда Дмитрий окружил столицу своего неприятеля и обнес ее острогом, чтобы под его защитой легче было вести осаду [332]. В то же время он послал за помощью к новгородцам. Через несколько дней под Тверью появились и новгородские войска. Осада Твери продолжалась почти месяц. За это время была захвачена вся территория Тверского княжества, тверичей даже до младенцев «въ вся страны развели въ полонъ». Осознав безвыходность своего положения, Михаил Александрович начал высылать из крепости «послы своя съ покорениемъ и съ поклонениемъ... прося мира» [333]. Это означало капитуляцию. 1 сентября 1375 г. Дмитрий Иванович «на всеи

[329] ДДГ, № 9, с. 28.
[330] ПСРЛ, т. V, с. 233; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 301.
[331] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 91, 104—105.
[332] Там же, стб. 111.
[333] Там же, стб. 112.

своéи воли» заключил мир с Михаилом Тверским, а 3 сентября распустил войска [334].

Сохранившийся список с этого соглашения действительно иллюстрирует «всю волю» победителей. Михаил Тверской признавал себя вассалом («молодшим братом») Дмитрия. Он обязывался ничего не замышлять против великого князя и его союзников, не претендовать до конца своих дней на Москву, великое княжение и Новгород, не принимать ярлыка на великое княжение от монголо-татар, не вступаться в Кашин. Кашинское княжество объявлялось самостоятельным. Михаил Александрович обязан был участвовать на стороне Дмитрия во всех войнах, которые тот будет вести, в том числе, что было особенно важно, с Ордой и Литвой. Он должен был вернуть все награбленное у людей великого князя и у Новгорода, не вступаться в Торжок, в села перебежавших к нему Ивана Вельяминова и Некомата. Эти условия Михаилу надо было соблюдать до самой смерти: «а целованья не сложити и до живота» [335].

Текст московско-тверской докончальной грамоты 1375 г. содержит и ряд других важных свидетельств, характеризующих политическую обстановку того времени. В союзе с Дмитрием действуют «князи велиции крестьяньстии и ярославьстии», а также смоленский великий князь, которому грозит нападение Литвы [336]. Таким образом, договор прямо говорит о союзе с Москвой не какого-то одного смоленского удельного князя, принявшего участие в походе на Тверь, а самого Святослава Смоленского. «Князи велиции крестьяньстии» — быть может, верховские князья, как христиане противопоставлявшиеся язычнику Ольгерду. Известно, что некоторые из этих князей носили титулы великих.

Очень существенна для понимания состояния русско-ордынских отношений статья докончания о монголо-татарах: «А с татары, оже будет нам миръ, по думѣ. А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же. А поидут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобѣ с одиного всѣмъ противу их. Или мы поидем на них, и тобѣ с нами с одиного поити на них» [337]. Статья прямо

[334] ДДГ, № 9, с. 27 (упоминание «Семена дня» как времени заключения договора); ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 112.
[335] ДДГ, № 9, с. 25—28.
[336] Там же, с. 26.
[337] Там же.

подтверждает сделанный ранее вывод о разрыве мира с Ордой и прекращении выплаты ей дани. Поэтому на Руси ждали нападения Мамая. В то же время рассматривалась возможность и нанесения по Орде не только ответного, но и первого удара. Вполне допустимо, что данная статья попала в текст московско-тверского соглашения из общего договора всех русских князей, принятого в ноябре 1374 г., когда было решено «битися... с одиного всѣмъ противу их».

Ни Орда, ни Литва не могли оставить безответным разгром и капитуляцию Твери. В конце лета или начале осени 1375 г. Мамай напал на юго-восточную окраину Нижегородского княжества в районе рек Пьяны и Киши, уничтожил стоявшую здесь нижегородскую заставу, ограбил и пожег запьянские волости, захватил в плен многих их жителей [338]. В первых числах декабря 1375 г. монголо-татары Мамая взяли Новосиль [339]. Город был опустошен и, видимо, потерян для союзника Дмитрия Романа Новосильского [340]. Смоленское княжество пострадало от Ольгерда Литовского, захватившего ряд смоленских укрепленных пунктов [341]. Однако эти нападения уже не могли восстановить мощь обескровленного Тверского княжества, где в довершение всех бед начались эпидемия и падеж скота.

Как ни странно, но наибольший урон Северо-Восточной Руси нанесли в 1375 г. не ее главные противники — Орда и Литва, а новгородцы. В то время, когда одни новгородцы воевали вместе с великим князем Дмитрием под стенами Твери, другие, видимо, из Подвинья проникли на р. Кострому и, спустившись по ней к р. Волге, разгромили один из крупнейших, если не самый крупный, великокняжеских поволжских городов — Кострому. В течение недели ушкуйники бесчинствовали в Костроме, пограбив город «до конца». Множество жителей попало к ним в плен, а затем было продано в рабство в Булгаре. На пути туда новгородцы ограбили и Нижний Новгород,

[338] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 109 и 112—113. Думается, что в данном случае в Рогожском летописце сохранилось описание одного и того же события, почерпнутое из разных источников. Прохоров однозначно полагает, что опустошение Мамаем Запьяния было местью за убийство Сарайки (*Прохоров Г. М.* Указ. соч., с. 31).

[339] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 113.

[340] Ср. данные родословного предания: РИИР, ч. 2, с. 112.

[341] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 113.

также «взяша мужъ и женъ и дѣвиць и градъ зажгоша». Пленные нижегородцы разделили судьбу костромичей [342]. И тем не менее московское правительство не решилось осложнить свое «единачество» с Новгородом. Когда в сентябре 1376 г. в Москву прибыло большое новгородское посольство во главе с архиепископом Алексеем, «приа митрополитъ сына своего владыку Алексея въ любовь, тако же и князь великии» [343].

Союзные отношения с Новгородом и Смоленском позволили Дмитрию Ивановичу приступить к активным действиям против Литвы. Поздней осенью 1376 г. он послал Владимира Андреевича в поход на Ржеву. Московские войска осадили Ржеву, простояли под нею три недели, но города взять так и не смогли [344].

Труднее поддается точному хронологическому приурочению другое событие 1376 г., следующим образом изложенное в Рогожском летописце: «Того же лѣта князь великии Дмитрии Московьскыи ходилъ за Оку ратию, стерегася рати Тотарьское» [345]. Окруженное известиями, касающимися дел русской митрополии, это сообщение, по-видимому, заимствовано из каких-то митрополичьих летописных записей. Ему предшествует известие о прибытии к митрополиту Алексею двух представителей константинопольского патриарха, а последует известие о приезде в Киев митрополита Киприана. Приезд посольства Г. М. Прохоров относит к марту 1376 г.[346] Киприан прибыл в Киев 9 июня 1376 г. [347] Следовательно, поход Дмитрия за Оку имел место скорее всего летом 1376 г. Когда стало ясно, что Мамай воздержался от нападения на русские земли, Дмитрий Иванович начал войну с Литвой, а завершив ее, нанес сильный удар Мамаю.

В начале 1377 г. великий князь послал Дмитрия Михайловича Волынского ратью на г. Булгар. Вместе с Волынским в походе приняли участие нижегородские полки во главе с сыновьями Дмитрия Нижегородского Василием и Иваном. Одним из булгарских князей, как уже говорилось, с 1370 г. был ставленник Мамая. В случае вой-

[342] Там же, стб. 114.
[343] Там же, стб. 115.
[344] Там же, стб. 116. Известие помещено после отметки о возвращении в Новгород из Москвы посольства архиепископа Алексея 17 октября 1376 г.
[345] Там же.
[346] *Прохоров Г. М.* Указ. соч., с. 49, прим. 32.
[347] Там же, с. 48.

ны с Дмитрием Мамай мог использовать его для организации похода на восточные земли Руси. Поэтому нападение в 1377 г. на Булгарию, оторванную от основных владений Мамая, преследовало стратегическую цель обезопасить Нижегородское и соседние с ним княжества от возможного флангового удара в случае решительного столкновения с Ордой. 16 марта 1377 г. русская рать подошла к Булгару. Из города выступило монголо-татарское войско для встречи в открытом бою. Несмотря на то что в его составе были боевые верблюды, необычный вид которых пугал коней русских ратников, несмотря на военную новинку — огонь из крепостных пушек («изъ града громъ пущаху»), полки Дмитрия Волынского и нижегородских князей успешно атаковали защитников города, которые, потеряв 70 человек убитыми, бежали в крепость. Булгарские князья Асан и Мухаммед Султан (Махмат Солтан) запросили мира. Русские князья согласились. В результате переговоров монголо-татары уплатили 5 тыс. рублей контрибуции и вынуждены были принять у себя русских чиновников — даругу и таможенника [348].

По-видимому, именно от этих лиц летом 1377 г. было получено на Руси тревожное сообщение о том, что на правобережье нижней Волги появилась пришедшая из заволжских степей новая орда — хана Араб-шаха (Арапши) и что этот Араб-шах намеревается напасть на Нижний Новгород. На защиту Нижнего поспешил сам великий князь Дмитрий «въ силѣ тяжцѣ» [349]. Но, поскольку новых известий об Араб-шахе не поступало, он вернулся в Москву, оставив местным князьям «рать Володимерьскую, Переяславьскую, Юриевьскую, Муромьскую, Ярославьскую» [350]. Эти полки вместе с нижегородскими под командованием участника похода на Булгар князя Ивана Дмитриевича и князя Семена Михайловича [351] не спеша двинулись к юго-восточным рубежам Нижегородского княжества. Новые известия об Араб-шахе говорили о том, что он задержался где-то далеко у Волчьих вод, и рат-

[348] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116—117.
[349] Там же, т. XVIII, с. 118.
[350] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 118. Участие муромской рати прямо указывает на тесные союзные отношения между Дмитрием и муромским князем накануне Куликовской битвы.
[351] Личность этого князя исследователями не установлена (*Экземплярский А. В.* Указ. соч., т. II, с. 414).

ники повели себя беспечно: оружия к бою не готовили, бражничали, упиваясь медом и пивом, отнятым у местного, скорее всего мордовского, населения, а князья и бояре развлекались охотой. О лагере русского войска у р. Пары, правого притока р. Пьяны, узнали в мамаевой Орде. Проведенные тайными тропами мордовскими князьями большие силы Мамая в воскресный день 2 августа 1377 г. внезапно ударили с тыла на оплошавшую русскую рать. Не ожидавшие нападения с этой стороны князья и воеводы вместе со своими полками обратились в бегство. Монголо-татары перебили множество бояр и простых воинов, ими был убит князь Семен Михайлович. Большое число русских утонуло при переправе через р. Пьяну, в том числе князь Иван Дмитриевич. Победа мамаевых темников была полной, и они тут же решили воспользоваться ею. Оставив на поле боя, вероятно под небольшой охраной, захваченных пленных и имущество, они быстро («изгоном») двинулись к Нижнему Новгороду. 5 августа они были под его стенами. В распоряжении князя Дмитрия Константиновича не оказалось достаточных военных сил, и он бежал в Суздаль. Горожане тоже покинули город, последовав примеру князя. Нижний Новгород стал легкой добычей монголо-татар. В течение двух дней они хозяйничали в нем, грабили и убивали оставшихся жителей, а перед уходом подожгли город. Уходя, они повоевали нижегородскую сельскую округу, людей предали смерти, а оставшихся в живых женщин и детей увели с собой в рабство. Через несколько дней на восточных границах Нижегородского княжества появился давно ожидавшийся Араб-шах. Его набег ограничился разграблением нижегородских земель по правому берегу р. Суры. А осмелевшие мордовские князья осенью 1377 г. вновь повоевали нижегородскую округу («уезд») и довершили разгром сел, уцелевших от ордынского августовского нападения. Правда, на сей раз городецкий князь Борис Константинович сумел настичь противника у р. Пьяны и разбить его [352]. Однако положение Нижегородского княжества оставалось трудным.

[352] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 118—120. В исторической литературе довольно часто утверждается, что поражение русским войскам на р. Пьяне нанес Араб-шах, а не Мамай (Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 343; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 91; *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 47). Это, конечно, недоразумение.

Политический урон, нанесенный Северо-Восточной Руси Ордой, был отчасти компенсирован успехом в конфронтации с Литовским государством. Там после смерти в 1377 г. великого князя Ольгерда начались распри между его братьями и сыновьями-наследниками, родившимися от разных браков [353]. Результатом этих распрей явился приезд поздней осенью 1377 г. в Псков старшего из Ольгердовичей Андрея Полоцкого [354]. Андрей Ольгердович предполагал остаться в Пскове и целовал крест псковичам в том, что будет служить им, но последние не решились принять литовского князя без санкции Дмитрия и отправили Андрея через Новгород в Москву. В Москве великий князь, по словам летописи, «прия его» [355], т. е., видимо, утвердил псковским наместником. Переход полоцкого князя под руку Дмитрия укреплял позиции последнего в отношении Литвы.

Великому князю необходимо было добиться реабилитации и своей восточной политики. Зимой 1377/78 г. он вновь прислал на помощь в Нижний Новгород свою рать под командованием боярина Федора Андреевича Свибла. Вместе с Борисом Городецким и сыном Дмитрия Нижегородского Семеном эта рать совершила нападение на примкнувших к Мамаю мордовских князей и учинила в их землях жестокую расправу. Это были ответные действия Москвы и Нижнего Новгорода главным образом на походы мамаевой Орды в августе 1377 г. В результате этой успешной совместной акции укрепился и московско-нижегородский союз. Поддержка Москвы обеспечивала Нижегородскому княжеству стабильность не только внешнеполитическую, но внутриполитическую. И если такая поддержка ослабевала, Нижегородское княжество вступало в полосу потрясений.

Летом 1378 г. монголо-татары вновь захватили Нижний [356]. В литературе высказано мнение, будто этот захват был предпринят Мамаем, который преследовал при этом исключительно политическую цель: «вывести из

[353] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 117; *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 98—99.
[354] НПЛ, с. 375, под 6886 г. ультрамартовским. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 292, 299.
[355] НПЛ, с. 375. Предположение Н. Г. Бережкова, что утверждение имело место в 1378/79 г., лишено основания (*Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 299).
[356] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 133.

строя ближайшего союзника Москвы» [357]. Вполне правдоподобно, что после 1374 г. Мамай вынашивал такие планы и не только в отношении Нижегородского княжества. Однако источники не говорят о том, что нападавшие в 1378 г. на Нижний Новгород монголо-татары принадлежали к мамаевой Орде. Если сопоставить время этого нападения — «Боришь день», т. е. 24 июля [358], с датой битвы на р. Воже — 11 августа, то станет крайне сомнительным заключение о взятии Нижнего Новгорода в 1378 г. отрядом Мамая. Судя по деталям рассказов о разграблении Нижнего и о Вожском сражении (монголо-татары покинули Нижний Новгород 25 июля, затем они еще некоторое время потратили на разграбление Березового поля и Нижегородского «уезда», а перед битвой на р. Воже русские и монголо-татарские войска несколько дней простояли друг перед другом [359]) Мамай никак не мог накануне решительного столкновения с Дмитрием организовать еще и дальний поход на нижегородского князя. Становится очевидным, что захват Нижнего Новгорода — дело рук иной орды, возможно булгарской, что представляется более вероятным, а возможно и сарайской, где в 1378 г. сидел Араб-шах, в 1377 г. уже нападавший на Нижегородское княжество. Трудно также судить о том, существовала ли в 1378 г. какая-то координация действий между Мамаем и нападавшими на Нижний Новгород. Вполне допустимо, что здесь имело место простое совпадение событий, связанных внешним образом, подобно тому как были связаны походы Мамая и Араб-шаха на Дмитрия Нижегородского в августе 1377 г. Тем не менее ущерб Нижегородскому княжеству в 1378 г. был нанесен значительный. Объективно это было на руку Мамаю, организовавшему летом того же года большой поход на Русь.

По словам летописи, Мамай, собравший «воя многы», послал их во главе с Бегичем «на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую» [360]. Насколько точно изложил летописец цели и намерения Мамая и знал ли он реально эти цели и намерения, решить нелегко.

[357] *Наваров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы.— Вопросы истории, 1978, № 8, с. 112.

[358] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 133. «Боришь день», день памяти Бориса и Глеба, отмечался 24 июля (*Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 329, прим. 57; ср. также: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 136, под 6887 г., где «Боришь день» — 24 июля).

[359] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 133, 134.

[360] Там же, стб. 134.

Но суть замыслов ордынского темника в русской летописи раскрыта верно: Орде действительно в то время противостояла вся Русская земля, сплотившаяся вокруг наиболее могущественного князя Северо-Восточной Руси Дмитрия Ивановича Московского, и, чтобы привести русских князей в свою волю, Мамаю необходимо было воевать с ними всеми и прежде всего с их главой — великим князем Дмитрием. Источники не сообщают о каких-либо военных действиях Бегича до решительного столкновения с русскими полками. Идя с юга, монголо-татары не нападали ни на лежавшие близ их пути верховские княжества, ни на рязанские земли. Основным объектом удара была, по-видимому, Москва, и Бегич не распылял своих сил.

Известия о выступлении Бегича были получены в Москве своевременно. Сконцентрировав значительные силы, Дмитрий решил не допускать монголо-татар на территорию Московского княжества и «поиде противу въ силѣ тяжцѣ» за р. Оку. Противники встретились у р. Вожи, недалеко от столицы Рязанского княжества Переяславля. Русские войска заняли позиции на левом берегу р. Вожи. Для Бегича появление полков Дмитрия в рязанских пределах было, по-видимому, неожиданным. Некоторое время он стоял у реки, не решаясь перейти ее, а когда «не по мнозѣхъ же днехъ» монголо-татарская конница форсировала Вожу, то оказалась в ловушке. Как свидетельствует летопись, «удари на нихъ с одину сторону Тимофѣи околничии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь великии удари въ лице». Из этого краткого описания делается очевидным, что полки Бегича попали в «мешок»: искусно расставленные силы русских нанесли им сначала удары по флангам, а затем довершили сражение лобовой атакой. «Въ томъ часѣ», как говорит летопись, монголо-татары обратились в бегство. Многие из них были перебиты, гонимые русскими полками, многие утонули в Воже. В Вожском сражении погибло пять монголо-татарских князей, что свидетельствует как о значительной величине войска Бегича [361], так и о масштабах нанесенного ему поражения. Разгром был настолько сильным, уцелевшие от разгрома монголо-татары

[361] Представление В. Д. Назарова о нескольких десятках тысяч воинов как с одной, так и с другой стороны, принявших участие в сражении, кажется правдоподобным (*Назаров В. Д.* Указ. соч., с. 113).

были так напуганы происшедшим, что уходили от русских всю ночь с 11 на 12 августа, бросив на произвол судьбы свой прежний лагерь и все имевшееся там имущество, хотя русские начали их преследовать только через сутки после сражения[362]. С большими трофеями Дмитрий вернулся в Москву. Русские рати были распущены «съ многою корыстию»[363]. Некоторые данные позволяют судить о составе этих ратей. Так, среди убитых на р. Воже русских феодалов летопись называет Дмитрия Монастырева, белозерского вотчинника[364]. В Вожском сражении участвовал князь Даниил Пронский со своим полком. А известие о движении Бегича было послано в Москву скорее всего Олегом Рязанским или при его содействии[365]. Во всяком случае, этот князь явно был причастен к победе на р. Воже. Когда к Мамаю прибежали остатки войск Бегича, он «разгнѣвася зѣло и възъярися злобою», собрал новую рать и осенью 1378 г. «вборзѣ безъ вѣсти изгономъ» напал на Рязанское княжество. Не ожидавший этого Олег бросил на произвол судьбы свою столицу и укрылся где-то за р. Окой. Некоторые летописи сообщают даже, что он из монголо-татарских «рукъ убѣжа истрѣлянъ»[366]. Новая Рязань была захвачена монголо-татарами, которые сначала разграбили и подожгли город, а затем опустошили его волости[367]. Это нападение Мамая на Рязанское княжество можно объяснить только тем, что Олег, не участвуя прямо в сражении против Бегича, скрытно помогал Дмитрию Московскому.

Кровопролитные столкновения 1377—1378 гг. между Русью и Ордой несколько ослабили их силы. Для москов-

[362] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 135, 134.

[363] Там же, стб. 135.

[364] Там же, стб. 135. О Монастыревых см.: *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 376—377 и прим. 8 на с. 377.

[365] В некоторых летописных сводах участником битвы на р. Воже вместо окольничего Тимофея Васильевича Лкатьевича — Волуя назван князь Андрей Полоцкий (ПСРЛ, т. XV, стб. 439; т. XI, с. 42). Обращает на себя внимание, что все эти летописные своды поздние. Поэтому приходится сильно сомневаться в достоверности их известия об участии в Вожской битве полоцкого князя.

[366] ПСРЛ, т. V, с. 237; т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 308, везде под 6886 г. Сражение на р. Воже описано в этих летописях под 6887 г., но известие о взятии Мамаем Переяславля Рязанского под 6886 г., несомненно, имеет в виду нападение на Рязанское княжество, последовавшее за Вожской битвой.

[367] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 135.

ского правительства было ясно, что его основным противником стал Мамай. Именно он нанес крупное поражение объединенной русской рати на р. Пьяне, а после того как сам потерпел жестокое поражение на р. Воже, постарался частично реабилитироваться, захватив Рязань. Последнее говорило о том, что Мамай вынашивает планы реванша и в удобное для себя время может приступить к их реализации. Мамай же прекрасно понимал, что для восстановления ордынской власти над русским «улусом» ему придется действовать против единого военно-политического союза русских княжеств и земель, возглавляемого великим князем Дмитрием. И та, и другая стороны нуждались в укреплении своих сил, нуждались в передышке. На протяжении 1379 г. Мамай не предпринимал никаких военных действий против Руси. Наоборот, скрывая истинные намерения, в конце лета 1379 г. он даже пропустил через свои владения ехавшего в Константинополь для поставления в русские митрополиты московского кандидата Михаила — Митяя [368]. Дмитрий же, стремясь укрепить свой авторитет в заокских княжествах, возможно поколебленный разорением Мамаем Рязани в 1378 г., и воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией в Литовском государстве, в начале декабря 1379 г. послал свои полки под командованием князей Владимира Андреевича, Андрея Полоцкого и Дмитрия Волынского в поход на Брянское княжество. Ими были взяты города Трубчевск и Стародуб Северский, захвачены многие волости и села. Войска, до той поры никогда не ходившие столь далеко на юго-запад от границ Северо-Восточной Руси, вернулись назад с богатой добычей. Но основным результатом похода было то, что на сторону Москвы перешел родной брат Андрея Полоцкого брянский (трубчевский) князь Дмитрий Ольгердович. Вместе со своей семьей и двором этот князь приехал служить к великому князю Дмитрию, который дал ему в управление Переяславль [369].

Видимо, в ответ на эти действия московского правительства литовский великий князь Ягайло прислал в Новгород своего двоюродного брата князя Юрия Наримантовича [370]. Отец Юрия уже княжил в Новгороде в

[368] Там же, стб. 129.
[369] Там же, стб. 138.
[370] НПЛ, с. 375. Юрий приехал в Новгород «тои же зимы», т. е. зимой 1379/80 г. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 299—300.

30-е годы XIV в.[371], и можно было надеяться, что новгородцы примут у себя и сына Нариманта. Это означало бы укрепление отношений между Литвой и Новгородом Великим и естественное ухудшение новгородско-московских взаимоотношений. Расчет Ягайло оказался верен. Новгородцы приняли у себя Юрия, но вскоре среди них началось брожение, поскольку осложнилось «единачество» с Москвой. В результате весь Новгород «биша чоломъ» архиепископу Алексею, чтобы тот ехал мириться с великим князем. 18 марта 1380 г. большое новгородское посольство во главе с владыкой выехало в Москву, и конфликтная ситуация была улажена. Новгород признал своим князем Дмитрия, а тот целовал крест на всей новгородской старине[372]. Московское правительство как нельзя кстати восстановило свой союз с Новгородской республикой. Политический горизонт стал заволакиваться тучей Мамаева похода. В конце лета 1380 г. в Москву стали поступать первые сведения о военных приготовлениях Орды. Наступал час испытаний прочности единства русских княжеств и земель, сплотившихся для отпора иноземным угнетателям.

[371] НПЛ, с. 345—346.

[372] Там же, с. 376. О дате посольства см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч., с. 300.

И. Б. Греков

МЕСТО КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА XIV В.

Куликовская битва — одна из важнейших вех в истории трудных и сложных взаимоотношений Ордынской державы с Северо-Восточной Русью. Вместе с тем сражение на Дону 1380 г.— крупнейшее событие в исторической жизни всей Русской земли XIV — начала XV в., в тогдашнем политическом развитии Восточной Европы в целом [1].

Интерес историков к этому важному этапу политической жизни данной части европейского континента всегда был значительным. Однако среди исследователей до сих пор нет единства взглядов как в раскрытии конкретно-исторической основы этого события, так и в освещении его общей роли в восточноевропейском историческом процессе. Разногласия в трактовке этого сложного исторического явления обусловлены, с одной стороны, различным концепционным подходом ко всей проблеме ордыно-русских отношений XIII — начала XV в., а с другой стороны, отнюдь не одинаковой позицией в оценке исторической достоверности основного комплекса памятников Куликовского цикла.

[1] При рассмотрении политического развития Восточной Европы периода ордынского ига автор предпочитает обращаться не к этнонимам (монголо-татары, русские и т. д.), а к государственно-политической терминологии того времени (Орда, Улус Джучи, Дешт-и-Кипчак, Русская земля, русские княжества, Владимирское великое княжение, Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтийское), т. е. к той терминологии, которая дает более четкую картину исторических реалий изучаемой поры, лучше выявляет классовую основу политики ордынских феодалов в данном регионе, точнее раскрывает ее специфику и реальные масштабы; кроме того, такая терминология, по нашему мнению, устраняет возможность механического перенесения оценок данного периода ордыно-русских отношений на все последующие эпохи взаимоотношений народов, входивших в состав ордынского государства, с восточнославянским населением.

Почти все занимавшиеся данной темой историки[2] согласны с тем, что Орда сыграла довольно заметную роль в исторических судьбах Восточной Европы XIII—XV вв. Они довольно единодушны в раскрытии того, как конкретно происходило в середине XIII в. небывалое по своим разрушительным масштабам вторжение монголо-татарских завоевателей на русские земли, как после ряда последовательно осуществленных в 30—50-х годах XIII в. военных кампаний, после серии мероприятий административно-политического характера (перепись населения, установление дани, введение того или иного контроля над деятельностью князей и церкви) произошло утверждение ордынской власти над обширными пространствами Русской земли.

Однако исследователи отнюдь не одинаково представляют себе масштабы ордынской политики на русских землях, неоднозначно раскрывают ее характер, стратегические цели и тактические приемы, по-разному интерпретируют различные этапы и окончательные результаты политического взаимодействия Орды с феодальной Русью.

Обращаясь к истории взаимоотношений Ордынской державы с русскими землями в XIII—XV вв. и восточноевропейской политики Орды в данный период, многие авторы (как в дореволюционной отечественной историографии, так и в зарубежной литературе последнего вре-

[2] Восточноевропейская политика Орды была предметом специальных исследований дореволюционных русских историков (*Березин И. Н.* Очерки внутреннего устройства Улуса Джучи.— Труды Восточного отдела Археологического общества, СПб., 1864, т. VIII; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1863, т. I; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.; М.; Л., 1884—1941), а также советских (*Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950; *Рыбаков Б. А.* Просвещение на Руси в XIII—XIV вв.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XIV вв. М., 1970, ч. 2; *Он же.* Борьба Руси с Батыем.— В кн.: Народ-богатырь (IX—XIII вв.). М., 1948; *Мавродин В. В.* Куликовская битва.— В кн.: За родную землю XIV—XVII вв. М., 1949; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; *Каргалов В. В.* Куликовская битва и ее место в отечественной истории.— Препод. ист. в школе, 1979, № 5; *Он же.* Монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в. М., 1966; *Сахаров А. М.* Русь и ее культура в XIII—XV вв.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв. М., 1969, ч. 1).

мени) не только склонны игнорировать внутренние процессы исторического развития стран Восточной Европы в эту эпоху, но и готовы объяснять важные сдвиги в исторической жизни отдельных политических организмов данного региона только тем или иным воздействием на них ордынской дипломатии. Так, некоторые историки, явно сужая сферу ордынского влияния в Восточной Европе, придерживаются мнения, что политические замыслы и расчеты Орды касались главным образом Северо-Восточной Руси, что монголо-татары вмешивались лишь в дела Москвы, Твери, Рязани и Нижнего Новгорода, а все остальные части Русской земли будто бы не испытывали на себе никакого воздействия со стороны правителей Золотоордынской державы. Отдельные историки этого круга даже утверждали, что само образование Русского централизованного государства во главе с Москвой явилось будто бы результатом осуществления замыслов ордынской дипломатии, итогом целенаправленной ее поддержки одних только правителей Владимирского княжения. Такое раскрытие масштабов и характера ордынской политики на русских землях позволяло этим историкам противопоставлять «азиатский» путь развития Московской Руси «европейскому» пути развития тех русских земель, которые вошли в состав Великого княжества Литовского[3].

Близкой к данным построениям оказалась и позиция украинского буржуазного историка М. С. Грушевского, позиция, может быть, еще более откровенная по тенденциозности, еще более запутанная по аргументации и поэтому требующая более внимательного к себе отношения.

Нужно признать, что, отстаивая свою схему извечно изолированного существования Украины-Руси, Белоруссии и «Московщины», Грушевский не упускал из вида такой важной стороны восточноевропейского исторического процесса, как развитие отношений Орды с восточнославянскими землями в XIII—XVI вв. Так, следуя выдвинутой еще Духинским идее совершенно различного этнического происхождения Украины-Руси, Белоруссии и Великороссии, Грушевский утверждал, что указанные земли и в период ордынского ига не только сохраняли ранее существовавшую обособленность, но и шли дальше

[3] *Paszkiewicz H.* Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933; *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Leipzig, 1943; *Halecki O.* Grenzraum des Abendlandes. Salzburg, 1957; и др.

по этому пути — по пути еще большего удаления их друг от друга. Усилению такой тенденции способствовала, по мнению Грушевского, политическая обстановка, сложившаяся тогда в данном регионе, в частности осуществление Ордой дифференцированной политики по отношению к различным частям Русской земли, политики, все более жесткой на территории «Московщины» и все более мягкой на Украине и в Белоруссии [4].

В дальнейшем власть Орды над западнорусскими землями, по мнению Грушевского, становилась все чаще номинальной, а в начале XVI в. один из преемников Ордынской державы — крымский хан будто бы совсем отказался от своих «исторических» прав на эти территории в пользу главы Литовско-Русского государства (отказался якобы добровольно, выдав ему традиционные ярлыки на русские земли) [5].

Совершенно очевидно, что попытки приписать Орде дифференцированную политику по отношению к различным восточнославянским территориям были связаны не только с игнорированием самого существования Русской земли и древнерусской народности, но и с отрицанием использования Ордой в ее восточноевропейской политике определенной системы отношений между русскими княжествами, с отрицанием общерусских масштабов ордынской стратегии и тактики в Восточной Европе.

Совершенно очевидно, что такая позиция Грушевского, по существу, предлагала нашей историографии не системный, а «областнический», краеведческий подход к истории Восточной Европы, предопределяла негативное отношение ко всему тому, что мешало утверждению этого подхода, в частности ко всем тем историческим явлениям, памятникам и даже терминам, которые свидетельствовали не о тенденции обособления отдельных частей Русской земли, а о тенденции сохранения ее единства [6].

.....

[4] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Львів, 1902, т. III, с. 103; Київ — Львів, т. IV, с. 20 и др. Тезис о дифференцированной политике Орды по отношению к западным и северо-восточным землям феодальной Руси не распространялся автором на период середины XIII в., когда ордынские полчища подвергли, по его мнению, примерно одинаковому разорению как Поднепровье, так и междуречье Оки и Волги.

[5] Там же, т. IV, с. 457—460.

[6] Весьма показательной в этом смысле была решительная борьба Грушевского как против самого понятия «общерусский исторический процесс» (*Грушевський М. С.* Звичайна схема «русскої»

В историографии существует и другая тенденция — сильно преуменьшать роль ордынского вмешательства в политическую жизнь русских земель XIII—XV вв., объяснять все сложности и зигзаги ордыно-русских отношений этого времени главным образом спецификой внутреннего развития тогдашней Руси, «разгулом» на русских землях феодальной анархии в данную эпоху, особым статусом отношений между ведущими русскими князьями, который характеризовался не только их разобщением в междоусобной борьбе, не только якобы полным отсутствием у них каких-либо освободительных «общенациональных» идей, но и постоянной готовностью предавать друг друга перед ордынскими властями лишь ради мелких, своекорыстных интересов.

«Ордынские ханы,— утверждал, например, В. О. Ключевский,— не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший». Развивая эти мысли, Ключевский писал далее: «Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода запутывать дела своей земли... Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом божьим... Всех удачнее пользовались этим батогом великие князья московские против своей братии» [7].

Итак, по мнению ряда историков (среди которых был и Ключевский), Орда плохо ориентировалась в княжеских междоусобицах и политической обстановке на Руси, довольствуясь данью и различными «подношениями» соперничавших друг с другом князей, выступала либо

історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства.— В кн.: Статьи по славяноведению. СПб., 1904, т. I), так и против исторически сложившейся этнотерминологии, фиксировавшей в той или иной форме этот процесс. Так, накануне первой мировой войны он призвал к категорическому отказу от использования применительно к прошлому Среднего Поднепровья самого слова «Русь», а также всех тех сложных исторических терминов-формул, в состав которых входило это слово («Русская земля», «Украина-Русь», «Великое княжество Литовское и Русское» и т. д.), считая их «предательскими» (*Грушевский М. С.* Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914, с. 13), а вместе с тем и крайне «вредными» для намеченного им полного разобщения восточного славянства и в связи с этим непригодными «как для современной жизни (Восточной Европы.— *И. Г.*), так и для прежних ее фазисов» (*Грушевский М. С.* Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913, с. 3—5).

[7] *Ключевский В. О.* Соч. М., 1957, т. II, ч. 2, с. 43.

в роли пассивного наблюдателя за ходом этого соперничества между князьями, либо в роли политического орудия в борьбе одной княжеской группировки против другой.

Хотя имеющееся в построениях данного круга исследователей обращение к внутренним процессам тогдашней политической жизни феодальной Руси следует рассматривать как определенное достижение в изучении данной проблемы, предложенная ими общая трактовка не может нас в полной мере удовлетворить, и не только потому, что эта трактовка практически оказалась близкой к концепции особой важности ордыно-московских отношений в процессе становления Русского централизованного государства [8], но еще и потому, что она во многом упрощала развитие реальных отношений Орды с русскими землями в XIII—XV вв. Так, предложенная трактовка произвольно сужала реальные масштабы ордынской политики в Восточной Европе и, по существу, игнорировала меняющийся на протяжении указанного времени характер ордыно-русских отношений, не признавала, в частности, тесной зависимости внутриполитической жизни Ордынской державы и Руси с различной степенью их активности на международной арене в тот период.

Фиксируя наличие в дореволюционной отечественной историографии, а также в западной историографии последнего времени довольно тенденциозных, часто односторонних и в целом противоречивых трактовок ордыно-русских отношений XIII—XV вв., мы не можем не отметить значительного внимания к этой проблеме и советской историографии, не можем не констатировать появления ряда советских исследований по этой теме, в которых были предприняты попытки более глубокого раскрытия главных аспектов тогдашнего взаимодействия Ордынской державы и феодальной Руси, а вместе с тем и попытки более широкого учета как внутриполитического их развития, так и всего хода международной жизни данного региона в конце XIV в.

* * *

Отмечая сдвиги в нашей историографии, посвященной изучению ордыно-русских отношений в целом и рассмот-

[8] По мнению этих историков, именно московский правящий дом всегда лучше других княжеских домов использовал Орду в качестве своего «партнера» и «союзника».

рению одного из кульминационных моментов этих отношений — самой Куликовской битвы, мы все же должны констатировать наличие не изжитых еще разногласий между современными исследователями как в конкретно-исторической интерпретации этого события, так и в осмыслении его общего значения в восточноевропейском историческом процессе данного периода. В последнее время эти разногласия возникали главным образом на почве различного отношения к исторической достоверности главных историко-литературных памятников куликовской и послекуликовской поры.

Что касалось различного подхода исследователей к проблеме достоверности указанных памятников, то он обусловливался чаще всего той или иной их датировкой, определялся, в частности, тем обстоятельством, какой этап политической жизни феодальной Руси в послекуликовский период они считали наиболее вероятным временем возникновения указанных памятников.

Значительная часть исследователей утверждала, что главные историко-литературные памятники, так или иначе отражавшие воздействие Куликовской битвы на политические судьбы «Русской земли», возникли в ту эпоху исторического развития феодальной Руси, которая может считаться непосредственно послекуликовской, точнее говоря, в конце XIV в. или в самом начале XV в.[9]

Вслед за гипотезой А. А. Шахматова о появлении первых литературных рассказов о Куликовской битве уже в 1381 г. названные историки не только доказывают возникновение самой «Задонщины» в 1381 г. (Ржига, Соловьев), «Сказания о Мамаевом побоище» на рубеже XIV—XV вв. (Дмитриев), но и устанавливают идейно-

[9] *Ржига В. Ф.* Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959; *Соловьев А. В.* Автор «Задонщины» и его политические идеи.— ТОДРЛ, Л., 1958, т. 14; *Он же.* К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовкого цикла.— Рус. литература, 1965, № 2; *Он же.* Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя Русьскаго».— ТОДРЛ, 1961, т. 17; *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве; *Дмитриев Л. А.* О датировке «Сказания о Мамаевом побоище».— ТОДРЛ, Л., 1954, т. 10; *Он же.* К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: Повести о Куликовской битве; *Рыбаков Б. А.* Указ. соч.; *Черепнин Л. В.* Указ. соч.

концепционную и хронологическую связь памятников собственно-куликовского цикла с такими произведениями послекуликовской поры, как вторая редакция «Жития митрополита Петра» (Дмитриев), «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (Черепнин, Соловьев), «Список русских городов» (Тихомиров, Рыбаков, Черепнин). Так, отмечая органическую связь «Задонщины» со «Списком русских городов», Черепнин, например, подчеркивал, что «в сухом перечне населенных и укрепленных пунктов [присутствуют] те же большие идеи этнической общности различных ветвей теперь разобщенной, но когда-то единой древнерусской народности — идеи, которые в художественной форме нашли воплощение в «Задонщине»» [10].

Фиксируя проблемную взаимосвязь всех этих памятников, отмечая их почти одновременное появление вскоре после Куликовской битвы, названные авторы, естественно, видели в них отражение реальной исторической действительности (пусть осложненной некоторой тенденциозностью), усматривали в них наличие такой информации, которую нельзя было не считать в основном исторически достоверной (хотя бы потому, что в это время было еще много живых свидетелей событий 1380 г. и даже непосредственных участников сражения на Куликовом поле).

Наряду с такими взглядами на проблему исторической достоверности памятников куликовской поры в советской историографии существуют и другие точки зрения по данному поводу. Так, М. А. Салмина отстаивает тезис о том, что основные памятники Куликовского цикла, возникшие, по ее мнению, в середине или второй половине XV в., представляют собой публицистический вымысел, очень далекий от реальной действительности. Утверждая, что все памятники Куликовского цикла берут свое начало из краткой летописной статьи Троицкой летописи, Салмина в то же время настаивает на том, что эта летописная статья не имела прямого отношения к Куликовской битве, а представляла собой лишь кальку летописного рассказа о битве на Воже 1378 г. [11] При таком отношении к исторической достоверности всех памятников Куликовского цикла работы Салминой, по существу, сужают фак-

[10] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 442.

[11] *Салмина М. А.* Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 371—372, 382—383.

тологическую основу этого события и обедняют представление об этой эпохе в целом [12].

Исследование Салминой явилось, таким образом, своеобразной попыткой отдалить возникновение памятников Куликовского цикла от самой Куликовской битвы, сделать комплекс памятников тем самым менее «историчным», а потому и менее достоверным; однако, несмотря на эти сравнительно скромные цели, исследование Салминой «неожиданно» послужило толчком, с одной стороны, для ревизии некоторыми историками шахматовской концепции развития русского летописания XIV—XV вв. в смысле искусственного удревнения этапа «расщепления» общерусского летописания на «великорусское» и «белорусское» [13–14], с другой стороны, для существенной «корректировки» наших представлений о всем восточноевропейском историческом процессе XIV—XV вв., для искусственного удревнения процесса формирования Великороссии, для обоснования тезиса о полном утверждении ее «бытия» в XIV в. [15], а следовательно, и для синхронного удревнения полного обособления Украины и Белоруссии.

Указанные тенденции в трудах некоторых наших историков выдвигают перед исследователями политической и культурно-идеологической жизни русских земель конца XIV в. целый ряд особых задач.

Сознавая невозможность охватить в небольшой статье весь комплекс перечисленных проблем, автор видел свою задачу в том, чтобы рассмотреть сначала одну из них, в частности ту, которая представлялась ему наиболее важной и поэтому определяющей подходы ко всем остальным [16]. Речь идет о широкой проблеме ордыно-русских политических отношений в предкуликовский и послекуликовский периоды, если говорить точнее, о вопросах сложения определенной системы взаимоотношений между ведущими государствами-«княжествами» Восточной Евро-

[12] Эта датировка не является безоговорочно принятой (см. главы, написанные Л. А. Дмитриевым в «Истории русской литературы X—XVII вв.» М., 1980, с. 231—249).

[13–14] *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 3, 17, 38. Под термином «Общерусские летописи» автор подразумевает только летописи Великороссии, не включая белорусские.

[15] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 50 и др.

[16] Этим проблемам автор рассчитывает посвятить специальную работу. В данной статье автор не рассматривает памятники Куликовского цикла.

пы в условиях ордынского ига, вместе с тем о практике использования этой системы Ордой в интересах сохранения здесь своего господства, а также о все более частых случаях противодействия такой практике со стороны антиордынских сил данного региона, прежде всего со стороны русских земель.

Автор склонен при этом думать, что, чем глубже окажутся наши представления о главных линиях политического развития Восточной Европы в указанный период, чем лучше мы будем понимать сложившуюся систему отношений в данной части Европейского континента, тем легче мы сможем решить и проблемы литературно-идеологической жизни региона, выявить те или иные тенденции как в летописании, так и в памятниках Куликовского цикла.

* * *

Чтобы лучше понимать сущность разногласий в современной историографии по указанным проблемам, следует, на наш взгляд, хотя бы в общих чертах представлять себе характер тех реальных отношений Ордынской державы с русскими землями, которые сложились еще во второй половине XIII в. и которые продолжали сложный путь своего развития в XIV в., обращая, естественно, особое внимание на тот период этих отношений, который предшествовал Куликовской битве.

При выявлении характера ордыно-русских отношений XIII—XIV вв. следует иметь в виду, что само присутствие Орды в Восточной Европе совпало по времени с важными процессами внутренней исторической жизни стран данного региона, в частности с процессами преодоления феодальной раздробленности и утверждения феодальной концентрации в этих странах, процессами, протекавшими в условиях борьбы двух тенденций — сохранения этнически однородных государств (на базе возрождения этнического и политического облика восточноевропейского пространства X—XII вв.) и сложения новых многонациональных государств.

Примером утверждения этнически однородного феодального государства на основе консолидации земель с ранее сложившейся устойчивой этнической общностью может служить феодальная Польша, сумевшая уже на рубеже XIII—XIV вв. объединить бо́льшую часть древнепольских земель в рамках единой государственности.

В исторических судьбах Русской земли XIII—XV вв. эта прогрессивная тенденция прослеживалась сначала в существовании «полицентризма» Русской земли, а потом в развитии двух параллельно формировавшихся и синхронно разраставшихся за счет древнерусских земель Владимирского великого княжения и Литовско-Русского государства. Эта тенденция обнаруживалась как в сфере их конкретной политики, так и в области идеологии; она проявлялась не только в общности политического, социального и культурного развития этих государств, но и в параллельной их борьбе за утверждение своего влияния на древнерусских землях.

Говоря об истории Руси конца XIV в., Б. А. Рыбаков подчеркивал, что в эту эпоху не преодоленной еще феодальной раздробленности, в тяжелую годину иноземного ига все интенсивнее становился процесс объединения русских земель, все активнее разворачивалась борьба за восстановление «былых пределов древнерусской народности», все шире становился круг сторонников «передовой, прогрессивной идеи единства Руси». Именно в это время, по мнению Б. А. Рыбакова, оказывался все более заметным «интерес к общерусской истории на широком фоне истории сопредельных стран», все очевиднее становилась потребность в создании памятников, способных «напомнить всем русским людям от Дуная до Устюга, от Немана до Дона о том, что некогда все они составляли единое целое, что все они объединены единством языка и культурных традиций» [17].

Однако, признавая наличие общерусской тенденции в политической и идеологической жизни двух феодальных государств Восточной Европы XIV — начала XV в., мы должны констатировать, что эта закономерная и прогрессивная тенденция в историческом развитии Русской земли не привела к тем результатам, к каким она привела феодальную Польшу на рубеже XIII—XIV вв.; на обширных русских землях эти объединительные процессы были блокированы сложными обстоятельствами политической жизни данного региона, в частности активным противодействием ряда международных факторов, среди которых политике Ордынской державы принадлежала весьма важная роль.

[17] *Рыбаков Б. А.* Просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., т. 2, с. 200, 205.

При изучении обстоятельств утверждения ордынской власти в Восточной Европе в середине XIII в. историк сталкивается с необходимостью выявления ее реальных масштабов, поскольку в историографии, как мы уже знаем, по этому важному вопросу до сих пор нет единства мнений. Мы считаем, что Ордынская держава уже в течение первых десятилетий хозяйничания в Восточной Европе добилась установления своего контроля над всеми территориями, входившими в состав Древнерусского государства. Об этом свидетельствуют прежде всего сам ход военных операций 30—50-х годов XIII в., а также комплекс административно-политических мероприятий, распространенный на все русские земли. Об этом говорят материалы русских летописей, а также такие памятники, как «Слово о погибели Русской земли» (середина XIII в.). Общерусские масштабы распространения ордынской власти подтверждались и всей ордынской практикой выдачи ярлыков митрополитам всея Руси [18] и князьям всей Русской земли (в частности, князьям Северо-Восточной Руси), а также многим князьям Литовско-Русского государства. О распространении влияния Орды на всю Русь в рассматриваемое время свидетельствовал также факт чеканки и хождения «двуязычных» русско-татарских монет как на северо-восточных территориях Руси, так и на юго-западных русских землях.

При рассмотрении обстоятельств утверждения ордынской власти в Восточной Европе в середине XIII в. историк должен определить и характер политических взаимоотношений Орды с русскими землями, выявить как стратегические цели, так и тактические приемы тогдашней дипломатии Орды в данной части Европейского континента. Мы считаем возможным утверждать, что монголо-татарские завоеватели, хотя и произвели в ходе военных вторжений небывалые по масштабам разрушения многих городов и культурных центров Русской земли, не осуществили радикальной ломки происходивших здесь больших

[18] Границы общерусской митрополии — митрополии Киевской и всея Руси — в основном совпадали (за исключением, разумеется, Сарайской епископии) с границами Русской земли, с теми ее пределами, которые четко были очерчены «Списком русских городов» (*Рыбаков Б. А.* Древние Русы.— Советская археология, 1953, т. 17, с. 23—104; *Он же.* Просвещение.— В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., т. 2, с. 200—205; *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979, с. 88).

исторических процессов, не парализовали главных тенденций исторического развития феодальной Руси, в частности напряженной борьбы центробежных и центростремительных сил, ставшей традиционной уже во второй половине XII — начале XIII в. Более того, есть основания утверждать, что завоеватели быстро приспособились к этим процессам, встав на путь их умелого использования в интересах упрочения своего господства над приобретенными территориями.

Заботясь о создании максимально благоприятных условий для утверждения и сохранения своей власти над русскими землями, для получения львиной доли «национального дохода» Руси в виде «выхода», «царева сбора» и т. д., ордынские правители делали ставку не на полное торжество центробежной или центростремительной тенденции в развитии феодальных русских княжеств, а на искусственное затягивание борьбы этих тенденций, на разжигание политических распрей между князьями, на сталкивание сил централизации и децентрализации феодальной Руси, с одной стороны, и поощрение соперничества между исторически сложившимися очагами консолидации русских земель — с другой.

На такой характер политики Ордынской державы в Восточной Европе обратил внимание еще К. Маркс: «Традиционной политикой татар было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться» [19].

Подобное понимание политики и стратегии Ордынской державы подтверждается большим количеством фактов. Так, правители Орды, установив свою власть над разрозненной, политически раздробленной страной, все же сочли нужным сохранить два важных политических института общерусского значения: великое княжение во Владимире [20] (параллельно с владимирским столом некоторое время в середине XIII в. функционировал и киевский

[19] *Marx K.* Secret diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 80.

[20] Использование Ордой института великого княжения в качестве инструмента монголо-татарской политики на Руси было отмечено еще К. Марксом. «Для того чтобы поддержать рознь среди русских князей,— писал он,— монголы восстановили достоинство великого княжения» (Ibid., p. 78).

великокняжеский стол) и митрополичью кафедру в Киеве (митрополита Киевского и всея Руси) [21].

У нас есть основания утверждать, что Орда использовала в своих интересах еще одну важную традицию общерусской политической жизни, которая сложилась и оформилась еще в XII в. и которая сохранилась с теми или иными отклонениями чуть ли не до середины XV в.,— традицию, связанную с практикой приглашения в Великий Новгород того русского князя, который представлял в данный момент наиболее сильную, наиболее политически влиятельную княжескую группировку Русской земли. Ордынская держава, видимо, стала использовать эту традицию почти с самого утверждения своей власти в Восточной Европе, причем использовать весьма своеобразно: она выдвигала перспективу одновременного овладения Владимирским и Новгородским княжениями не перед одной влиятельной княжеской группировкой, а по меньшей мере перед двумя такими группировками, что, естественно, усиливало накал борьбы между ними, содействовало взаимоослаблению русских князей, а вместе с тем помогало Орде укреплять свое политическое влияние на русских землях.

Так, быстрое приспособление ордынской дипломатии к происходившим на русских землях историческим процессам, умелое использование ею исторически сложившихся институтов и определённых политических традиций обеспечили Орде необходимые предпосылки для закрепления своих завоеваний в Восточной Европе, для утверждения своей власти в данном регионе на сравнительно долгий период.

Оценивая таким образом общие линии ордынской политики в Восточной Европе, фиксируя как стратегические цели Орды на русских землях, так и главные тактические ее приемы в данном регионе, мы, разумеется,

[21] Сохраненная структура русской церкви с ее Киевской митрополией была для Орды не только важным инструментом ее политики в православных землях Восточной Европы, но и средством поддержания нужных контактов с Византией, часто выступавшей союзницей Ордынской державы. Отсюда хорошо известны ханские ярлыки тем русским митрополитам, которые ставились в Константинополе, отсюда и часто взаимосвязанные визиты русских митрополитов в Орду и Царьград, а также постоянные связи Сарайской епископии как с Киевской митрополией, так и с константинопольским патриархом.

не можем рассматривать ордыно-русские отношения XIII—XV вв. как нечто стабильное и неизменное, не можем, в частности, игнорировать существования нескольких этапов в развитии этих отношений.

На протяжении второй половины XIII — начала XIV в., когда во внутреннем развитии Ордынской державы доминировали центростремительные тенденции над центробежными, а на русских землях торжествовала феодальная раздробленность, правители Орды осуществляли довольно жесткую и вместе с тем великодержавную политику в восточноевропейском регионе. Утверждая свою власть над всей Русью, Ордынская держава использовала тактику сталкивания различных объединительных центров Русской земли, использовала претензии ряда русских князей на княжения во Владимире и в Новгороде, однако при этом она основную ставку делала на поддержание сил дезинтеграции русских земель, на поощрение тенденции их феодального дробления. Об этом этапе ордынской политики говорили не только печальные судьбы Михаила Черниговского и Ярослава Суздальского, погибших в Орде, но и трудная судьба самого Александра Невского, который, хотя и получил от правителей Орды «великое княжение» сначала в Киеве, а потом и во Владимире, хотя и стал при этом князем новгородским, должен был постоянно считаться с противодействием центробежных сил феодальной Руси, скрыто поощряемых ордынской дипломатией. Об этом свидетельствовала и длительная политическая борьба ближайших преемников Александра Невского — его сыновей Дмитрия Переяславского, Андрея Городецкого, а также братьев Ярослава Тверского и Василия Костромского, та самая напряженная политическая борьба, в ходе которой аналогичные претензии упомянутых князей на Владимир и Новгород находили параллельную, иногда синхропную поддержку ордынской дипломатии.

Однако наметившееся в первые десятилетия XIV в. усиление процессов феодальной концентрации в Восточной Европе, в частности параллельный рост двух великих княжений — Владимирского великого княжения и Великого княжества Литовского, вынудил правителей Орды несколько изменить тактические приемы своей восточноевропейской политики. Практиковавшееся ранее преимущественное использование противоречий между центростремительными и центробежными тенденциями развития

феодальной Руси (с главным вниманием к последним) теперь стало дополняться использованием соперничества между формирующимися крупными государственными образованиями Восточной Европы. Теперь Орда стала добиваться сохранения своей власти над Русской землей не только поддержкой внутренних противоречий в рамках этих государственных образований, но и поощрением противоборства между ними; при этом такие общерусские институты, как великие княжения, кафедра митрополита всея Руси, а также упоминавшаяся «общерусская» политическая традиция предоставления одному из великих княжений прав на Великий Новгород находили еще более широкое применение в дипломатической практике ордынских правителей. Видимо, не случайно с 30-х годов XIV в. на берегах Волхова наряду с князьями Владимирского княжения стали все чаще появляться князья из Литовско-Русского государства (в 1333 г. в Новгороде впервые княжил князь Наримант Гедиминович) [22].

Таким образом, не прекращая поощрения сил дезинтеграции в рамках формирующихся объединений, ордынские правители все больше внимания обращали на стимулирование соперничества между двумя великими княжениями, умело регулируя соотношение сил между ними, в частности и путем ориентирования Новгорода на сближение с тем или иным великим княжением [23]. Тем самым

[22] Князь Наримант Гедиминович (1292? — 1347) был князем в нескольких центрах Русской земли: не только в Великом Новгороде, но также в Полоцке, Пинске; после крещения по православному обряду получил имя Глеба (НПЛ. М.; Л., 1950, с. 345); о близости Нариманта к ордынской политике в Восточной Европе свидетельствовал факт его бегства в Орду в 1345 г. (Там же, с. 358).

[23] В сущности, о такой тактике Орды говорили и летописи. Так, под 1353 г. Новгородская I летопись сообщала о том, что инициатива новгородцев по поводу приглашения на Волхов суздальского князя Константина была «скорректирована» Ордой в пользу князя московского, при этом летопись отмечала, что в данном случае не последовало, как, видимо, бывало обычно, никаких «санкций» ни со стороны Орды, ни со стороны тогдашнего ордынского фаворита — великого князя московского Ивана Ивановича. «Того же лета послаша новгородцы свои посол... *ко цесарю в Орду*, прося великого княжения Костянтину князю Суздальскому, и *не послуша их цесарь* и дашеть Ивану князю Ивановичю великое княжение. И пребыша без мира новгородцы с великим князем полтора года, *нъ зла не бысть никакого же*» (НПЛ, с. 363). Та же летопись сохранила сведения о том, что и Орда, и ее князья-фавориты прибегали часто к «санкциям» против Новгорода. Так, под 1332 г. мы читаем: «Того же лета вели-

правители Орды ханы Узбек (1312—1342) и Джанибек (1342—1357) использовали новые тактические приемы и столь же эффективно, как и их предшественники, обеспечивали реализацию основной стратегической цели ордынской дипломатии в Восточной Европе. Поддерживая необходимую ей политическую напряженность на русских землях, они продолжали сохранять свой контроль над восточноевропейским пространством, продолжали получать регулярный «выход» с русских земель.

Поощряя соперничество двух «великих княжений», Ордынская держава уже в середине XIV в. оказывалась иногда перед перспективой чрезмерного усиления одного из этих княжений, а вместе с тем и перед возможностью потери своего контроля над политической жизнью восточноевропейских государств в целом. В этих условиях Орда была вынуждена все чаще прибегать к тактике прямого сдерживания политических амбиций как Владимирского великого княжения (это достигалось на рубеже 50—60-х годов XIV в. предоставлением владимирского стола более угодному ханам Орды нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу, связанному к тому же родством с Ольгердом), так и Великого княжества Литовского (это осуществлялось иногда даже путем вооруженного противодействия попыткам Ольгерда укрепиться на среднем Приднепровье, например у Синих вод).

Показательными для этой новой тактики Орды было ее тогдашнее отношение к русской церкви, в частности поддержка практики «расщепления» русской митрополии. Если сохранение единой митрополии всея Руси могло содействовать чрезмерному усилению одного из великих княжений, то расщепление русской митрополии должно было придавать особую остроту их соперничеству, а вместе с тем обеспечивать необходимое Орде равновесие между ними. Эти тактические соображения ордынской дипломатии хорошо учитывал князь Ольгерд, глава Литовско-Русского государства; он учитывал их в те годы, когда добился создания особой литовско-русской митрополии для своего ставленника — митрополита Романа (1354—1361).

Он хорошо понимал значение ордынской тактики в отношении русской церкви и в тот период, когда он

кий князь Иван прииде из Орды и възверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамское» (Там же, с. 344).

потребовал в Константинополе не просто восстановления литовско-русской митрополии, существовавшей при Романе, но и подчинения ей тех русских епархий, которые находились далеко от Литвы, но зато близко от Ордынской державы,— он потребовал, как известно, в 1371 г. подчинения предполагаемому литовско-русскому митрополиту Нижнего Новгорода, а также такого далеко выдвинутого на юго-восток пункта, как Новосиль [24]. Но, сколь ни изощренными оказывались тактические приемы ордынских политиков на восточноевропейских землях, им все труднее было контролировать политическую жизнь как в Восточной Европе, так и на территории самой Ордынской державы.

Происходившая в 40—60-х годах XIV в. интенсификация процессов феодальной концентрации в Восточной Европе и осуществляемое на этой основе дальнейшее утверждение двух мощных государственных образований в этом регионе совпали по времени с ослаблением политического потенциала самой Ордынской державы, с усилением тенденций ее распада на отдельные улусы, с обострением династической борьбы и т. д. Хотя политическая жизнь Ордынской державы от смерти Джанибека (1357) до воцарения Тохтамыша (1381) характеризовалась усилением борьбы центробежных и центростремительных сил, равнодействующая этой борьбы складывалась все же в пользу сохранения относительной целостности Орды, отражением чего явилась деятельность известного ордынского правителя Мамая, оказавшегося способным, несмотря на все трудности внутриполитической жизни Орды, осуществлять довольно активную и даже наступательную политику в отношении восточноевропейских стран.

Тем не менее как ход событий в Орде, так и развитие восточноевропейских государств в 60—70-х годах XIV в. создавали во многом новую расстановку сил в Восточной Европе, обусловливали сложение новых политических отношений между Ордой, Московской Русью и Литовско-Русским государством. Это были годы, когда усилившееся Владимирское княжение пыталось расшатать власть Ордынской державы в Восточной Европе, стремилось нарушить в свою пользу то равновесие между Москвой и

[24] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 110.

Вильно, поддерживая которое, ордынские правители сохраняли контроль над восточноевропейскими странами. Надо признать, что Владимирское княжение особенно много добилось на этом пути в 70-е годы XIV в., когда князь московский и владимирский Дмитрий Иванович отказался выплачивать дань Орде в прежних размерах, когда явно вопреки воле ордынских правителей стал интенсивно расширять фронт русских княжеств, готовых вести борьбу как против самой Ордынской державы, так и против ее союзников в Восточной Европе, в частности против Великого княжества Литовского и Твери. Масштабы этого нового объединения русских княжеств были продемонстрированы во время похода князя Дмитрия на Тверь в 1375 г.

Политическая сущность достигнутой в результате этого похода победы была юридически зафиксирована в докончальной грамоте «старейшего» московского князя Дмитрия Ивановича с «молодшым» тверским князем Михаилом. «А вотчины ти наше Москвы, и всего великого княженья [Владимирского] и Новагорода Великого, под нами не искати»,— провозглашала грамота [25].

Развитие событий в этом направлении свидетельствовало о том, что наметился кризис ранее сложившихся отношений между Москвой, Вильно и Ордой, наметился кризис всей восточноевропейской политики Ордынской державы. Если на протяжении предшествующих десятилетий Орде удавалось поддерживать равновесие между Владимирским и Литовско-Русским княжениями (путем насаждения «местного» сепаратизма в рамках названных политических образований, а также путем поощрения «великодержавных» устремлений этих великих княжений, путем их сталкивания, регулирования их территориального роста и т. д.), то теперь, в 70-е годы XIV в., в связи с явным усилением Северо-Восточной Руси и выходом Москвы из повиновения правители Орды оказались перед фактом нарушения сохранявшегося ранее равновесия, а следовательно, и перед возможностью крушения всей системы ордынского господства в Восточной Европе.

Теперь Ордынская держава должна была сделать все от нее зависящее, чтобы затормозить развитие политических событий в данном направлении, чтобы не допустить дальнейшего развертывания процессов интеграции Рус-

[25] ДДГ. М.; Л., 1950, № 9, с. 26.

ской земли, явно наметившихся в связи с нарушением равновесия между двумя великими княжениями. В этих условиях, как известно, Орда перешла от дипломатического воздействия на политическую жизнь Владимирского великого княжения к чисто военному вмешательству, к организации серии военных походов, завершившихся появлением армии Мамая на Куликовом поле в 1380 г. Однако Куликовская битва не оправдала надежд Мамая: закончившаяся разгромом ордынской армии, эта битва не только не остановила наметившихся в 70-е годы процессов интеграции Руси, но, резко ослабив власть Орды над русскими землями, содействовала развертыванию этих процессов в небывалых до сих пор масштабах.

* * *

Чтобы убедиться в этом, следует более внимательно рассмотреть расстановку политических сил в Восточной Европе накануне Куликовской битвы и сразу после этого исторического события.

Так, если еще во время Тверского похода 1375 г. действительно создался широкий антиордынский фронт русских княжеств под эгидой Москвы, то в 1376—1379 гг. этот фронт несколько сузился, а его политические возможности в какой-то мере сократились. Это было связано не только с военным нажимом Орды на Северо-Восточную Русь (битвы на реке Пьяне 1377 г. и реке Воже в 1378 г.), но и с ее политическим воздействием на Рязань, Нижний Новгород, а также на Великий Новгород.

Хотя в исторической литературе и имеются попытки изобразить позицию Рязани накануне Куликовской битвы как нейтральную или даже как союзную Москве, есть прямые указания источников, подтверждающие факт политического сотрудничества Рязани с Ордой и Литвой в 1379—1380 гг. В сущности, московско-рязанское докончание 1381 г., возвращавшее рязанского князя Олега в положение вассала Дмитрия Донского, свидетельствовало о том, что в 1379—1380 гг. этот князь находился в стане противников Москвы.

Что касается взаимоотношений Москвы с Нижегородским княжеством накануне Куликовской битвы, то в данном случае следует учитывать не только широко известный факт политической пассивности суздальских князей на протяжении 1378—1382 гг. по отношению к московскому княжескому дому, но и некоторые обстоятельства

церковно-политической и идеологической жизни Нижегородского княжества. Если Орда еще в середине XIV в. сквозь пальцы смотрела на появление рядом с московским митрополитом Алексеем литовско-русского митрополита Романа, если Орда была готова в 1371 г. санкционировать передачу Нижегородской епископии под контроль предполагавшегося тогда литовско-русского митрополита, то теперь ордынская дипломатия прямо стала поддерживать вопреки воле Москвы претензии суздальского епископа Дионисия на руководящую роль в жизни всей русской митрополии. Хорошо известно, что Орда содействовала переправке через свою территорию Дионисия в Царьград, где он должен был стать митрополитом всея Руси вместо московского претендента на этот пост.

Есть основания предполагать, что Орда была готова в тот период поддерживать выход на общерусскую арену и самого нижегородского княжеского дома, как это было сделано в 1360—1362 гг., когда нижегородский князь Дмитрий Константинович был обладателем владимирского стола и Великого Новгорода, а кроме того, и родственником Ольгерда (с 1354 г.). Видимо, нельзя считать случайностью и тот факт, что именно в это время на нижегородской почве возникла идея создания такого общерусского свода, который должен был обосновать приоритет Нижнего Новгорода в системе русских княжеств. Этим сводом, как известно, оказалась известная Лаврентьевская летопись.

Весьма сложной оказывалась и позиция Великого Новгорода накануне Куликовской битвы. Если во времена Тверского похода 1375 г. Великий Новгород был сторонником Москвы, если в 1376 г. он отверг попытки нового литовско-русского митрополита Киприана подчинить ему Новгородскую епископию, то в 1377—1378 гг. поведение «боярской республики» стало постепенно меняться: сначала она занимала позицию нейтралитета в литовско-московском соперничестве, раздуваемом Ордой (об этом свидетельствовало нежелание новгородцев задерживать у себя полоцкого князя Андрея Ольгердовича, который из Литовской Руси был переправлен через Псков и Новгород в Москву), а потом, в 1379 г., открыто встала на путь сближения с Литвой, пригласив на берега Волхова одного из князей Литовско-Русского государства — Юрия Наримантовича. И хотя есть сведения, что весной 1380 г. снова наметилось какое-то сближение Новгорода с Москвой,

а следовательно, и ослабление контактов с великим князем литовским Ягайло, тем не менее общее положение неустойчивого равновесия в Восточной Европе не позволило, видимо, тогда довести этот сдвиг в новгородско-московских отношениях до прибытия на берега Волхова представителя московского правящего дома, до оформления реально действовавшего союза Новгорода с Дмитрием Донским.

Однако, чем дальше от Москвы отдалялись Рязань, Нижний Новгород и Великий Новгород, тем настойчивее добивался московский князь Дмитрий консолидации остальных княжеств Северо-Восточной Руси, тем энергичнее он устанавливал политические контакты с определенными группировками литовско-русских князей, в частности с полоцким князем Андреем Ольгердовичем, брянским князем Дмитрием Ольгердовичем, Дмитрием Волынским, а возможно, и с самим князем Кейстутом.

Таким образом, в создавшихся условиях возникла та ситуация непрекращающейся перегруппировки сил, при которой ни одна из соперничающих сторон не обладала очевидным превосходством. И все же, несмотря на отсутствие явного перевеса, несмотря на ослабление своего политического потенциала по сравнению с периодом Тверского похода 1375 г., Москва сумела создать такую консолидацию сил Русской земли, которая оказалась достаточной для решительной победы на Куликовом поле.

Есть основания утверждать, что большой военный успех Дмитрия Донского был обусловлен не только его полководческим искусством, не только недостаточной боеспособностью армии Мамая, но и рядом чисто политических факторов. По-видимому, прежде всего два важных обстоятельства сыграли роль в исходе этого сражения: во-первых, создание московским князем сравнительно широкого антиордынского фронта русских княжеств, привлечение под свои знамена князей из Залесской Руси, а также из Руси Юго-Западной — Руси Литовской [26]; во-вторых, сковывание инициативы тогдашнего главы Литовско-Русского государства Ягайло путем установления скрытых пока контактов с определенными кругами западнорусских феодалов, а возможно, даже с самим митрополитом Киприаном и князем Кейстутом.

[26] Близки к такой оценке политических факторов советские исследователи М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин.

Если эти политические обстоятельства содействовали Куликовской победе, то сама победа, значительно ослабив Орду, создала в Восточной Европе качественно новую политическую ситуацию, при которой искусственно сдерживавшиеся до сих пор объединительные процессы получили простор для своего развития. Торжество Дмитрия Донского на Куликовом поле не только положило конец неустойчивому равновесию между Москвой и Вильно, но и превратило Владимирское княжение в ведущую силу консолидации русских земель.

Наиболее ярким показателем этих важных сдвигов в политической жизни Восточной Европы были перемены в судьбе тогдашнего главы литовско-русской церкви Киприана. Если до Куликовской битвы Киприан, выступая критиком Дмитрия Донского, являлся конкурентом московских ставленников на русскую митрополию, то теперь, после одержанной победы и превращения Москвы в главный центр процесса консолидации русских земель, Киприан с его планами создания общерусской митрополии стал естественным союзником Дмитрия Донского. В этих условиях вполне закономерным было то, что по приглашению самого великого князя Дмитрия Ивановича в мае 1381 г. Киприан торжественно въехал в Москву, став митрополитом с широкими общерусскими полномочиями. Не удивительно, что в этих условиях изменились отношения Москвы с Рязанью, Тверью, Великим Новгородом, возможно даже с Нижним Новгородом.

Наиболее показательными были перемены в развитии московско-рязанских отношений. Мы знаем, что они были враждебными накануне и во время Куликовской битвы. Об этом свидетельствуют не только многие памятники Куликовского цикла, но и сам акт докончания, заключенного между Москвой и Рязанью в 1381 г.[27] с целью воз-

[27] ДДГ, № 10, с. 29—30. С. М. Соловьев, А. В. Экземплярский, Д. И. Иловайский, А. Е. Пресняков, А. А. Зимин, А. Г. Кузьмин датировали эту докончательную грамоту 1381 годом, Л. В. Черепнин предложил датировать ее 1382 годом, связывая ее возникновение с вторжением Тохтамыша (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, т. 1, с. 55—58; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., с. 649). Старая точка зрения представляется еще не опровергнутой. В самом деле, заключение с санкции Киприана докончания Дмитрия Донского с Олегом Рязанским могло произойти только после приезда его, Киприана, в Москву (май 1381 г.), а требование разрыва отношений Рязани с великим князем Ягайло могло быть выдвинуто до отстранения последнего от

вращения рязанского князя из антимосковского лагеря в русло московской политики. Этим докончанием, санкционированным уже находившимся тогда в Москве митрополитом Киприаном, не только провозглашалось прекращение соперничества между Москвой и Рязанью, но и декларировалось установление самого тесного сотрудничества между ними, сотрудничества, в котором рязанский князь Олег Иванович в качестве «младшего» брата Дмитрия Донского должен был следовать всем зигзагам московской политики как в рамках Владимирского княжения, так и на международной арене, в частности в своих отношениях с Великим княжеством Литовским. Он должен был расторгнуть союзные отношения с Ягайлом, но вместе с тем допустить восстановление добрососедских отношений с Литвой, если ее возглавит другой князь, расположенный к Москве.

Есть основания говорить о наступившем в 1381 г. сближении Москвы с Великим Новгородом. Если в 1379 г. на берегах Волхова присутствовал, как мы знаем, представитель Литовско-Русского княжества Юрий Нариантович, то в 1381 г. его здесь уже не было; зато тогда уже были восстановлены отношения Великого Новгорода с великим князем московским[28], а новгородская церковь, возглавленная архиепископом Алексеем, была в подчинении митрополита Киприана (находившийся на берегах Волхова в 1381 г. суздальский епископ Дионисий, видимо, был также подконтролен митрополиту Киприану)[29]; сам же Дионисий стал митрополитом, как известно, лишь осенью 1383 г., когда Константинополь, следуя политике нового хана Тохтамыша, нацеленной на поддержание равновесия между Литовской Русью и Владимирским княжением, стал противопоставлять митрополиту Киприану, оказавшемуся в Киеве, митрополита Дионисия, который должен был находиться в Северо-Восточной Руси. О сближении Москвы с Великим Новгородом в 1381 г. говорит

власти Кейстутом (ноябрь 1381 г.). Позднéе этот договор не мог быть заключен по следующим причинам: с ноября 1381 по июнь 1382 г. главой Литовско-Русского княжества был Кейстут; в июле-августе 1382 г. Рязань, принявшая удар Тохтамыша, снова отдалилась от Москвы; осенью 1382 г. Киприан не мог санкционировать этот договор, так как, переехав тогда в Киев, прекратил сотрудничество с московским князем.

[28] НПЛ, с. 376.

[29] Там же, с. 378—379.

и факт закладки в этом же году на новгородской территории церкви св. Дмитрия [30].

Живучесть традиции политического сотрудничества Великого Новгорода с тем «великим княжением», которое в данный момент оказывалось победителем в соперничестве с другим «великим княжением», так же как и постоянство использования этой традиции ордынской дипломатией, подтверждаются практикой раздачи ханских ярлыков на русские земли тем или иным их «преуспевающим» правителям.

Так, князья Северо-Восточной Руси, получая ярлыки на Владимирское великое княжение, как правило, становились «обладателями» и Великого Новгорода, обретали возможность либо самим направляться на берега Волхова, либо посылать туда своих наиболее влиятельных родственников (обычно старших сыновей). Источники зафиксировали такой порядок в отношении почти всех князей, занимавших владимирский стол во второй половине XIII—XIV в.[31]

То же самое можно сказать и о правителях Литовско-Русского государства, которые по мере разрастания этого государства за счет русских земель стали все чаще претендовать на право отправки на берега Волхова своих князей-наместников, т. е. на то право, которым широко пользовались в XIV в. князья Владимирского великого княжения, а в XII — начале XIII в. пользовались, как известно, представители других «великих княжений» (князья киевские, черниговские и т. д.). Присутствие князей Литовско-Русского государства в Великом Новгороде начиная с 30-х годов XIV в. становилось довольно частым явлением. В числе князей, представлявших интересы Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтийского на Волхове, можно назвать Нариманта Гедиминовича (1333 г.), Александра Наримантовича (1338), Юрия Наримантовича (1378—1380), Патрикея Наримантовича (1383—1386), Семена Лугвеня Ольгердовича (1389—1392, 1407—1412) и др.[32]

Видимо с использованием этой традиции было связано и командирование Казимиром на берега Волхова в

[30] Там же, с. 377.
[31] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 33—58 и след.
[32] НПЛ, с. 345, 375, 379, 383, 385, 397, 402—404, 412, 419, 420, 423; *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 211—214.

1470 г. киевского князя Михаила Олельковича, так же как и сам факт тесного сотрудничества этого князя с домом Борецких (сотрудничества не на «униатской», а на православной основе) [33].

Не приходится сомневаться в том, что ярлыки на русские земли, выдававшиеся крымскими ханами правителям Литовско-Русского государства в начале XVI в. (но восходившие по всем данным к ярлыкам более раннего времени, во всяком случае к эпохе Тохтамыша и Хаджи-Гирея), хорошо учитывали эту устойчивую традицию политической жизни русской земли. Так, перечисляя конкретные центры русских земель, «передаваемых» правителям Великого княжества Литовского, ханские ярлыки в этом перечне постоянно называли Великий Новгород и Псков [34]. То, что упоминание в ярлыках Новгорода и Пскова фиксировало существование вышеуказанной традиции и отнюдь не являлось какой-то случайной оговоркой, подтверждается присутствием данной формулы во всех сохранившихся копиях этих документов. Об этом же, по существу, говорило и наличие близких формул в некоторых летописных рассказах по поводу передачи ордынскими ханами «прав» на русские земли тем или иным правителем восточноевропейских государств. Весьма характерным в этом смысле оказывается присутствующий во многих летописях рассказ о переговорах Тохтамыша с Витовтом накануне битвы на Ворскле (1399 г.), рассказ о достигнутом между ними соглашении по территориальным вопросам, соглашении, в котором специально оговаривалась дальнейшая судьба Великого Новгорода и Пскова как обязательного «придатка» одного из «великих княжений», как составной части будущего обширного государства Витовта в Восточной Европе [35].

Однако, несмотря на очевидные указания вполне достоверных источников о существовании традиции переда-

[33] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIII—XVI вв. М., 1963, с. 174—177, 182—184 и след.

[34] *Pułaski K.* Stosunki Polski z Tatarszczyzną od polowy XV w. Kraków, 1881, t. I, N 90 и др.

[35] Суть этого соглашения сводилась к следующему: «Витовт рече: я тебя посяжю на Орде и на Сараи, и на Болгарех, и на Азтархани, и на Озове, и на Заятцькой Орде, а ты меня посади на Московском великом княжении и на всех семнадцати тем и на Новгороде Великом и на Пскове, а Тверь и Рязань моа и есть» (ПСРЛ, т. XXII, с. 423).

чи Новгорода во владение одному из «великих княжений», о широком использовании Ордой этой традиции в своих политических интересах, в историографии существуют попытки иначе смотреть на эти документы [36].

Таким образом, подтверждаемая ярлыками традиция сотрудничества Великого Новгорода с усиливающимся «великим княжением» обнаружила себя и в развитии московско-новгородских отношений в 1381 г.

Еще труднее выявляется характер сложившихся в 1381 г. отношений Москвы с Нижним Новгородом. У нас есть лишь косвенные данные о возможно намечавшемся в ту пору сближении суздальских князей с московским правящим домом. Показательным, например, был тот факт, что нашествие Тохтамыша летом 1382 г. на Северо-Восточную Русь началось с угрозы Нижнему Новгороду [37], что как будто предполагало соответствующие связи последнего с Москвой в 1381 — начале 1382 г. Проливает какой-то свет на тогдашнюю позицию Нижнего Новгорода и положение суздальского епископа Дионисия в эти годы. Если в период, предшествовавший Куликовской битве, Дионисий, поддержанный Ордой и нижегородскими князьями, энергично добивался предоставления ему митрополии всея Руси (Царьград тогда отклонил эти претензии, санкционировав сосуществование двух других митрополитов — московского Пимена и литовско-русского Киприана), то в послекуликовский период, когда реаль-

[36] Так, например, Грушевский видел в ярлыках начала XVI в. не подтверждение существования определенной традиции политической жизни всей русской земли, а лишь перечень украинских земель входивших в состав Великого княжества Литовского, а также юридическое оформление якобы «добровольного» отречения Крыма от своих исторических прав на украинские земли в пользу литовских князей (*Грушевський М. С.* Історія України-Руси, т. IV, с. 458—461). И хотя такому искусственно суженному подходу к данному памятнику противоречило упоминание в ярлыках Великого Новгорода и Пскова, Грушевский это противоречие устранял просто: считая свою концепцию незыблемой, а метод «текстологического анализа» безупречным, он объяснял присутствие здесь указанных городов явным недоразумением, очевидной дефектностью списков, наконец, прямой фальсификацией. Он прямо писал о том, что упоминание о Великом Новгороде и Пскове в ярлыках «не пришито, не прилатано» к исторической основе этих документов, что «вставки» в ярлыках о Новгороде и Пскове являются откровенной фальсификацией восточноевропейского исторического процесса вообще и истории Украины-Руси в частности.

[37] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 274.

ным главой всей русской церкви оказался Киприан, Дионисий, находясь сначала в Константинополе, а потом в Новгороде Великом, оставался скромным епископом суздальским,. поддерживавшим тесные связи с Нижегородским княжеством, сохранявшим лояльное отношение к Киприану и подтверждавшим этим существование такого же отношения нижегородских князей к Москве.

Куликовская битва содействовала сближению Москвы и с некоторыми феодальными группировками Литовско-Русского государства. Результатом изменившегося после Куликовской битвы соотношения сил в Восточной Европе, видимо, оказалась и развернувшаяся летом 1381 г. борьба феодалов и горожан Полоцкой земли против ягайловского наместника в Полоцке Скиргайло.

Хотя летописи и не говорят о соответствующей помощи Полоцку со стороны Москвы, у нас есть основания считать, что московская поддержка все же была оказана как Полоцку, так и князю Полоцкой земли Андрею Ольгердовичу. Вполне возможно, что эта помощь получила даже юридическое оформление в том недатированном договоре Дмитрия Донского и Андрея Полоцкого, сведения о котором сохранились в описи архива Посольского приказа 1626 г.[38] В пользу датировки этого договора 1381 годом говорит не только невозможность его заключения в предшествующий период[39], когда Андрей Полоцкий был либо политическим партнером Ольгерда (до 1377 г.), либо князем-эмигрантом в Москве (в 1379—1380 гг.), не только фиксируемое источниками восстановление в 1381 г. влияния Андрея Ольгердовича в Полоцкой земле, вряд ли достижимое в тех условиях без поддержки московского князя, но и развитие последующих событий в Великом княжестве Литовском, особенно осенью 1381 г. и в начале 1382 г.

Вполне возможно, что соглашение полоцкого князя Андрея с Дмитрием Донским послужило толчком для активизации и другого видного литовского князя — Кейстута, который в октябре 1381 г. открыто выступил против Ягайло, заставив его отказаться от великокняжеского престола в свою пользу[40]. Когда Кейстут стал формаль-

[38] Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977, ч. 1, с. 34—35, л. 5—5 об.

[39] О датировке договора см.: *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 139.

[40] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930, t. I, s. 20—21.

но великим князем литовским, то, по-видимому, Дмитрий Донской с ним заключил договор, в котором были статьи о тогдашних московско-литовских границах [41].

Итак, на протяжении почти двух лет после Куликовской битвы политическая обстановка в Восточной Европе оказывалась весьма благоприятной для процесса консолидации русских земель. Искусственно тормозившиеся в предшествующий период объединительные тенденции в политической жизни феодальной Руси теперь получили новые возможности для бурного развития. Однако, говоря о происходившем после Куликовской битвы процессе объединения русских земель, нельзя, разумеется, забывать, что он протекал далеко не равномерно. Сначала в условиях полного ослабления власти Орды над Русью, в условиях военных поражений Мамая и медленного усиления власти Тохтамыша данный процесс протекал довольно интенсивно, потом, по мере восстановления под эгидой Тохтамыша политической мощи Ордынской державы, он замедлился, а после вторжения нового ордынского хана на территорию Руси почти приостановился. И тем не менее этот этап в политической жизни Восточной Европы имел огромное значение. Он не только явился одним из переломных моментов в истории сложных взаимоотношений феодальной Руси с Ордынской державой, но и, сделав очевидной саму возможность победы русских земель над Ордой в ходе их даже частичной консолидации, тем самым наметил реальный путь продолжения действенной борьбы с ордынским господством в Восточной Европе, тот путь, который был связан с преодолением поддерживаемой Ордой искусственной расщепленности русских земель и на который встали уже в 90-е годы XIV в. ведущие политические силы данного региона. Не секрет, что именно они осуществляли в указанный период как военно-политическую подготовку к еще одной схватке с Ордынским государством (состоявшейся на берегах Ворсклы в 1399 г.), так и идеологическую подготовку к ней в форме создания соответствующей историко-публицистической литературы, ставившей своей целью не только пропаганду опыта Куликовской битвы, по и подчеркивание исторических заслуг как самой Московской Руси, так и определенных группировок Литовско-Русского государства.

.....

[41] О датировке договора см.: *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 104.

Б. Н. Флоря

ЛИТВА И РУСЬ ПЕРЕД БИТВОЙ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Хорошо известно, что международное положение Великого княжества Литовского — одного из наиболее крупных государств Восточной Европы XIV в.— определялось двумя факторами: наступлением немецких крестоносцев на «языческую» Литву и экспансией литовского боярства на древнерусские земли.

Конфликт Великого княжества Литовского с Тевтонским Орденом — военно-духовной корпорацией немецких феодалов — именно в XIV в. стал предельно острым. Завершив к началу XIV в. покорение прусских племен, немецкие рыцари поставили перед собой как политическую цель покорение земель, входящих в состав Великого княжества Литовского, выхлопотав на них соответствующие привилегии у императора Людовика баварского (1337 г.). Война с литовцами была войной против «язычников», в которой немецкое рыцарство не считалось даже с теми немногими ограничениями, которые накладывали на ведение войн между христианами нормы средневековой морали, и велась поэтому особенно жестокими методами. В своих действиях крестоносцы комбинировали тактику непрерывных опустошительных набегов с методическим строительством сети укрепленных зáмков на захваченных территориях. Война на северных и северо-западных границах Великого княжества шла без перерывов в течение десятилетий. Особое усиление наступления крестоносцев источники отмечают к началу 60-х годов XIV в., когда объектом их нападений начали становиться главные центры государства — Вильно, Троки, Ковно [1].

[1] О немецкой военно-феодальной агрессии против Литвы см.: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959, с. 398—427; *Łowmiański H.* Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XII—XV.— Przegląd historyczny, 1954, N 2—3, s. 338—361.

Представляется своеобразным парадоксом, что в этом тяжелом положении, отстаивая само свое существование, Великое княжество сумело одновременно распространить свою власть на огромную территорию, в несколько раз превышавшую его первоначальные размеры. Сопоставляя две стороны развития одного государственного организма, буржуазные исследователи XIX — начала XX в. высказывали мысль, что необходимость дать отпор крестоносцам заставляла его правящие верхи стараться распространять свою власть на все новые территории, откуда можно было бы почерпнуть ресурсы для отпора Ордену [2].

Думается, еще большую роль играли потребности литовского боярства как формирующегося господствующего класса раннефеодального государства. Они определяли его особую заинтересованность во внешнеполитической экспансии. Добыча и полон, приобретенные в набегах, приток даней с покоренных земель — все это укрепляло социальные позиции литовского боярства, облегчало ему задачу подчинения свободных литовских общинников, что было делом особенно нелегким в условиях, когда все население Литвы поголовно вело постоянную вооруженную борьбу против крестоносцев.

Этим, однако, объясняются лишь постоянство и активность экспансии, но не причины ее успеха. Думается, правы Г. Ловмяньский [3] и И. Б. Греков [4], связывая успех экспансии литовских феодалов с тем, что литовский политический центр сумел использовать объективно существовавшие в древнерусском обществе тенденции к объединению, подготовленные предшествующим ходом социально-экономического развития. Политическое объединение вело к прекращению феодальных междоусобиц, ограничивало возможности вмешательства враждебных внешних сил (для непосредственно граничивших с Литвой белорусских земель это был прежде всего Орден, для украинских земель — Орда). Успеху литовской феодальной экспансии, как правильно указал В. Т. Пашуто [5], так-

[2] См., например: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939, т. II, вып. 1, с. 53.

[3] *Łowmiański H.* Op. cit., s. 358—359.

[4] *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 23—24.

[5] *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 6—7, 318—319, 351—352 и др.

же немало способствовало то обстоятельство, что эта экспансия часто осуществлялась путем «ряда» — соглашения с местными феодалами древнерусских земель, которым гарантировалось сохранение их традиционных прав и привилегий. Чтобы связать эти земли с литовским центром, великие князья литовские — Гедимин, а за ним Ольгерд — сажали на столы присоединенных княжеств членов литовского великокняжеского рода. Эти князья должны были выплачивать дань великому князю и ходить с местным войском в походы по его приказу. На первых порах, находясь в чуждой им этнической среде, Гедиминовичи и Ольгердовичи выступали как верные проводники великокняжеской воли на занятых землях. В дальнейшем, однако, наступал закономерный процесс их сближения с местной феодальной средой (одним из выражений этого процесса было принятие многими князьями, сидевшими на русских землях, православия) и князья превращались, хотя и в разной степени, в представителей интересов господствующего класса своих древнерусских земель. В этих условиях их сотрудничество с великим князем могло быть успешным, лишь пока феодалы их земель были заинтересованы в политическом сотрудничестве с литовской знатью.

К середине XIV в. четко определились два главных направления литовской экспансии. Одно — на земли Галицко-Волынской Руси. Здесь экспансия осуществлялась преимущественно частью литовского боярства, объединявшейся вокруг политического центра в Троках и князя Трок Кейстута. На этом направлении литовское боярство столкнулось с польскими феодалами и после ряда польско-литовских войн 40—60-х годов XIV в. земли Галицко-Волынской Руси оказались поделенными между Великим княжеством Литовским и Польским королевством. Другое — на земли Юго-Восточной и Северо-Восточной Руси, где действовало литовское боярство, объединившееся вокруг сидевшего на великокняжеском столе в Вильно брата Кейстута Ольгерда. Здесь к середине XIV в. экспансия литовских феодалов натолкнулась на противодействие объединительного центра, возникшего на самих древнерусских землях,— Московского великого княжества. Лишь после длительной и напряженной борьбы с ним Ольгерду к концу 50-х годов удалось удержать в орбите своего влияния Смоленск и овладеть главным центром Чернигово-Северской земли в послемонгольский период —

Брянском [6]. Дело, однако, не только в том, что в этом районе экспансия литовских феодалов впервые натолкнулась на столь серьезное сопротивление. Более важно то, что объединительной программе, выдвигавшейся иноэтничным центром, была противопоставлена объединительная программа, сложившаяся в самой древнерусской среде. Это не могло не отразиться на настроениях населения подчиненных Литве земель [7]. В этих условиях проблема отношений с Москвой стала одной из главных во внешней политике Великого княжества Литовского.

Одновременно с распространением власти литовских князей на многие древнерусские земли перед ними в полном объеме вставал вопрос об отношении к Орде и ее власти над этими землями.

При объяснении успехов литовской экспансии русская и польская буржуазная историография постоянно подчеркивала, что вхождение тех или иных земель в состав Великого княжества Литовского означало их освобождение от золотоордынского ига. Еще А. Е. Пресняков писал, что переход под власть Литвы «сулил освобождение от татарской власти и постылого выхода» [8]. Однако уже некоторые буржуазные исследователи выступали с критикой этого положения, как не соответствующего историческим фактам [9]. Из советских исследователей убедительную критику подобных утверждений дал И. Б. Греков. Исследователь показал, что «ордынская держава... добилась установления контроля над всеми русскими землями» [10].

Разумеется, не следует отрицать того факта, что Великое княжество Литовское, как и Польское королевство, также овладевшее в XIV в. частью древнерусских земель, стремились ослабить зависимость своих владений от Орды, что и приводило к ряду подчас крупных вооруженных конфликтов. Важно, однако, что такие попытки, особенно в то время, когда Орда еще не вступила в ста-

[6] О борьбе Московского княжества с наступлением литовских феодалов в 40—50-х годах XIV в. см.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 539—542.

[7] *Пашуто В. Т.* Указ. соч., с. 322, 398.

[8] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 142.

[9] См., например: *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Xięstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930, t. I (1377—1499), s. 70.

[10] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 26—33.

дию упадка, далеко не всегда приводили к удачному результату. Даже польскому королю Казимиру, захватившему в середине XIV в. Галицкую землю, хотя его владения находились наиболее далеко от основных кочевий Орды, не удалось в то время добиться освобождения занятых земель от зависимости. Не случайно в булле 1357 г., адресованной этому правителю, папа Иннокентий VI упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю» [11].

Еще более определенные данные имеются в нашем распоряжении по отношению к русским владениям Гедиминовичей. Так, в жалованной грамоте 1375 г. подольского князя Александра Кориатовича указывалось, что владениям грамотчика не предоставляется иммунитета от уплаты дани в Орду: «коли вси земляне имуть давати дань оу татары, то серебро имеють тако же тии люди дати» [12]. Аналогичные указания имеются и в более поздних грамотах сидевших на Подоле литовских князей [13]. Подоле было не единственным литовским владением, выплачивавшим дань монголо-татарам. Ясное указание на это имеется в знаменитом ярлыке хана Тохтамыша 1393 г. великому князю литовскому Ягайлу Ольгердовичу, где читаем: «што межи твоее земле суть кня[же]ния, волости давали выход Белой орде, то нам наше дайте» [14]. Круг «княжений» и «волостей», выплачивавших такую дань, можно установить, анализируя тексты ярлыков крымских ханов Хаджи-Гирея (1461 г.) и Менгли-Гирея (1472 и 1507 гг.) великим князьям литовским [15]. Как установлено исследователями, формуляр этих ярлыков, следующих одному и тому же образцу, восходит к ярлыку, выданному Тохтамышем великому князю литовскому Витовту в конце 90-х годов XIV в.[16]

[11] Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1860, t. I, N 776, s. 581.

[12] Грамоти XIV ст. Київ, 1974, № 24, с. 50.

[13] См., например, грамоту князя Свидригайла от 30 марта 1401 г.: Zbiór dokumentow znajdujących się w bibliotece hr. Przezdzieckich w Warszawie. Kraków, 1890, N 6.

[14] Грамоти XIV ст., № 58, с. 113.

[15] Издания этих ярлыков см.: *Барвиньскі Б.* Історічні причинкі. Львів, 1909, т. II, с. 11—21; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848, т. II, № 6.

[16] *Prochaska A. Z.* Witoldowych dziejów. 1. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r.— Kwartalnik historyczny. Warszawa, 1912, t. XV, s. 259—264.

Текст таких ярлыков представляет собой перечень земель и волостей, пожалованных ханами великим князьям литовским. Цель выдачи ярлыка Тохтамыша была убедительно раскрыта польским ученым А. Прохаской. Утратив к концу 90-х годов ханский трон и рассчитывая вернуть его с помощью Литвы, Тохтамыш, как будущий хан Орды, дал великому князю литовскому Витовту документ, по которому он отказывался от верховных прав Орды на земли Великого княжества и, следовательно, от получения выхода с этих земель; не случайно в перечне земель в тексте ярлыков подчеркивалось, что они передаются «з выходы и з данми». Рассмотрение помещенного в ярлыках перечня земель и волостей показывает, что «пожалование» Тохтамыша распространялось на территорию позднейших Киевской, Волынской и Северской земель Великого княжества, а также на Подоле. Перечисление в ярлыках географических пунктов, расположенных лишь на этих землях, а отнюдь не всех городов Великого княжества, несомненно, связано с тем, что в их «образце» — ярлыке Тохтамыша перечислялись лишь те земли, с которых к концу XIV в. уплачивался выход монголо-татарам. Тем самым становится очевидным, что и в конце XIV в. значительная часть территорий Великого княжества находилась в определенной зависимости от Орды. Для полноты картины следует отметить, что и соглашение с Тохтамышем не привело к полному прекращению уплаты дани с литовских владений. Еще в середине XV в. монголо-татарские «даруги» собирали «ясаки» с целого ряда городов Киевской земли [17]. Уплатой выхода обязанности древнерусских земель в составе Великого княжества Литовского по отношению к Орде не ограничивались. Об этом свидетельствует фрагмент мирного договора, заключенного в 1352 г. между Казимиром и Гедиминовичами. Здесь читаем: «Аже поидуть та[та]рове на ляхы, тогда руси (имеется в виду «Русь што Литвы слушает».— *Б. Ф.*) неволя поити и с татары» [18]. Таким образом, еще в середине XIV в. на русских землях Великого княжества лежала повинность высылать войско на помощь монголо-татарским ханам.

[17] *Kolankowski L.* Op. cit., t. I, s. 70; *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед Герай и его вассалы.— Уч. зап. Московского гос. университета им. М. В. Ломоносова, М., 1940, вып. 61, т. 2, с. 46, 70.

[18] Грамоти XIV ст., № 14, с. 30.

Приведенные факты (их количество можно было бы увеличить) ясно свидетельствуют, что присоединение части древнерусских земель к Великому княжеству Литовскому не привело к их немедленному освобождению от золотоордынского ига. Наоборот, вопрос о ликвидации этой зависимости стоял перед литовскими правителями как важная объективная задача их внешней политики. Приведенные факты вместе с тем говорят о том, что не только в интересующий нас период (середина — вторая половина XIV в.), но и позднее задача в полном объеме решена не была. Объяснение такого положения дел во многом следует искать в том, что литовские правители вместо поисков соглашения с русскими княжествами против Орды постепенно встали на путь поисков соглашения с Ордой против Московского великого княжества. Тенденция к такому сближению ясно проявилась на рубеже 60—70-х годов XIV в., когда Литва попыталась активно воспрепятствовать объединению княжеств Северо-Восточной Руси вокруг Москвы.

Цели литовской политики по отношению к русскому северо-востоку, как можно их восстановить в последующем ходе событий, в 60-х годах XIV в. заключались в том, чтобы нанести военное поражение Московскому великому княжеству и лишить московского князя владимирского великокняжеского стола. Великокняжеский стол вместе с землями «великого княжения» должен был перейти к зятю Ольгерда тверскому князю Михаилу. В результате Московское княжество утратило бы руководящую роль в Северо-Восточной Руси и в этом районе возобладало бы литовское влияние. Тем самым одновременно была бы устранена потенциальная угроза господству литовских феодалов над белорусскими и украинскими землями.

Великий князь литовский Ольгерд не случайно попытался добиться этой цели в конце 60-х годов. В 1367 г. началась война Ордена с Новгородом и Псковом, растянувшаяся на ряд лет [19]. В результате на время натиск Ордена на Литву ослаб: нападения стали предприниматься реже и без прежнего размаха [20]. Почти одновремен-

[19] НПЛ. М.; Л., 1950, с. 369—370; Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 23.

[20] О литовско-ордынских отношениях в 1368—1372 гг. см.: SCR. Leipzig, 1863, t. II, s. 89—101 (хроника Г. Вартберга), s. 559—571 (хроника Виганда).

но миром 1366 г. завершился один из этапов борьбы польских феодалов с литовским боярством за галицко-волынские земли, и в последующие годы на польско-литовской границе имели место лишь сравнительно небольшие конфликты [21]. Это позволило Ольгерду собрать для нападения на Москву главные силы Великого княжества: в его походах, по свидетельству летописи, участвовали «вси князи литовьстии», а также князья Твери и Смоленска [22]. К концу 60-х годов Ольгерд также мог рассчитывать на определенную поддержку его планов со стороны Орды.

А. Н. Насоновым были раскрыты изменения в отношениях между Ордой и Москвой в 60-х годах XIV в.[23] Одновременно с наступившим в эти годы распадом Золотоордынской державы на ряд сражающихся между собой ханств наблюдается рост самостоятельности Московского княжества, которое, используя противоречия между отдельными улусами, все более решительно стремится подчинить своей власти русские княжества северо-востока. Из них оказать эффективное сопротивление оказались способны лишь те, кто мог опираться на поддержку Литвы (Тверь прежде всего). Стремясь ослабить Москву, объединительная политика которой угрожала основам ордынского господства над русскими землями, фактический правитель наиболее крупного из монголо-татарских ханств темник Мамай должен был оказывать поддержку именно этим княжествам, и на данной основе могло возникнуть сближение между мамаевой Ордой и Великим княжеством Литовским.

Сближение это наметилось не сразу. Первоначально в Вильне воспользовались начавшимся распадом Золотоордынского государства, чтобы раздвинуть границы Великого княжества на юг. В 1363 г. Ольгерд предпринял поход в бассейн Буга против монголо-татарских князей Хаджибея, Кутлубуги и Дмитрия, распоряжавшихся Подолией. После поражения, нанесенного этим князьям литовским войском, в Подолии «Олгирдовым преизволением и с помочью Литовские земли» сели племянники Ольгер-

[21] *Paszkiewicz H.* Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Warszawa, 1925, s. 233—243.
[22] ПСРЛ. Пг., 1922, т. XV, вып. 1, с. 88, 94.
[23] *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 117 и след.

да — Кориатовичи [24]. Хотя, возможно, открытой войны между обоими государствами не было, так как упомянутые выше князья могли быть противниками Мамая, несомненно, литовская активность на юге находилась в противоречии с интересами мамаевой Орды, непосредственно граничившей с Великим княжеством. Характерно, что на это время литовского продвижения на юг пришлось определенное улучшение во взаимоотношениях московских князей с Литвой и ее союзниками: в 1363 г. митрополит Алексей — фактический глава московского правительства в малолетство Дмитрия Донского — ездил в Литву и поставил епископа в Брянске, в июне 1364 г. он посетил Тверь и крестил приведенную туда дочь Ольгерда [25].

Однако тенденция к сближению восточноевропейских государств на почве общей борьбы с Ордой не получила

[24] Рассказ о походе Ольгерда на Орду к Синим водам читается уже в первой редакции «Летописца великих князей литовских» и записан, по-видимому, в первой половине 30-х годов XV в. (ПСРЛ. М., 1980, т. 35, с. 66; *Чамярыцкі В. А.* Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969, с. 97—99). В рассказе события не датированы и время похода определяется летописной записью под 6871 г., восходящей к тверскому источнику: «Тое же осени Олгерд Синю Воду и Белобережие повоевал» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 75; см. также: *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 127). Поскольку в летописной записи не упоминаются монголо-татары, польский исследователь С. М. Кучинский, посвятивший данному событию специальную работу, предположил, что Ольгерд ходил, возможно, вовсе не на монголо-татар, а может быть, на какого-нибудь русского князя, а в рассказе «Летописца» ему ошибочно приписаны победы Витовта над монголо-татарами в Подолии [*Kuczyński S. M.* Sine wody (rzecz o wyprawie Olgierdowej 1362 r.).— In: Kuczyński S. M. Studia z dziejów Europy wschodniej X—XVII w. Warszawa, 1965, s. 159, 172, 175]. Однако следует иметь в виду, что Синие воды — современная речка Синюха, приток Южного Буга — была старым традиционным районом монголо-татарских кочевий, о чем хорошо помнили еще в середине XVI в. В это время крымский хан писал королю Сигизмунду-Августу, что «которие врочища есть по Богу по реце и по Синей Воде...», то здесь в свое время еще «Саин цара (т. е. Батыя.— *Б. Ф.*), Езюбек, Чаанъбек цара кочовища были» и монголо-татары «и до сих часов у тых кишенях есть похованы и тепер тые кешени стоят» (Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая дипломатические сношения Литвы в государствование Сигизмунда-Августа. М., 1843, с. 41). Это обстоятельство находится в явном противоречии с положениями Кучинского и позволяет с бóльшим доверием отнестись к рассказу «Летописца».

[25] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 75—76.

развития; наоборот, стали намечаться определенные контакты между Ордой и Литвой. Первое свидетельство о таких контактах дает летописная запись под 1365 г.: «Тое же зимы еда из Литвы [к] весне Иляс Коултубузин сын был во Тфери»[26]. Упомянутый в этой записи Ильяс, сын Кутлубуги[27],— несомненно, ордынский посол, ездивший в Литву. То, что посол ехал из Литвы через Тверь, думается, свидетельствует о начавшемся сближении Твери и Литвы с Ордой. Поездка посла, вероятно, не случайно пришлась на тот момент, когда на тверской княжеский стол сел зять Ольгерда Михаил. Еще более ясно тенденция к сближению Литвы и Орды выступает в начале 70-х годов, когда Мамай дал тверскому князю Михаилу ярлык на Владимирское великое княжение. В летописи указывается, что для хлопот о ярлыке Михаил Тверской в 1370 г. поехал в Орду прямо «из Литвы»[28]. В этом можно видеть косвенное указание, что его поездка в Орду была согласована с Ольгердом. Имеем и более прямые данные об установлении союзных отношений между двумя государствами: по сообщениям орденских хронистов, в битве с крестоносцами на Рудаве в 1370 г. на стороне литовцев участвовали монголо-татарские войска[29], которые, по мнению некоторых исследователей, были посланы на помощь литовским князьям Мамаем[30].

Разумеется, совпадение интересов союзников не следует преувеличивать. Характерное указание в летописи, что Михаил Тверской отказался от обещанной ему Мамаем вооруженной поддержки[31], говорит за то, что тверской и литовский князья не были в то время заинтересованы в слишком широком вмешательстве Орды в ход борьбы за Владимирское великое княжение. Кроме того, и Ольгерд, и Михаил Тверской, вероятно, принимали во внимание ту отрицательную реакцию, которую их прямое

[26] Там же, стб. 79. В издании — «Веснеиляс». Предложенное здесь прочтение дано Кучинским (*Kuczyński S. M.* Op. cit., s. 174).
[27] Кучинский отождествляет его с Ильяс-беем, сыном Кутлубуги, который упоминается в 1380 г. как наместник Солхата в Крыму (Ibidem).
[28] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 93.
[29] SCR, t. II, s. 95.
[30] *Prochaska A.* Król Władysław Jagiełło. Kraków, 1908, t. I, s. 31.
[31] См. слова Мамая, обращенные к тверскому князю: «княжение есмы тебе дали великое и давали ти есмы рать и ты не понял» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 96—97).

сотрудничество с Ордой могло вызвать как у населения русского северо-востока, так и у населения белорусских и украинских земель Великого княжества. В итоге на рубеже 60—70-х годов XIV в. до прямого сотрудничества литовских и ордынских войск дело не дошло. Однако наличие даже частичного соглашения между Литвой и Ордой создавало для московского правительства серьезные трудности.

Нет нужды подробно излагать события московско-литовской войны 1368—1372 гг., так как их глубокий и всесторонний анализ дан Л. В. Черепниным [32]. Отметим лишь некоторые основные результаты длительного конфликта. Несмотря на неблагоприятные условия, в которых оказалось Московское великое княжество, литовское наступление натолкнулось на упорное сопротивление московских князей и их союзников, постоянно возраставшее по мере продолжения борьбы. Московское великое княжество не только не отказалось от своих притязаний на руководящую роль среди княжеств Северо-Восточной Руси, но и прочно удерживало за собой основные центры «великого княжения». Успехи Литвы и Твери свелись к захвату лишь некоторых второстепенных центров на его территории. На нападения литовских и тверских войск московское правительство отвечало усиленными контрударами по владениям не только тверского князя, но и Ольгерда. В результате на некоторых направлениях Москва не только сохранила, но и упрочила свои позиции. Сказанное можно продемонстрировать на примере положения, сложившегося в эти годы на землях княжеств бассейна верхней Оки, принадлежавших потомкам черниговских князей. Этот район, лежавший на стыке владений Москвы и Литвы, был объектом постоянной борьбы между ними. Одной из целей выступления Ольгерда было укрепление здесь литовского влияния. В 1368 г. Ольгерд двинулся на Москву именно через эти земли, расправляясь с московскими сторонниками среди местных князей; так, в Оболенске был убит князь Константин Юрьевич Оболенский [33]. В ответ на это Дмитрий Донской в 1370 г. «посылал воевать Брянска» [34]. Об итогах действий московских войск узнаем из жалобы Ольгерда, посланной в 1371 г. константинопольскому патриарху. Московская рать не

[32] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 562—575.
[33] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 89.
[34] Там же, стб. 92.

только отобрала у литовцев Калугу и Мценск, но и нанесла удар по владениям новосильского князя Ивана: его жена, дочь Ольгерда, была захвачена в плен [35]. В результате в верховских княжествах возобладало московское влияние: в перемирной московско-литовской грамоте 1372 г. старший из местных князей «великий князь Роман» выступает как один из главных союзников Дмитрия Донского [36].

Все вышеизложенное объясняет, почему после заключения мира Ордена с Новгородом и Псковом в 1371 г., когда третий литовский поход на Москву не привел к успеху, Ольгерд в 1372 г. вынужден был заключить мир с Дмитрием Ивановичем. Оказавшись без литовской помощи, Михаил Тверской одновременно утратил и поддержку монголо-татар, так как в 1373 г. в Орде началась «замятня» [37]. В результате он вынужден был пойти на соглашение с Дмитрием Московским и «со княжениа с великаго наместникы свои свел» [38].

Такой исход борьбы, означавший фактическое признание руководящей роли Москвы в Северо-Восточной Руси, не мог удовлетворить ни Литву, ни Орду. К сожалению, нам почти ничего не известно о литовско-ордынских отношениях в середине 70-х годов. Лишь некоторые косвенные указания источников позволяют предполагать, что Великое княжество снова попыталось в это время использовать вспышку борьбы между монголо-татарскими улусами для расширения литовского влияния на юге [39]. Но

[35] Русская историческая библиотека, т. VI. 2-е изд. СПб., 1908, стб. 135—136.

[36] ДДГ. М.; Л., 1950, № 6, с. 22.

[37] ПСРЛ. СПб., 1897, т. XI, с. 19. Подробнее об этой «замятне» см.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 285—287.

[38] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 103, 105.

[39] Единственное прямое свидетельство о литовско-ордынских отношениях этого времени — летописная запись под 1374 г.: «Того же лета въ сенине ходила Литва на татарове на Темеря и бышеть межи их бой» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 106). Эту запись следует сопоставить с записью в «Летописце великих князей литовских» об одном из литовских князей в Подолии — Юрии Кориатовиче: «а князя Юрья Волохове (т. е. жители Молдавского княжества.— *Ф. Б.*) взяли его собе воеводою и тамо его окормили» (ПСРЛ, т. 35, с. 66). Исследователи, изучавшие деятельность Кориатовичей, относят это событие тоже к 1374 г. (*Puzyna J.* Korjat i Korjatowicze.— Ateneum wileńskie, Wilno, 1930, t. VII, zesz. 3—4, s. 439). Если перед нами не случайное совпадение во времени, то в «Темере» следовало бы видеть одного из

этот поворот в литовской политике был кратковременным. Уже сообщения летописи о событиях 1375 г. позволяют думать, что к этому времени планировалось совместное выступление Твери, Литвы и Орды против Московского княжества. Отправив весной 1375 г. послов в Орду за ярлыком на «великое княжение», Михаил Тверской отправился «в Литву», где, несомненно, информировал о своих планах Ольгерда и Кейстута. О литовской реакции на его действия красноречиво свидетельствует тот факт, что по возвращении в Тверь, получив в июле 1375 г. из Орды ярлык, тверской князь объявил войну Дмитрию Ивановичу [40]. В последующем рассказе ясно указывается, что в Твери «надеялися помочи от литвы и от татар» [41].

Этот план был, как известно, сорван быстрыми действиями Дмитрия Донского, который уже в начале августа 1375 г. привел под Тверь «всю силу руских городов». Сохранившийся в летописи перечень князей — участников похода [42] позволяет судить о сфере политического влияния Москвы в это время. Так, в походе приняли участие виднейшие из потомков черниговских князей — Роман Михайлович Брянский, Роман Семенович Новосильский, Семен Константинович Оболенский, Иван Константинович Тарусский. Тем самым можно уже со всей уверенностью говорить, что важный стратегический район верхней Оки к середине 70-х годов XIV в. оказался вне пределов литовского влияния. Еще более важно участие в походе князя Ивана Васильевича Смоленского [43] — свидетельство того, что к середине 1375 г. и Смоленск стал на сторону Москвы [44], в чем нельзя не видеть крупную неудачу литовской политики.

Ее новой неудачей была капитуляция Твери после месячной осады в начале сентября 1375 г.[45]: по заключенному договору Михаил Тверской признал Дмитрия Ивановича «братом старейшим» и обязался действовать вме-

монголо-татарских князей, пытавшихся противодействовать распространению литовского влияния на Молдавию.

[40] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 109—110.

[41] Там же, стб. 112.

[42] Там же, стб. 110—111.

[43] О приходе под Тверь «смолнян» см. также: ПСРЛ. СПб., 1863. т. XV. стб. 435.

[44] Еще в марте 1375 г. сын смоленского князя участвовал в походе Кейстута на Ливонию (SCR. t. II, s. 107).

[45] Об осаде Твери см.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 578—581.

сте с ним против Орды и Литвы, в частности «боронити» земли великого князя смоленского [46]. Хотя связи Твери с Литвой не были прерваны [47], тверской князь вплоть до 1383 г. не участвовал ни в каких акциях, направленных против Москвы. Уже осенью 1375 г. имели место нападения литовских и монголо-татарских войск на земли союзников Москвы: Ольгерд «повоевал смоленскую волость», а войска Мамая сожгли Новосиль [48]. Но эти нападения не привели к серьезным политическим результатам. Смоленск продолжал стоять на стороне Москвы [49], как и черниговские князья [50].

Неуспех литовской политики на северо-востоке совпал с неудачами на других направлениях. Так, в конце 1376 г. группа литовских князей во главе с Кейстутом попыталась овладеть Галицкой землей. Начавшаяся затем война с соединенными под властью короля Людовика Польским и Венгерским королевствами закончилась к концу 1377 г. тем, что Великое княжество утратило ряд городов на Волыни, а оставшиеся в своих уделах на Волыни и в Подолии Гедиминовичи должны были признать себя вассалами короля [51]. Путь к экспансии на юго-запад оказался закрытым. Если к этому добавить, что вторая половина 70-х годов XIV в. стала временем все усиливавшегося натиска крестоносцев, войска которых неоднократно подходили к самой столице Великого княжества — Вильне [52],

[46] ДДГ, № 9, с. 25—26; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 52—54.

[47] В феврале 1376 г. состоялся брак Ивана, сына Михаила Тверского, с дочерью Кейстута (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 113).

[48] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 113. Вероятно, именно в это время князь Роман Новосильский, по свидетельству родословной традиции, «от насилья от татарского» переехал из Новосиля в Одоев (РИИР. М., 1979, вып. 2, с. 112).

[49] Еще в 1383 г. смоленский епископ был поставлен московским митрополитом Пименом, а не литовским Киприаном (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 149). Лишь после гибели великого князя смоленского Святослава в битве с литовцами под Мстиславлем в 1386 г. была восстановлена зависимость Смоленского княжества от Литвы (Там же, стб. 152—153; Грамоти XIV ст., № 37, с. 70).

[50] Еще в 1385 г. Роман Новосильский и тарусские князья ходили с московской ратью на Рязань (ср.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 150; ДДГ, № 19, с. 54).

[51] *Dąbrowski J.* Ostatnie lata Ludwika Wielkiego. 1370—1382. Kraków, 1918, s. 303—313; *Halecki O.* Pryczynek genealogiczny do dziejów układu Krewskiego.— Miesięcznik heraldyczny, 1935, N 7—8.

[52] О литовско-ордынских отношениях второй половины 70-х годов

то станет ясно, каким неблагоприятным оказалось в это время международное положение Великого княжества. Не удивительно, что в этих условиях литовские князья не могли оказать никакой поддержки своему монголо-татарскому союзнику. Поражение, нанесенное московской ратью войскам Мамая в битве на р. Воже (1378 г.), в сложившихся условиях способствовало дальнейшему ослаблению литовских позиций в Восточной Европе. В разгар описываемых событий скончался Ольгерд и виленский великокняжеский стол перешел к его сыну Ягайле. Перед политическими руководителями Великого княжества стояла задача: какими средствами добиваться укрепления международного положения Великого княжества?

Положение еще более осложнилось тем, что после смерти Ольгерда постепенно стали обостряться отношения между виленской и трокской группировками литовского боярства. Если сам факт конфликта, вылившегося в начале 80-х годов XIV в. в длительную феодальную войну, сомнений не вызывает, то причины его различными исследователями понимаются по-разному [53]. Причина разногласий во многом объясняется отсутствием источников, которые характеризовали бы политические программы сторон. В этих условиях возможно лишь предположительное решение вопроса, основанное на учете как общего положения Великого княжества в эти годы, так и интересов двух его главных политических центров. Думается, эти разногласия не касались восточной политики Великого княжества, так как политика Москвы угрожала господству обоих группировок над русскими землями и речь шла скорее всего о переделе сфер влияния, о возможной доле в «восточной добыче»: столкновения интересов в среде литовского боярства выливались в форму личного конфликта Ягайлы и Кейстута.

Важнейший шаг литовской внешней политики 1378 г.— поездка брата Ягайлы Скиргайлы на запад, предпринятая, как справедливо отмечал С. Смолька [54], с санкции трокского и виленского дворов, свидетельствует о том, что к этому времени руководители Великого

.....

подробнее см.: *Smolka S.* Kejstut i Jagiełło.— Pamiętnik Akademii Umiejętności. Kraków, 1889, t. VII, s. 89—90.

[53] Ср.: Ibid., s. 107—108; *Kolankowski L.* Op. cit., t. I, s. 15—16; *Łowmiański H.* Op. cit., s. 359; *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 103.

[54] *Smolka S.* Op. cit., s. 95—96.

княжества, несмотря на наличие разногласий между ними, приняли согласованное решение добиваться передышки в борьбе с Орденом, чтобы возобновить наступление на Москву.

Лежавший в основе миссии Скиргайлы политический замысел убедительно раскрыл Смолька, внимательно изучивший все сохранившиеся свидетельства о путешествии литовского князя [55]. Скиргайло должен был объявить во владениях Ордена и Людовика венгерского о намерении литовских князей принять католическую веру и ради ее торжества вести войну с русскими «схизматиками». Затем он должен был с помощью родственников Гедиминовичей — мазовецких князей — посетить резиденции верховных владык христианского мира — папы Урбана VI и «римского короля» Вацлава IV и получить от них формальные привилегии на русские земли.

В какой мере соответствующие декларации отражали истинные намерения Гедиминовичей? Об этом лучше всего говорит тот факт, что главное лицо, от которого исходили заявления о намерении принять католичество,— Скиргайло принял вскоре православную веру. Очевидно, речь шла о дипломатическом маневре, целью которого было добиться временного прекращения войны с Орденом. К подобным маневрам литовские князья, оказавшись в трудном положении, прибегали в XIV в. неоднократно. На этот раз данный маневр был особенно хорошо обдуман — перспективы обращения в католичество не только литовцев, но и всех «схизматиков», живущих в Восточной Европе, должны были побудить папу и императора заставить Орден согласиться на передышку в военных действиях против «языческой» Литвы.

Эту передышку литовское боярство было намерено использовать для того, чтобы снова попытаться нанести поражение Московскому княжеству. При этом литовские политики учли негативные результаты походов Ольгерда, планируя на этот раз, как мы увидим далее, совместное военное выступление Литвы и Орды. По-видимому, уже одновременно с миссией Скиргайлы литовское правительство предприняло определенные шаги в этом направлении. Такое предположение хорошо объясняет причины некоторых действий великого князя московского в следующем, 1379 г.

[55] Ibid., s. 92—98.

Одновременно с поездкой Скиргайлы в страны Западной Европы имело место путешествие князя Андрея Полоцкого по русским землям. Наиболее подробно говорит о нем запись Новгородской I летописи: «На ту же зиму (имеется в виду зима 1377/78 г.— *Б. Ф.*) прибежа во Пьсков князь Литовьскый Ондрей Олгердович и целова крест ко пьсковицам и поиха на Москву из Новаграда ко князю к великому к Дмитрию, князь же прия его» [56]. Не совсем ясное указание о целовании креста позволяет уточнить запись, читающаяся под 6885 (1377) г. в Псковской I летописи: «Прибежа князь Андрей Олгердович во Псков и посадиша его на княжении» [57]. Последнее сообщение дополняет хроника орденского герольда Виганда, где указывается, что «магистр [ливонский]... перешел к крепости Псков, где русские просили магистра дать себе правителя («regem»), затем по совету прецепторов дал им в правители Андрея из королевского рода («de semine regio»)» [58].

Андрей Ольгердович, старший из сыновей Ольгерда, был с начала 40-х годов XIV. в. князем Полоцка как подручник отца. Употребление в Новгородской I и Псковской I летописях выражения, что Андрей Ольгердович «прибежал» в Псков, говорят о том, что полоцкий князь по каким-то причинам был вынужден срочно покинуть территорию Великого княжества. Его бегство было связано с конфликтом, вспыхнувшим среди сыновей Ольгерда, после того как тот назначил своим преемником Ягайлу, сына от второго брака. Старшие братья, считавшие, что у них больше прав на трон, не желали поэтому подчиняться Ягайле [59]. Для нас особенно важно, что в конфликте с великим князем Андрей Ольгердович получил определенную поддержку со стороны полочан, не желавших принимать нового, присланного из Вильно князя Скиргайло [60]. В такой позиции полочан следует,

[56] НПЛ, с. 375.

[57] Псковские летописи, вып. 1, с. 24.

[58] SCR, t. II, s. 591.

[59] В сентябре 1377 г., в то время когда Людовик венгерский вел войну с литовцами, Федор Ольгердович, сидевший в Ратне (на Волыни), добровольно принес ленную присягу королю, мотивировав свой шаг тем, что он не желает признавать великим князем Ягайлу, так как у него больше прав на то, чтобы «наследовать» Ольгерду (*Halecki O.* Op. cit., s. 102, przyp. 28).

[60] По свидетельству орденского хрониста Виганда, полочане заявили, что «не желают ни в коем случае иметь [своим] князем

вероятно, наряду с другими причинами видеть и отзвук недовольства боярства «русских» земель направленностью внешней политики Великого княжества.

О том, что, «выбежав» в Псков, Андрей Ольгердович стал затем псковским князем, сообщают два независимых друг от друга источника — псковская летопись и Виганд. Поэтому данный факт не может вызывать никаких сомнений. Тем самым можно считать достоверным и сообщение так называемой Летописной повести, что накануне Куликовской битвы к Дмитрию Донскому пришел «князь Андрей Полоцкий и с плесковичи» [61].

Поскольку, бежав из Великого княжества, Андрей Ольгердович стал тем самым врагом великого князя литовского, ливонский магистр мог способствовать его воцарению во Пскове. Думается все же, что его роль в этом событии, вероятно, сильно преувеличена хронистом: после закончившейся совсем недавно пятилетней войны Ордена с Новгородом и Псковом вряд ли рекомендации магистра могли вызвать у псковичей большое доверие. На их выбор скорее должно было оказать влияние другое обстоятельство: если сразу по выезде из Литвы Андрей Ольгердович был посажен на псковский стол, то, очевидно, он «выбежал» не один, а с достаточно большой дружиной, в числе которой должно было быть много полочан, если учесть, что к 1378 г. Андрей Ольгердович был полоцким князем свыше 30 лет. В составе его дружины эти полочане участвовали затем в Куликовской битве.

Из Пскова Андрей Ольгердович направился в Новгород, а затем в Москву. По весьма вероятному предположению Смольки, полоцкий князь хотел побудить Новгород и Москву к выступлению против Ягайлы. По мнению этого исследователя, Андрею Ольгердовичу удалось добиться успеха и при его участии сложилась коалиция из

язычника, и силой его изгнали» (SCR, t. II, s. 607). У Виганда это событие не датировано. Однако дату можно определить, если учесть, что Скиргайло фигурирует в этом рассказе как язычник. Между тем, как указал Г. Пашкевич, уже в съезде Ягайлы с крестоносцами в Давыдишках в мае 1380 г. участвовал некий «князь Иван» (SCR, t. II, s. 604), в котором есть все основания видеть Скиргайлу, чье христианское имя как раз и было Иван (*Paszkiewicz H.* O genezie i wartości Krewa. Warszawa, 1938, s. 101—103). Следовательно, выступление полочан против Скиргайлы имело место ранее этой даты, вероятно в 1379 г., по возвращении Скиргайлы из заграничного путешествия.

[61] Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 31.

Москвы, Новгорода, Пскова и Ордена, поставившая под угрозу само существование литовской монархии. Началом действий коалиции он считал поход московской рати на Литву в 1379 г. Борьба с угрожавшей Литве коалицией была основным мотивом, определявшим действия Ягайлы и, в частности, его линию на сближение с Ордой [62]. Положение о существовании такой коалиции, высказанное Смолькой все же как гипотеза, в работах последующих польских буржуазных исследователей стала повторяться во все более категорической форме [63]. Между тем имеющихся данных явно недостаточно для такого заключения.

Прежде всего соображения о союзе между Орденом и русскими княжествами опираются по существу лишь на сообщение Виганда об участии ливонского магистра в вокняжении Андрея Ольгердовича во Пскове. Отсутствие иных данных о взаимоотношениях Ордена с Москвой и Новгородом на рубеже 70—80-х годов XIV в. не позволяет делать из этого единственного факта каких-либо определенных выводов.

Еще хуже обстоит дело с утверждением о союзе Москвы и Новгорода, направленном против Литвы. И. Б. Греков, анализируя политику Новгорода второй половины 70-х годов, справедливо указал на факты, которые такому утверждению прямо противоречат [64]. Прежде всего следует отметить запись Новгородской I летописи, что зимой 1379/80 г. «приихa в Новъгород князь Литовьскый Юрьи Наримантович» [65]. Значение этого свидетельства станет ясным, если принять во внимание, что отец Юрия Нариманта и его брат Патрикий в XIV в. сидели на новгородских пригородах как присланные из Литвы «служилые князья». Проанализировавший сведения о пребывании Нариманта и его сыновей в Новгороде В. Н. Бернадский убедительно показал, что приглашение кого-либо из них в Новгород, хотя и не приводило к открытому разрыву с Москвой, каждый раз было показателем сближения Новгородской республики и Великого княжества Литовского и совпадало с моментами осложнения в новгородско-

[62] *Smolka S.* Op. cit., s. 101—105.
[63] См., например: *Prochaska A.* Król Władysław Jagiełło, t. I, s. 36—37; *Kolankowski L.* Op. cit., t. I, s. 15—16.
[64] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 95—97.
[65] НПЛ, с. 375.

московских отношениях[66]. Приезд в Новгород Юрия Наримантовича, естественно, укладывается в этот ряд фактов и должен, очевидно, также рассматриваться как попытка сближения Новгорода и Литвы незадолго до Куликовской битвы.

Смолька, которому приведенные выше факты были известны, пытался парировать вытекавший из них вывод следующими двумя соображениями[67]. Во-первых, он отмечал, что в записях о приезде в Новгород Нариманта и Патрикия говорится о пожаловании тому и другому «пригородов», в то время как в записи о приезде Юрия этого нет, и, следовательно, служилым новгородским князем он не стал. Однако новгородский летописец не всегда отмечал подобные факты. Например, в записи о приезде Лугвеня в Новгород также сказано кратко: «Того же лета прииха в Новгород князь Симеон Олгордовиць на Успенье святыя богородица и прияша его новгородци в честь»[68], хотя пригороды в свое управление он, несомненно, получил. Во-вторых, по его мнению, Юрий Наримантович прибыл в Новгород как противник Ягайлы, подобно Андрею Полоцкому. Однако о позиции этого князя в конце 70-х — начале 80-х годов мы данных не имеем. В сентябре 1377 г. Юрий Наримантович — князь Бэлза на Волыни был вынужден сдаться войскам Людовика венгерского, забравшего князя с собой в Буду. Затем, если не считать приведенной выше записи, Юрий Наримантович упоминается лишь в 1387 г., когда Ягайло послал его с рядом других литовских князей в Галицкую землю, а в числе противников Ягайлы и сторонников Витовта Кейстутовича он оказался еще позднее, в 1390—1392 гг.[69] По этим данным, разумеется, никак нельзя определять, какую позицию занимал литовский князь более чем за 10 лет до этого, когда между виленским и трокским дворами еще не началась открытая борьба[70].

Полностью опровергает построение Смольки запись Новгородской I летописи, непосредственно примыкающая

[66] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 211—212.

[67] *Smolka S.* Op. cit., s. 103.

[68] НПЛ, с. 388.

[69] *Puzyna J.* Jurij książe belzki i chelmski.— Miesięcznik heraldyczny, 1932, N 10, s. 183—184.

[70] По мнению Пашкевича, само освобождение князя Юрия из венгерского плена произошло по просьбе Скиргайлы во время посещения им венгерского двора (*Paszkiewicz H.* O genezie..., s. 83).

к известию о приезде князя Юрия в Новгород. Это запись о том, что в марте 1380 г. в Москву направилось большое новгородское посольство во главе с архиепископом Алексеем. Переговоры завершились тем, что Дмитрий Донской «к Новугороду крест целовал на всей старине новгородчкой и на старых грамотах»[71]. А. Е. Пресняков, анализируя данный текст, справедливо расценил его как свидетельство «розмирья» между Москвой и Новгородом, из-за чего и пришлось посылать в Москву столь представительное посольство[72]. Поскольку еще в 1375 г. между Москвой и Новгородом был не только мир, но и союз, а в последующие годы источники не отмечают каких-либо конфликтов между Москвой и Новгородом, то, судя по всему, «розмирье» было вызвано тем, что Новгород принял к себе на службу литовского князя как раз в то время (зима 1379/80 г.), когда между Москвой и Литвой шли, как мы увидим далее, военные действия.

Из всех высказанных Смолькой предположений можно поддержать лишь одно: возможность соглашения о союзе между Андреем Ольгердовичем как псковским князем и Дмитрием Донским при посещении Андреем Москвы[73]. Однако соединенных сил Москвы и Пскова было совершенно недостаточно, чтобы нанести серьезное поражение Литве, тем более что фактически с 1374 г. Московское великое княжество находилось в постоянном «розмирье» с главным из монголо-татарских ханств — Ордой Мамая. Пока продолжался этот конфликт, исключалась возможность крупных наступательных акций Москвы на других направлениях.

Подобному заключению как будто противоречит такой известный факт, как поход русских войск зимой 1379/80 г. на территорию Великого княжества Литовского. Об этом единственном известном событии русско-литовских отношений в годы, предшествующие Куликовской битве, сохранилось лишь свидетельство московской летописи: «Тое же зимы князь великий Дмитрей Иванович, собрав воя многы и посла с ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Олгердовича

[71] НПЛ, с. 376.

[72] *Пресняков А. Е.* Указ. соч., с. 318.

[73] В Описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминаются тексты двух не дошедших до нас договоров Андрея Ольгердовича с Дмитрием Донским (Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977, ч. 1, с. 34—35, л. 5—5 об.).

Полотьского да князя Дмитрея Михайловича Волынъскаго и иныя воеводы и велможи и бояре многы и отъпусти я месяца декабря в 9 в пяток, отпусти их ратию на Литовьскыя городы и волости воевати. Они же сшедъшеся взяша городъ Трубческы и Стародуб и ины многы страны и волости и села тяжко плениша. и вси наши вои, русстии полци, цели быша, приидоша в домы своя со многыми гостьми» [74].

Летописная запись позволяет прежде всего уточнить время похода — он был предпринят зимой 1379/80 г. Выбор для похода зимнего времени представляется неслучайным: в зимнее время монголо-татары, как правило, не совершали набегов, и русское войско могло уйти с южной границы Московского княжества, не опасаясь монголо-татарского нападения на московскую территорию. Можно также определить район действий русской рати: русские войска действовали на территории позднейшей Северской земли. Сначала они заняли г. Трубчевск на Десне, а затем продвинулись на запад к Стародубу. Следует подчеркнуть, что на указанной территории русские войска ранее, насколько можно судить, никогда не действовали, не заходя на юг дальше Брянска, а само Московское великое княжество с этими землями непосредственно не граничило. На юго-западном направлении московские земли доходили до Калуги, а дальше на юг шли владения потомков черниговских князей — позднейшие Верховские княжества. В трудных зимних условиях московские войска сумели пройти так далеко на юг, очевидно, лишь благодаря поддержке черниговских князей — союзников Дмитрия Донского.

Как отметил Смолька [75], то обстоятельство, что во главе русского войска был поставлен двоюродный брат великого князя Владимир Андреевич Серпуховской, говорит о размахе предпринятой военной акции. Летописная запись, однако, не дает ответа на вопрос, какие цели преследовало русское правительство, послав большое войско на земли, лежащие так далеко от его границ. На первый взгляд, его поведение выглядит нелогичным: военные действия на юго-восточной окраине Великого княжества Литовского, как бы ни был значителен их успех, не могли нанести этому государству столь значительного

[74] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138.
[75] *Smolka S.* Op. cit., s. 103—104.

ущерба, чтобы заставить его изменить свою политику; вместе с тем военное нападение на Великое княжество Литовское, несомненно, втягивало Московское великое княжество в конфликт с Литвой накануне столкновения с Ордой. Представляется, что отмеченным фактам можно дать лишь одно удовлетворительное объяснение: в Москве уже было известно о заключении союза между Ягайлой и Мамаем, и, предпринимая такой шаг, московское правительство стремилось затруднить соединение сил своих противников. Поскольку базой для совместного выступления литовских и монголо-татарских войск могли послужить лишь территории на юг и юго-запад от границ Московского княжества, то вполне естественна попытка московского правительства воспрепятствовать такому выступлению, заняв ряд городов на границе Великого княжества со степью.

Успешному решению этой задачи способствовала позиция находившегося в Трубчевске сына Ольгерда Дмитрия, который, по свидетельству летописи, «не стал на бои, ни поднял рукы противу князя великаго и не биася, но выиде из града с княгинею своею и з детми и с бояры своими» [76]. На решение князя, несомненно, повлияли уговоры его брата Андрея, который, по-видимому, не случайно принял участие в походе, однако, вероятно, еще большее значение имели настроения местных феодалов и более широких кругов населения. Из летописной записи ясно видно, что соглашение Дмитрия Ольгердовича с московскими воеводами было одобрено его «боярами», что определенно свидетельствует о тяготении местных феодалов к великорусскому политическому центру.

Каковы же были результаты похода 1379/80 г.? Смолька уклонился от определенных суждений на этот счет [77], но в последующих работах возобладала точка зрения, что он привел к временному переходу Брянского княжества под московский протекторат [78]. При этом указывалось на свидетельства таких памятников, как «Сказание о Мамаевом побоище», где говорится о приходе братьев Ольгердовичей к Дмитрию Донскому из Северской земли [79], и особенно «Летописной повести», в некоторых версиях которой указывается, что Дмитрий

[76] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138.
[77] *Smolka S.* Op. cit., s. 103.
[78] См., например: *Kolankowski L.* Op. cit., t. I, s. 15, 19—20.
[79] Повести о Куликовской битве, с. 59—60.

Ольгердович пришел к Дмитрию Донскому «з бряпци» (Ермолинская летопись) [80] или «с силою Дьбряньскою» (Московский свод конца XV в.) [81]. Однако рассказ «Сказания» об Ольгердовичах, как убедительно показал Ю. К. Бегунов, полон многочисленных анахронизмов и должен быть признан продуктом литературного вымысла [82], а версии «Летописной повести», где читаются указанные выше чтения, представляют собой переработку более раннего текста памятников, представленного текстами Новгородской IV и Софийской I летописей [83]: в этом раннем тексте интересующее нас место о Дмитрии Ольгердовиче изложено иначе: к Дмитрию Донскому пришел «Дмитрий бряньский с всеми своими мужи» [84].

Таким образом, в нашем распоряжении нет доказательств в пользу того положения, что после похода зимой 1379/80 г. Дмитрий Ольгердович продолжал владеть Брянским княжеством. Некоторые особенности летописного рассказа о походе позволяют скорее выдвинуть противоположное утверждение. Так, хотя в летописной записи Дмитрий Ольгердович выступает с определением «Трубческий», действительно центром его княжества был Брянск. Как князь Дмитрий «брянский» он выступает не только в «Летописной повести», но и в таком подлинном документе XIV в., как перемирная грамота Дмитрия Донского с Ольгердом 1372 г.[85] Между тем в летописном рассказе о походе 1379/80 г. Брянск даже не упоминается, хотя, двигаясь с севера, русские войска должны были, вероятно, сначала подойти к Брянску, а лишь потом к Стародубу и Трубчевску. Возможно, разгадка состоит в том, что в результате конфликта с Ягайлой Дмитрий Ольгердович уже утратил Брянск и укрывался в южной части своего удела, когда появились московские войска. Еще более существенно, что, по свидетельству летописи, после соглашения с московскими воеводами Дмитрий Ольгердович выехал в Москву, где

[80] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXIII, с. 125.
[81] Там же. М.; Л., 1949, т. XXV, с. 202.
[82] *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 513—516.
[83] *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина»,— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 346—349.
[84] Повести о Куликовской битве, с. 31.
[85] ДДГ, № 6, с. 22.

«рядился» с Дмитрием Ивановичем и в результате великий князь московский «дасть ему град Переяславль и со всеми его пошлинами»[86]. Такое крупное пожалование литовскому князю на московской территории не является единственным в практике русско-литовских отношений конца XIV — начала XV в. Аналогию ему нетрудно указать в известных событиях начала XV в.; так, в 1405 г. к Василию Дмитриевичу «приеха... служити» из Литвы князь Александр Нелюб, «а с ним много Литвы и Ляхов», и великий князь «дасть ему Переяславль»; в 1408 г. из Брянска «приеде» к великому князю младший брат Ягайлы Свидригайло, а с ним ряд князей «и бояры Черниговъские и Дебряньские и Любутьские и Рославъские», и получил от Василия Дмитриевича Владимир, Переяславль и ряд других городов[87].

Поскольку и в 1405, и в 1408 гг. литовские князья были наделены землями в Московском великом княжестве в качестве компенсации за потерянные владения в Литве, то можно думать, что и Дмитрию Ольгердовичу Переяславль был дан в качестве компенсации за потерянный Брянский удел. Земли его княжества были, по-видимому, присоединены к владениям родного брата Ягайлы Дмитрия Корибута, которому около этого времени была пожалована в удел Северская земля[88]. Любопытно, что в одном из документов 90-х годов XIV в. Дмитрий Корибут выступает как «зять» Олега Рязанского. Возможно, что этот брак следует относить именно к периоду сближения Ягайлы и Мамая с Олегом и поддержка рязанского князя помогла Корибуту укрепиться в своих новых владениях[89].

Сопоставление приведенных выше фактов позволяет прийти к еще одному важному заключению. И в 1405, и в 1408 гг. литовские князья, получившие в держание Переяславль, приходили в Москву с большим войском, состоявшим, как видно на примере Свидригайлы, в значительной части из боярства их бывших владений. Собственно, на содержание этого войска и выделялись города и волости. Это позволяет полагать, что аналогичным

[86] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 138.
[87] Там же, т. XXV, с. 234, 237.
[88] Как правитель Северской земли Дмитрий Корибут выступает в рассказе о событиях феодальной войны в Великом княжестве Литовском в 1381—1382 гг. в «Origo regis» (Там же, т. 35, с. 116).
[89] Грамоти XIV ст., № 61, с. 118; *Paszkiewicz H.* O genezie..., s. 103.

образом и с Дмитрием Ольгердовичем выехали на Москву его дружина и местные «бояре», об участии которых в соглашении с московскими воеводами упоминается в летописи. Этот факт справедливо рассматривают как яркое проявление тяготения боярства восточных областей Великого княжества Литовского к московскому политическому центру с его программой объединения всех восточнославянских земель.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на этот частичный успех, главная цель похода 1379/80 г. не была достигнута: создать на западной границе серьезное прикрытие для русской армии, выступающей против Мамая, не удалось. Этого не могли не учитывать русские военачальники, составляя план действий перед выступлением в поход против Орды. Неудача похода была, вероятно, связана с тем, что в 1379 г. было, наконец, достигнуто частичное соглашение с Орденом и литовские феодалы приобрели в связи с этим необходимую им свободу действий на востоке.

Начавшиеся осенью 1379 г. переговоры были, несомненно, связаны с более ранней акцией Скиргайлы, хотя характер этой связи не совсем ясен. Еще в начале августа 1379 г. большое войско крестоносцев вторглось во владения Кейстута, а уже в сентябре начались переговоры о мире между Великим княжеством и Орденом [90]. Ход переговоров определялся, с одной стороны, соперничеством двух главных группировок литовских феодалов, каждая из которых стремилась обеспечить себе решающую роль в будущем походе на Москву и добивалась поэтому, чтобы мирный договор оградил от войны прежде всего ее владения, с другой стороны, Орден, прекрасно знавший об этих противоречиях, стремился использовать мирные переговоры, чтобы стравить литовских князей между собой. Война между ними открыла бы новые возможности для орденских планов покорения Литвы. В итоге нужные соглашения были заключены, но острота противоречий достигла такой степени, что солидарная акция литовских князей на востоке стала невозможной.

Вкратце ход событий можно представить в следующем виде [91]. В сентябре 1379 г. был выработан при участии Кейстута в Троках договор между Литвой и Орденом, по

[90] SCR. t. II, s. 604.

[91] Наиболее подробный анализ всех имеющихся источников дан в неоднократно упоминавшейся выше работе Смольки (Op. cit.,

которому на 10 лет прекращалась война между частью земель Ордена и частью владений Кейстута [92]. Тем самым обеспечивалась решающая роль трокского центра в решении внешнеполитических задач княжества. Пойдя на заключение такого договора, крестоносцы использовали его для того, чтобы внушать Ягайле, что Кейстут хочет лишить его трона. В результате Ягайло, хотя и скрепил договор своей печатью, пошел на заключение в мае 1380 г. в Давыдишках тайного договора с Орденом, по которому из мирного соглашения исключались владения Кейстута и Ягайло обязывался не оказывать ему помощи в войне с крестоносцами (его войска должны были лишь изображать участие в военных действиях) [93]. По убедительному предположению Смольки, заключение этого тайного соглашения было прикрыто от трокского двора договором о перемирии между Великим княжеством и Орденом до конца 1380 г. [94] Такой договор, фактически выдававший владения Кейстута крестоносцам, в перспективе был чреват огромной опасностью для Великого княжества, но на ближайшее время позволял Ягайле направить все силы Великого княжества на восток.

Возможно, заключая такое соглашение, великий князь литовский рассчитывал, что после победы на востоке он сможет не соблюдать условия навязанного Орденом соглашения. По-видимому, учитывая эту возможность, Орден предпринял еще один шаг, чтобы окончательно поссорить литовских князей. Как сообщается в «Origo regis» и в записях «Летописца великих князей литовских», важный орденский сановник, комтур Остроды и кум Кейстута, восприемник его дочери, жены мазовецкого князя Януша, сообщил Кейстуту о тайном соглашении Ягайлы с Орденом [95]. В «Origo regis» его имя читается как «Smydsten», а в летописных текстах — как «Гунстын». Как установил исследователь литовско-ордынских отношений Ф. Больдт [96], это свидетельство имеет в виду кума Кейстута Гюнтера фон Гогенштейн. Правда, в 1380 г. комтуром Остроды было другое лицо — Куно фон Либен-

s. 90—91, 106—108); см. также: *Paszkiewicz H.* O genezie..., s. 75—99.

[92] Codex diplomaticus Prussiae. Königsberg, 1848, t. III, N CXXXIV.

[93] Codex diplomatyczny Litwy. Wroc'aw, 1845, s. 55—56.

[94] *Smolka S.* Op. cit., s. 108.

[95] ПСРЛ, т. 35, с. 62, 85, 111, 115.

[96] *Boldt F.* Der Deutsche Orden und Littauen, 1370—1386. Königsberg, 1876, S. 46.

штейн, но Г. фон Гогенштейн был комтуром Остроды в течение многих лет (1349—1370 гг.) и не удивительно, что он запомнился современникам именно в этом своем качестве [97].

Для рассматриваемой здесь темы важно, что Г. фон Гогенштейн скончался в июле 1380 г. [98], а его сообщение Кейстуту следует относить к несколько более раннему времени. Таким образом, трокский князь узнал о тайном соглашении Ягайлы с Орденом еще до того момента, как великий князь литовский мог выступить с войском на соединение с Мамаем. О реакции Кейстута на эти сообщения сохранилось лишь одно свидетельство — «Origo regis» и производных от него летописных записей. Согласно этому памятнику, Кейстут поделился своими подозрениями с сыном Витовтом и последний сумел их рассеять. Однако из дальнейшего изложения ясно видно, что трокский князь вовсе не отказался от своих подозрений. Когда в 1381 г. Ягайло призвал войска ливонского магистра для усмирения восставшего против него Полоцка, Кейстут сразу усмотрел в этом подтверждение правильности полученных сообщений и выступил против племянника [99]. Разумеется, этот источник, возникший в окружении Витовта, тенденциозен, но в интересующей нас части нет оснований не доверять его свидетельству, которое ни в чем не противоречит данным других источников.

.....

[97] Иное решение предложил Смолька, указавший, что в «Летописце Быховца» — одном из поздних памятников белорусско-литовского летописания — вместо «Гунстын» читалось «Либестын», т. е. Либенштейн (ПСРЛ. СПб., 1907, т. XVII, стб. 502). По мнению исследователя, здесь был использован источник более ранний, чем общий протограф известных нам белорусско-литовских летописей (*Smolka S.* Op. cit., s. 132—133). Однако текстологическое изучение «Летописца Быховца» не подтвердило предположения об использовании его составителем какого-то особо древнего источника (*Чамярыцкі В. А.* Указ. соч., с. 168—169). Загадку появления имени Либенштейна у Быховца следует искать в иной плоскости. Уже в 1832 г. И. Фойгт отметил, что в 1380 г. комтуром Остроды был не Гогенштейн, а Либенштейн (*Voigt J.* Geschichte Preussens. Königsberg, 1832, t. V, S. 361). Труд Фойгта был, несомненно, хорошо известен Т. Нарбуту, издававшему «Летописец Быховца» в 1846 г. Думается, что издатель, известный своим вольным обращением с историческими текстами, подправил публикуемый источник, приведя его в соответствие с очередностью смены комтуров в Остроде.

[98] *Smolka S.* Op. cit., s. 133.

[99] ПСРЛ, т. 35, с. 116.

Сообщения комтура оказалось недостаточно, чтобы сразу привести к войне между литовскими князьями, но, конечно, оно должно было серьезно повлиять на отношение трокского двора к планам восточного похода. Располагая сообщениями о тайном соглашении Ягайлы с крестоносцами, Кейстут думается, не мог пойти на риск участия своих основных сил в далеком походе. Он должен был удержать на месте войска хотя бы тех своих земель, которые непосредственно граничили с Орденом, т. е. восточной Аукштайтии и Жемайтии. Тем самым замысел бросить против Москвы все силы Великого княжества не удалось реализовать. И это следует учитывать при рассмотрении последующих действий Ягайлы во время событий второй половины 1380 г.

Уже в кратком рассказе, восходящем к своду 1408 г., говорится, что Мамай стоял в «поле» за Доном, «ждуща к собе Ягайла на помощь, рати Литовскые» [100], т. е., очевидно, между Литвой и Ордой Мамая было соглашение об объединении сил для нападения на Москву с юга. Более подробно об этом соглашении рассказывается в «Летописной повести», где указывается, что союзники должны были встретиться на Оке в «Семенов день» — 1 сентября 1380 г.[101] Этот план был сорван благодаря быстроте действий русской армии, смело вышедшей к Дону навстречу Орде. Однако его провалу явно способствовала и медлительность литовского командования. Если еще 8 сентября, в момент битвы, Орда находилась к югу от Дона, то это произошло скорее всего потому, что Мамай ждал сведений о движении литовских войск и не имел их.

Где же находилось и как действовало литовское войско? В рассказе, восходящем к своду 1408 г., об этом ничего не говорится. В двух других памятниках содержатся противоречивые показания. По данным «Летописной повести», литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши» [102], т. е. находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения, а по сообщениям «Сказания о Мамаевом побоище» Ягайло (Вольгорд «Сказания») дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении Дмитрия Донского с войском к Дону, «пребысть ту оттоле неподви-

[100] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 139.
[101] Повести о Куликовской битве, с. 30.
[102] Там же, с. 38.

жым»[103]. Что Ягайло действительно вывел свое войско на территорию, сравнительно недалекую от места битвы, подтверждается свидетельством прусских хроник конца XIV в., где отмечается, что литовцы нападали на возвращавшиеся с поля битвы русские войска. В этом свидетельстве хроник Ю. К. Бегунов видит подтверждение правильности версии «Летописной повести»[104], однако слишком общий характер рассказа хронистов не дает оснований для такого вывода. При решении вопроса нужно исходить из иных соображений.

Представляется, что вряд ли Мамай пошел бы на немедленное сражение, если бы литовское войско находилось так близко от поля битвы, как об этом говорится в «Летописной повести». Иное дело, если в момент прихода русской рати на Дон он все еще не имел представления о местонахождении литовцев или знал, что они скоро не подойдут. Эти соображения заставляют в данном случае отдать предпочтение версии «Сказания». Тем самым становятся понятными действия Ягайлы. Выясняется не только то, что литовский князь находился далеко от места битвы. Не менее интересно, что к месту столкновения враждебных сил он пошел не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского — черниговских князей, где литовскому войску, несомненно, надо было прокладывать себе дорогу силой. Очевидно, что Ягайло вовсе не торопился на соединение с Мамаем, а пытался использовать создавшуюся ситуацию прежде всего для укрепления литовского влияния в землях бассейна верхней Оки.

Возможные причины такого поведения литовских военачальников в последнее время подробно анализировал И. Б. Греков[105], выделивший два важных фактора, действие которых повлияло на принятие соответствующих решений. Во-первых, исследователь отмечает, что Ягайло и литовское боярство были более всего заинтересованы во взаимном ослаблении Москвы и Орды, а полная победа Орды не входила в их планы. Во-вторых, вслед за С. Смолькой И. Б. Греков подчеркивает, что белорусские и украинские полки в составе литовской рати вряд ли

[103] Там же, с. 58.
[104] Подробный разбор этих сообщений см.: *Бегунов Ю. К.* Указ. соч., с. 507—508, 509.
[105] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 134—135.

охотно бы сражались против московского войска вместе с монголо-татарами.

Роль первого из этих факторов вызывает все же известные сомнения. Анализ развития литовско-ордынско-московских отношений показывает, что идея прямого военного сотрудничества Литвы и Орды против Московского княжества появилась не сразу, а ее появление отражало факт осознания политиками обеих стран, что Москву нельзя победить, действуя в одиночку. Думается поэтому, что Ягайло и его окружение не были все же заинтересованы в том, чтобы предоставить монголо-татар самим себе, и решающую роль надо приписать действию второго фактора.

Значение этого фактора станет очевидным, если попытаться примерно представить себе состав литовского войска. Как было показано выше, есть основание полагать, что в походе не приняли участия войска из литовских (Жемайтия, западная часть Аукштайтии) и белорусских (Подляшье) владений Кейстута. Таким образом, войско Ягайлы лишь в небольшой части должно было складываться из войск, набранных в его литовских владениях (восточная часть Аукштайтии). Его основную массу составляли рати, выставленные Полоцкой и Витебской землями, войска, приведенные Ольгердовичами, сидевшими на княжениях в Киевщине и Черниговщине, и войска Гедиминовичей, сидевших на Волыни. Интересы феодалов этих земель значительно расходились с интересами литовского боярства. Прежде всего они не извлекали никаких выгод из политики восточной экспансии: дани с подчиненных земель поступали в Вильно и распределялись между литовской знатью. Поэтому они не были заинтересованы в поражении Московского княжества. Но еще более важно, что курс на открытое сотрудничество с Ордой прямо противоречил интересам феодалов Волыни, Киевщины и Черниговщины, в прошлом жестоко страдавших от монголо-татарского ига и кровно заинтересованных в ликвидации еще сохранявшейся зависимости своих земель от Орды. Серьезные противоречия существовали и во взаимоотношениях литовской знати с частью белорусских феодалов: вспыхнувшее вскоре после битвы новое восстание полочан в 1381 г. является ясным свидетельством этого. Если же прибавить, что белорусских и украинских дружинников в составе литовского войска объединяло с московской ратью, выступившей против

монголо-татар, сознание принадлежности к одному и тому же древнерусскому народу, то станет ясным, что повести эти войска вместе с монголо-татарами против Москвы оказалось неразрешимой задачей.

Таким образом, внешняя политика крупнейшей восточноевропейской державы — Великого княжества Литовского — в один из важнейших моментов развития восточноевропейского региона оказалась фактически парализованной из-за проявившихся в этот момент противоречий между интересами литовского боярства и интересами подчиненных Литве земель. Именно при учете этой стороны дела становится ясным, почему именно после Куликовской битвы Великое княжество окончательно вступило в полосу длительного политического кризиса, из которого литовское боярство, как известно, нашло выход в широком соглашении с польскими феодалами, что позволило обеим сторонам сохранить свое господство над белорусскими и украинскими землями.

В. Л. Егоров

ЗОЛОТАЯ ОРДА ПЕРЕД КУЛИКОВСКОЙ БИТВОЙ

Государства, созданные монголами в результате обширных завоеваний, оказались довольно непрочными образованиями, постоянно испытывавшими более или менее значительные внутренние потрясения. Короткие периоды их бурного расцвета перемежались яростными междоусобицами, приводившими к упадку политической и экономической мощи, возрождение которой в прежних масштабах уже было немыслимо. XIV век стал для них тем рубежом, который не переступило ни одно из государств, основанных Чингизидами. В 1336 г. прекратила существование династия Хулагуидов, возглавлявшая обширное государство ильханов на Среднем Востоке. В 1368 г. пала династия Юань, сброшенная мощной волной выступлений китайского народа против завоевателей. В 1370 г. потерпело крах государство, возглавлявшееся династией Джагатаидов[1]. Живучее других оказалась Золотая Орда — конец ее связан с походом Тимура 1395 г., в результате которого произошли необратимые качественные изменения, приведшие к уничтожению государственности и окончательному развалу некогда грозной державы. Предшествовал этому период внутреннего хаоса и феодальных междоусобиц 60—70-х годов XIV в., логическим финалом которого стал не виданный дотоле разгром на Куликовом поле. Двадцатилетний отрезок золотоордынской истории, явившийся прологом Куликовской битвы, имеет очень четкие временные границы — с осени 1359 г. по осень 1380 г. Основу событий, происходивших в эти годы, составляет отчаянная борьба феодалов за верховную власть в государстве.

Периоду политической сумятицы предшествовало спокойное и благополучное правление ханов Узбека и Джа-

[1] *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971, с. 194, 197, 200.

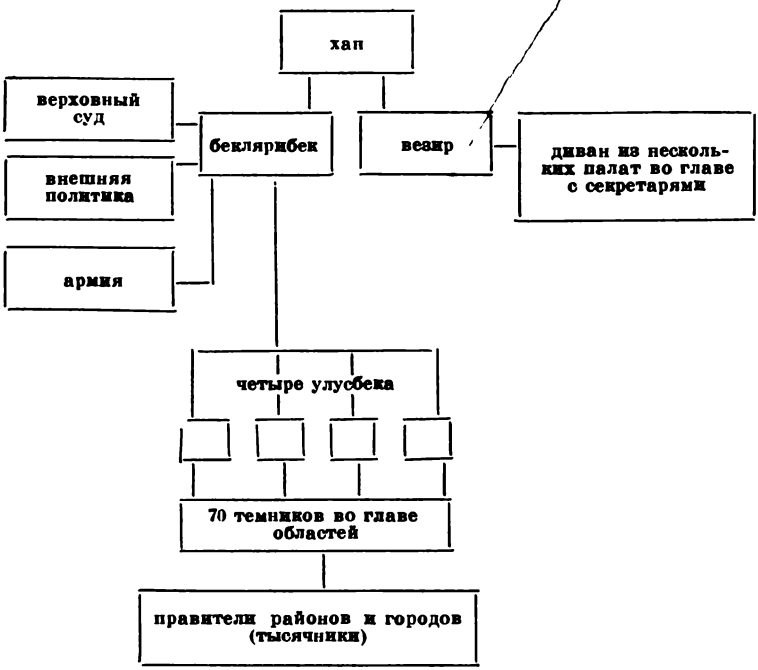
нибека. Золотая Орда при них достигает зенита своего политического могущества и экономического расцвета. Введение Узбеком мусульманства благотворно отразилось на внешних экономических связях и культурной жизни государства. Общее количество золотоордынских городов к концу его правления перевалило за сотню [2]. Успешные войны Джанибека в Закавказье позволили присоединить новые обширные территории Азербайджана и Ирана, борьба за которые началась еще в XIII в. при хане Берке. В середине XIV в. Золотая Орда была одним из самых больших государств в Европе и Азии. Южные пределы ее находились в районе Тебриза (Иран), северные включали территорию Башкирии и Волжской Булгарии; восточная граница проходила в бассейне Оби и Иртыша, западная достигала берегов Дуная.

Внутреннее устройство государства было четко разработано еще в XIII в. и всецело отражало присущую ему агрессивную сущность. Военная структура, положенная в основу административного деления государства, привела к своеобразному раздвоению внутригосударственной власти: захватническую сущность государства являл собой институт беклярибекства и связанного с ним войска; угнетающие функции отражал везират с соответствующими канцеляриями, ведавшими сбором налогов и даней (см. схему на с. 176).

Население Золотой Орды с этнической точки зрения представляло собой довольно пестрый конгломерат самых различных народов. Собственно монголов здесь осталось сравнительно немного; подавляющее большинство их в 1242 г. вернулось в Центральную Азию. Оставшиеся же представляли в основном аристократическую верхушку общества, избегавшую смешения с другими слоями населения. Среди последнего были представители порабощенных завоевателями волжских булгар, русских, буртасов, башкир, ясов, черкесов и др. Однако основную массу населения Золотой Орды составили жившие на этой территории до прихода монголов кипчаки. Это привело к созданию своеобразной ситуации: уже в XIV в. завоеватели почти полностью растворились в кипчакской среде, утратив свой язык и алфавит. Арабский современник писал по этому поводу: «В древности это государство было

[2] *Егоров В. Л.* География городов Золотой Орды.— Советская археология, 1977, № 1, с. 124.

Схема государственного устройства Золотой Орды



страною кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»[3]. Исторически так сложилось, что всюду, где появлялись отряды Чингисхана и его наследников, их называли татарами. Китайский источник XIII в. относит самого Чингисхана и его сановников также к черным татарам[4], хотя сами

[3] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. 1, с. 235.

[4] Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975, с. 48.

они называли свое государство монгольским [5], а себя — монголами [6]. Татарами же население Золотой Орды называли и русские летописи. После ее распада этноним «татары» автоматически перешел на население новых государственных образований с соответствующим уточнением (казанские, астраханские и т. д.) [7]. Причем харак-

[5] Там же, с. 123—124.

[6] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 114—115.

[7] Монголо-татары — это искусственное этническое наименование, появившееся в трудах историков спустя столетия после исчезновения средневековых монгольских государств. Словосочетание это механически соединило два названия одного и того же народа. Первая часть — монголы — хорошо известна по ряду древних источников, из которых следует, что этноним «монголы» применялся как самоназвание ряда центральноазиатских племен, объединенных Чингисханом в единое государство. Вторая часть — татары — представляет собой название тех же самых монголов, утвердившееся в XIII в. в Китае и довольно быстро распространившееся за его пределами. Проникновению именно этого названия в Европу и его повсеместному распространению скорее всего способствовали хорошо налаженные в средневековье торговые связи с Востоком. Видимо, купцы и были первыми информаторами европейского населения о появлении на исторической арене новой грозной опасности — «татар». Русские летописные источники по отношению к населению Золотой Орды всегда употребляли только одно обозначение — татары. В западноевропейских источниках также фигурирует исключительно это же название, хотя Рубрук особо пояснял, что сами основатели Улуса Джучи предпочитали, чтобы их называли монголами. Появление же формы «монголо-татары» относится уже ко времени начала научного изучения и осмысления истории государственных образований, связанных с Чингизидами. Попытки ликвидировать кажущееся несоответствие между хорошо известным названием «монголы», «Монголия» и постоянно встречающимися в средневековых источниках «татары», «Татария» и привели к появлению странного по своему содержанию, но внешне примиряющего историко-географические традиции средневековья и новейшего времени словообразования «монголо-татары». В трудах В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина «монголо-татары» не фигурируют; в них всюду употребляются названия «монголы» и «татары» как равноценные. Оба историка считают, что название «татары» применялось к завоевателям потому, что большая часть монгольского войска состояла из татар (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964, т. 4, с. 59; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818, т. 3, с. 172, прим. 296). Карамзин был осведомлен о том, что китайцы в XIII в. называли всех своих северных соседей татарами, и особо отмечал, что «ни один из нынешних народов татарских не именует себя татарами, но каждый называется особенным именем земли своей» (*Карамзин Н. М.* Указ. соч., т. 3, с. 172, прим. 296). Предложенное Татищевым и Карамзиным ошибочное объя-

терно, что население бывшей Волжской Булгарии, входившей составной частью в Золотую Орду, русские летописи в XIII—XIV вв. не называли татарами [8]. После основания Казани в 70-х годах XIV в. и ее возвышения население этого региона в русских источниках стало называться казанцами [9], и лишь позднее на него переносится этноним «татары». Возможно, что на это в значительной степени оказала влияние недружественная политика казанских правителей по отношению к Руси, где новое ханство по этой причине рассматривалось в качестве наследника традиционной антирусской политики Золотой Орды со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во время правления Бирдибека, к концу 50-х годов XIV в., внутреннее положение в Золотой Орде резко изменилось. Ханская власть лишь прикрывала, но уже не

снение причины существования двух названий для вторгшихся в Европу завоевателей прочно утвердилось в науке в XIX в. Основываясь именно на этой гипотезе, П. Наумов в 1823 г. впервые употребил словосочетание «монголо-татары» (*Наумов П.* Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823, с. 11, 20, с. 2 Приложения «Ответ на рецензию»), причем он писал: «все историки между собою согласны, что сии свирепые завоеватели были не татары, а монголы», а причину, по которой их называли татарами, видел в том, что монголы, «по мере приближения их к пределам нашего отечества и к странам западной Азии, были усилены местными татарами, т. е. народами турецкого племени» (Там же, с. 10—11). В результате исторически неверного и ничем не подтвержденного объяснения и возник неуклюжий, но устрашающий гибрид «монголо-татары», долженствующий обозначать союз двух народов, объединившихся для завоевания мира. Что же касается *собственно* татар, которые в XII в. обитали вдоль северной границы Китая, то они никогда не были союзниками монголов в завоевательских походах, а, наоборот, постоянно враждовали с ними. Чингисхан в отместку за убийство своего отца жестоко расправился с собственно татарскими племенами. На страницах «Тайной истории монголов» устами самого Чингисхана об этом событии говорится следующее: «мы сокрушили ненавистных врагов — татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы в справедливое возмездие за их злодеяния поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси...» (*Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941, с. 165. О соотношении этнонимов «монголы» и «татары» см.: Мэн-да бэй-лу, с. 89—94, прим. 1, 4, 10).

[8] ПСРЛ. Пг., 1922, т. XV, вып. 1, с. 92, 116.

[9] См., например, Никоновскую летопись XVI в., в которой о булгарах сказано: «еже ныне глаголются казанцы» (ПСРЛ. М., 1965 т. XI, с. 12). Тем самым составитель подчеркивает, что название «булгары», повсеместно принятое в более древних источниках, в XVI в. вытесняется новым — «казанцы».

могла сдержать происходившие в недрах золотоордынского общества процессы неуклонного возрастания экономической мощи отдельных представителей знати. Этому способствовали грабительские войны и дань с подчиненных народов, выгоды от внутренней и внешней торговли и тарханство (освобождение от налогов). Нельзя также забывать и того, что любой из улусов фактически представлял собой самодовлеющую в экономическом отношении единицу, удовлетворявшую собственными силами все жизненно важные потребности. Характерным примером в этом отношении являлся Хорезм, улусбек которого Кутлугтимур благодаря полной экономической независимости и удаленности от Сарая именовал себя чрезвычайно пышным титулом, где слово «царь» являлось самым скромным [10]. Этим влиятельный улусбек хотел подчеркнуть и утвердить свою политическую автономию, считая себя не правителем одного из улусов Золотой Орды, а главой государства, находящегося в вассальной зависимости от хана. Темники, стоявшие на социальной лестнице несколько ниже улусбеков, также располагали огромными материальными ресурсами и большой судебной и административной властью в границах своих владений. Источники сообщают, что каждый из крупных золотоордынских феодалов получал со своих земельных владений огромные доходы — 100—200 тыс. динаров в год, что в переводе на имевшие хождение в Золотой Орде серебряные монеты составляло 600 тыс.— 1 млн. 200 тыс. диргемов. Политическая власть феодалов опиралась и на собственные значительные дружины. Так, у пяти эмиров было 30 тыс. хорошо вооруженных всадников [11]. Военная и экономическая мощь отдельных феодалов становилась грозной силой в случае объединения нескольких представителей знати. Крупные феодалы, управлявшие городами, превращали их в свои оплоты, выжимая максимальный для себя доход из городской и транзитной торговли, ремесленного производства и сбора общегосударственных налогов. Центральная власть, не имевшая возможности и не решавшаяся пресекать подобные действия крупной аристократии, быстро теряла авторитет в глазах городского населения. Заметно сократилась внешнеполитическая активность Золотой Орды — дипломатическая и военная.

[10] *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча. Л., 1930, с. 36.
[11] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 113, 244.

Бирдибек бросил на произвол судьбы только что завоеванные его отцом столь вожделенные степи Азербайджана и богатые ремесленно-торговые города северного Ирана. Потеря обширных и богатых территорий Закавказья и фактическое прекращение войн, бывших одним из основных источников обогащения кочевой аристократии, настраивали ее против ханской власти, пробуждая в этой среде сильные сепаратистские устремления. Интересы феодальной верхушки вступили в конфликт с центральной властью. Причем конфликт этот не явился показателем каких-то коренных расхождений, а отразил внутреннюю непрочность всего государства, разобщенность отдельных его частей и резко возросшую роль феодалов в сферах политической жизни Золотой Орды. Одновременно характерная черта этого периода истории Золотой Орды состояла в том, что борьба шла и внутри самого класса феодалов. Крупнейшие его представители яростно боролись между собой за право оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. Созданию такой внутриполитической ситуации во многом способствовала структура самой золотоордынской государственности, при которой экономическая мощь аристократии, базирующаяся на собственном улусе и юрте, усиливалась политической мощью, основанной на крупных государственных должностях.

Именно поэтому феодалы выступают против ханской власти не единым фронтом, а образуя отдельные, соперничавшие между собой группировки, стремившиеся к достижению одной и той же цели — максимальному расширению своей власти в политическом и территориальном аспектах. Наличие многих коалиций феодалов подчеркивает не случайность выступлений, обусловленную выгодным стечением обстоятельств, а историческую закономерность процессов, происходивших в золотоордынском обществе и приведших к разжиганию междоусобной двадцатилетней борьбы. Феодалы борются за захват ключевых государственных постов, за возможность оказывать давление на хана в решении государственных дел, а в случае неудачи этого — за возведение на ханский престол во всем послушной марионетки. Именно поэтому Бирдибек, хорошо осведомленный о положении дел в государстве, при первом же известии о болезни отца (Джанибека) в 1357 г. бросает только что завоеванный северный Иран буквально на произвол судьбы и спешит в столицу, опа-

саясь потерять нечто значительно большее — престол. Придя к власти, он немедленно «вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех их уничтожил», не пощадив даже 8-месячного брата [12]. При этом он боялся не столько самих царевичей, сколько тех грозных феодальных сил, которые могли любого из них без особых затруднений сделать ханом (как, кстати, и было с самим Бирдибеком).

Со смертью Бирдибека в 1359 г. начинается один из самых темных периодов в истории Золотой Орды. Имеющиеся источники освещают это время довольно противоречиво, о многом умалчивают. За 20 лет междоусобной войны на престол претендовало более 20 ханов, причем имена некоторых из них известны только по найденным монетам. Огромное, мощное, казавшееся несокрушимым государство на глазах разваливалось.

Убийство Бирдибеком всех своих братьев, могущих претендовать на престол, и послужило катализатором давно подспудно назревавших процессов. Отсутствие прямых наследников золотоордынского трона побудило аристократию действовать с большей решительностью и надеждой на захват верховной власти. «Аноним Искендера» сообщает, что после смерти Бирдибека не осталось никого из представителей правившей в Золотой Орде династии, восходящей по прямой линии к внуку Чингисхана Бату [13]. Согласно этому источнику, сарайский престол сразу после смерти Бирдибека занял Кильдибек, что не согласуется с данными русских летописей, помещающих между первым и вторым Кульну, Ноуруза, Хызра, Тимурходжу и Ордумелика. Этот порядок нужно признать правильным, так как он полностью подтверждается данными нумизматики [14].

Из текста Симеоновской летописи и Рогожского летописца следует, что Бирдибек умер естественной смертью [15]. Однако Никоновская летопись сообщает о его убийстве, добавляя, что при этом были также убиты бывший его правой рукой Товлубий и другие советники [16].

---

[12] Там же. М.; Л., 1941, т. 2, с. 129. Русская летопись сообщает, что он убил 12 братьев (ПСРЛ. СПб., 1851, т. V, с. 228).

[13] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 129.

[14] *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1963, т. IV, с. 186, 188, 190, 199, 206, 210, 213, 214.

[15] ПСРЛ. СПб., 1913, т. XVIII, с. 100; Пг., 1922, т. XV, вып. 1, стб. 68.

[16] Там же. М., 1965, т. X, с. 230—231.

А. Ю. Якубовский, не ссылаясь на источники, пишет, что Бирдибека убил его брат Кульна, который позже погибает от руки брата Ноуруза [17]. Если учесть приводившиеся выше сведения об уничтожении Бирдибеком всех своих братьев, а также то, что летописи не приводят каких-либо данных о родственных отношениях этих трех лиц, то мнение Якубовского следует признать необоснованным. Учитывая сообщение Никоновской летописи, события можно реконструировать скорее всего следующим образом. После естественной смерти Бирдибека его ближайшее окружение во главе с Товлубием попыталось выдвинуть на престол устраивающего их кандидата. Однако Кульна оказался более сильным претендентом, сумевшим уничтожить представителей противостоящей ему группировки и утвердиться на сарайском престоле. Правление его, начавшееся в 1359 г., длилось 5 месяцев [18]. Известны монеты Кульны, чеканенные в Сарае ал-Джедид (Новый Сарай, ныне Царевское городище) и Гюлистане (город в районе Сарая ал-Джедид) в 760 (с 3.12.1358 по 22.11.1359 г.) и 761 гг.х. (с 23.11.1359 по 10.11.1360 г.), а также в Хорезме (Ургенч) и Азаке (Азов), где они выпускались только в 760 г.х.[19] Однако в том же, 760 г.х. в Азаке начал чеканить монету и Ноуруз [20], что с несомненностью свидетельствует о сокращении территории, контролируемой Кульной. В следующем, 761 г.х. монеты с именем Ноуруза выпускаются уже в Сарае ал-Джедид и Гюлистане [21], что находится в полном соответствии с сообщениями русских летописей об убийстве Кульны в 1359 г. [22] Произошло это событие, судя по всему, в один из осенних месяцев.

Согласно русским летописным сообщениям, Ноуруз находился у власти до весны 1360 г. Это хорошо согласуется с выпускавшимися им монетами; позже 761 г.х. они уже не чеканились. Весной 1360 г. в борьбу за сарайский престол впервые включается представитель Кок-Орды, охарактеризованный в летописях как «некыи царь

[17] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 271—272.

[18] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68.

[19] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1960, т. I, с. 133, 134, 136—138, 140, 153.

[20] Там же, с. 138, 139, 140, 143, 148.

[21] Там же, с. 133, 134, 136—138.

[22] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 68; т. XVIII, с. 100.

со въстока Заядьскы, именем Хидырь» [23]. Появление его на берегах Волги явно связано с попыткой кок-ордынских Джучидов захватить верховную власть в Золотой Орде. Скорее всего правящая кок-ордынская династия рассматривала Кульну и Ноуруза как узурпаторов, не имевших отношения к Джучидам. Примерно год, прошедший со дня смерти Бирдибека, ушел на подготовку похода к берегам Волги, возглавил который Хызр (русск. Хидырь). Появление настоящего представителя Джучидов вызвало «лесть в князех ордыньских» [24] и быстрый переход определенной их части на сторону Хызра. В результате был убит Ноуруз, а также множество его приверженцев [25]. Согласно нумизматическим данным [26] правление Хызра приходится на 761 (с 23.11.1359 по 10.11.1360 г.) и 762 гг.х. (с 11.11.1360 по 30.10.1361 г.). Судя по монетам, чеканенным в Сарае ал-Джедид, Гюлистане, Азаке и Хорезме, власть хана признавалась на всей территории государства, а действия его касались как внутренних золотоордынских дел, так и Руси. Он не только успел утвердить инвеституры некоторым русским князьям, но и потребовал от них прекращения разорительных набегов ушкуйников на золотоордынские владения. В результате русские князья были вынуждены выдать представителям хана виновных в нападении на г. Джукетау (Жукотин) на Каме [27]. Пребывание Хызра на троне длилось около года и традиционно завершилось убийством хана в 1361 г.

Чрезвычайно сложное положение в Золотой Орде в 1361 г. после убийства хана Хызра характеризуется тремя источниками, противоречащими друг другу в большей или меньшей степени. Достоверность излагаемых ими фактов

[23] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 69.

[24] Там же, т. XVIII, с. 100.

[25] Изложение столкновения Ноуруза с Хызром А. Ю. Якубовским (*Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 273—274) содержит явные противоречия и неточности. На с. 273 сообщается, что Ноуруз был убит в 1361 г., а несколько ниже (с. 274) утверждается, что Хызр вступил на престол в 1359 г. При этом автор считает ошибочными сведения русских летописей о воцарении Хызра в 1360 г., опираясь на то, что он чеканил монеты в 760 г. х. Однако монет с такой датой не имеется, все они датируются 761 и 762 гг. х.

[26] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 133, 134, 136, 138, 141, 143, 145, 147.

[27] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 69; М.; Л., 1949, т. XXV, с. 181.

в отдельных случаях можно проверить с помощью нумизматического материала.

Симеоновская летопись сообщает, что в 1361 г. (по-видимому, весной) хан Хызр был убит собственным сыном Тимур-ходжой [28]. Рогожский летописец приписывает убийство Хызра брату его Мюриду (Муруту) [29], которого несколько ниже называет уже не братом, а сыном Хызра [30] Еще одна версия относительно Тимур-ходжи излагается в «Анониме Искендера». Здесь говорится, что он правил два года и был сыном Орда-шейха (Орду-мелика) [31]. Сообщение о столь длительном пребывании Тимур-ходжи на золотоордынском престоле не подтверждается нумизматическими данными. Не внушает доверия и то, что отцом Тимур-ходжи назван Орда-шейх (Орду-мелик), так как последний, согласно сообщению русской летописи [32], правил после Тимур-ходжи, что вряд ли было возможно при существовавшем порядке престолонаследия.

Остается разобрать противоречие, возникшее между сообщениями Симеоновской летописи и Рогожского летописца. На страницах последнего об убийстве Хызра говорится дважды. Факт сам по себе не только редкий, но и заставляющий подозревать в этом не совсем удачно скомпонованную вставку в основной текст. Первый раз убийцей назван брат хана Мюрид, захвативший после этого сарайский престол [33]. Вторая запись (под тем же, 1361 г.) не называет имени убийцы, но, противореча предыдущей, говорит, что трон занял старший сын Хызра [34]. А несколькими строками ниже неожиданно всплывает имя Тимур-ходжи, без приведения какого-либо титула или степени родства по отношению к Хызру сообщается, что он «перебежа за Волгу и тамо убьен бысть» [35], т. е. этим подтверждается известие Симеоновской летописи, что Хызру наследовал его старший сын Тимур-ходжа, организовавший убийство своего отца, а не Мюрид. Для точного выяснения, состояли ли в родстве (и в каком) Хызр и Мюрид, имеющихся противоречивых сведений

[28] Там же, т. XVIII, с. 101.
[29] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 70.
[30] Там же, стб. 73.
[31] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 130.
[32] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 71.
[33] Там же, стб. 70.
[34] Там же, стб. 71.
[35] Там же.

явно недостаточно. Можно лишь с несомненностью утверждать, что Мюрид сел на престол не сразу после Хызра, а между ними были еще по крайней мере два хана. Один из них, как было только что установлено,— Тимур-ходжа, правивший, согласно летописи, всего две недели [36]. Это сообщение подтверждается данными нумизматики. Монеты Тимур-ходжи известны в небольшом количестве и выпускались только в 762 г.х. (с. 11.11.1360 по 30.10.1361 г.) исключительно в столице государства Сарае ал-Джедид [37]. Судя по этому, власть Тимур-ходжи фактически распространялась лишь на столицу и прилегающий округ. Через несколько дней после утверждения на престоле Тимур-ходжи на политическом горизонте Золотой Орды надолго появляется фигура Мамая, крупного феодала, умного и изворотливого политика. Начало его сепаратистской деятельности относится к одному из весенних месяцев 1361 г. При Бирдибеке Мамай занимал должность беклярибека, высшую в государстве, да к тому же был женат на дочери хана [38]. Однако сам Мамай, не принадлежа к роду Чингизидов, не спешил провозгласить себя ханом, ибо законными правителями в Золотой Орде и других монгольских государствах считались лишь те лица, которые по прямой линии родства восходили к Чингисхану. В связи с этим он предпочел, не вызывая излишних страстей вокруг вопроса о престолонаследии, укрыться за спиной марионетки, не имеющей никакой фактической власти. Первым марионеточным ханом при всесильном беклярибеке стал Абдуллах (1361—1369 гг.). Выступив против Тимур-ходжи в середине 1361 г., Мамай вынудил его бежать из Сарая ал-Джедид на правый берег Волги, где он и был убит [39]. Сам Мамай также переправился со своей ордой и Абдуллахом через Волгу [40] и ушел в принадлежавший ему улус Крым [41]. Именно там он рассчитывал пополнить свои

.....

[36] Там же.

[37] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 136, 143, 145, 146—148, 151, 155, 159.

[38] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 389.

[39] ПСРЛ, т. XVIII, с. 101.

[40] Там же.

[41] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 389. В отношении действий Мамая А. Н. Насонов допустил две ошибки. Во-первых, отнес его переправу на правобережье Волги к концу 1362 г. (*Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 123, прим. 3), хотя в летописи событие изложено под 1361 г. Это заблуждение основано на том,

войска, чтобы, вернувшись, захватить и столичные левобережные районы государства.

Пока Мамай в Крыму готовил силы для решительного удара, в Сарае ал-Джедид появился новый хан — Ордумелик [42]. В «Анониме Искендера» (источнике сложном, часто путающем факты, даты, имена; сведения которого нужно обязательно сверять с данными русских летописей) нет хана с таким именем, а есть хан Орда-шейх, брат правителя Кок-Орды Чимтая. Последний по просьбе группы эмиров Сарая ал-Джедид послал своего брата Орда-шейха на золотоордынский престол [43]. Если учесть чрезвычайно острую политическую обстановку в Золотой Орде, сложившуюся к лету 1361 г. (убийство Хызра; начало мятежа Мамая, объявившего ханом Абдуллаха; бегство Тимур-ходжи за Волгу, где его убивают), то можно предполагать, что именно в этой атмосфере неустойчивости и страха за свою судьбу, пытаясь стабилизировать положение и прекратить все более разгоравшиеся распри, аристократия Сарая ал-Джедид обратилась за помощью в Кок-Орду, где у власти находились также представители династии Джучидов, но другой ее линии, ведущей начало не от Бату, а от Орды, старшего сына Джучи. Скорее всего Ордумелик и Орда-шейх являются одним и тем же лицом, тем более что монеты Орда-шейха отсутствуют; к тому же вторая часть его имени является титулом, и полное имя, таким образом, может звучать как Ордумелик-шейх. Согласно русским источникам правление этого хана длилось целый месяц [44]. Косвенно это подтверждается чеканившимися им монетами; все они выпущены только в 762 г.х. Однако за этот срок Ордумелик преуспел больше, нежели его предшественник: монеты от его имени выпускались не только в столице, но и в Азаке, находив-

.....

что марионетка Мамая Абдуллах выпустил первые монеты в Азаке лишь в 764 г. х. (осенью 1362 г.), т. е. уже возвратившись из Крыма. Во-вторых, появление Мамая в Крыму Насонов отнес к 1370-м годам (Там же, с. 124) вместо 1361 г. На самом деле первая дата связана с другим событием — началом дипломатической переписки Мамая с Египтом (*Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 350). В результате этих ошибок весь 1361 г. и бо́льшую часть 1362 г. Мамай и Абдуллах, по Насонову, должны были бы находиться в Сарае ал-Джедид, что опровергается чеканенными здесь именно в это время монетами Ордумелика, Кильдибека и Мюрида (см. ниже).

[42] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 71.

[43] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 130.

[44] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 71.

шемся в устье Дона [45], т. е. хан контролировал, кроме Поволжья, степи между Волгой и Доном.

Появление на сарайском престоле представителя Кок-Орды пришлось не по душе многим золотоордынским феодалам. Причиной этого были не только их личные сепаратистские планы, но и сложившаяся историческая традиция. Согласно ей государство Золотая Орда (Улус Джучи) состояло из двух крыльев: правого — Ак-Орда (Улус Бату со столицей в Сарае на Волге) и левого — Кок-Орда (Улус Орды со столицей в Сыгнаке на Сырдарье) [46]. Причем главенствующую роль всегда играла Ак-Орда, и правившие здесь ханы династии Бату назначали и утверждали ханов Кок-Орды. В источниках есть прямые указания на то, что Узбек и Джанибек продолжали пользоваться этой прерогативой [47]. В результате местная аристократия, недовольная появлением на сарайском престоле представителя Кок-Орды, выдвинула нового претендента на верховную власть — Кильдибека. Русские и восточные источники единодушно утверждают, что он был самозванцем, выдававшим себя за сына Джанибека [48]. Это может служить косвенным подтверждением сообщения «Анонима Искендера» о прекращении династической линии, ведущей начало от Бату. При таком положении вещей появление претендента на престол, якобы являющегося прямым продолжателем угасшей династии, во-первых, должно было сплотить всех приверженцев центральной власти и спокойствия во внутренней жизни (что связывалось современниками с именами Узбека и

[45] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 134, 136, 138, 141, 145, 147—149, 151, 157.

[46] Название Кок-Орда (Синяя) хорошо известно по русским летописям, где сообщается, что она «еже есть близ Индеи» (ПСРЛ. М., 1965, т. XI, с. 152), т. е. на территории современного Казахстана по р. Сырдарье. Путаницу в этот вопрос внес «Аноним Искендера», ошибочно назвавший Кок-Орду Ак-Ордой, на что в свое время было обращено внимание (*Федоров-Давыдов Г. А.* «Аноним Искендера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда».—В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968). Однако в последнее время высказано мнение в пользу узаконения этой ошибки со ссылкой на установившиеся традиции (*Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. Алма-Ата, 1977, с. 38, прим. 13). Вряд ли можно согласиться с подобной точкой зрения, закрепляющей явную историческую ошибку, что, несомненно, создаст дополнительные сложности и усугубит путаницу.

[47] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 129—130.

[48] Там же, с. 129; ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 70.

Джанибека) и, во-вторых, доказывало юридическую неправомочность представителя Кок-Орды занимать золотоордынский престол. К этому нужно добавить, что на протяжении всей «великой замятни» занимавшие престол ханы неоднократно использовали имя Джанибека, стараясь обосновать свои притязания на власть. Это также может свидетельствовать об угасании династии правого крыла Улуса Джучи, т. е. Золотой Орды.

О времени объявления Кильдибека ханом в русских летописях содержатся несколько противоречивые записи. Согласно Симеоновской летописи Кильдибек вступил в борьбу за престол сразу же после убийства Тимур-ходжи [49]. Рогожский летописец утверждает, что перед Кильдибеком власть в Сарае ал-Джедид захватил Мюрид [50]. Однако в этом источнике под тем же, 1361 г. есть другая запись, явно уточняющая и дополняющая предыдущее сообщение. Запись эта содержит несколько конкретных деталей, которые могли быть сообщены только непосредственным очевидцем происходивших в Орде событий. Начинается она с сообщения о том, что «тое же осени князь Василеи прииде из Орды с Бездежа увернувся, а сребро тамо поклал» [51]. Далее следует целиком согласующийся с данными нумизматики перечень правления ханов на сарайском престоле в такой очередности: Хызр, Тимур-ходжа, Ордумелик. При этом приводятся конкретные и очень короткие сроки правления двух последних ханов (две недели и месяц) [52]. Создается впечатление, что все эти сведения на Русь привез сам великий князь тверской Василий Кашинский либо кто-то из его окружения. Характерной деталью разбираемого рассказа является то, что в нем нет ни слова о Кильдибеке. Объясняется это скорее всего тем, что князь Василий уехал из Бездежа до появления Кильдибека на арене борьбы за престол. Отсюда в свою очередь можно сделать вывод, что Кильдибек включился в борьбу в конце лета — начале осени 1361 г. Чеканенные им монеты подтверждают такое предположение. Наиболее ранние из них выпущены в Сарае ал-Джедид и Азаке в 762 г.х.[53] (с 11.11.

[49] ПСРЛ, т. XVIII, с. 101.
[50] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 70.
[51] Там же, стб. 71.
[52] Там же.
[53] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 134, 136, 138, 141—143, 145—150, 157, 159.

1360 по 30.10.1361 г.). В 763 г.х. (с 31.10.1361 по 20.10.1362 г.) Кильдибек продолжал чеканить монеты, но выпускались они уже только в одном городе — Азаке [54]. Если же учесть, что в 762 г.х. в Сарае ал-Джедид начал выпускать монеты и Мюрид, то станет ясно, что Кильдибек переправился на правый берег Волги, а в столице в сентябре-октябре 1361 г. утвердился Мюрид. Последнее подтверждает и Симеоновская летопись: «а иныи князи затворишася в Сараи, царя у себя именующе Амурата» [55]. Что же касается пребывания Кильдибека на правобережье Волги, который здесь «дивы многи творяше» [56], то конец его ханской карьере положило столкновение с войсками Мюрида. Отряды Кильдибека были разбиты скорее всего летом 1362 г., а сам он убит [57]. Однако эта победа не принесла Мюриду столь желанной единоличной власти над всеми золотоордынскими улусами. Судя по монетам, он даже не успел утвердиться на правобережье Волги, воспользовавшись плодами победы над Кильдибеком. Об этом можно судить по монетам Мюрида, которые продолжают чеканиться исключительно в левобережных городах — Сарае ал-Джедид и Гюлистане [58]. Помешало ему в этом появление на правобережье Волги Мамая, явно нацеливавшегося на захват Сарая ал-Джедид. Выше уже упоминалось о том, что Мамай с Абдуллахом удалились в Крым весной, может быть в самом начале лета, 1361 г. Там они пробыли год, основательно готовясь к дальнейшей борьбе за верховную власть в государстве. О появлении армии Мамая и Абдуллаха на Волге Рогожский летописец сообщает под 1362 г. [59] Выпуск же первых монет с именем Абдуллаха, чеканенных в Азаке [60], относится к 764 г.х. (с 21.10.1362 по 9.10.1363 г.). Следовательно, Орда Мамая пришла в Поволжье не позже конца лета — начала осени 1362 г.

Столкновение войск Мамая и Мюрида [61], происшедшее, по-видимому, на правом берегу Волги, не принесло

[54] Там же.
[55] ПСРЛ, т. XVIII, с. 101.
[56] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 70.
[57] Там же, стб. 73.
[58] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 133, 134, 136, 138, 139, 141—143, 146.
[59] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 73.
[60] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 142, 149.
[61] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 73.

окончательной победы мятежному беклярибеку и его марионеточному хану. Однако в результате сражения Мюрид вынужден был уйти на левобережье Волги в Сарай ал-Джедид, уступив правобережные улусы Мамаю. В результате под его контролем оказались все степные пространства от Крыма до Волги.

Подведем итог событиям 1361 г., самого бурного и запутанного из всех лет «великой замятни». За один год на золотоордынском престоле сменилось пять ханов, шестой (Абдуллах) был послушной марионеткой Мамая. Не затихавшая ни на один день жестокая и напряженная междоусобица не привела к установлению в государстве крепкой центральной власти. В 1362 г. положение внешне стабилизировалось, но лишь потому, что происходило накопление сил для очередной схватки за верховную власть. С этого года и до 1380 г. на внутриполитическую жизнь Золотой Орды решающее влияние оказывали действия Мамая, всеми средствами стремившегося стать единовластным хозяином всей территории государства. В калейдоскопе ханов, промелькнувших с конца 1359 до 1362 г., весьма существенным является то, что выпускавшиеся от их имени монеты чеканились в различных городах, расположенных как на левом, так и на правом берегах Волги. Кильдибек был последним ханом, чьи монеты выпускались в городах, лежащих по обе стороны от Волги (Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Азак). После его смерти происходит резкое разграничение: часть ханов выпускает монеты только в городах, находившихся на левом берегу Волги (в основном это Сарай ал-Джедид и Гюлистан); на монетах других ханов стоят названия только правобережных городов, а также нового центра чеканки, связанного с выпуском большого количества монет,— Орды [62]. Имена этих ханов — Абдуллаха и Мухаммед-Булака — тесно связаны с Мамаем, а письменные источники прямо свидетельствуют о том, что это были его марионетки. Такое резкое разграничение центров монетных чеканок разных ханов, находившихся одновременно у власти, является веским доказательством того, что в результате мятежа Мамая Золотая Орда раскололась на две враждующие части, границей между которыми стала Волга. Районы между Волгой и Доном, Северный Кавказ, Причерноморские степи и Крым находились под властью

[62] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 109, 110.

Мамая и его марионетки. Левобережье Волги со столицей государства Сараем ал-Джедид и прилегающими к нему районами составляло противовес Мамаю, основную роль в котором играла столичная аристократия, от прихотей которой зависели довольно часто сменявшиеся сарайские ханы. Наиболее наглядно ситуация, сложившаяся в Золотой Орде в период «великой замятни», видна из хронологической таблицы, в основу которой положены данные письменных источников и нумизматики:

Единое государство

Бирдибек — ум. в 1359 г.
Кульна — весна — осень 1359 г.
Ноуруз — осень 1359 — весна 1360 г.
Хызр — весна 1360 — весна 1361 г.
Тимур-ходжа — весна 1361 г.
Ордумелик — весна 1361 г.
Кильдибек — лето 1361 — лето 1362 г.

Сарай ал-Джедид	Орда Мамая
Мюрид — осень 1361—1363 гг.	Абдуллах — весна 1361—1369 г.
Хайр-Пулад — 1363 г.	
Абдуллах — 1363 г. (Мамай захватил столицу на короткое время)	
Пулад-ходжа — 1364 г.	
Азиз-шейх — 1364—1367 гг.	
Пулад-Тимур — 1367 г.	
Джанибек II — 1367 г.	
Абдуллах — 1368 г. (Мамай вновь захватывает столицу на короткое время)	Мухаммед-Булак — 1369—1375 гг.
Тулунбек — 1370—1372 гг.	
Мухаммед-Булак — 1372—1373 гг. (Мамай вновь захватил столицу на короткое время)	
Черкес — 1374—1375 гг.	
Каганбек — 1375 г.	
Тохтамыш — 1376—1377 гг.	Тулунбек — ? — 1379 г.
Арабшах — 1378 г.	

Единое государство
Тохтамыш — с осени 1380 г.

Раскол государства на два враждебных лагеря — основное, но не единственное последствие феодальных усобиц начала 1360-х годов. Им далеко не исчерпывается характеристика внутреннего состояния Золотой Орды в это время. Русская летопись недаром обращает особое внимание на ограбление в Орде ростовских князей: «телеса их обнажиша и не остася на них ни исподних порт,

а сами нази токмо живи приидоша пеши на Русь»[63]. Происшествие носило в некотором роде символический характер, иллюстрируя полную неразбериху и отсутствие твердой политической власти в государстве. Организацией и поддержанием безопасности внутригосударственных передвижений со времен Бату кичились все золотоордынские ханы, что считалось особым долгом государственной власти, демонстративно подчеркивало ее авторитет и силу, оказывало определенное влияние на экономическую жизнь. Сумятицу в политической жизни усиливало то, что борьба велась не только между Мамаем и Сараем ал-Джедид, но и внутри этих крупных группировок. Кроме того, в различных частях государства то и дело появлялись отдельные феодалы, в большей или меньшей степени проявлявшие сепаратистские наклонности и пытавшиеся быть независимыми и от Мамая, и от сарайских ханов.

В том же, 1361 г. от Золотой Орды откололся Хорезм, издавна бывший носителем сепаратистских тенденций. Произошло это во время правления Хызра или сразу же после его убийства. Во всяком случае имена золотоордынских ханов, правивших в годы «великой замятни», не встречаются на монетах Хорезма после 762 г. х., когда они чеканились от имени Хызра[64]. Власть правивших перед ним ханов Кульны и Ноуруза также признавалась здесь[65]. Но в 1361 г. в Хорезме выпускаются новые монеты, без имени какого-либо правителя[66], что было равносильно объявлению независимости от власти золотоордынского хана. Превращение Хорезма в самостоятельную политическую единицу связано с выдвижением здесь местной династии — Суфи. Отделение Хорезма, несомненно, нанесло крупный, не только политический, но и экономический, урон Золотой Орде. В международной караванной торговле того времени Хорезм занимал ключевую позицию на пути из Европы на Восток. Потеря этого развитого в культурном и хозяйственном отношениях улуса заметно ослабила позиции сарайских ханов, лишив их важной опоры в борьбе против Мамая.

.....

[63] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 71.

[64] *Федоров-Давыдов Г. А.* Нумизматика Хорезма золотоордынского периода.— В кн.: Нумизматика и эпиграфика. М., 1965, т. V, с. 184.

[65] Там же, с. 183.

[66] Там же, с. 184.

Столь же значительное сокращение государственной территории произошло на западной границе Золотой Орды. Здесь в Пруто-Днестровском междуречье в XIII в. располагался Улус Ногая, а в первой половине XIV в. эта область играла заметную роль, являясь сухопутными торговыми воротами в Западную Европу. Общая сумятица во внутриполитической жизни Золотой Орды 1360-х годов позволила местному населению избавиться от монголо-татарского господства [67]. Это подтверждается данными нумизматики: золотоордынские монеты на территории Молдавии исчезают в 60-х годах XIV в.[68]

Восточнее этого региона, в междуречье Днестра и Днепра, господству монголо-татар также был нанесен ощутимый удар в 1363 г. В битве при Синих водах (приток Южного Буга) они были разгромлены литовским князем Ольгердом [69]. В результате Подольские земли освободились от уплаты дани золотоордынским феодалам. Все это привело к значительному сокращению золотоордынской территории на западе, передвинув границу государства к берегам Днепра. Основные силы монголо-татар, связанные противоборством Мамая и сарайских ханов, никак не могли противодействовать отпадению окраинных улусов.

На левобережье Волги, оплоте сарайских ханов, борьба с Мамаем осложнялась постоянными распрями между крупными феодалами. Одни из них стремились стать независимыми от ханской власти, другие сами надеялись занять престол. Трудно назвать точно размеры территории, которая находилась под контролем хана, сидевшего в Сарае ал-Джедид, но то, что она была в разные годы более или менее ограничена, не подлежит сомнению. Арабские источники сообщают, что несколько крупных эмиров, перессорившись, самостоятельно управляли своими владениями в окрестностях Сарая ал-Джедид [70]. Хаджитарханом (Астрахань) с прилегающими районами за-

[67] *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 103; *Параска П. Ф.* Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972, т. 1.

[68] *Полевой Л. Л.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, с. 10.

[69] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 75.

[70] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 389.

владел Хаджи-Черкес. Еще два крупных феодала — Урусхан и Айбекхан — управляли в этом регионе своими уделами [71]. Письменные источники не сообщают подробностей об их взаимоотношениях, но, судя по общей обстановке, рисуемой ими, обыденной формой существования подобных мелких владетелей были постоянные трения [72].

На правом берегу Волги, во владениях Мамая, обстановка была несколько иной. Ему удалось удержать под своей властью Крым, степные пространства между Днепром и Волгой и предкавказские степи. Феодалы, пытавшиеся объявить независимыми свои владения, находившиеся на этой территории, быстро поняли, что им не устоять против Мамая, и нашли выход из создавшегося положения. Они бросили свои улусы, расположенные в степных центральных районах Золотой Орды, и отправились к ее окраинам, захватив там обширные владения и укрепившись в них. Характерным примером в этом отношении являлся Тагай, правитель Бельджамена (русск. Бездеж), находившегося на правом берегу Волги, в месте ее наибольшего сближения с Доном. Археологическое обследование остатков этого города выявило недостроенный земляной вал со рвом [73]. Возможно, что эти укрепления начал возводить именно Тагай в начале 1360-х годов, но, оценив обстановку (явное преобладание сил Мамая, двигавшегося из Крыма), он оставил незаконченные укрепления и ушел на север, в район Мохши, где, по сообщению русской летописи, «Наручадь ту страну отнял себе, ту живяше и пребываше» [74]. Здесь, вдали от Мамая, чувствуя себя в безопасности (по крайней мере какое-то время), он начал чеканить собственную монету [75] и предпринимать нападения на близлежащие русские княжества. Мамай в это время целиком был поглощен борьбой за Сарай ал-Джедид. Поэтому Тагаю удалось продержаться в Мохши довольно долго. Летопись сообщает, что «Тагай из Наручади» в 1365 г. напал на Рязанское княжество, взял Переяславль, но был разбит [76]. После этого

[71] Там же.
[72] Там же, с. 390—391.
[73] *Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг.— В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 39—41.
[74] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 70.
[75] *Кротков А. А.* Два собрания джучидских монет.— Труды Нижне-волжского общества краеведения. Саратов, 1930, вып. 37, с. 7.
[76] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 80.

поражения имя Тагая больше не упоминается в источниках. Скорее всего, воспользовавшись выгодным моментом, власть в районе Мохши захватили местные мордовские князья, в дальнейшем ставшие верными вассалами Мамая, сыгравшими роковую роль в избиении русских отрядов на Пьяне в 1377 г.[77]

Несколько восточнее Тагая, в районе южнее р. Пьяны, обосновался некий Секиз-бей[78], причем он постарался обезопасить себя крепостными сооружениями, видимо опасаясь близости не только русских, которым тогда принадлежало Запьянье, но и окружавших его мордовских феодалов, а также своего соседа Тагая.

Еще один крупный золотоордынский феодал — Булак-Тимур захватил г. Булгар и «отнял бо Волжьскы путь»[79]. Удерживать за собой Булгар ему удавалось вплоть до 1367 г., когда он был разбит русскими войсками, бежал на нижнюю Волгу, где и был убит ханом Азизом[80].

О внутренней слабости Золотоордынского государства этого периода, распадавшегося на части, враждовавшие друг с другом, можно судить и по походам новгородских ушкуйников. Четыре из них описаны в летописи (1360, 1366, 1374, 1375 гг.), причем в 1374 г. ушкуйники дошли до Сарая, а в 1375 г. прошли всю Волгу вплоть до Хаджитархана[81].

В результате развившихся центробежных устремлений территория Золотой Орды в 1360-х годах являла собой значительное число сравнительно мелких и более крупных владений отдельных феодалов, находившихся в состоянии постоянных междоусобиц. Последние, несомненно, довольно часто должны были менять соотношение сил феодальных группировок и территориального распространения их влияния. Судя по источникам, Мамай действовал в отношении конкурентов, находившихся на правобережье Волги, более энергично. В летописных статьях 1370-х годов отсутствуют сведения о каких-либо крупных феодалах на этой территории, не подчинявшихся власти беклярибека. Постепенно ему удалось подавить сепаратистские устремления крупных аристократов и в 70-е годы

[77] Там же, стб. 118.
[78] Там же, стб. 71.
[79] Там же, стб. 70.
[80] Там же, стб. 85.
[81] Там же, стб. 114.

объединить под своей властью всю территорию Золотой Орды западнее Волги вплоть до Днепра. В отдаленной от центральных районов государства территории бывшей Волжской Булгарии Мамай посадил в 1370 г. при помощи русских войск своего ставленника Мухаммед Султана [82]. Правивший до него князь Хасан предпочел мирно уступить власть над Булгаром и использовать тактический прием, широко применявшийся феодалами в годы «великой замятни»,— уйти в окраинные районы. Он покинул исконно булгарские земли, переправился на малозаселенное правобережье Камы и утвердился здесь, основав в 1370-х годах новый город — Казань [83].

В течение всего периода внутренних смут между Ордой Мамая и сарайскими ханами ведется не затихающая борьба, из-за которой практически забыты внешнеполитические интересы Золотой Орды. Эпизодические акты внешнеполитического характера в первую очередь были направлены на упрочение положения той или иной стороны. Одним из таких эпизодов являлись события 1362—1364 гг., связанные с выдачей ярлыка русским князьям на великое княжение. В 1362 г. Дмитрий Иванович Московский и Дмитрий Константинович Суздальский поспорили о великом княжении. Для решения спора были направлены княжеские киличеи в Сарай ал-Джедид к хану Мюриду (Амурату), который вынес решение в пользу Дмитрия Ивановича [84]. Узнав об этом, Мамай решил показать, что ярлык Мюрида недействителен и единственной законной властью в Орде фактически является он сам (а юридически Абдуллах). Для этого к Дмитрию Ивановичу направился посол с ярлыком на великое княжение за подписью Абдуллаха [85]. Мамай так торопился подчеркнуть свой приоритет в выдаче инвеститур (а следовательно, и в получении дани), что пренебрег вызовом князя в свою ставку для получения ярлыка. А это было обязательной частью той унизительной протокольной процедуры, которая подчеркивала зависимость Руси от Золотой Орды. Пренебрежение столь важной дипломатической деталью показывает, сколь большое значение Мамай придавал утверждению своего влияния на

[82] Там же, стб. 92.
[83] *Егоров В. Л.* О времени возникновения Казани.— Советская археология, 1975, № 4, с. 80.
[84] ПСРЛ, т. XVIII, с. 101.
[85] Там же, с. 102.

Русь. В ответ на это Мюрид предпринимает демарш и выдает великокняжеский ярлык Дмитрию Константиновичу, однако последний сумел удержать за собой этот титул всего несколько дней. В 1364 г. на ханском престоле вместо Мюрида уже сидел Азиз-шейх. Он решил показать свое главенство и вновь выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу, демонстративно не признавая ярлыка Абдуллаха, выданного московскому князю [86]. Во всем этом дипломатическом соперничестве привлекает внимание и то, что сарайские ханы имели довольно надежный путь на Русь (Волга не могла им быть, так как правобережные города принадлежали Мамаю), не перекрытый Мамаем (по крайней мере в 1360-е годы). Отсюда можно предположить, что их владения в Заволжье простирались на север вплоть до Булгара, правители которого старались также поддерживать хорошие отношения с Сараем ал-Джедид, справедливо считая Мамая более опасным врагом. Именно поэтому в 1370 г. Мамай и решил ликвидировать автономного булгарского князя Хасана руками русских, для чего направил к ним посла Ачиходжу [87].

Пытаясь утвердить свой авторитет на международной арене, Мамай возобновляет традиционные дипломатические отношения с султаном Египта. Обмен посланиями между ними начался в 1371 г.[88] Причем интересно, что в письмах к Мамаю египетские чиновники применили дипломатическую уловку, намекающую на непризнание Мамая в качестве верховного правителя государства. Подписывая текст посланий, египетский султан покровительственно называл себя «родителем» Мамая, а не «братом», как полагалось согласно протоколу при отправлении писем беклярибеку [89].

Постепенно ликвидируя обособившихся феодалов на правобережье Волги, Мамай не прекращал борьбы против главных конкурентов в схватке за верховную власть — сарайских ханов. По отношению к ним он предпочитал более действенную наступательную политику, в результате которой ему удавалось несколько раз захватывать Сараи ал-Джедид. Об этом в общих словах сообщают

[86] Там же.
[87] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 92.
[88] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 350.
[89] Там же, с. 348.

письменные источники [90], правда без указания даты; это же подтверждают данные нумизматики — известны монеты Абдуллаха, чеканенные в столице в 764 (с 21.10.1362 по 9.10.1363 г.) и 768 гг.х. (с 7.9.1366 по 27.8.1367 г.)[91]. Захваты золотоордынской столицы были кратковременны и не приносили Мамаю ощутимого перевеса, так как в конце концов его войска были вынуждены возвращаться на правый берег Волги. Сарайские же ханы придерживались оборонительной, выжидательной тактики, предпочитая закрепиться в Сарае ал-Джедид и, видимо, не надеясь на свои силы в столкновении с Мамаем. Именно в это время столица обносится крепостными стенами [92], что было неслыханным мероприятием в Золотой Орде, кичившейся своей силой и поэтому демонстративно не признававшей никакой фортификации. Вокруг Хаджитархана также были воздвигнуты укрепления [93].

Кроме чисто практических военных действий, Мамай пытался проводить различного рода политические акции, долженствующие подчеркнуть его права на верховную власть в государстве. Одной из них было создание нового монетного двора, что носило характер несомненной политической демонстрации, осуществляемой Мамаем перед сарайскими ханами. В конце 60-х годов XIV в. на внутренний золотоордынский рынок начинает поступать большое количество монет, место выпуска которых обозначено как «Орда» [94]. Суть этого состояла в том, что в Золотой Орде исторически сложились два политических центра. Один из них находился в стационарной столице, другой представлял кочующую бóльшую часть года ханскую ставку — орду [95]. Обозначая на монетах, что они выпущены в «Орде», Мамай тем самым пытался показать свое главенство по отношению к Сараю ал-Джедид и юридическую правомочность подвизавшегося при нем хана. К этому нужно добавить, что до Мамая монеты никогда не

.....

[90] Там же, с. 390.

[91] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 134, 136, 141, 148.

[92] *Мухамадиев А. Г., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае.— Советская археология, 1970, № 3, с. 160.

[93] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 184.

[94] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 109.

[95] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 63—67.

чеканились в кочующей ханской ставке, а только в городах [96].

На левом берегу Волги, противостоявшем Мамаю во главе с сидевшим в Сарае ал-Джедид ханом, положение было куда менее стабильным. Если Мамай прочно удерживал власть в своих руках, изредка меняя ханов, то на левобережье продолжались междоусобные столкновения, то и дело приводившие к сменам хозяина трона. Однако выяснение событий, происходивших в Сарае ал-Джедид, затрудняется тем, что в русских летописях после 1367 г. прекращается всякое упоминание о сарайских ханах, последним из них вскользь упомянут Азиз [97]. Это позволяет говорить о том, что сарайские ханы, погрязшие в местных усобицах, заботились больше о том, как бы удержаться на престоле, даже и не помышляя о былом русском улусе и своих претензиях на первенство перед Мамаем. Последнему, видимо, удалось также надежно изолировать Сарай ал-Джедид территориально от русских княжеств, где теперь Мамай выступал в роли единственного главы Золотой Орды.

Наиболее надежным источником, позволяющим восстановить очередность правления сарайских ханов, остаются данные нумизматики и в меньшей степени сведения восточных летописцев. Воцарившийся здесь осенью 1361 г. Мюрид правил до 1363 г.; известны его монеты, чеканенные в Сарае ал-Джедид и Гюлистане в 763 и 764 гг.х.[98] Видимо, в один из месяцев 1363 г. Мюрид лишился престола, так как в 764 г.х. (с 21.10.1362 по 9.10.1363 г.) начинает выпускать монеты уже другой хан — Хайр-Пулад [99]. Монеты с его именем выходили только в одном 764 г.х., что дает право говорить о его очень коротком правлении, тем более что в том же, 764 г.х. в Сарае ал-Джедид чеканит монету марионетка Мамая Абдуллах [100]. Видимо, смещение Мюрида и воцарение Хайр-Пулада сопровождались вооруженной борьбой, внесшей раскол в ряды сарайской аристократии, чем и воспользовался Мамай, захватив столицу. Монет 765 г.х. (с 10.10.1363 по 27.9.1364 г.), чеканенных в Са-

[96] Там же, с. 147—148.
[97] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 85.
[98] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 133, 134, 136, 138, 139, 141, 142, 143, 146, 159.
[99] Там же, с. 134, 139, 141, 142, 148, 151, 159.
[100] Там же, с. 134, 136, 141, 148.

рае ал-Джедид, неизвестно; скорее всего это можно связать с борьбой между местной левобережной аристократией и Мамаем за столицу. Закончилась она отступлением Мамая на правый берег Волги и воцарением на сарайском троне в 1364 г. нового хана — Пулад-ходжи. Правил он очень недолго, так как монеты с его именем известны в небольшом количестве и относятся исключительно к 766 г.х. (с 28.9.1364 по 17.9.1365 г.[101]). Кратковременность правления Пулад-ходжи подтверждается и тем, что в том же, 766 г.х. в Сарае ал-Джедид и Гюлистане начинает выпускать монеты хан Азиз-шейх [102]. Имя этого хана приводится и в «Анониме Искендера» [103], что позволяет связывать его с династийной ветвью Кок-Орды. Экспедиции для захвата сарайского престола предпринимались с берегов Сырдарьи не один раз. Правившие в Кок-Орде Джучиды, видимо, прекрасно понимали, что захват власти Мамаем на всей территории Золотой Орды может при благоприятных условиях привести к смене правящей династии в этом государстве. Поэтому они всеми силами стремились укрепить своих представителей в Сарае ал-Джедид, всемерно помогая им в борьбе против Мамая. Однако в 70-х годах в Кок-Орде появились свои заботы, вызванные экспансионистской политикой Тимура. А в середине 70-х годов Кок-Ордой завладел Тохтамыш и помощь ее Сараю ал-Джедид прекратилась вообще [104].

Как уже говорилось выше, Азиз-шейх — последний сарайский хан, упомянутый в русской летописи в 1367 г. Согласно имеющимся монетам правление его приходится на 766—768 гг.х., т. е. в 1367 г. он лишился престола [105]. Вслед за ним только в одном 768 г.х. выпускал монеты хан Пулад-Тимур [106], причем на некоторых из них была помещена надпись «султан покойный Джанибек-хан» [107]. В том же, 768 г.х. чеканились монеты и от имени Джанибека II [108], возможно также принадлежавшие Пулад-

.....

[101] Там же, с. 139, 151, 155.
[102] Там же, с. 133, 143, 144, 146.
[103] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 130.
[104] Там же, т. 1, с. 391.
[105] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 147, 151, 157.
[106] Там же, с. 148.
[107] *Савельев П. С.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858, вып. II, с. 208.
[108] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 148.

Тимуру. В следующем, 769 г.х. (с 28.8.1367 по 15.8.1368 г.), судя по выпущенным здесь монетам Абдуллаха, Мамай вновь захватывает Сарай ал-Джедид на короткое время [109]. События, происходившие на левобережье Волги в начале 1370-х годов, во многом неясны, так как монет этого времени очень мало, письменные источники также скупы в его освещении. В 772—773 гг.х. (с 26.7.1370 по 2.7.1372 г.) в Сарае ал-Джедид, судя по монетам, правил Тулунбек [110]. В 1372 г. Мамаю вновь удается захватить столицу государства, о чем свидетельствуют монеты Мухаммед-Булака, чеканенные в Сарае ал-Джедид в 773 г.х. [111] (с 15.7.1371 по 2.7.1372 г.). Однако торжество Мамая было недолгим, так как правитель Хаджитархана Черкес «пошел на Мамая, победил его и отнял у него Сарай» [112]. Событие это скорее всего можно отнести к 1374 г., так как Черкес, судя по монетам, правил в Хаджитархане в 1374—1375 гг.[113] В результате под властью Черкеса оказалось левобережье Нижнего Поволжья от Хаджитархана до Сарая ал-Джедид. А. Н. Насонов предполагал, что его владения были более обширны, включая в них еще два улуса — Мохши и Хорезм. При этом он приводит сведения (без ссылки на источник) о монетах с именем Черкеса, чеканенных в этих центрах [114]. На основании этого делается вывод о том, что владения Черкеса врезались клином между русскими княжествами и Ордой Мамая, отделяя их друг от друга и одновременно отрезая сообщение последнего с территорией бывшей Волжской Булгарии [115]. По мысли Насонова, отделение русских земель от территории Мамая полосой владений соперничавшего с ним сарайского хана придало московскому правительству решимость в борьбе против южного соседа. Именно из такой ситуации Насонов выводил причину крутого поворота русской политики, принявшей в этот период открытую и острую антимамаевскую направленность [116]. Однако подобные построения нельзя считать правильными, так как данные

[109] *Савельев П. С.* Указ. соч., СПб., 1857, вып. I, с. 40.
[110] *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет, с. 186, 187.
[111] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 159.
[112] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 391.
[113] *Федоров-Давыдов Г. А.* Находки джучидских монет, с. 200.
[114] *Насонов А. Н.* Указ. соч., с. 131.
[115] Так как Мохши находился на территории современной Пензенской области у г. Наровчата.
[116] Там же.

Насонова о монетах Черкеса, выпускавшихся в Мохши и Хорезме, не подтверждаются никакими источниками. Кроме того, выше уже отмечалось, что сарайские ханы придерживались исключительно пассивной оборонительной позиции и даже не пытались организовать нападение на подвластное Мамаю правобережье Волги. К этому можно добавить, что положение самого Черкеса было чрезвычайно сложным и не позволяло ему даже помышлять о захвате находящихся за сотни километров улусов. Что касается Хорезма, то здесь в эти годы у власти находилась династия Суфи. Таким образом, причины «розмирия», происшедшего в 1374 г. у Дмитрия Ивановича с Мамаем, коренятся не в каких-то территориальных и пограничных изменениях, что будет рассмотрено ниже.

После изгнания Мамая с левобережья Волги здесь с новой силой разгорается междоусобная вражда. В крупном городе Сарайчике (на р. Урал), занимавшем ключевую позицию в начале торгового пути из Золотой Орды в Хорезм, Иран, Монголию, Китай и Индию, идет борьба между Ильбаном и Алп-ходжой, которые в 1373—1374 гг. чеканят здесь монеты [117]. На Хаджитархан, находившийся под властью Черкеса, было совершено неудачное нападение из Кок-Орды. Затем против Черкеса выступил Айбек-хан, которому удалось захватить столицу и некоторое время удерживаться на престоле [118]. Возможно, что этому сообщению восточных летописей соответствуют монеты Каганбека, выпускавшиеся в Сарае ал-Джедид в 1375 г. [119] В это время в борьбу за золотоордынский престол впервые вмешивается Тохтамыш, пришедший на берега Волги из Кок-Орды. Ему удается захватить Сарай ал-Джедид и удерживать его около двух лет. Основанием для такого утверждения служат чеканившиеся здесь в 777—779 гг.х. (с 2.6.1375 по 29.4.1378 г.) монеты с именем Тохтамыша [120]. Однако окончательно укрепиться в столице Золотой Орды ему не удалось, и он был вынужден на какое-то время уступить власть Арабшаху. Монеты последнего известны лишь от 779 г.х. (с 10.5. 1377 по 29.4.1378 г.) и в небольшом количестве [121]. Вре-

.....

[117] *Марков А. К.* Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, с. 477.
[118] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 1, с. 391.
[119] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 155, 157.
[120] *Марков А. К.* Указ. соч., с. 479.
[121] Там же, с. 477.

менно отступивший Тохтамыш на протяжении 1379 г. собирает силы для нового удара, который последовал весной или летом 1380 г. На этот раз он окончательно захватил не только Сарай ал-Джедид, но и первую золотоордынскую столицу — Сарай ал-Махруса (известную также под именем Старого Сарая, ныне городище Селитренное в Астраханской области), а также Сарайчик и Хаджитархан, т. е. практически все области, располагавшиеся восточнее Волги. Явно руководствуясь достижением определенных внутриполитических выгод, среди которых не последняя роль отводилась укреплению авторитета собственной власти, новый хан организует во всех этих городах чеканку монет от своего имени, на которых стоит дата 782 г.х.[122] (с 7.4.1380 по 27.3.1381 г.). Несколько иная точка зрения на события, происходившие в районе левобережья Волги в конце 70-х годов, высказана Ю. К. Бегуновым[123]. По его мнению, Тохтамыш захватил Сарай ал-Джедид лишь весной 1381 г. При обосновании этой даты Бегунов некритически подошел к сообщениям некоторых восточных источников, использовал во многом устаревшие зарубежные исследования и не привлек данных нумизматики. Публикации многочисленных монет Тохтамыша не оставляют сомнений, что его вторичное появление на Волге относится к весне или лету 1380 г. На эту же дату утверждения Тохтамыша на золотоордынском престоле косвенно указывает сообщение Новгородской IV летописи. Под 1382 г. здесь говорится: «Бысть в 3-ее лето царства Тахтамышева, царствующоу емоу в Орде в Сараи»[124], т. е. первым годом правления Тохтамыша являлся 1380-й. Наконец, восточные источники сообщают, что зиму 1379/80 г. Тохтамыш пробыл в столице Кок-Орды Сыгнаке на р. Сырдарье и, «когда наступила весна, привел в порядок войско и завоевал государство и область Мамака»[125].

Для Мамая 1360-е годы прошли под знаком незатихающей борьбы против Сарая ал-Джедид за верховную власть в государстве. Результаты этой борьбы явно не удовлетворяли ни одну из сторон. Одновременно с этим

[122] Там же, с. 480.

[123] *Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 479.

[124] ПСРЛ. Л., 1925, т. IV, вып. 1, ч. 2, с. 326—327.

[125] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 109.

Мамай сумел ликвидировать более мелких соперников в районах западнее Волги и стал здесь единоличным хозяином. Постоянную напряженность внутриполитической жизни Золотой Орды этого периода характеризует и тот факт, что Мамай с 1361 по 1373 г. ни разу не пытался организовать военных акций против Руси, предпочитая действовать исключительно с помощью послов [126]. Московский князь успешно использовал такую ситуацию для упрочения своего положения, причем не последнюю роль в этом играли «многы дары и великы посулы» [127] самому беклярибеку и его окружению. Однако в 70-х годах положение резко изменилось и отношения между Мамаем и Русью заметно обострились. Нападение мамаевой рати на Рязань в 1373 г. заставило насторожиться московского князя, устроившего мощный заслон на Оке возможному дальнейшему продвижению противника [128]. А в следующем году у Дмитрия Ивановича произошло «розмирие с тотары и с Мамаем» [129]. В отношениях между Дмитрием Ивановичем и Мамаем до лета 1374 г. не было каких-либо серьезных конфликтов, которые, постепенно назревая, могли бы привести к резкому и неожиданному разрыву. Наоборот, московского князя вполне устраивала сложившаяся в 60-е годы практика отношений с Мамаем, которые сохраняли видимость мирных и даже дружелюбных, поддерживаясь поездками в Орду и поднесением даров. Возникновению такого статус-кво способствовала не только умелая русская дипломатия, но и занятость Мамая безуспешными попытками объединения расколотого государства под своей властью. Подобное положение вещей было явно на руку русским, и поэтому сам московский князь был всецело заинтересован в его возможно более долгом сохранении, а не в переходе к открытой конфронтации. В данном случае причиной возникновения «розмирия» могли стать только какие-то требования Мамая, которые Дмитрий Иванович не мог и не хотел принять. Нужно особо отметить, что 1374 год был крайне неблагоприятным для Мамая. Во-первых, под натиском Черкеса он потерпел поражение и в третий раз был

[126] В этот период было совершено два нападения на русские земли, но они не связаны с Ордой Мамая: в 1365 г.— Тагай и в 1367 г.— Булак-Тимур.
[127] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 96.
[128] Там же, стб. 104.
[129] Там же, стб. 106.

вынужден отказаться от обладания Сараем ал-Джедид, отступив на правобережье Волги. Во-вторых, засушливое лето привело к возникновению в степях «мора» на людей и скот [130]. В такой ситуации Мамай мог обратиться к Дмитрию Ивановичу с категорическим приказом об уплате большого «выхода» или оказании военной помощи в борьбе за захват золотоордынской столицы. Отказ великого князя и мог стать причиной «розмирия». Этот жизненно важный для Руси шаг потребовал внутренней консолидации всех сил и поддержки нового политического курса Москвы другими князьями. Крестины родившегося сына дали Дмитрию Ивановичу повод для организации съезда князей и бояр в Переяславле [131], настоящая причина которого заключалась в создании единого фронта против Мамая в новой ситуации. 1374 год явился прологом Куликовской битвы: именно с этого момента стало ясно, что неизбежность крупного столкновения Мамая с Русью — только дело времени.

Вышеизложенные причины «розмирия» подтверждаются и дальнейшими дипломатическими действиями Мамая. Сразу же после конфликта с московским князем Мамай направляет значительное по составу посольство (более тысячи человек) в Нижний Новгород. О цели этой миссии, во главе которой стоял Сары-ака (русск. Сарайка), сомневаться не приходится: Мамай хотел наказать Дмитрия Ивановича за неповиновение, лишив его великого княжения, и выдать ярлык на владимирский стол Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Однако тесть московского князя не пожелал вновь начинать такую же опасную игру, которую он пытался вести в 1362—1364 гг. (см. выше). В результате сопровождавший посольство отряд был перебит, а Сары-ака арестован [132], ибо судьбу такого важного лица должен был решать сам великий князь. Узнав о провале своего замысла, Мамай снаряжает второе посольство с той же целью, но теперь к тверскому князю Михаилу Александровичу. Он не заставил себя долго уговаривать и принял ярлык на великое княжение [133]. В результате Мамай достиг желанной цели: Дмитрий Московский формально был лишен великокня-

[130] Там же, т. XI, с. 21.
[131] Там же, т. XV, вып. 1, стб. 108.
[132] Там же, стб. 106.
[133] Там же, стб. 109—110.

жеского стола, что, естественно, вызвало военный конфликт между ним и Тверью.

Вопросу «розмирия» полностью посвящена одна из глав исследования Г. М. Прохорова [134], в которой, как это ни странно, сам факт конфликта Дмитрия Ивановича с Мамаем и его причины совершенно не освещены. Автор вместо этого обстоятельно описывает и обильно комментирует мелкие и второстепенные детали, явно забывая о подзаголовке книги, обещающем показать читателю Русь в эпоху Куликовской битвы. В ряде случаев его оценка широко известных исторических фактов просто вызывает недоумение. Сепаратистское выступление крупного золотоордынского феодала XIII в. Ногая, не имевшее абсолютно ничего общего с борьбой половцев против монголо-татарского гнета, превращено в «первую попытку обрести самостоятельность» кипчаками-половцами [135]. Судя по дальнейшему контексту, второй такой попыткой Прохоров считает действия Мамая, причем происходило это, по представлению автора, не в Золотой Орде (Улусе Джучи), а в Половецкой степи. Между тем даже древнерусские летописцы отлично знали, что Половецкая степь перестала быть таковой еще в 1237 г. после разгрома Бачмана и с тех пор на ее месте существовало мощное государство, известное в XIV в. под названием «Орда». Не вдаваясь в объяснения, автор считает послов Мамая «потенциальными баскаками», выводя отсюда причину избиения посольства, хотя институт баскачества в это время уже не существовал. Из текста следующей главы становится ясным, что Прохоров несколько странно трактует причину «розмирия», сообщая, что принятие тверским князем Михаилом ярлыка на владимирский стол спасло Мамая [136]. От чего именно спасло, автор не уточняет, читателю же решить этот вопрос довольно трудно, поскольку Дмитрий Иванович сам «стережется» Мамая, сарайские ханы на владения мятежного беклярибека нападать не собираются, ибо заняты собственными сварами, а до появления Тохтамыша остается не менее пяти лет.

С 1374 г. события начинают приобретать все более напряженный характер, причем Дмитрия Ивановича явно

[134] *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе; Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 23—31.
[135] Там же, с. 24.
[136] Там же, с. 38.

не пугает возможный крупный конфликт, больше того, он сознает его неизбежность и готовится к нему. Об этом можно судить хотя бы по тому, что московский князь не придерживается позиции пассивного ожидания, а переходит к активной обороне, основу которой составляет недопущение врага на свою территорию (в 1376 г. он снова «ходил на Оку, стерегася рати татарское» [137]).

Имеющиеся источники не содержат сведений о событиях, происходивших в 70-х годах в самой Орде Мамая, уделяя все внимание его конфронтации с Русью. Данные нумизматики позволяют говорить лишь о том, что состоявший при Мамае марионеточный хан Абдуллах последние монеты чеканил в 770 г.х.[138] (с 16.8.1368 по 4.8. 1369 г.). Это соответствует сообщению Рогожского летописца о том, что в 1370 г. «Мамай у себе в Орде посадил царя другаго Мамат Солтан» [139]. На монетах имя очередного марионеточного хана писалось Мухаммед-Булак; наиболее ранняя из них выпущена в «Орде» в 770 г.х.[140], т. е. скорее всего в 1369 г. Позже 777 г.х. (с 2.6.1375 по 20.5.1376 г.) монет с именем этого хана больше не чеканится [141], что, несомненно, свидетельствует о конце карьеры второй марионетки Мамая. В вопросе о том, кто занимал место хана после Мухаммед-Булака, есть некоторые неясности. В летописи отсутствуют какие-либо имена ханов, состоящих при Мамае. Правда, в Рогожском летописце под 1378 г. говорится о таком хане без приведения его имени: «прибегоша в Орду к своему царю, паче же к пославшему Мамаю, понеже царь их, иже в то время имеяху оу себе, не владеяше ничим же и не смеаше ничто же сотворити пред Мамаем» [142]. Однако настораживает то, что до настоящего времени не найдено монет с именами каких-либо ханов, чеканенных после Мухаммед-Булака в Орде Мамая. Единственным источником, упоминающим имя очередного хана при Мамае, являются ханские ярлыки, выданные русским митрополитам [143]. Один из ярлыков выдан от имени хана Тулун-

[137] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 116.
[138] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 143, 144, 146, 151, 157.
[139] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 92.
[140] *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет, с. 151, 163.
[141] Там же, с. 146, 151, 155.
[142] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 135.
[143] *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842; *Приселков М. Д.*

бека, судя по тексту, приходившегося племянником Мамаю. Хан с таким же именем правил в Сарае ал-Джедид в 1370—1372 гг., но каких-либо данных о том, что это — одно и то же лицо, в источниках не содержится. Не найдено до сих пор и монет с именем этого хана, выпускавшихся на правобережье Волги во владениях Мамая. Остается неизвестным, когда Тулунбек занял место хана при Мамае, возможно сразу же после Мухаммед-Булака. Имя его упоминается только в ярлыке, датированном 1379 г.[144] После этой даты никаких намеков на то, что при Мамае находился хан, в источниках не содержится. При описании Куликовской битвы сообщается, что Мамай наблюдал за ее ходом с несколькими знатнейшими князьями [145], но о присутствии среди них хана ничего не говорится. В связи с этим не исключено, что с 1380 г. Мамай начал править от своего имени, не прикрываясь больше подставными ханами. Это предположение подтверждается крайне интересным сообщением Никоновской летописи о перемене официального титула Мамая: «и не к тому уже нарицашеся князь Мамай, но от всех сущих его нарицашеся великий царь Мамай» [146]. Учитывая явное и давнее стремление Мамая к ханскому титулу, а также отсутствие при нем в это время марионеточных правителей, нет каких-либо серьезных причин подвергать сомнению приведенное сообщение. При этом характерно, что составители русских летописных сводов (например, Симеоновской летописи, Рогожского летописца) упорно продолжают титуловать Мамая князем. На страницах же Новгородской IV летописи с сарказмом говорится, что Мамай «разгордевся, мнев себя аки царя» [147]. В дальнейшем изложении ее составители прибегают к памфлетному приему, характеризуя бекларибека как «поганого царя Теляка, нареченного плотнаго дьявола Мамаа» [148]. Соединение царского титула с оскорбитель-

Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916; *Зимин А. А.* Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.— В кн.: Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.

[144] *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 107.

[145] ПСРЛ, т. XI, с. 59; Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 194.

[146] ПСРЛ, т. XI, с. 47.

[147] Там же. Пг., 1915, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 311.

[148] Там же, с. 319.

ным для Мамая прозвищем Теляк («заика», «бормотун» [149]) можно расценивать как своеобразную политическую сатиру.

В 1373—1378 гг. ареной постоянных стычек с отрядами Мамая становятся земли Рязанского и Нижегородского княжеств. Особую активность монголо-татары проявляют в районе Запьянья. Это объясняется тем, что здесь их отряды могли скрытно подходить к русским рубежам, пользуясь благорасположением мордовских феодалов. С их помощью в 1377 г. на р. Пьяне была устроена настоящая резня потерявших бдительность русских отрядов, вслед за которой последовало взятие Нижнего Новгорода [150]. Зимой того же года русские князья предприняли ответный поход на мордовские владения и «всю землю их пусту сотвориша» [151]. Это была крупная военная акция оборонного характера, проведенная в зоне непосредственного влияния Мамая, что, безусловно, задевало его интересы. Для ответного удара в 1378 г. на Русь направляется большая рать под предводительством Бегича. Хорошо поставленная разведка позволила Дмитрию Ивановичу не только серьезно подготовиться, но и не допустить неприятеля в пределы Московского княжества. Битва произошла на рязанской территории у р. Вожи [152] и кончилась полным разгромом Бегича. Это поражение нанесло скандальный урон престижу Золотой Орды и привело Мамая в такую ярость, что он немедленно, «собрав остаточную силу свою и совокупив воя многы, пои-

[149] Прозвище это скорее всего связано с присущим речи Мамая физическим недостатком. В известной характеристике Мамая говорится: «възрастом средней человек, а разумом, господине, не вельми тверд, в речи не памятлив (возможно, «не понятлив».— *В. Е.*), но город вельми» (Повести о Куликовской битве, с. 116). О значении слова «теляк» (в Никоновской летописи «тетяк» — ПСРЛ, т. XI, с. 64) см.: *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905, т. 3, стб. 1263, 1282.

[150] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 118—119. А. Ю. Якубовский ошибочно считал, что в столкновении на Пьяне участвовал царевич Арапша (*Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 288). Вслед за ним эту ошибку повторили М. Н. Тихомиров (Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве, с. 343) и И. Б. Греков (Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 91). Что же касается Арапши, то он находился во время битвы на Пьяне у р. Волчьи воды и лишь несколько позднее напал на Засурье и пограбил его (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 119).

[151] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 120.

[152] Там же, стб. 134.

де ратию вборзе без вести изгоном на Рязаньскую землю» [153]. Нападение было организовано явно на скорую руку и основная цель его — сгладить психологическую тяжесть впечатления от битвы на Воже — в определенной степени Мамаем была достигнута. Взятие Переяславля, угон большого числа пленных и разнузданный грабеж Рязанской земли — все это несколько поддержало авторитет беклярибека среди соплеменников. Однако Мамай и не помышлял во время этого нападения взять реванш у московского князя. Политический и военный опыт Мамая позволил ему безошибочно оценить мощь Дмитрия Ивановича и начать всестороннюю военную и дипломатическую подготовку для решающего удара по окончательно вышедшей из повиновения Москве.

Мамай не мог не знать о событиях, происходивших на левобережье Волги, и о появлении здесь нового сильного соперника, имевшего к тому же юридические права на золотоордынский престол, ибо он принадлежал к роду Чингизидов. Последнее обстоятельство низводило Мамая до роли обычного, хотя и довольно удачливого, узурпатора, нарушившего освященный именем Чингисхана основной принцип наследования престола во всех монгольских государствах. Все это, несомненно, подстегивало его замыслы скорейшего приведения Руси к полной покорности. Появившийся в Сарае ал-Джедид сильный хан мог заявить о своих правах сюзерена на все земли мамаевой Орды, ранее подвластные Чингизидам, и попытаться привлечь московского князя в качестве временного союзника в борьбе против Мамая. Недавние события 60-х годов, когда Мамай соперничал с сарайскими ханами за власть над русскими землями, напоминали, что подобная угроза могла обернуться реальностью в самое ближайшее время. Вторичное появление и явный успех Тохтамыша в борьбе против сепаратистов левобережья должны были поторопить Мамая. Выступать против Чингизида в такой ситуации было бы несомненным просчетом. За многие годы это был первый хан, юридические права которого на сарайский престол в глазах современников были неоспоримы. Кочевое и оседлое население присарайских областей, измотанное бесконечными усобицами, отнеслось к нему явно благосклонно. В дополнение к этому за спиной Тохтамыша стоял Тимур, считавший честью для се-

[153] Там же, стб. 135.

бя оказать помощь настоящему Чингизиду. Поход же на Москву, в результате которого Мамай не сомневался, ибо успел провести успешную военную и дипломатическую подготовку, сулил многое. Победа над Дмитрием Ивановичем укрепляла авторитет беклярибека в Орде, давая ему моральное право на присвоение желанного ханского титула. Она приносила столь необходимые в борьбе против Тохтамыша деньги. Она позволяла требовать от русских князей участия в дальнейших военных предприятиях Мамая. Она, наконец, надолго могла лишить русских князей моральных и физических сил в дальнейшей борьбе против монголо-татарского гнета. Мало ли какие еще внутригосударственные и внешнеполитические выгоды предполагал извлечь Мамай из этого похода.

Подготовка к решительной схватке с московским князем началась непосредственно после осени 1378 г., когда крупная по численности рать Бегича потерпела поражение на Воже. В течение 1379 г. и первой половины 1380 г. Мамай, судя по всему, принял энергичные меры для пополнения своей армии. Дипломатические переговоры и щедрые посулы позволяли надеяться на участие в кампании отрядов литовского князя Ягайлы. Политика угроз и запугивания фактически сделала рязанского князя Олега также союзником Мамая. Однако ситуация, сложившаяся непосредственно перед битвой, явно была на руку Олегу, позволяя ему играть роль выжидающего в стороне наблюдателя. Этому способствовало перенесение театра военных действий на золотоордынскую территорию, отрезавшее рязанского князя от сил Мамая. Если бы армия Мамая появилась на территории Рязанского княжества, то полки Олега, несомненно, пополнили бы ее. Но пока этого не произошло, Олег предпочитал вести двойную игру: с одной стороны, он боялся Мамая, с другой — понимал, что спокойствие его приграничного княжества будет гарантировано только после разгрома южного соседа.

Летописные сообщения о составе армии Мамая перечисляют в ее рядах всех ордынских князей, а также дополнительно нанятые рати: «Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Боуртасы» [154]. Кто в этом списке понимается под бесерменами, трудно сказать, ибо в летописях этим термином обозначаются мусульмане

[154] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 311.

вообще [155]. Однако не исключено, что летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, навербованным в Азербайджане, связи которого с Золотой Ордой имели давний характер. Такой же отряд наемников был приглашен из Армении. В среде армянских феодалов, видимо, было довольно распространено наемничество, что подтверждает наличие у сельджуков наемного войска из армян [156]. Под именем летописных фрязов фигурируют отряды итальянских городов-колоний южного берега Крыма и Таны в устье Дона. Эти города были связаны с Золотой Ордой традиционными договорами о военной помощи, в обмен на которую итальянским колонистам и купцам гарантировались безопасность и свобода торговли [157]. Таким образом, их отряды не были наемниками в полном смысле этого слова, а обязаны были выступать, соблюдая существующую договоренность. Присланные генуэзцами силы не могли быть очень большими, так как содержавшиеся в городах-колониях итальянские гарнизоны были численно незначительны [158]. Жившие на Северном Кавказе черкесы и ясы (осетины), а также средневолжские буртасы находились в полной вассальной зависимости от правителей Золотой Орды, так как районы их расселения составляли часть территории этого государства.

Основная масса собранного Мамаем войска состояла из рядового кочевого населения, сформированного в отряды легкой, подвижной кавалерии, привыкшей действовать в степных условиях. Наемные полки, несомненно, не имели здесь решающего значения, так как численность их была невелика, хотя, конечно, нужно отметить их хорошую военную выучку и опыт. Определение общей численности армии Мамая довольно затруднительно и может быть сделано лишь косвенным путем. Например, для сравнения укажем данные об армии Тохтамыша, собранной им в 1385 г. для похода на Тебриз. Современник оха-

[155] Там же, с. 305.

[156] *Гусейнов Р.* Сельджукская военная организация.— В кн.: Палестинский сборник. Л., 1967, вып. 17(80), с. 132.

[157] *Юргевич В.* О монетах генуэзских, находимых в России.— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса, 1872, т. 8, с. 151.

[158] *Зевакин Е. С., Пенчко Н. А.* Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в.— Исторические записки. М., 1940, т. 7, с. 4; *Секиринский С. А.* Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955, с. 35.

рактеризовал ее как «огромное войско около 9 туманов»[159], т. е. 90 тыс. человек. При этом нужно учесть, что Тохтамыш мог набирать воинов с объединенной территории государства, Мамай же — лишь с областей западнее Волги. В связи с этим можно предположить, что под флагами Мамая в Куликовской битве участвовало 50—60 тыс. человек.

После поражения Мамай «не во мнозе утече с Донъского побоища и прибеже в свою землю в мале дружине»[160]. В ярости от столь неожиданной и позорной неудачи он пытался немедленно собрать силы для организации нового, внезапного («изгоном») похода на Русь[161]. Ему даже удалось сколотить какое-то войско, но сражаться пришлось не с московским князем, а с новым претендентом на золотоордынский трон Тохтамышем. К осени 1380 г. Тохтамыш, обладавший явно бо́льшими полководческими дарованиями, чем Мамай, завладел уже всем левобережьем Волги. Опираясь на этот плацдарм, он переправился на правый берег во владения Мамая и встретился с его отрядом на р. Калке. Сражение, видимо, не состоялось, так как соратники Мамая «сшедше с коней своих и биша челом царю Тохтамышу и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту (присягу.— *В. Е.*), и яшася за него, а Мамая оставиша»[162]. В панике бежавший Мамай был настигнут посланной погоней Тохтамыша и убит. На золотоордынский престол взошел молодой, энергичный и честолюбивый хан, быстро восстановивший единство государства. Однако сразу же после победы над соперником, еще не будучи окончательно уверенным в своих силах, Тохтамыш шлет послов к Дмитрию Ивановичу, льстиво сообщая, что он победил не только своего противника, но и врага Руси[163]. Этим самым новый хан пытался внушить русским князьям мысль о своем добрососедском отношении к ним. Немного времени спустя стало ясно, что это всего лишь хитрый дипломатический ход и золотоордынская политика по отношению к Руси не претерпела никаких изменений.

---

[159] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., т. 2, с. 109. Ср. вывод Б. Ц. Урланиса о том, что потери русской армии в этой битве составили около 10 тыс. человек (*Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960, с. 38—39).

[160] ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 141.

[161] Там же.

[162] Там же.

[163] Там же.

Л. Г. Бескровный

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

I. Северо-Восточная Русь и ее вооруженные силы

Со второй половины века началось возвышение Москвы и ее превращение в главный политический центр Северо-Восточной Руси. Этот этап роста политического могущества Московского княжества связан с деятельностью великого князя Дмитрия Ивановича, который понимал необходимость объединения усилий русских княжеств для достижения национальной свободы и независимости. Важнейшим орудием для достижения этой цели являются вооруженные силы.

Феодальная армия Северо-Восточной Руси XIV в. включала великокняжеские дружины, дружины вассальных князей, городовые полки и сельское ополчение.

Постоянным ядром войска являлся великокняжеский отряд, включавший старшую и молодшую дружины. Обе дружины составлялись только из свободных людей, имевших земельные владения, и своих слуг. Городовое и сельское ополчения созывались на случай войны. В сельское ополчение входили крестьяне [1].

Войско подразделялось на конницу и пехоту. Преобладающим родом войска на Руси издавна была конница, позволяющая быстро преодолевать значительные расстояния и действовать сосредоточенными силами. Ф. Энгельс справедливо отметил, что «в течение всего средневековья кавалерия оставалась главным родом войск во всех армиях» [2]. Однако преобладание конницы над пехотой было скорее не количественное, а качественное. Каждый феодал должен был выставлять вооруженный отряд, состоявший при великокняжеском дворе, и отряды, формируемые на случай войны. В великокняжеский отряд

[1] *Михневич Н. П.* Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе. СПб., 1898, с. 9—10.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 14, с. 304.

входили «бояре и дети боярские и все их вои». Крупное значение в рассматриваемый период получила пехота («пешцы»). В условиях Руси пехота играла роль самостоятельного рода войск, в то время как в западных странах она была лишь придатком к коннице.

На вооружении русского войска состояло оружие дальнего и ближнего боя. К первому типу относились луки со стрелами, самострелы (арбалеты) и рогатки. Это оружие было способно поражать противника на расстоянии от 50 до 100 шагов. Ко второму типу относились короткие и длинные копья, мечи, сабли, топоры, сулицы (дротики), палицы, кинжалы, бердыши, шестоперы и засапожные ножи. Это вооружение предназначалось для ближнего боя на коротких дистанциях и для рукопашных схваток.

Кроме того, на вооружении находились предохранительные, или защитные, средства — деревянные и металлические щиты, шлемы, кольчуги, латы и наколенники. Как правило, кольчуги, латы и наколенники надевались перед боем. Во время переходов защитное вооружение транспортировалось на повозках, следовавших за каждым полком [3].

Конные дружинники имели из защитного вооружения металлические щиты, шлемы, латы и наколенники и были вооружены луками, копьями, мечами или саблями, бердышами и шестоперами. Пехота же вооружалась деревянными щитами, обтянутыми кожей, кольчугами, шлемами, луками и оружием ближнего боя — копьями и мечами. Нередко простые воины приходили с топорами и дубинами.

Кроме легкого ручного оружия, использовалось тяжелое оружие, предназначенное для обороны и осады крепостей. В этих целях применялись камнеметные и стенобитные машины.

Во второй половине XIV в. появляется также огнестрельное оружие (пищали и пушки), но оно еще не получило широкого распространения. Таким образом, вооружение русского войска стояло на высоком уровне и не уступало средствам борьбы противника.

Вооружение определяло тактическую организацию войска. В XIV в. она имела пятичленный походный и боевой порядок. Походный порядок включал пять полков

[3] *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

непостоянной величины: Сторожевой, Передовой, Большой, Правой и Левой руки. Иногда выделялся резервный полк, прикрывавший войско с тыла во время движения. От Сторожевого полка в стороны выдвигались отдельные отряды для разведки. В походе войско обеспечивалось продовольствием, которое имел при себе каждый воин, а также получало из запасов, сосредоточенных в укрепленных пунктах по направлению движения войска. Специального обоза с продовольствием войско не имело.

Для ведения боя войско принимало боевой порядок. Он варьировался от одной до трех линий. При построении в одну линию центр боевого порядка занимал Большой полк, на флангах которого располагались полки Правой и Левой руки. Для крупного сражения войска строились в три линии: передовую линию составляли Сторожевой и Передовой полки, главную линию — Большой полк, а также полки Правой и Левой руки, в третью линию входил резервный полк, формируемый перед сражением. Он выполнял функции подвижного резерва. Как правило, центр боевого порядка занимала пехота, подразделявшаяся на сотни и десятки.

В боевом порядке пехота действовала сомкнутым строем глубиной в 15—20 рядов. При этом учитывалось наличное вооружение. Главную массу составляли копейщики — они-то и осуществляли «сступ» с противником. Лучники выводились в отдельные отряды и располагались либо впереди Большого полка, либо на флангах копейщиков в зависимости от обстановки и характера местности. Кавалерия сосредоточивалась на флангах.

В тактическом отношении отряды подразделялись на «копья», но в отличие от рыцарской организации, принятой на Западе, где действующей единицей в «копье» был рыцарь, которого обслуживали его слуги, русское «копье» представляло собой звено, в котором все воины принимали активное участие в бою.

Управление боем осуществлялось посредством знамен и труб. Каждый полк имел свое знамя. Великокняжеский стяг располагался в центре Большого полка. Деление на полки обеспечивало управление войском и делало его подвижным.

Таким образом, ко второй половине XIV в. русское войско в тактическом отношении прошло путь от одночленной «стенки», принятой в древнерусском войске, к пятичленному боевому порядку, обеспечивающему глу-

бокое построение и возможность активного маневра в открытом поле [4]. Такая организация требовала единства действий и единого командования. Она исключала возможность проявления сепаратизма действий отдельных войсковых частей.

Важную роль в военном деле выполняли крепостные сооружения. Они подразделялись на две категории. Для охраны границ строились небольшие земляные и деревянные укрепления, от которых высылались вперед и в стороны сторбжи (сторожевые отряды), наблюдавшие за приграничными районами.

Более сложной была система обороны важнейших центров княжества. Для защиты города строился Кремль, представлявший довольно мощное крепостное сооружение (деревянное или каменное). Так, для обороны Москвы Дмитрий Иванович приступил в 1366 г. к постройке каменного Кремля: «Князь великий Дмитрий Иванович, погдав с братом своим с Володимером Андреевичем замыслиша ставити город Москву камен, и еже усмыслиша, то и сътвориша» [5]. В тревожной обстановке крепость «начаша делат беспристани» [6].

Сооружение Кремля имело не только оборонное, но и военно-политическое значение. Летописец отметил, что благодаря постройке каменного Кремля князь Дмитрий Иванович «всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле ево, а на тех нача посегати» [7]. Готовясь к борьбе с Ордой, Дмитрий Иванович обратил особое внимание на строительство пограничных крепостей. На юге в 1374 г. князь Владимир Андреевич заложил «град Серпохов» и укрепил Коломну, перешедшую во владение Московского княжества. Одновременно был укреплен Голутвин монастырь. Чтобы обезопасить тыл с севера, он «заложи град Переславль, единого лета и срублен бысть» [8].

Крупную роль в обороне Северо-Восточной Руси играли монастыри. Каменная кладка стен превращала их в значительные оборонительные сооружения. В последней

[4] *Рыбаков Б. А.* Военное дело: (стратегия и тактика).— В кн.: История культуры древней Руси. М., 1948; *Строков А. А.* Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М., 1949.
[5] ПСРЛ. СПб., 1859, т. VIII (Продолжение летописи по Воскресенскому списку), с. 14.
[6] Там же. Пг., 1922, т. XV, вып. 1, с. 84.
[7] Там же. Пг., 1921, т. XXIV (Типографская летопись), с. 130.
[8] Там же. Л., 1925, т. V, вып. 1 (Софийская I летопись), с. 18.

четверти XIV в. на окраине Москвы были построены Сретенский, Рождественский и Петровский монастыри [9]. Сама Москва в это время размещалась в пределах Бульварного кольца. Проживало в Москве от 30 до 40 тыс. человек [10]. Крепости строились также в Твери (1369—1373 гг.) [11], Новгороде (1384 г.), где в 1391 г. были подготовлены костры каменные по обе стороны острога [12], Пскове (1380 г.), где была заложена новая каменная стена «по старой стенки» [13], Порхове (1387 г.), Луге (1384 г.) и других городах. В целом строительство крепостей достигло в этот период высокого уровня. В крепостях располагались кузнечные и оружейные мастерские, изготовлявшие вооружение для пехоты и конницы. По заказу князя оружие изготовлялось и про запас. Оно выдавалось воинам на время войны.

II. Накануне Куликовской битвы

Во второй половине 70-х годов XIV в. политическая обстановка в Восточной Европе сильно осложнилась. На политической арене выступало несколько группировок, добивавшихся решения своих политических задач. На западе действовала Литва. Она вела на севере борьбу с Ливонским орденом, стремившимся включить литовские земли в свой состав, но главным своим противником Литва считала Московское княжество, за счет земель которого она стремилась увеличить свои владения на востоке. Литовские правители поддерживали сепаратистские устремления Тверского княжества и заключили с Тверью военно-политический союз. Поскольку даже при наличии этого союза сил для сокрушения Москвы недоставало, Литва стремилась к заключению союза также с Золотой Ордой, с которой граничила на юго-востоке.

Вторую группировку возглавляло Тверское княжество, претендующее на главенство в Северо-Восточной Руси. Своего главного противника Тверь видела в Москве.

[9] *Косточкин В. В.* Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI в. М., 1962.

[10] *Рабинович М. Г.* Облик Москвы в XIII—XV вв.— Вопросы истории, 1977, № 11.

[11] ПСРЛ. СПб., 1897, т. XI (Никоновская летопись), с. 12.

[12] Там же. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. 2 (Новгородская IV летопись), с. 370.

[13] Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 23.

Стремясь к утверждению господства, тверские правители добивались установления военно-политического союза с Литвой и Ордой. Складывание такого союза представляло серьезную угрозу существованию Московского княжества.

Наконец, третью группировку составлял союз русских княжеств под главенством Москвы. Московское княжество выступает во второй половине XIV в. как главная объединительная сила на этом пути. Оно должно было вести борьбу с Тверским княжеством, а также с Литвой и Ордой.

В середине 70-х годов XIV в. особенно обострились противоречия между Московским княжеством и Тверью. Соперники Москвы указывали хану на опасность дальнейшего роста силы Московского княжества. Мамай передал ярлык на великое княжение тверскому князю Михаилу. Московский князь Дмитрий усмотрел в этом ущемление своих прав и обратился за помощью к другим княжествам. Собрав войска от 17 княжеств, он смело и решительно повел наступление на Тверь и вынудил в 1375 г. князя Михаила подписать договор, по которому Москве отдавалось руководство делами объединения русских княжеств в борьбе с Золотой Ордой. Тверской князь обязался не искать более великого княжения и во всех случаях выступать вместе с московским князем. «Если татары пойдут против нас или против тебя, то битися нам с тобою заодно против них; если мы пойдем против них, то нам с тобою заодно пойти против них» [14]. Таким образом, выступление князя Дмитрия Ивановича против Твери было сознательным шагом, направленным на объединение русских сил для предстоящей борьбы с Золотой Ордой.

Попытка литовского князя Ольгерда оказать помощь своему тестю князю Михаилу Тверскому не увенчалась успехом. Литовская рать «побегоша назад», не приняв боя с объединенным русским войском. Во время тверского похода рязанские князья выступали на стороне Дмитрия Ивановича. Такой же позиции держались нижегородские князья. Все они выступали против сепаратистских устремлений Твери.

Окончание борьбы с Тверью и объединение русских княжеств вокруг Москвы свидетельствовали о том, что

[14] ПСРЛ. СПб., 1663, т. XV (Тверская летопись), стб. 110—111.

феодальной раздробленности приходит конец и начинается процесс объединения русских земель в единое государство.

Действия московского князя и его союзников немедленно получили отклик в Золотой Орде. В том же, 1375 г. Мамай направил Орду под Нижний Новгород и потребовал от князя ответа: «почто естя ходили ратью на великого князя Михаила Тверского?». Попытка нижегородского князя откупиться не привела к успеху. Руководители Орды добивались ослабления русских княжеств. Именно поэтому они разорили Нижегородское княжество «и с многим полоном возвратишася в Орду». Подверглось нападению и Новосильское княжество, в результате чего Орда «Новосильскую землю всю пусту сътвориша» [15]. Ожидая нападения на Москву, князь Дмитрий ходил в 1376 г. «за Оку реку, стерегася рати татарскиа от Мамая» [16].

Князь Дмитрий не ограничился наблюдением за действиями Орды на ханской границе. В том же, 1376 г. московские войска под командой князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского действовали в Среднем Поволжье и добились перехода части волжских татарских и болгарских феодалов на службу Москве.

В 1377 г. Мамай, укрепивший свое положение в Орде, предпринял новый поход на Нижний Новгород. Туда было направлено золотоордынское войско под командованием перебежавшего из Синей в Золотую Орду царевича Араб-шаха (Арапши). На помощь Нижнему Новгороду Дмитрий Иванович направился с довольно большим войском. Прибыв в Нижний Новгород с главными силами, князь Дмитрий установил, что ордынцы еще не появлялись. Тогда он с частью сил вернулся в Москву. Решено было направить навстречу монголо-татарам войска Нижегородского княжества, а также Московский, Владимирский, Переяславский, Муромский полки и, кроме того, Юрьевский и Ярославский отряды. По данным разведки, войско Арапши было далеко. Поэтому поход совершался без необходимых мер предосторожности. Полагая, что «никтоже может стати против нас», все «начяша ходити и ездити во охабнех и в сарафанех, а доспехи своя на телеги и в сумы скуташа, рогатины и сулицы и копья не приготов-

[15] Там же, т. XI, с. 24.
[16] Там же.

лены, и инии еще и не насажены быша, такожде и щиты и шоломы...» [17]

Беспечность русских воевод была причиной полной неготовности русской рати к принятию боя. Внезапное появление Орды и помощь, оказанная ей мордовскими князьями, которые «подведоша втаю рать татарскую из Мамаевой Орды», стали причиной поражения русского войска на р. Пьяне 2 августа 1377 г. и последовавшего за этим полного разорения Нижнего Новгорода. Город был сожжен. Остатки населения и часть нижегородского войска отошли к Суздалю. Несмотря на поражение, нижегородский и рязанский князья продолжали сохранять союз с московским князем Дмитрием. Стремясь разорвать этот союз, Мамай предпринял в 1378 г. новый поход. На этот раз объектом нападения должно было стать не только Нижегородское, но также Рязанское и Московское княжества: «Того же лета, поганый Мамай, събрав воя многы,— посла Бегича ратию на князя Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую» [18]. Ордынцы снова захватили Нижний Новгород, затем войско Бегича вторглось на территорию Рязанского княжества, уничтожая все на своем пути. Оно направлялось к границам Московского княжества.

Князь Дмитрий выступил в роли организатора русских сил для отражения Орды. Под знаменем князя Дмитрия выступили против Бегича не только московские и рязанские, но также пронские и, возможно, полоцкие дружины. Встреча произошла южнее Коломны, на р. Воже. В течение нескольких дней противники стояли друг против друга, не решаясь на активные действия. Поджидая появления Бегича, русское войско расположилось на северной стороне Вожи на возвышенности, имея перед собой открытое пространство, окаймленное р. Вожей. Боевой порядок русского войска состоял из Большого полка, на флангах которого в одну линию стали полки Правой и Левой руки. Общее командование взял на себя князь Дмитрий. Командовать полком Левой руки он поручил князю Даниилу Пронскому, а Правой — окольничему Тимофею Вельяминову и князю Андрею Полоцкому.

Наконец, Бегич решился перейти в наступление. Он приказал своему войску переправиться на северный берег

[17] Там же, с. 27.

[18] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 415.

реки и построиться в трехчленный боевой порядок. Князь Дмитрий, выжидая момент, когда главные силы противника закончат переправу, ограничился тем, что выдвинул вперед оба крыла боевого порядка. Когда монголо-татары двинулись в атаку на Большой полк, то русские решительно контратаковали их. Концентрический удар имел полный успех. Ордынское войско было опрокинуто в р. Вожу. Его остатки спаслись бегством. Оценивая эту победу, К. Маркс писал: «*11 августа 1378 Дмитрий Донской* совершенно *разбил монголов* на реке *Воже* (в *Рязанской области*). Это *первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими*» [19].

Победа была одержана благодаря применению расчлененного боевого порядка, обеспечившего возможность маневра на поле боя. Громадную роль играл моральный фактор. Сражение на р. Воже имело большое политическое значение. Первая крупная победа над ордынским войском показала, что русское войско может противостоять монголо-татарам, а русский народ — успешно бороться, когда он объединяет свои силы [20]. Но, с другой стороны, поражение ордынского войска показало Мамаю необходимость укрепления связи с Литвой. Этим объясняется увеличение активности Мамая в установлении прямой связи с Ягайлом. Узнав об этом, Дмитрий Иванович предпринял зимой 1379—1380 гг. поход в Литву, стремясь нарушить этот союз. Что поход имел стратегические цели и был направлен против союзников, свидетельствует направление удара московского войска. Он наносился по землям Литвы, прилегавшим к татарским владениям.

III. Война Золотой Орды с Русью

Силы сторон

Поражение на р. Воже было воспринято в Орде как вызов. Получив в Сарае известие о нем, Мамай «разгневажеся зело и взъярися злобою». Он вновь направил на Рязанское княжество «вборзе, без вести изгоном на Рязан-

[19] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1946, т. VIII, с. 151.
[20] *Назаров В. Д.* Русь накануне Куликовской битвы.— Вопросы истории, 1978, № 8.

скую землю»[21] несколько отрядов, которые еще больше опустошили это княжество. Сам Олег «не приготовился бе и не стал противу их на бой». Он был вынужден бежать за Оку. «Татарове же приидше и град Переяславль и прочие грады взяша, и огнем пожгоша». Вероятно, это и явилось главной причиной изменения политики рязанского князя. Он стал искать союза с Литвой и Золотой Ордой, надеясь спасти этим Рязанское княжество от полного разорения[22].

В результате сложной политической борьбы к началу решающего столкновения Москвы с Ордой оказалось, что от союза с Москвой отпали Нижегородское и Рязанское княжества. Выжидательную позицию заняли новгородцы и смоляне. Тем не менее бóльшая часть княжеств Северо-Восточной Руси выступала за союз с Москвой, ставшей военным и политическим лидером в борьбе с Золотой Ордой.

В Орде понимали, что успехи Московского княжества в объединении русских земель могут не только подорвать ее господство над русскими землями, но и вообще привести к полной независимости русских княжеств, постоянное ограбление которых составляло экономическую основу существования Орды.

После поражения на Воже Мамай стал готовиться к новому походу на Русь, главной задачей которого было более полное подчинение русских земель. Мамай справедливо считал, что успех большой войны против Руси будет зависеть от возможности одновременного выступления на стороне Орды всех потенциальных соперников Москвы, в первую очередь литовского князя Ягайло, и привлечения на свою сторону рязанского князя. Особенно большое значение Мамай придавал участию в походе на Русь Литвы, где в результате междоусобной борьбы к власти пришел Ягайло, придерживавшийся антирусской ориентации. В этих целях им были приняты дипломатические акции. В одном случае они сводились к угрозам, в другом — к широким обещаниям. «И нача посылати к Литве, к поганому Ягайлу, и ко льстивому сотонщику, дьяволоу советнику, Олгоу Рязанскому, поборникоу Бесерменскому, лоукавому князю...» Посольства Мамая имели успех. Он добился согласия Литвы и

[21] *Приселков М. Д.* Указ. соч., с. 416.
[22] Там же.

Рязани на совместное выступление. Во время переговоров было условлено, что после победы Московское княжество будет разделено [23]. Рассчитывая в случае поражения Московской Руси на возможности территориальных приобретений путем раздела Московских земель между Литвой и Рязанью, Ягайло пообещал Мамаю выставить значительное войско [24]. В то же время Ягайло понимал, что основу его войска составляют отряды русских, белорусских и украинских княжеств, входящих в состав Литовско-Русского государства, и что далеко не все подвластные ему русские князья согласны поддерживать его антирусскую политику. Поэтому Ягайло хотя и вышел навстречу золотоордынскому войску Мамая, но действовал осторожно. Особенно смущало его, что на помощь Москве выступили полоцкий и брянский князья, да и смольняне явно не хотели поддерживать Литву.

Мамай мог собрать значительные силы. Ориентировочно численность войска Золотой Орды составляла около 50—60 тыс. человек. Однако такое количество войск, по мнению Мамая, было недостаточным. Стремясь создать перевес в силах, Мамай привлек состоящих в союзе или просто подвластных ему «многих стран татарове», затем отряды народов Поволжья — «бесерменов» и отряды кавказских народов — армян, черкесов и осетин. Наконец, он прибег к найму пехоты из генуэзских колоний Крыма («фрязей») [25], с которым Орда вела торговлю [26].

Во время переговоров между послами Олега Рязанского и Ягайло, которые являлись в Орду с дарами и грамотами, было условлено встретиться всем силам союзников «на реке Оке, на Семенов день» (т. е. 1 сен-

[23] ПСРЛ. Пг., 1921, т. XXIV, с. 143.

[24] Там же.

[25] Советники Мамая говорили ему: «Орда твоя оскудела и сила твоя изнемогла; но имаши богатства и имения без числа много, да и наимствовав Фрязы, Черкасы и Ясы и другия к сим, да воинства собреши много и отмстиши кровь князей своих» (Там же, т. XI, с. 46).

[26] Согласно летописным данным, силы Мамая были более значительными: по одним сведениям, Мамай «обрете свою силу в 300 тыс. и 30 человек»; по другим — эта цифра выражалась в 400 тыс. человек (*Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 35). В Устюжском же летописном своде приводится цифра в 900 тыс. человек (Устюжский летописный свод. М.; Л., 1950, с. 58). Во всяком случае, почти все летописи указывают на значительное превосходство сил Золотой Орды.

тября) [27]. В то же время летописи указывают, что Олег Иванович предупредил князя Дмитрия: «поведая [про] Мамаев поход». Эта запись летописи свидетельствует о колебаниях Олега. Его явно беспокоила перспектива возмездия за уклонение от участия в борьбе с Золотой Ордой.

Столь позднее время встречи войск союзников обусловливалось необходимостью обеспечения конницы Золотой Орды подножным кормом. Кроме того, Мамай рассчитывал использовать созревшие на русских полях урожаи хлебов. Он приказал Орде не заботиться о создании зимних запасов: «не велел хлеба пахать» и быть готовыми использовать русские хлеба [28].

Появление передовых отрядов противника было обнаружено пограничными сторбжами задолго до того, как князь Олег поставил князя Дмитрия в известность о готовящемся походе Мамая.

Прибывший 23 июня гонец сообщил о появлении Орды «во мнозе силе» на р. Воронеж. Многочисленная конница Мамая расположилась кочевьями, ожидая подхода отрядов наемников с Кавказа и из Крыма и союзной литовской рати. Князь Дмитрий созвал в Москве совет бояр и пригласил на него Владимира Андреевича Серпуховского. Полученные сведения о численности Орды, хотя и были туманны, но все же указывали на серьезную опасность, нависшую над всеми русскими землями. Настораживало также, что золотоордынское войско не было разделено на отряды, действующие на широком фронте на различных направлениях, чтобы ввести противника в заблуждение, а оставалось сосредоточенным на направлении главного удара. Было видно, что Мамай решил нанести князю Дмитрию решающее поражение в одном сражении и таким образом лишить Московское княжество возможности выполнять роль политического лидера, объединяющего русский народ.

Из Москвы князь Дмитрий «разослал по вся князи Русскыя и по воеводы и по вся люди» гонцов с призывом собираться для отпора захватчикам. Этот призыв был направлен в том числе и русским княжествам, которые находились в договорных отношениях с Литвой. Местом сбора была выбрана Коломна, где сосредоточивались за-

[27] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XXIII (Ермолинская летопись), с. 125.
[28] Там же, т. XV (Тверская летопись), с. 440.

пасы продовольствия и фуража. В данном случае князь Дмитрий выступал как великий князь владимирский, являвшийся сюзереном удельных князей. На его призыв прибыли удельные князья со своими отрядами и бояре с городовыми полками «каждо из своих городов», а также «приидоша много пешего воиньства, многое множество людие и купци со всех земель и градов» [29]. Численность войск, собранных к Коломне, определяется летописцами по-разному. Одни указывают, что князю Дмитрию удалось собрать «всее силы близ двусот тысечь» [30]. Другие приводят цифру в 300 тыс. [31] и даже 400 тыс. человек [32]. Однако все эти данные явно завышают число собранных войск.

Более вероятно, что Москва могла выставить до 70 тыс. человек [33]. Судя по летописным данным, к Москве собрались со своими отрядами князья ярославские, ростовские и белозерские, а также князья Андрей Ольгердович с отрядом псковичей и Дмитрий Ольгердович с отрядом брянцев. По данным Ермолинской летописи, в битве участвовали также князья смоленский, новосильский, оболенский, моложский, стародубский и кашинский [34]. Никоновская летопись приводит также данные об участии отрядов холмского, мещерского, елецкого, муромского, кемского, устюжского, ярославского и каргопольского князей [35]. В Ермолинской летописи упоминаются также князья Иван и Федор Тарусские [36].

Кроме князей прибыли с городовыми полками воеводы и бояре — владимирские, суздальские, переславльские, ростовские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, углицкие, серпуховские [37].

Вообще говоря, географию городов и мест, пославших свои силы для участия в походе против Мамая, восстановить нелегко, поскольку в разных источниках приводят-

[29] Там же, т. XI, с. 56.
[30] Там же. СПб., 1910, т. XX, ч. 1 (Львовская летопись), с. 200—201; М.; Л., 1949, т. XXV (Московский летописный свод конца XV в.), с. 202.
[31] Там же, т. VIII, с. 35.
[32] Там же, т. XI, с. 59.
[33] Там же. М., 1968, т. XXXI (Мазуринский летописец), с. 89.
[34] Там же, т. XXIII, с. 125—126.
[35] Там же, т. XI, с. 49—52.
[36] Там же, т. XXIII, с. 126.
[37] *Шамбинаго С. К.* Указ. соч., с. 35.

ся различные и даже противоречивые данные. Однако эти данные свидетельствуют о широком представительстве русских земель. Среди убитых в «Задонщине» перечисляются бояре московские, новгородские, нижегородские, белозерские, серпуховские, ростовские, переславские, можайские, костромские, владимирские, суздальские, дмитровские, звенигородские, углицкие и «30 панов литовских» [38].

Обращает внимание указание летописей на широкое участие «черных», т. е. простых, людей и «молодых людей» — ремесленников. Именно они и составляли главную силу войска.

Из приведенных данных видно, что впервые Русь выставляла такое количество войск. Летописец отметил: «От начала бо такова сила не бывала князей Русских, яко же в се время» [39]. Не прислали своих полков Тверское, Рязанское и Смоленское княжества, что составило почти треть всех сил Северо-Восточной Руси. «Видения ради, аще что случится», князь Дмитрий пригласил 10 купцов-сурожан [40].

Расположив войско у Красивой Мечи, Мамай послал в Москву своих послов. Их официальной миссией было предъявление ультиматума князю Дмитрию об уплате «ордынского выхода» (дани) в размере, значительно превышающем ежегодные взносы. Мамай требовал платить дань, «как было при цесари Чжанибеке, а не по своему докончанью» (договору) [41]. Главной же задачей послов было собирание данных о военных приготовлениях Москвы. Князь Дмитрий соглашался на уплату дани на основе подушного обложения. Однако послы Мамая настаивали на своем. Переговоры были прекращены.

Стремясь предотвратить столкновение с Ордой, Дмитрий Иванович направил вслед за отъехавшими послами Мамая боярина З. Тютчева и с ним «злата и сребра многа». Хотя дары и были приняты в ханской ставке, Тютчеву там подтвердили требование о выплате дани в

.....

[38] Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 106.
[39] ПСРЛ, т. XXV, с. 202.
[40] Это были: Василий Капица, Сидор Елфирьев, Козьма Ковера (Ховрин), Константин Волк, Симеон Онтонов, Михаил Сираев, Тимофей Весяков, Дмитрий Черный, Иван Ших и Дементий Саларев (*Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1965, т. V. с. 143; *Шамбинаго С. К.* Указ. соч., с. 16).
[41] ПСРЛ, т. XXV, с. 202.

увеличенном размере. Стало ясно, что столкновение неизбежно.

Для сбора сведений о численности войск Мамая Дмитрий Иванович направил сторожевой отряд, в который вошли Василий Тупик, Родион Ржевский и Андрей Волосатый и около 70 человек детей боярских, «крепких и мужественных на сие». Отряду поручалось собрать полные сведения о золотоордынском войске и, главное, «добыть языка».

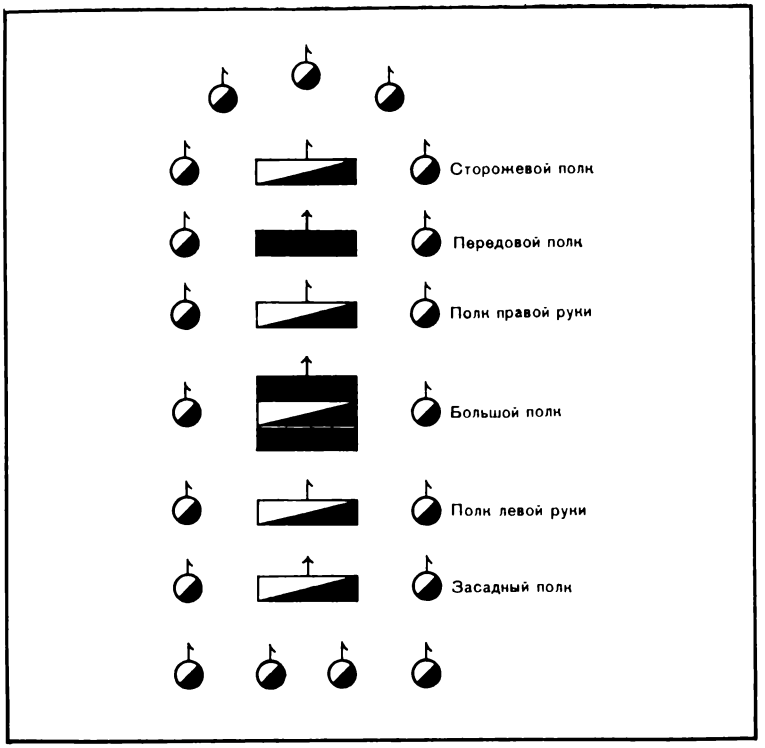
Отряд Тупика направился к Дону в районе его притоков — рек Быстрой и Тихой Сосны, где кочевали монголо-татары. Долгое отсутствие сведений от этого отряда заставило направить вторую сторóжу, куда вошли Климент Полетин, Иван Святославич, Григорий Судок и с ними 33 «крепких юношей». На пути к Дону они встретили возвращающегося к Москве Тупика, который вел за собой долгожданного «языка». На допросе пленный ханский вельможа сообщил, что Мамай идет на Русь, но ждет осени, чтобы соединиться с литовским войском. В то же время он ничего не сообщил о возможности присоединения к Мамаю рязанского войска.

Получив необходимые сведения, князь Дмитрий определил время выхода войск из Москвы и сосредоточения их в Коломне. Он стремился возможно быстрее занять оба берега реки Оки.

Марш к Куликову полю

Московскому войску предстояло совершить переход от Москвы к Коломне, равный 100 км. К месту сосредоточения русского войска вело несколько дорог. Основной была Серпуховская дорога, параллельно шли Брашевская и Болвановская дороги. Поскольку русская рать не могла «вместится единою дорогою», то она двинулась по всем трем. Главные силы направились из Кремля 15 августа через Замоскворечье на Котлы по Серпуховской дороге. По Брашевской дороге двигались войска Владимира Андреевича Серпуховского, а по Болвановской — войска князей Белозерских. У Боровского перевоза через реку Москву все три дороги сходились. Поэтому дальше войска двигались вместе [42].

[42] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 363—364.



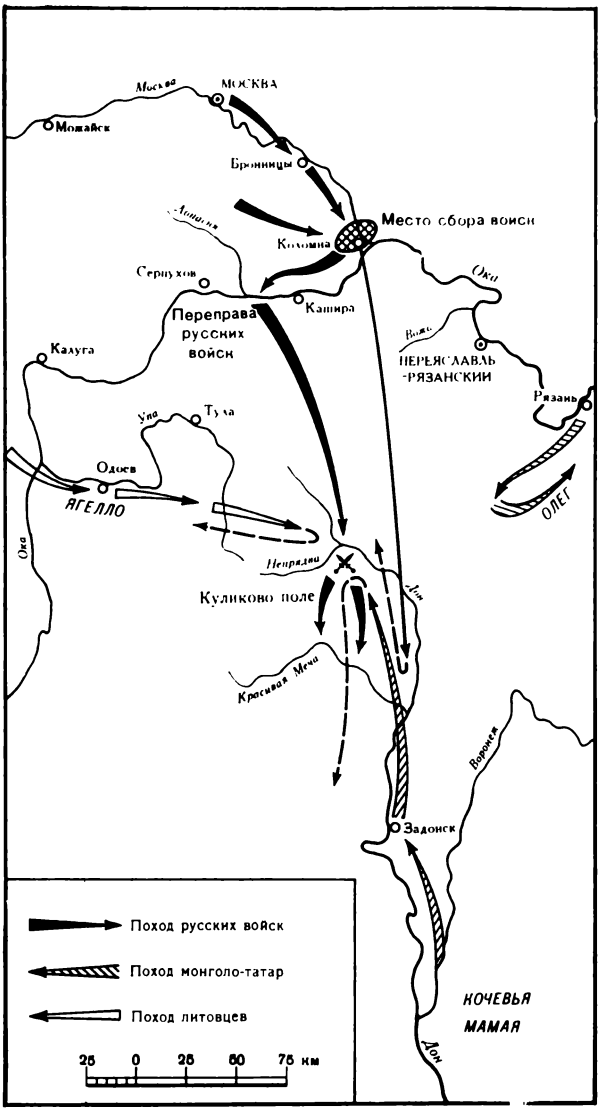
ПОХОДНЫЙ ПОРЯДОК РУССКОГО ВОЙСКА ПРИ ДВИЖЕНИИ К КУЛИКОВУ ПОЛЮ

Марш-маневр русского войска

Марш к Коломне был совершен за несколько дней. Здесь после смотра на Девичьем поле был произведен разбор по полкам и определены воеводы для руководства в походном порядке [43]. Эти воеводы были назначены лишь на время марша к Дону [44].

[43] В летописных списках приводятся различные сведения о назначении воевод. Так, в одном из них говорится, что Большой полк князь Дмитрий оставил за собой и взял себе в помощники князей Белозерских; полк Правой руки он поручил Владимиру Андреевичу Серпуховскому и усилил его отрядами князей Ярославских; полк Левой руки был отдан князю Глебу Брянскому, а Передовой полк — под начало князей Дмитрия и Владимира Друцких (ПСРЛ, т. XI, с. 54).

[44] Там же.



МАРШ-МАНЕВР РУССКИХ ВОЙСК

После смотра в Коломне русское войско выступило 26 августа к местам переправы через Оку у Лопасни. Впереди шел разведывательный отряд, затем Передовой полк, за ним продвигались полк Правой руки, Большой полк и полк Левой руки. Такое расположение войск на марше позволяло в случае нападения Орды быстро развернуться в боевой порядок и встретить противника во всеоружии.

Дмитрий Иванович отказался от переправы через Оку у Коломны по двум причинам. Во-первых, движение войск вне пределов Рязанского княжества исключало повод для протеста князя Олега и, во-вторых, выход на Тульское направление, по которому двигались литовские войска, позволял предупредить соединение их с Ордой по прямой дороге и вынуждал Ягелло двигаться по более длинному пути через Одоев, отстоящий от Куликова поля на 150 км. Немаловажным было и то, что быстрое движение русских войск в сторону от прямой дороги к Дону в какой-то мере дезориентировало Мамая в отношении истинных намерений московского князя.

Во время движения русской рати князь Дмитрий принимал необходимые меры предосторожности и старался держать инициативу в своих руках.

Войска прибыли к Лопасне («у Оки на Усть Лопасни реки»), получая на ходу вести «о поганых» и литовском войске. По этим данным стало известно, что Мамай все еще оставался у Красивой Мечи, литовское войско продвигалось к Одоеву, а князь Олег вел сбор своих сил к Переяславлю Рязанскому. Учтя эти данные, князь Дмитрий решил начать переправу через Оку 30 августа.

На следующий день русское войско двинулось к Дону ускоренными маршами. Русская рать двигалась, соблюдая походный порядок. Впереди Сторожевой полк, на флангах которого двигались разведывательные отряды, наблюдавшие за местностью на широком фронте, за Сторожевым полком шли полк Правой руки, Большой полк и полк Левой руки. С тыла русское войско прикрывал отряд окольничего Тимофея Вельяминова. К этому отряду присоединялись крестьянские отряды, не успевшие прибыть к Коломне.

Продвигаясь вдоль западной границы Рязанского княжества, русское войско строго соблюдало приказ не трогать местное население, «ничтоже возмет у кого, и не единому власу коснется», и способствовать его присоеди-

нению к московской рати [45]. Когда русское войско прибыло к Дону, сюда подошли еще несколько отрядов.

4 сентября у урочища Березуй к нему присоединились также дружины Дмитрия и Андрея Ольгердовичей. 6 сентября все силы сосредоточились у Дона.

Сам по себе марш-маневр Дмитрия Ивановича свидетельствует о его высоком стратегическом искусстве. Правильно понимая политическую и военную обстановку, он владел инициативой. Умело проведенное движение исключало возможность соединения войск противника и создало уверенность в победе.

Военный совет

На пути к Дону князь Дмитрий направил «в поле под Орду Мамаеву» отряд боярина и воеводы Семена Мелика (Мелюка), куда вошли Игнатий Крень, Фома Тынин, Петр Горский, Карп Олексин, Петр Чириков и еще несколько «нарочитых и мужественных на то устроенных тамо ведомцев» [46].

Обстановка оставалась сложной. Войско Мамая продвигалось к Куликову полю и находилось в одном-двух переходах. На правом фланге в нескольких переходах двигалось литовское войско. Войско князя Олега нависало в тылу и находилось возле Переяславля в двух переходах от Дона. Перед князем Дмитрием стояла задача не допустить соединения войск противника и нанести им поражение поодиночке. При этом князь Дмитрий не был убежден в желании выступления против русской рати рязанского князя, поскольку полное поражение русского войска имело бы печальные последствия для Рязанского княжества.

По сосредоточении русского войска к Дону возник вопрос, где встретить Мамая и как построить боевой порядок. Для его решения был созван военный совет. Почти все летописи указывают, что в этом вопросе на совете не было единогласия. Были две возможности. Можно было отдать инициативу Мамаю и принять на себя удар противника на левом берегу Дона на обширной равнине близ р. Себенки (у совр. села Себино). В случае неудачного

[45] ПСРЛ, т. XI, с. 54.
[46] Повести о Куликовской битве, с. 135; ПСРЛ, т. XI, с. 55.

исхода оборонительного сражения сохранялась возможность свободного отхода к границам Московского княжества. Однако это же ровное пространство позволяло противнику действовать на широком фронте и совершить своей конницей глубокие охваты флангов русского войска. Вторая возможность заключалась в том, чтобы перейти Дон и дать сражение в его излучине, пересекаемой мелкими речками и частично покрытой лесом. В этом случае предстояло дать сражение с единственной целью — победить.

Более осторожные бояре советовали князю Дмитрию не переходить Дон: «Не ходи, понеже умножашися врази наши, не токмо Татарове, но и Литва и Рязанци» [47]. Но были и сторонники решительных действий. Они предлагали переправиться на южный берег Дона и, несмотря на численный перевес противника, дать сражение на Куликовом поле, предоставлявшем русским ряд преимуществ. Большинство высказалось за смелое движение за Дон. «Поиде, княже, за Дон» [48],— советовали они Дмитрию Ивановичу.

Понимая необходимость овладения инициативой, Дмитрий Иванович принял решение ударить сначала по Орде Мамая, а затем повернуть свои войска против его союзников. Он приказал «бродов пытати тоа ночи» [49], а утром перейти за реку и стать в поле. Никоновская летопись указывает, что великий князь заявил при этом: «Лутчи было не ити противу безбожных сих, ниже, пришед и ничтоже сотворив, возвратитися вспять; преидем, убо ныне в сий день за Дон, вси и тамо положим главы своя за святыа церкви и за православную веру и за братию нашу, за христианство...» [50]

Решение перейти Дон и победить или погибнуть за землю Русскую говорит о том, что князь Дмитрий рассматривал активные действия как единственное средство достижения победы. Но была и другая причина: переправив войска через Дон, Дмитрий предотвратил возможность внезапного удара литовских и рязанских войск. Таким образом, проведенный князем Дмитрием маневр позволял наносить противнику удар по частям.

[47] ПСРЛ, т. XXV, с. 203.
[48] Там же.
[49] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 1, с. 317.
[50] Там же, т. XI, с. 56.

Движение войск князя Дмитрия не осталось без внимания Мамая. «Слышав приход» московского войска к Дону, он был удивлен смелостью Дмитрия и готовностью русских принять сражение. Обращаясь к своим командирам, Мамай говорил: «двигнемся силою своею и станем у Дону противу князя Дмитрея, доколе приспеет к нам съветник нашь Ягайло со всею силою литовскою» [51]. Из этого следует, что Мамай решил не дожидаться литовской рати и добиться победы собственными силами. Между тем Ягайло колебался и не проявлял особого желания принять непосредственное участие в сражении. Украинские и белорусские полки, входившие в состав литовского войска, не выражали стремления драться против соединенного русского войска. Можно думать, что, зная это, Ягайло выжидал исхода столкновения войск князя Дмитрия и Мамая.

IV. *Сражение*

Куликово поле лежало на Муравском шляхе. Местность представляла ровную поверхность, изрезанную небольшими речками. К югу поле постепенно повышалось и переходило в господствующую высоту Красный Холм. Куликово поле являлось довольно хорошей оборонительной позицией. С запада и северо-запада его прикрывала р. Непрядва (приток Дона), в которую впадали Верхний, Средний и Нижний Дубяки. С севера позицию ограничивала р. Дон, а с востока — речка Смолка, за которой располагался лес, носивший название Зеленая Дубрава. Ниже в Смолку впадала речка Курца. Таким образом, северная часть Куликова поля составляла четырехугольник, открытый с юга и защищенный с трех сторон естественными препятствиями, исключавшими возможность проведения обходных маневров. По фронту позиция русских имела протяженность 8 верст, в глубину — около 5 верст.

Лучшими возможностями для развертывания войск обладал противник. Войско Мамая могло быть расположено фронтом на северо-запад на пространстве между Сабуровым хутором и селом Даниловка. Однако эта позиция была для Орды неудобной, поскольку она исключала возможность свободного маневра конными массами, состав-

[51] Там же, т. XXV, с. 203.

лявшими главную ударную силу Мамая, и вынуждала атаковать русских в лоб. По фронту позиция, занятая Ордой, имела протяженность 10—12 верст, в глубину — около 5 верст. В общем площадь Куликова поля составляла около 50 кв. верст, на которой было сосредоточено около 150 тыс. войск.

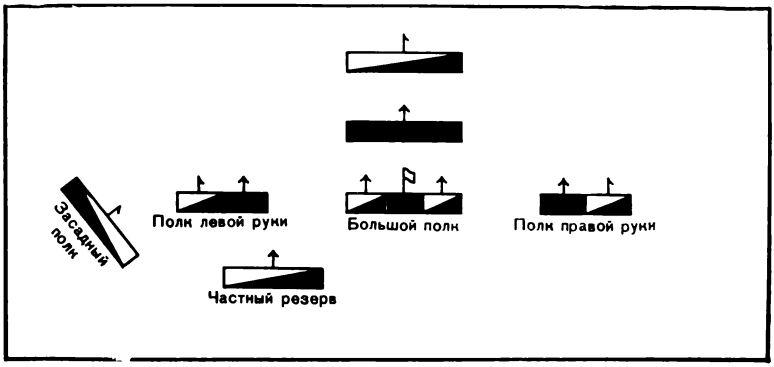
Русские прибегли к пятичленному боевому порядку, в три линии. Главную линию заняли полки Правой руки, Большой полк и полк Левой руки. В передней линии расположились друг за другом Сторожевой и Передовой полки. Частный резерв стал за полком Левой руки. Наконец, в Зеленой Дубраве был сосредоточен Засадный полк. Сторожевой полк включал только конницу. Его задача состояла в определении направления главного удара Орды. Передовой полк, укомплектованный главным образом отрядами пехоты городовых полков (дружин), должен был принять удар основных сил Орды, чтобы измотать их до соприкосновения с Большим полком и этим облегчить действия полков главной линии.

* * *

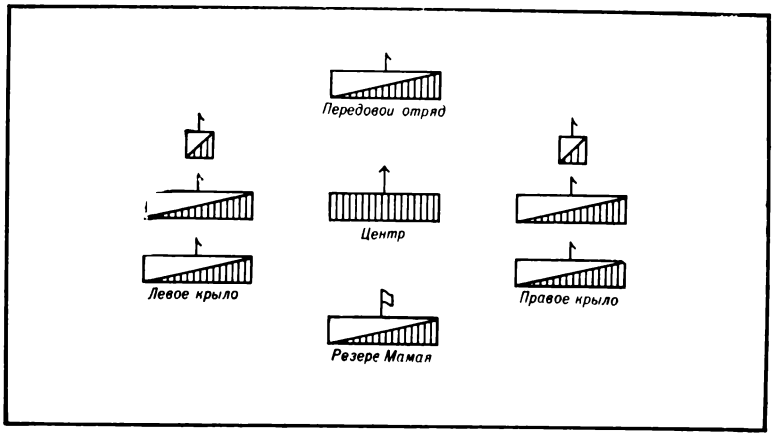
Основу боевого порядка составляли Большой полк и полки Правой и Левой руки. Эти полки имели в центре пехоту, а на флангах конницу. Засадный полк включал отборную конницу.

Учитывая возможность обходного маневра противника, который можно было осуществить путем массированных ударов по открытому левому флангу русского боевого порядка, князь Дмитрий уделил главное внимание этому направлению. Именно здесь были расположены частный и общий резервы. Плотное построение войск создавало глубину и таким образом обеспечивало упругость боевого порядка, а его расчленение на отдельные полки позволяло маневрировать силами в ходе сражения.

Характер оружия обусловливал плотное расположение пехоты и свободное положение конницы. Пехота была построена тесно, глубиной до 20 рядов. Центр боевого порядка составляли копейщики. Лучники располагались на флангах. Крепость строя пехоты заключалась в его монолитности и взаимодействии с конницей. Конница строилась в несколько рядов и старалась сохранять строй для нанесения удара по противнику. Управление войсками



БОЕВОЙ ПОРЯДОК РУССКОГО ВОЙСКА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ



БОЕВОЙ ПОРЯДОК ВОЙСК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

осуществлялось стягами и сигналами труб. Поскольку пехоты в рати Дмитрия Донского было больше, чем конницы, то именно ее действия решили исход сражения.

Боевой порядок войска Мамая включал передовой отряд, состоящий из легкой конницы, центра, в который входила пехота, в том числе и отряд генуэзской пехоты, и крыльев, состоящих из кавалерии. Мамай выделил также сильный конный резерв для нанесения решающего удара.

Преобладание конницы в составе войск Мамая предопределило характер их боевых действий. Можно было ожидать усилий войск правого фланга Орды с целью оттеснения русского левого фланга.

* * *

Переправу через Дон русская рать начала на рассвете 8 сентября. Она осуществлялась под прикрытием отрядов Сторожевого полка. Поскольку ожидалась возможность внезапного появления монголов, то войска переходили Дон в боевой готовности (в доспехах). Густой туман скрывал действия русских. Под его прикрытием русское войско заняло боевую позицию. Именно в это время было принято окончательное решение о построении: «исполчи свои полки великии и вся его князи Руския свои полци устрашна» [52].

Сторожевые отряды были сведены в один полк (Сторожевой), командование которым было поручено московскому воеводе Семену Мелику. Ему в помощь были назначены князь Василий Оболенский, князь Федор Тарусский, боярин Андрей Серкизович и воевода Михаил Акинфович. Во главе Передового полка, в который было включено несколько дружин, стали князья Друцкие и воевода Микула Васильевич.

Командование полком Правой руки было поручено князю Андрею Ростовскому, князю Андрею Стародубскому и воеводе Федору Грунку.

Управление всем войском и командование Большим полком князь Дмитрий оставил за собой и взял себе в помощники боярина и воеводу Михаила Бренка, боярина и воеводу Ивана Квашню и князя Ивана Смоленского. Полк Левой руки возглавили князья Федор и Иван Белозерские, князь Василий Ярославский и князь Федор Моложский.

Частным резервом командовал князь Дмитрий Ольгердович. Общим резервом — Засадным полком — командовал князь Владимир Андреевич Серпуховской и Дмитрий Боброк Волынский, им в помощь были назначены князь Роман Брянский и князь Василий Кашинский.

Расположив войска на позиции, великий князь объехал главную линию и призвал воинов к выполнению своего долга. «Возлюбленни отцы и братиа,— говорил

[52] Там же. СПб., 1848, т. IV, с. 79.

он,— своего ради спасениа, подвизайтеся за православную веру и за братию нашу! Вси бо есмы от мала до велика братие едины внуци Адамли, род и племя едино... умрем в сий час... за братию нашу! За все православное христианство» [53]. Освободительные цели воодушевили войска и возбудили их решимость отстоять свою отчизну. Все воины «укрепишася и мужесьвени быша, яко орли летающе и яко львы рыкающе на Татарьскиа полкы» [54]. После этого князь Дмитрий отъехал к Передовому полку, чтобы начать битву. Командование Большим полком он поручил боярину Михаилу Андреевичу Бренку.

К 11 часам утра густой туман, покрывавший Куликово поле, стал рассеиваться. Противники были готовы начать боевые действия. «И было страшно видети,— указывает летописец,— две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть» [55].

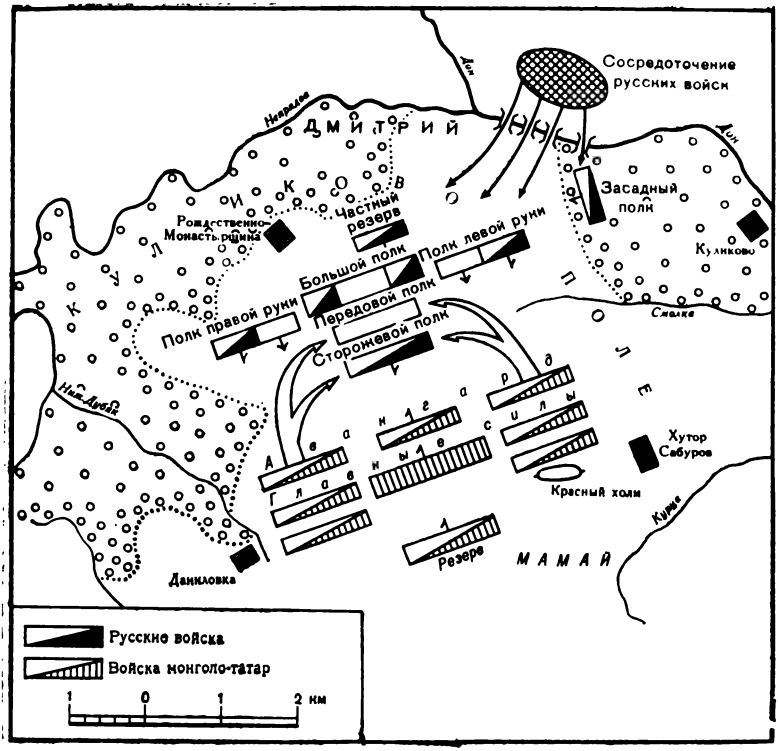
Столкновению главных сил предшествовало единоборство двух богатырей — Пересвета и Темир-Мурзы (Челубея). Этот поединок имел целью воодушевить войска обеих сторон. Гибель богатырей в результате одновременного удара копьями произвела сильное впечатление на наблюдавших за традиционным поединком.

Боевые действия включают три этапа борьбы и преследование. Первый этап составил бой авангардов: русских Сторожевого и Передового полка с легкой конницей Золотой Орды. Летопись указывает, что столкновение уже на этом этапе носило ожесточенный характер «и бысть брань крепка и сеча зла зело». Почти вся пехота этих полков «аки древеса сломишася, и аки сено посечено лежаху...» [56]. Часть легкой конницы Сторожевого полка отошла к частному резерву, стоящему за полком Левой руки.

Великий князь Дмитрий «еха наперед во сторожевом полку» [57], затем возвратился к Большому полку, однако командование им оставил за Бренком, который переоделся в княжеские доспехи и даже сел на его копя.

Следующим этапом было фронтальное столкновение основных сил противников. Несмотря на гибель Передо-

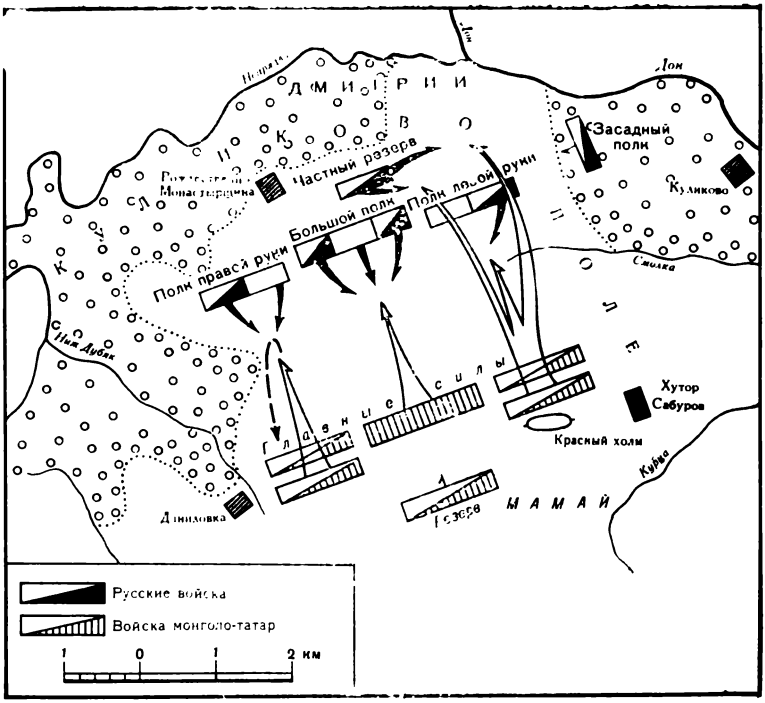
[53] Там же, т. XI, с. 58.
[54] Там же.
[55] *Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. 3-е изд. Тула, 1976, с. 43.
[56] ПСРЛ, т. XI, с. 60.
[57] Там же, т. XXV, с. 203.



КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. 1-й ЭТАП

вого полка, князь Дмитрий оставил главные силы на месте и не направил их на помощь своему авангарду. Он хорошо представлял, что если бы русские полки двинулись вперед, то пехота Большого полка открыла бы свои фланги. Главные силы по-прежнему ожидали монголо-татар на занятой позиции.

Фронт борьбы не превышал 5—6 км. Главный удар Мамай наносил по центру русского боевого порядка. И хотя оба фланга русских войск были прикрыты справа оврагами речки Нижний Дубяк, а слева речкой Смолкой, все же более слабым являлся левый фланг. Это установил Мамай, наблюдавший за ходом сражения с Красного Холма, господствующего над всей местностью. Он решил нанести главный удар по Большому полку и



КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. 2-й ЭТАП

полку Левой руки, чтобы оттеснить их от переправ и сбросить в Непрядву и Дон.

Огромные силы сгрудились на тесном поле. Сначала пехота противника атаковала русский центр. Она действовала в плотном строю. «И тако сташа, копиа покладше, стена у стены, каждо их на плещи предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае» [58]. Пехота противника нанесла сильный удар по центру Большого полка, стремясь нарушить его строй и подрубить великокняжеский стяг, что было равносильно потере управления сражением. Она добилась некоторого успеха и даже подсекла великокняжеское знамя, но Глеб Брянский и Тимофей Вельяминов силами Владимирского и Суздальского полков «каждо, под своим знаменем» контратаковали противника и восстановили положение.

[58] Там же, т. XI, с. 59.

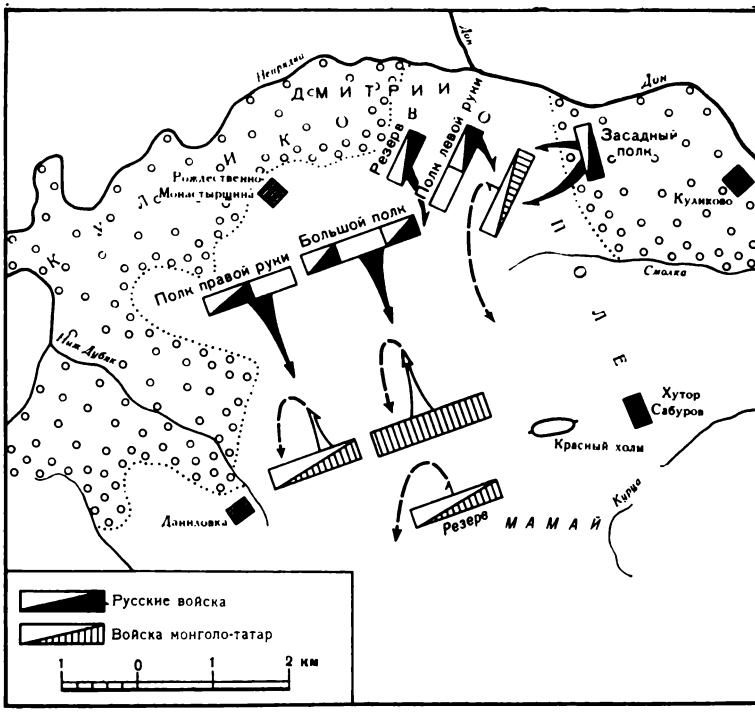
Борьба продолжалась. Сражение распалось на ряд единоборств. «И бяше видети Русин за Татарином гоняшеся, а Татарин Русина състигоша; смятяше бо ся и смесишася кождо бы искаше своего съпротивника победити» [59]. Сам великий князь сражался, как простой воин. Израненный, он выбыл из строя и укрылся под срубленным деревом [60].

Одновременно конница Мамая атаковала полки Правой и Левой руки. Атака русского правого фланга была отбита. Легкая конница Орды отошла и более не решалась действовать на пересеченной местности. Более успешной была атака монгольской конницы против левого фланга русского войска. Почти все воеводы полка Левой руки были убиты. Полк стал подаваться назад, освобождая место для атакующей татарской конницы. Сражающиеся отошли до берега Непрядвы. Путь отхода к переправам был отрезан. «Москвици же мнози небывалци (молодые неопытные воины.— *Л. Б.*), видевшие множество рати татарьской устрашишася и живота отцаявшеся, а инеи на беги обратишася...» [61]

Натиск татарской конницы, стремившейся выйти в тыл Большому полку, некоторое время сдерживал частный резерв Дмитрия Ольгердовича, но вскоре и он был смят свежими силами, направленными Мамаем для закрепления успеха. Мамаю казалось, что достаточно совершить последнее усилие, чтобы считать победу полной. Но для этого усилия у него больше недоставало свежих войск. Все его силы уже были включены в сражение.

Именно в это время воевода Дмитрий Боброк, наблюдавший из Зеленой Дубравы за ходом сражения, решил включить в него Засадный полк, состоящий из отборной, хорошо вооруженной конницы. Боброку немало труда стоило удержать князя Владимира Андреевича от преждевременной атаки. Последний проявлял нетерпение и говорил Боброку: «Брате Дмитрий, что пользуеть наше стоание и что пакы успех будет, кому имам пособити?» Однако Боброк справедливо указывал ему: «Да, княже, несть же и пришла година, начинаем бо без времени, собе вред приймем» [62]. Но когда Боброк увидел, что противник, увлекшись маневром обхода русского Большого

[59] Там же, т. XXV, с. 204.
[60] Там же, т. XI, с. 59.
[61] ПЛ. М.; Л., 1950, с. 376.
[62] Повести о Куликовской битве, с. 149.



КУЛИКОВСКАЯ БИТВА. 3-й ЭТАП

полка, поставил под удар свой тыл, он закричал: «Княже Владимире, час прииде, а время приближися!» [63]. Своевременный ввод в сражение крупного резерва, изменивший соотношение сил на направлении главного удара Орды, послужил поворотным моментом всего сражения. Не ожидавшая появления свежих сил русских, ордынская конница пришла в смятение.

Сначала легкая конница противника попыталась оказать сопротивление, но не смогла устоять перед натиском тяжелой конницы русских и стала подаваться назад. В это время перешли в наступление Большой полк и полк Левой руки. «Князь Дмитрий Ольгердович сзади Большого полку вступи на то место, где оторвася Левый полк, и нападе с северяны и псковичи на большой полк

[63] Там же.

татарский. Тогда же и князь Глеб Брянский с полками Владимирским и Суздальским поступи чрез трупы мертвым, и ту бысть бой тяжкий». Контрудар главной линии русского боевого порядка сначала остановил порыв золотоордынской пехоты, «и бысть такая смятня, яко не можаху разбирати своих, татаре бы въезжаху в русские полки, а руские в полки татарские» [64]. Улучшению обстановки способствовало также изменение условий боя: «Солнце позади ста (русским.— *Л. Б.*), а татарове в очи». Затем наступил перелом. Отступая под ударами русских, монголо-татарская конница опрокинула свою пехоту и увлекла ее за собой. Так завершился третий этап сражения.

Последний этап включает преследование разбитого войска Мамая. Враги «розно побегши неуготованными дорогами...» [65]. В ходе преследования множество бегущих было истреблено. У Красной Мечи русские остановились и возвратились назад к Куликову полю. Бежал с поля боя и Мамай. Он «прибежа в землю свою, не во мнозе дружине» [66].

Потери обеих сторон были огромны. Войско Мамая как организованная сила распалось. Русское войско также понесло большие потери. На поле боя осталось более половины всех ратников, было убито 12 князей и 483 боярина. В живых осталось чуть более 40 тыс. человек. Летописи не приводят точных данных о потерях, но все указывают на то, что после Куликовской битвы опустела Русская земля. Лишь в Основной редакции «Сказания» указывается: «изгыбло у нас дружины всеа полтретьа ста тысящ и три тысящи, а осталося у нас дружины пятьдесят тысящ» [67]. Восемь дней находились русские войска на Куликовом поле, пока не были погребены убитые воины. Братские могилы располагались у села Рождественно-Монастырщина.

Князь же Ягайло со своим войском, находившийся в день сражения в двух переходах от Куликова поля, «по-

[64] *Татищев В. Н.* Указ. соч., т. V, с. 146.

[65] Воинские повести древней Руси. М.: Л., 1949, с. 40.

[66] Повести о Куликовской битве, с. 107. Мамай бежал в Орду и стал лихорадочно готовить новый поход. Ему удалось собрать новое войско. Но поражение Мамая использовал хан Тохтамыш. Он разбил Мамая на р. Калке. С небольшой группой Мамай бежал в Каффу, где его убили местные жители. «И тако Мамай зле сконча окаанный свой живот» (ПСРЛ, т. XI, с. 69).

[67] Повести о Куликовской битве, с. 75.

беже... назад со многою скоростью никем же гоним, не видев великово князя, ни рати его, ни оружья его»[68]. Некоторые источники указывают на факты нападения литовских и рязанских отрядов на возвращающееся к Москве русское войско[69]. Но вряд ли можно предполагать возможность крупного столкновения. Даже ослабленное московское войско превышало численность литовской рати Ягайло. Поэтому свидетельства летописей о поспешном отступлении Ягайло можно считать справедливыми. В свою очередь князь Олег, получив известие о поражении Мамая, «поверг отчину свою бежа и княгинею своею, и со детьми, и со бояры. И молиша его (князя Дмитрия. — *Л. Б.*) много о сем, да бы на них рать не послал»[70]. Князь Олег укрылся в Литве. Хотя он и не принимал непосредственного участия в битве на стороне Мамая, но хорошо представлял, что отсутствие рязанских войск в составе русского войска может расцениваться в Москве как измена общерусскому делу. В то же время факт отсутствия рязанских войск в составе рати Мамая был несомненен, и он мог надеяться на прощение. Московский князь простил Олега и его бояр, но посадил в Рязани своего наместника.

Война Руси против Орды была подлинно всенародным делом. Здесь, на Куликовом поле, решился вопрос о свободе и независимости страны. Куликовская битва положила начало объединению русских княжеств и усилила значение Москвы как оплота русских земель. Она стала поворотным пунктом в истории русского народа. На Куликовом поле Золотой Орде был нанесен сильнейший удар, в результате которого она неуклонно пошла к упадку.

Победа русского народа под главенством Москвы на Куликовом поле имела огромное значение для всей Руси. Это отчетливо понимал князь Дмитрий. И не случайно он приказал именовать себя «великим князем всея Руси»[71].

Эта победа положила начало освобождению от иноземного ига не только русского народа, но и других народов Восточной Европы: славян, молдаван, румын, при-

[68] ПСРЛ, т. XXV, с. 205.
[69] *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— Вопросы истории, 1955, № 8, с. 24.
[70] ПСРЛ, т. XXV, с. 25.
[71] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 242—243.

балтов и кавказских народов. Международное значение Куликовской битвы хорошо понимали ее современники: «Шибла слава к Железным вратом, к Риму и Кафы, по морю и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу. Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове» [72]. Победа русского народа стала примером освободительной борьбы народов против иноземных угнетателей — персидских, турецких и немецких феодалов. В этом состоит историческое значение победы [73]. Но не следует забывать и о ее военном значении. Великий князь Дмитрий Иванович правильно оценил политическую обстановку, сложившуюся накануне войны за освобождение. Он учел стремления всех русских княжеств освободиться от монголо-татарского ига, которое, как указывал К. Маркс, «оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» [74]. Князь Дмитрий сумел объединить усилия всего русского народа и создать общерусское войско, добившееся решения важнейшей стратегической задачи — освобождения всей Русской земли.

Характерной чертой военного искусства великого князя Дмитрия и его воевод явилось понимание превосходства наступательных действий в поле над пассивной обороной городов, являвшейся отражением феодальной раздробленности. Разработанный Дмитрием стратегический план включал активные действия с целью разгрома главных сил Золотой Орды до вторжения ее в пределы Северо-Восточной Руси. В связи с этим Дмитрий Донской применял принцип сосредоточения. Пламенный патриотизм, сознание своего долга перед Родиной сплачивали русских воинов на боевой подвиг, и этим создавалось моральное превосходство русского войска над Золотой Ордой, которую двигало лишь стремление увековечить свое господство над Русью.

Здесь, на Куликовом поле, создавались патриотические традиции, пронизанные идеей борьбы всего народа за землю Русскую. В этом общенародном порыве развивалось национальное самосознание и формировалось чувство гордости за свою Родину.

.....

[72] Воинские повести древней Руси, с. 37.

[73] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 622—623; Очерки истории СССР. М., 1958, ч. 1, с. 225; История Москвы. М., 1974, с. 20—21.

[74] *Marx K.* Secret diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899, p. 78.

В. И. Буганов

ОТ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОРДЫНСКОГО ИГА (1380–1480 гг.)

Куликовская битва стала важнейшим рубежом в истории Руси времени феодальной раздробленности и золотоордынского ига. С одной стороны, она закрепила то, что уже было сделано в объединении русских земель вокруг Москвы, окончательно определила ее политическое первенство и оттеснила на задний план других претендентов (Тверь, Нижний Новгород и др.); с другой — возвестила зарю грядущего освобождения от власти Золотой Орды, ослабление и распад которой были ускорены тяжелейшим поражением от объединенных (правда, еще не полностью) русских сил. И тот и другой процессы — собирание земель в единое государство и освобождение от иноземного ига — заняли еще примерно столетие. После блестящего успеха на поле Куликовом в ходе национально-освободительной отечественной войны русского народа против чужестранных поработителей Русь еще долго испытывала горечь ордынских карательных набегов и внутренних неурядиц, однако обстановка, в которой пришлось бороться, изменилась существенным образом. Великая победа 1380 г. привела к тому, что Московско-Владимирское великое княжение заняло одно из ведущих мест среди государств Восточной Европы.

Военное противостояние с Ордой принесло Руси немалые потери, и это обстоятельство предопределило те трудности, с которыми пришлось столкнуться Москве вскоре после Куликовской битвы.

Никоновская летопись верно отмечает, что после потерь на Куликовом поле «оскуде бо отнюд вся земля Русскаа воеводами и слугами, и всеми воиньствы, и о сем велий страх бысть на всей земле Русстей» [1]. К тому же в Золотой Орде после 20-летия феодальных усобиц и на-

[1] ПСРЛ. СПб., 1897, т. XI, с. 69.

чавшегося было распада Улуса Джучи на ряд самостоятельных государств временно восстановилось единство. Это удалось сделать новому хану Тохтамышу при поддержке всесильного Тамерлана. Он довершил разгром Мамая и сосредоточил в своих руках власть над всеми улусами Золотой Орды.

Уже в 1381 г. на Руси появились ханские послы, которые потребовали, чтобы князья явились в Сарай к Тохтамышу. Князья нижегородский и рязанский вынуждены были признать себя вассалами Орды, но Дмитрий Иванович отказался это сделать, поскольку речь шла о восстановлении власти Золотой Орды, о выплате дани и несении повинностей в тех размерах, которые существовали до «замятни» в Орде 60—70-х годов.

Тохтамыш готовится к походу на Русь. Он собирает большое войско («събра воа многи»). Все приготовления делаются тайно, чтобы на Руси не знали о том, что предстоит; с этой целью хан посылает на Волгу отряд, который расправляется с русскими купцами, чтобы они не могли принести известия о готовящемся вторжении на их родину. Тохтамыш в 1382 г. «изгоном», внезапно вторгается в русские земли «со всею силою своею». Некоторые летописи сообщают, что хан «идяше безвестно, внезапу, с умением». К тому же он использует, как и другие ханы, правившие в Орде до него, рознь между русскими князьями: привлекает на свою сторону князей нижегородско-суздальского (тестя Дмитрия Ивановича) с сыновьями и рязанского, и они, чтобы спасти от погрома свои владения, подчиняются ему.

В Москве после получения известий о приближении войска Тохтамыша имело место какое-то совещание у князя Дмитрия Ивановича; в нем участвовали его «братья», «князи русские», которые «начаша думу... думати». Обнаружились серьезные разногласия; очевидно, многие выражали сомнение в возможности противостоять новому нашествию; единства, сплоченности не было. В этих условиях, в обстановке паники, охватившей феодалов, богатых людей, и начавшегося народного восстания, направленного против них, великий князь покинул столицу и перебрался в Кострому, чтобы, согласно некоторым летописным известиям, собрать военные подкрепления.

Дело защиты Москвы, сопротивления врагу взяли на себя простые москвичи. Источники сообщают о вече, которое собралось в этот грозный час, чтобы решить на-

сущные дела, поскольку официальные власти показали свою несостоятельность. Слова летописи о москвичах, которые «сташа суіімом, а инии по вратом, а инии на вратех на всех, не токмо пущати хотяху из града крамолников и мятежников (т. е. богатых людей, феодалов, бежавших из Москвы.— *В. Б.*), но и грабяху их», ясно свидетельствуют о том, что народ стал хозяином положения в столице, диктовал свою волю, организовав защиту города, обеспечив в нем порядок. Оборону столицы возглавил приглашенный москвичами князь Остей — внук великого князя литовского Ольгерда; «и той окрепи град и затворися в нем со множеством народа» [2].

Войско Тохтамыша, перейдя Оку, направилось к Москве. Первые отряды подошли к ней 23 августа, а на следующий день появились основные силы во главе с Тохтамышем. Три дня продолжалась осада города, окруженного со всех сторон. Несмотря на героизм его защитников, ордынцы с помощью обмана захватили Москву, которая тут же подверглась полному разгрому и грабежу; погибло большое число москвичей и сбежавшихся в нее окрестных жителей (по одной версии — 12 тыс. человек, по другой — 24 тыс.). Затем последовало разорение других мест — Владимира, Переяславля, Юрьева, Звенигорода, Можайска, Рязанской земли.

Поход Тохтамыша привел к некоторому ослаблению Руси, восстановлению, хотя и в сильно ослабленной форме, ее даннических, вассальных отношений к Орде. Дань выплачивалась нерегулярно; она зачастую выглядела как штраф за неуплату «выхода» в годы, предшествовавшие очередной карательной экспедиции из Орды. Политическое влияние Орды на Руси все больше слабело [3]. Тверское княжество сумело добиться самостоятельности в отношениях с Москвой, стесненной договором 1375 г. Усилились сепаратистские стремления нижегородско-суздальского князя. Однако, несмотря на «Тохтамышево разорение», положение русских земель после него отнюдь нельзя считать таким, каким оно было в первой половине XIV в., например при Иване Калите. Дмитрий Донской, уплачивая дань Тохтамышу, в конце своего правления, передавая свою «вотчину» — великое княжение

[2] Там же. СПб., 1910, т. XXIII, с. 128.

[3] *Хорошкевич А. Л.* К вопросу о международном значении Куликовской битвы.— Український історичний журнал, 1980, № 5 (в печати).

владимирское — старшему сыну Василию, не спрашивает согласия хана; более того, он предвидит, что настанет время, когда власть Орды будет свергнута. «А переменит бог Орду,— пишет он в своем завещании,— дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть» [4].

В целом для правления Дмитрия Донского характерны ярко выраженные стремления к объединению русских земель, их подчинению Москве, централизации управления. При нем проводятся в жизнь такие меры, как введение территориального принципа в организации военных сил, чеканка монеты, ограничение права отъезда бояр, централизация суда в Москве. Активизируется внутренняя и внешняя политика [5].

Подобный курс продолжался при его сыне и преемнике Василии I Дмитриевиче. В 1392 г. в результате дипломатических усилий великого князя в Орде к Москве по ханскому ярлыку присоединяются Нижний Новгород, Городец, Мещера, Таруса. Важно отметить, что нижегородские горожане охотно перешли «под руку» Василия I, так как вхождение в состав более могущественного Московского княжества давало лучшую защиту от набегов монголо-татарских отрядов и новгородских ушкуйников, а также освобождало от усобиц нижегородско-суздальских князей. Местные бояре тоже перешли на сторону Василия Московского и отказались служить Борису Константиновичу Нижегородско-Суздальскому.

Влияние Москвы распространяется на север, северо-восток, в частности в Пермской земле, где в качестве миссионера, посланного московскими церковными властями, действовал Стефан, один из учеников Сергия Радонежского. Из-за разногласий по вопросу о подчинении Новгорода митрополичьему суду из Москвы (а не суду местного архиепископа) и в связи с ее требованием о разрыве Новгородом мира с Орденом войска по решению правительства Василия I в 1393 г. заняли Торжок, Волоколамск, Вологду, а через четыре года — всю Двинскую землю,

[4] ДДГ. М.; Л., 1950, № 12, с. 36.

[5] О положении на Руси в 1380-е годы см.: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 321—329; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 627—663; *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, с. 137—144; *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 127—165.

используя восстание местного населения против новгородских властей. Правда, через год новгородцы восстановили статус-кво, а повторная попытка московского войска овладеть Заволочьем в 1401 г. окончилась неудачей, однако указанные действия Москвы недвусмысленно определили ее курс по отношению к обширным новгородским владениям.

Великий князь Василий I и митрополит Киприан в проведении политики объединения использовали, помимо прочего, имевшие в это время место «мятежи и раздоры церковные» (ересь стригольников в Новгороде Великом, дело тверского епископа Евфимия Висленя) для усиления влияния Москвы. Василий I постоянно стремился укреплять свои позиции в других княжествах. Так, по договору 1402 г. рязанский князь Федор Ольгович не мог без согласия Москвы вступать в какие-либо отношения, переговоры с Литвой, Ордой, с другими русскими князьями и даже с удельными правителями своей Рязанской земли. Попытку князя Семена Дмитриевича, сына Дмитрия Константиновича и брата матери Василия I, возвратить с помощью ордынцев Нижегородское княжество московский великий князь пресек в 1394 г. решительно и круто, с помощью военной силы; при этом московское войско проникло далеко в пределы ордынских владений, взяло и разгромило монголо-татарские города — Болгары, Жукотин, Керменчук, Казань. Василий I внимательно следил за событиями в Тверской земле, поддерживая одного из самых сильных удельных князей — Василия Михайловича Кашинского в противовес великому князю тверскому Ивану Михайловичу [6].

Рубеж XIV—XV столетий — время обострения обстановки в Золотой Орде, связанного с борьбой Тамерлана и Тохтамыша. Достигнув власти в Золотой Орде с помощью могущественного среднеазиатского правителя, Тохтамыш вскоре меняет свой политический курс. Начинается (1384—1385 гг.) борьба между ними за Иран и Азербайджан. Военные действия происходят и в Средней Азии (1387—1389 гг.), для Тохтамыша они закончились серией поражений. После поражения Тохтамыша на р. Кундурче (1391 г.) начинается ожесточенная борьба за власть в Золотой Орде и в ее улусах. Не успела Орда оправиться от страшного поражения, как последовал новый, еще

[6] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 663—673, 682—708.

более опустошительный поход Тимура 1395—1396 гг. Он начался битвой у р. Терек, которая закончилась полным поражением ордынского войска, бегством Тохтамыша на среднюю Волгу, в Булгар, поблизости от русских владений. Последовал страшный погром всего Поволжья, западных улусов по Дону, Днепру, в Крыму. С частью войска Тимур дошел до русских земель, разорил Елец и его окрестности, но, получив известия о большом войске Василия I, ожидавшем его у границ московских владений, 26 августа 1395 г. повернул из Рязанской земли обратно, в Золотую Орду. Здесь происходит жестокое и методичное разрушение ее городов, уничтожение населения; многих увели в плен. Это была катастрофа, экономическая и политическая, для некогда могущественного Улуса Джучи.

Первая четверть XV в. в истории Золотой Орды заполнена непрерывной борьбой феодальных группировок за власть. Государство сразу же после ухода Тимура, в 1396 г., распалось на несколько улусов во главе с враждующими между собой ханами. Правда, при хане Шадыбеке, за спиной которого стоял всесильный Едигей, произошло их объединение (на рубеже XIV—XV столетий), но ненадолго.

Русские князья, воспользовавшись поражением Тохтамыша, прекратили с 1395 г. уплату «выхода» и поездки в Орду. Этим был вызван поход Едигея на Русь в 1408 г., приведший к разорению ряда городов; взять Москву ему не удалось. Получив откуп с Москвы, Едигей поспешно вернулся в Орду, где в его отсутствие начался очередной тур борьбы за ханскую власть. Междоусобица, продолжавшаяся в течение двух десятилетий, во время управления Едигеем делами Орды, привела после его гибели (1419—начало 1420 г.) к появлению ряда ханов, оспаривавших власть друг у друга. В ходе ожесточенной борьбы к началу второй половины 20-х годов XV в. Золотая Орда разделилась на две самостоятельные части; границей между ними стала Волга[7]. Орда окончательно потеряла былые могущество и вес, однако могла еще беспокоить соседние государства, в том числе и шедшую к объединению Русь.

[7] *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч., с. 145—200; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 374—405.

Русским землям, помимо постоянной ордынской угрозы, необходимо было в то же время отражать натиск со стороны феодалов Великого княжества Литовского. В 1390-е годы войска Витовта захватили Смоленскую землю, разоряли Рязанское княжество; он же претендовал на северо-западные русские земли (Новгород Великий, Псков). Поражение на Ворскле от Орды (1399 г.), неудачи в войне с Орденом привели к временному ослаблению натиска на Русь. В 1401 г. Смоленск в результате народного восстания отпал от Литвы, но через три года Витовту снова удалось овладеть городом. В 1406 г. он напал на Псковскую землю; с помощью Москвы удалось предотвратить угрозу; к тому же часть русских и литовских князей отъехала от Витовта на службу к Василию I.

Эти события, как и поход Едигея на Русь, показали возросшие мощь и политический вес Московского княжества. Борьба против угрозы с юго-востока и с запада способствовала мобилизации, сплочению сил, последующему расширению национально-освободительной борьбы против иноземного ига [8].

Главное противостояние было сосредоточено, конечно, на линии взаимоотношений с Ордой, которую раздирали смуты, междоусобицы; в ней нарастали процессы упадка, экономического и политического, ослабления центральной власти, децентрализации. Все это привело в конечном счете к ее распаду на ряд самостоятельных государств. На востоке образовались ханства Казахское, Узбекское, Сибирское, Ногайская Орда, в Среднем Поволжье — Казанское, по правому берегу Волги в ее низовьях, по Манычу, Куме и Тереку — Астраханское, между Волгой и Днестром и частью на Северном Кавказе — Большая (Великая) Орда, в Крыму, Причерноморье и Приазовье — Крымское. Процесс распада происходил во второй и третьей четвертях XV в. (1430 — 60-е годы) [9].

С некоторыми из указанных ханств, прежде всего с Казанским и Большой Ордой, правители которой считали себя правопреемниками Джучи и Бату, и пришлось в XV в. вести борьбу русским князьям, прежде всего московским, продолжавшим последовательный курс на объединение и национальное освобождение. Эта борьба

[8] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 708—734; *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 182—310.

[9] *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч., с. 201—268; *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 406—421.

протекала в очень сложной внутренней и международной обстановке. Еще при Едигее Орда оказывала поддержку тверским правителям, бывшим нижегородским князьям Даниилу и Ивану, которые одно время получили обратно владения своего отца Бориса Константиновича, совершала грабительские, опустошительные набеги на московские владения (разгром Владимира в 1410 г. и др.). Цель, как и прежде, состояла в том, чтобы противопоставить друг другу русских князей, отдельные группы феодалов.

К концу правления Василия I, как отмечал Л. В. Черепнин, складываются предпосылки той многолетней войны, которая впоследствии, во второй четверти XV в., ведется между сторонниками и противниками объединения, централизации. Первой из них автор считает политическую консолидацию отдельных княжеств Северо-Восточной Руси; централизованное государство не могло сложиться без решающего столкновения между ними; второй — сопротивление удельных князей из-за угрозы ликвидации удельной системы; третьей — усиление противоречий между феодальными группировками в связи с подходом к решению вопроса о путях, методах объединения. К этому нужно добавить и обострение классовой борьбы (Новгород и Псков, конец 10-х — 20-е годы XV в.), которое не могло не заставить феодалов искать новые пути усиления аппарата своего господства, эксплуатации народных низов [10].

Необходимость объединения земель, окончательного освобождения от ига Орды, к этому времени сильно ослабленного (а в этом нельзя не видеть результат национально-освободительной борьбы русского народа, особенно его победы на Куликовом поле), наконец, усиления аппарата господства феодалов внутри страны выдвигала насущную задачу создания сильной власти, способной решить указанные проблемы. В ее создании (в форме централизованной монархии) были заинтересованы все слои русского общества. В то же время часть феодалов — удельных князей и бояр — выступала против усиления центральной власти, поскольку оно грозило им потерей некоторых экономических и политических привилегий; эта прослойка не хотела уступить хотя бы часть своих прав формирующейся центральной государственной власти.

[10] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 737.

После смерти в 1425 г. великого князя московского Василия I Дмитриевича центром удельнокняжеской оппозиции его преемнику Василию II Васильевичу стало Звенигородско-Галицкое княжество дяди последнего князя Юрия Дмитриевича (сына Дмитрия Донского). Существовали и другие удельные княжества — Серпуховско-Боровское князя Василия Ярославича (внука Владимира Андреевича — двоюродного брата Дмитрия Ивановича Донского), Можайское князя Ивана Андреевича, Верейское князя Михаила Андреевича (оба — внуки Донского), Дмитровское и Углицкое князя Петра Дмитриевича (сына Дмитрия Ивановича) и др. Юрий Дмитриевич Галицко-Звенигородский не признал право племянника на великокняжеский престол и заявил о своих претензиях на него. Началась кровавая междоусобица, совпавшая с сильной эпидемией чумы, унесшей в том же, 1425 г. много жизней.

Князь Юрий «тое же весны разосла по своей отчине по всех людей своих; и яко снидошася к нему вси из всех градов его, и въсхоте поити на великаго князя» [11]. До военного столкновения дело не дошло; во время переговоров решили отдать решение спора о том, кому быть великим князем (Василию или его дяде), на рассмотрение ордынского хана. По договору 1428 г. Юрий отказался от своих притязаний, но вражда продолжалась. Она ослабляла Русь в политическом отношении — Москва в условиях междоусобицы не могла оказать помощи Новгороду и Пскову, чьи земли подвергаются в это время нападению войск литовского великого князя Витовта (1428 г.). Тверской, рязанский, пронский князья «даются в службу» тому же Витовту. Снова обостряются отношения между Василием II и Юрием, которые прибегают к помощи хана; последний утвердил первого из них великим князем. Между ними начинается война. В 1433 г. Юрий разбил на р. Клязьме войско Василия II, который перебрался с семьей сначала в Тверь, потом в Кострому. Юрий Дмитриевич вошел в Москву и объявил себя великим князем; его поддерживала часть консервативно настроенных московских «старых бояр», а один из них — весьма влиятельный — И. Д. Всеволожский очень активно содействовал его победе.

[11] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XVIII, с. 167.

Василий II, получивший от Юрия Коломну в удел, готовит силы для реванша. К нему из Москвы, покидая Юрия, бегут многие бояре, дети боярские и дворяне, которые, согласно Ермолинской летописи, объясняющей причину их перехода к Василию II, «не повыкли бо служити уделным князем» [12]. Новый московский правитель оказался в полной изоляции и, покинув Москву, вернулся в удел. Василий II восстановил свои права.

Последующие события представляют собой длинный ряд взаимных нападений, побед и поражений, в ходе которых разорялись многие города и селения. Юрий и его сыновья Василий, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный не раз наносили поражения Василию. В 1434 г. Юрий снова захватывает Москву, но в том же году умирает. Феодальная война расширяется.

В Москве вокняжился Василий Юрьевич, двоюродный брат Василия II Васильевича. Но родные братья, оба Дмитрия Юрьевича, не признали его великим князем и примирились с Василием Васильевичем, снова возвратившим себе благодаря миру с двумя Юрьевичами престол.

Василий Юрьевич, бежавший из Москвы, собирает войско, в которое, как и при отце князе Юрии, вливаются пополнения из Вятской земли, а также из Костромы; он опирается на поддержку Твери и Великого Новгорода. Василий Юрьевич дважды потерпел поражение от московского войска, был захвачен в плен и ослеплен по приказу Василия II (1436 г.). Действия удельной оппозиции возглавляет с этого времени его брат Дмитрий Шемяка.

Дальнейший ход феодальной войны осложняется нападениями монголо-татарских и литовских правителей, вмешательством Тверского княжества и Новгородской феодальной республики, классовой и национально-освободительной борьбой русского народа против своих и чужеземных феодалов.

В 30—40-е годы Орда Улу-Мухаммеда, лишившегося власти в Сарае, обосновалась сначала в Белеве, в верховьях Оки, затем в Среднем Поволжье. Отсюда его войска не раз совершали нападения на русские земли, опустошали их. В 1437 г. он разгромил московское войско

[12] Там же, т. XXIII, с. 147.

на пути к Белеву. Но через семь лет сам хан потерпел поражение под Муромом и Гороховцом; одновременно под Рязанью воеводы Василия II разгромили войско ордынского царевича Мустафы. Тогда же, в 1444 г., литовское войско напало на Калугу и соседние с ней города.

7 июля 1445 г. в битве около Суздаля монголо-татарское войско во главе с сыновьями Улу-Мухаммеда Мамутяком и Егупом одержали победу над войском Василия II; сам великий князь попал в плен. Одной из причин поражения явились разногласия между русскими князьями — некоторые удельные правители (например, Дмитрий Шемяка) не прислали помощи, враждебную позицию занимали тверской князь Борис Александрович и новгородские бояре, ориентировавшиеся на союз с Литвой.

Суздальская катастрофа дорого обошлась Москве, самому Василию II. Отпущенный из плена за огромный выкуп, он вернулся в столицу, сопровождаемый монголо-татарскими послами. Резкое увеличение налогов, необходимых для внесения «окупа», вызвало недовольство населения, особенно народных низов. Под влиянием этого недовольства и из-за приближения монголо-татарского войска к столице, в которой к тому же вспыхнул большой пожар, в Москве началось сильное восстание в том же, 1445 г. Оно приобрело характер национально-освободительного антифеодального движения. Как и в 1382 г., рядовое ремесленно-торговое население Москвы действовало согласованно, готовясь к отпору внешнему врагу и давая отпор паническим настроениям врагов внутренних, классовых — московских феодалов и посадских богатеев, пытавшихся бежать из города. Народные движения происходили в это десятилетие и в других городах (Смоленск, Новгород Великий, Можайск).

События 1445 г. привели, помимо прочего, к захвату в следующем году Москвы Шемякой, использовавшим недовольство населения действиями Василия II (обещание «окупа», передача монголо-татарским князьям ряда городов в кормление). Великого князя московского эмиссары Шемяки захватили в Троице-Сергиевом монастыре и ослепили (отсюда его прозвище — Темный), как за 10 лет до того московские агенты поступили с Василием Юрьевичем (прозванным впоследствии Косым).

С вокняжением Шемяки усиливаются тенденции к феодальной децентрализации, обособленности. По воле казанского хана Улу-Мухаммеда он восстанавливает

Нижегородское княжество[13]. Укрепляется самостоятельность Твери и Новгорода Великого по отношению к Москве. Но снова московские бояре и дети боярские отворачиваются от удельного князя, ставшего великим князем московским, и тот вынужден был сначала освободить своего противника из заточения в Угличе и выделить ему «в вотчину» Вологду, куда вновь потянулись к нему его сторонники из Москвы, а затем уступить ему великокняжеский престол. Проводимую удельным смутьяном политику децентрализации, увеличения налогового бремени, захватов крестьянских земель, сопровождавшуюся хозяйственным разорением, внутриполитическими неурядицами, судебным произволом (Шемякин суд!), не приняли все слои населения Московского великого княжества. В 1447 г. Василий II вернулся в Москву. Через три года он после нескольких побед над Шемякой взял его удельный город Галич. Князь Дмитрий Юрьевич некоторое время отсиживался во взятом им Устюге Великом, умер он в 1453 г. в Новгороде Великом.

Феодальная война второй четверти XV в.— важный этап в формировании единого Русского государства. В ходе борьбы с удельной оппозицией Москва опиралась на те силы в русских землях, которые выступали за объединение, централизацию, поскольку именно такой политический курс отвечал интересам широких слоев населения, стремившихся к освобождению от удельных неурядиц, иноземных вторжений, к развитию хозяйства в более спокойных и благоприятных условиях.

Война показала возросшую мощь Москвы, правитель которой, несмотря на неоднократные поражения, снова и снова, опираясь на поддержку всех живых сил русского общества, восстанавливал свои позиции и в конце концов одержал победу над силами удельной княжеско-боярской децентрализации. Попытки некоторых феодальных центров (Тверь, Великий Новгород, Нижний Новгород) ослабить Москву как политическую силу, возглавившую процесс формирования единого государства, окончились неудачей, как и агрессивные поползновения феодальных правителей Великого княжества Литовского и ханств — правопреемников Золотой Орды.

[13] *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями.— В кн.: Актовое источниковедение. М., 1979, с. 214—217.

Несмотря на все потрясения и передряги, Московское великое княжество вышло из испытаний второй четверти XV в. окрепшим, а вторая половина того же столетия стала временем окончательного решения проблем, вставших перед Русью в эпоху великой победы на Куликовом поле [14].

Вскоре после окончания феодальной войны правительство Василия II ликвидирует Можайский удел (1454 г.), затем Серпуховско-Боровский (1456 г.). Правитель единственного оставшегося удела — Верейско-Белозерского — князь Михаил Андреевич полностью подчинялся Василию II и его преемнику Ивану III. Но с вокняжением последнего появляются (по завещанию Василия Темного) новые уделы — Юрия Васильевича (Дмитров, Можайск, Серпухов и др.), Андрея Большого Васильевича (Углич, Звенигород, Бежецкий Верх и др.), Бориса Васильевича (Волоколамск, Ржев, Руза и др.), Андрея Меньшого Васильевича (Вологда и др.).

В отношениях с другими землями позиции Москвы усиливаются. В Рязанском княжестве появляются наместники Ивана III, что было следствием установления своего рода патроната московского великого князя над 8-летним рязанским князем Василием Ивановичем по завещанию его умершего в 1456 г. отца. Правда, через восемь лет подросший князь, находившийся все эти годы в Москве и женившийся на сестре Ивана III Анне, возвращается в Рязань «на великое княжение», а управление московских наместников прекращается, но Рязань фактически утрачивает свою независимость.

Василий II в 1456 г. заключает с тверским князем Борисом Александровичем договор о согласовании внешнеполитических действий (подтвержденный впоследствии их сыновьями). В том же году он совершает поход на Новгород Великий, правители которого поддерживали связи с Литвой и занимали недружественную к Москве позицию во время борьбы с Шемякой. После поражения новгородцев в сражении под Русой стороны заключили мирный договор в Яжелбицах, серьезно ограничивший независимость Новгородской феодальной республики (лишение веча законодательных прав, права самостоятельного ведения внешней политики). Псковская республика также попадает под контроль московского правительства —

[14] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 743—810.

по соглашению 1460 г. псковский князь, назначаемый на вече, рассматривается как наместник великого князя Василия Темного. Этот порядок соблюдается и при Иване III.

Военный поход 1459 г. закончился покорением Вятской земли. В Ярославском княжестве в 60-е годы появляется московский наместник князь И. В. Стрига Оболенский, и оно уже тогда именуется «отчиной» Ивана III, хотя в нем продолжал править местный князь Александр Федорович. После смерти последнего в 1471 г. Ярославское княжество окончательно включается в число московских владений. Через три года Иван III купил у двух ростовских князей «половину Ростова» (другая половина уже ранее принадлежала Москве), и тем самым все Ростовское княжество вошло в состав формирующегося государства.

С конца 60-х годов начинается новое обострение отношений с Новгородом Великим. Московские власти обвиняли Новгород в неуплате пошлин, неисполнении повинностей, захвате уступленных в свое время московскому великому князю земель, нападениях на пограничные места Московского княжества и др. Кроме того, в 1470 г. новгородцы по договору с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV пригласили к себе из Литвы князя Михаила Олельковича. Это был по существу переход под протекторат Литвы. К тому же Новгород решил утверждать своего архиепископа не в Москве, а в Киеве, т. е. пошел на церковное подчинение Литве.

В связи с этими решениями на новгородском вече происходят столкновения, споры между их сторонниками и противниками. Между тем Москва деятельно готовилась к походу против новгородцев под предлогом их отпадения из православия в «латинство», т. е. в католичество. Совет, созванный Иваном III в марте 1471 г., вынес решение о выступлении. Помощь Москве оказали Тверь и Псков.

Московские войска, шедшие «разными дорогами» к Новгороду, нанесли поражения новгородским ратям у Коростыни, Русы. Решительное сражение произошло на р. Шелони. Плохая боеспособность новгородцев, большей частью ремесленников, в ратном деле неискусных, нежелание многих из них воевать с великим князем московским, низкий уровень организации, руководства предопределили полное поражение новгородского войска, победу Москвы. В то же время другие военные отряды — москов-

ский и устюжский — «повоевали» Двинскую землю. Коростынский договор 1471 г., поездка Ивана III в Новгород в конце 1475 — начале 1476 г. и поход в конце 1477 г. привели к полному его подчинению и включению обширных новгородских владений, простиравшихся до Северного Ледовитого океана и Урала, в состав Московского княжества. На них вводилось такое же управление, как и в других частях государства, о чем недвусмысленно заявил Иван III новгородским послам в декабре 1478 г. («... мы, великии князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде») [15]; в январе следующего года в Новгород были присланы московские наместники.

Наступление Москвы на пограничные земельные владения тверских феодалов вызвало обострение отношений с тверским великим князем Михаилом Борисовичем, который в 1483 г. заключил договор о союзе с Казимиром IV. Это вызвало походы московского войска в Тверь зимой 1484—1485 гг. и осенью 1485 г., приведшие к включению Тверской земли в состав Русского государства [16].

Формирование территории единого Русского государства в основном было, таким образом, закончено к 80-м годам. К этому же времени доводится до конца борьба с Ордой. Она проходила в условиях сложной для Руси международной обстановки, дипломатической борьбы с рядом государств, враждебно относившихся к росту могущества Москвы,— Большой Ордой и Казанским ханством, Литвой и Польшей, Швецией и Ливонским Орденом.

В 60-е годы активизируются действия Москвы против Казанского ханства. Происходят взаимные нападения. Одного из татарских царевичей — Касима, сына казанского хана Мамутека, перебравшегося на службу к Ивану III, от которого он получил Мещерский городок на Оке (впоследствии Касимов), Иван III рассматривал как возможного претендента на казанский престол. Успешный поход 1469 г., сопровождавшийся осадой Казани, привел к заключению мирного договора, предусматривавшего выдачу русских пленных, скопившихся за многие годы в ханстве, и запрет набегов; этим было обеспечено спокойствие на восточной границе до конца 70-х годов [17].

[15] ПСРЛ, т. XVIII, с. 260.

[16] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 813—874, 887—896.

[17] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, с. 50—72, 101.

К 60-м годам окончательно оформилась государственная территория Большой Орды, правители которой, как и казанские ханы, организуют грабительские походы на русские земли. Так, в 1468 г. «приходиша татарове от Болшие Орды и воеваша около Рязани села и волости и множество изсекоша, а иных в полон поимаша, рязанци же совокоупишася и гнаша по них»[18]. Через четыре года хан Ахмат с согласия Казимира IV нападает со стороны литовской границы на Алексин. Несмотря на то что город охранял небольшой гарнизон, Ахмату не сопутствовал успех — русские воины мужественно сражались с намного превосходящим врагом; приход подкреплений и боязнь нападения на Орду татарских царевичей, служивших Ивану III, заставили Ахмата уйти.

В начале правления Ивана III существовали в той или иной форме отношения вассальной зависимости Руси от Орды, которые в течение XV в. отличались постоянной неустойчивостью. Но с начала 70-х годов, как можно понять из сообщения Вологодско-Пермской летописи (см. ниже), Иван III «выход» Орде не посылал, сам туда не ездил, ограничиваясь подарками ханским послам.

Претензии хана Большой Орды на наследство Батыя, его агрессивная политика по отношению не только к Руси, но и к другим татарским ханствам (например, временный захват Крымского ханства в 1476 г.) привели к образованию сильной коалиции против него в составе Руси, Крымского, Сибирского ханства, Ногайской Орды[19]. Иван III использовал одних ханов в борьбе с другим.

Но и против Москвы сложилась коалиция в составе Большой Орды, Польши и Литвы, Ливонского Ордена. Хан Ахмат готовился к походу против Ивана III, в чем его поддерживал Казимир IV, а Орден в начале 1480 г. организовал военные нападения на Псковскую землю, в отражении которых принимали участие московские «вои», разбившие войско магистра. К тому же подняли мятеж братья Ивана III Андрей Углицкий и Борис Волоцкий, «отъехавшие» к Казимиру.

Иван III в результате переговоров с крымским ханом Менгли-Гиреем заключает в 1480 г. с ним договор о военном союзе против хана Ахмата и Казимира IV, собирает

[18] ПСРЛ. Пг., 1921, т. XXIV, с. 187.

[19] *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч., с. 267—272; *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 100—101.

военные силы, отзывает свои войска из Новгорода и Пскова. Положение, сложившееся к осени 1480 г.,— продолжающиеся нападения Ордена на Псковскую землю, поход Ахмата, враждебная позиция Казимира, мятеж удельных князей-братьев, грозивший опасностью новой внутренней феодальной войны,— никогда за все правление Ивана III не было, по словам К. В. Базилевича, более сложным и трудным [20].

Ахмат подошел к Угре 8 октября 1480 г. Он надеялся соединиться здесь с войском Казимира. Но помощь не пришла, помешали нападение войск Менгли-Гирея на владения Казимира и внутренние усобицы — выступление православных русских князей в Литве против короля. Ордынцы попытались перейти с правого берега реки на левый, где располагалось русское войско. Началось продолжавшееся четыре дня сражение, в ходе которого русские воины не дали врагу переправиться через Угру. Хан отступил и встал в Лузе в двух верстах от реки. Вскоре монголо-татары пограбили в Литве район «верховских» княжеств (в верховьях Оки и ее притоков), очевидно враждебно настроенных по отношению к Ахмату (их правители из числа русских князей были вассалами великого князя литовского и позднее перешли со своими владениями «под руку» Москвы).

Опасаясь выступления Казимира на стороне Ахмата, Иван III с целью выиграть время идет на переговоры с ханом. В это же время он старается убедить двух своих мятежных братьев, делает им уступки (обещает увеличить их уделы), чтобы они присоединились к нему в интересах общей борьбы с нашествием Орды.

Хан не принял подарки, посланные ему Иваном III с послом И. Ф. Товарковым, и, согласно Вологодско-Пермской летописи, заявил при этом: «Не того деля яз семо пришол, пришол яз Ивана деля, а за его неправду, что ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает девятой год. Приидет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядцы и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую» [21]. Переговоры, естественно, ни к чему не привели. Между тем с 26 октября установилась зима с сильными морозами, ордынцы же «бяху бо... наги и босы, ободралися», не хватало продовольствия

[20] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 134.
[21] ПСРЛ. М.; Л., 1959, т. XXVI, с. 265.

и фуража. Хан, не решаясь снова перейти реку, уже замерзшую, и напасть на русское войско, около двух недель стоит у Угры, очевидно в ожидании помощи от Казимира.

К Ивану III пришли, наконец, на помощь братья Андрей Большой и Борис — надежды Ахмата на усобицу не сбылись, как и на приход литовского войска. Объединенные силы Ивана III стояли на выгодной позиции у Кременца, готовые к схватке. Попытка нападения монголо-татарского отряда на Конин и Нюхово была ликвидирована — Иван Васильевич послал туда своих братьев с воеводами, и ордынцы обратились в бегство.

Вскоре, 11 ноября, отступил и сам хан Ахмат. В связи с этим не лишено оснований, как полагает К. В. Базилевич, сообщение Казанского летописца о нападении на Орду русского войска во главе со служилым царевичем Нур-Даулетом Городецким и князем Василием Ноздреватым Звенигородским. Оно разорило Сарай — столицу Большой Орды. Ахмат в начале следующего года погиб от руки своих соперников — ногайцев, и в дальнейшем борьбу с его сыновьями («Ахматовыми детьми», как их называют русские летописи) вел Менгли-Гирей; Большая Орда перестала существовать в начале XVI в.

В победном исходе событий осени — начала зимы 1480 г. главную роль сыграли возросшая экономическая, военная, политическая мощь Москвы, решительная позиция народа, ярко проявившаяся в событиях в Москве, напоминавших обстановку в столице в 1445 и 1382 гг. Московский народ в эти тревожные дни, когда часть бояр толкала Ивана на соглашение с ханом, недвусмысленно потребовал от великого князя решительно противостоять врагу [22].

Героические усилия русского народа позволили окончательно решить великую национальную задачу — довести до конца борьбу с иноземным игом, которая велась почти два с половиной столетия. За столетие, прошедшее после победы на Куликовом поле, силы Руси возросли неизмеримо. Если в 1380 г. русские люди заплатили за победу страшную цену и все же вынуждены были снова подчиниться власти Орды, хотя и ослабленной и все более слабевшей в XV в., то «стояние на Угре», закончившееся освобождением от ненавистного бремени, обошлось

[22] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 102—168; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 874—882.

без генерального кровопролитного сражения, на которое Большая Орда попросту не решилась, опасаясь, и не без оснований, полной своей гибели, что, впрочем, и произошло через каких-нибудь два десятилетия. А в это время Россия набирала силы для решения новых задач, вставших перед государством, в строительство которого, в его национальное освобождение внесли свой вклад герои Куликова поля и «стояния на Угре». Их образы стоят перед нами в дни 600-летия и 500-летия славных и великих событий истории Отечества.

Л. Н. Пушкарев

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Куликовская битва 1380 г. оставила глубокий след в народном сознании. Это вполне понятно: битва имела решающее значение в консолидации народных сил для борьбы с иноземными захватчиками. Народное сознание в период формирования великорусской народности особенно чутко реагировало на те события, которые имели общегосударственное значение.

Мы находим различные следы влияния Куликовской битвы на народное восприятие исторического процесса. Главным источником для характеристики взглядов народа в этот период является устное поэтическое творчество. Возникшие за много веков до Куликовской битвы, еще в родовом обществе, многие фольклорные жанры (такие, как, например, пословица) пополнились новыми произведениями, в образной форме выразившими отношение народа к горьким событиям золотоордынского ига [1]. Показательно в этом плане возникновение пословицы «Пусто, словно Мамай прошел», в краткой, но образной форме отобразившей всю тяжесть похода Мамая на Русскую землю. С золотоордынским игом связаны и многие другие пословицы. Среди них можно назвать такие зафиксированные во многих сборниках пословицы, как «Бей сполох, татарин идет», «Злее зла татарская честь», «Каков хан, такова и орда», «В татарских очах нету проку», и многие другие.

Своеобразие отображения монголо-татарского ига в русском народном творчестве заключается в том, что эта тема звучала не только в пословицах, но и в других произведениях, которые были созданы русским народом задолго до нашествия монголо-татар. Наиболее ярко это можно проследить на примере русских былин. «Эпоха

[1] См. об этом также: *Жигулев А. М.* Исторические события в русских народных пословицах.— Вопросы истории, 1961, № 5.

татарского ига нашла отражение в ряде скорбных, а часто и гневных эпизодов эпических песен. Разорение городов, гибель семьи, тяжесть плена, обременительные подати — таковы мотивы песен о татарском иге»,— писал С. А. Богуславский [2]. Но главным в былине было не описание тяжести чужеземного ига, а призыв к борьбе с монголо-татарами, ставший ведущей темой эпоса во время монголо-татарского ига. Былины были для народа и его устной историей, сохранившей память о былом единстве, и выражением народной идеологии с ее стремлением опоэтизировать борьбу народного героя с иноземным поработителем. Былины были в то время и агитационно-художественным средством мобилизации народных масс на борьбу с иноверцами-захватчиками, формой воспитания в народе воли к борьбе и веры в победу над врагом.

Именно в это время усилился процесс циклизации богатырей вокруг князя Владимира и Киева, а борьба с монголо-татарским игом стала тем стержнем, вокруг которого начали группироваться изменившиеся сюжеты старых былин. В эпоху монголо-татарского ига окончательно сложились и образы богатырей — идеальных героев-воинов, наделенных лучшими чертами русского национального характера. В образах богатырей в высокохудожественной форме отразились мечты и чаяния народа, его патриотизм, осознание своей силы, которую нельзя было сломить даже в тех тягчайших испытаниях, какие выпали на долю русского народа. В. Я. Пропп так пишет об этом: «Былины о разгроме татар содержат правдивое и реалистическое изображение татарского нашествия и его разгрома от момента вторжения врага в пределы Руси до его окончательного изгнания. Правдивость изображения определяется выделением в искусстве народа наиболее типических и характерных черт этой борьбы» [3].

Для нас очень важно подчеркнуть, что в былинах встречается отображение всех этапов борьбы русского народа с монголо-татарами — и сетования по поводу нежданного наступления золотоордынцев на Русскую зем-

[2] *Богуславский С. А.* Русская история в народной песне.— Народное творчество, 1937, № 9—10, с. 87.

[3] *Пропп В. Я.* Отражение разгрома монголо-татарского нашествия в русском эпосе: (К вопросу о типическом в народно-поэтическом творчестве).— В кн.: Научная сессия 1952—1953 гг. ЛГУ им. А. А. Жданова: Тезисы докладов по секции филологических наук. Л., 1953, с. 23; *Он же.* Русский героический эпос. М.; Л., 2-е изд., 1958, второй раздел монографии.

лю, и описание горестей и невзгод, постигших Родину, и призывы к борьбе с захватчиками. Одной из центральных идей эпоса становится идея несовместимости угнетенного положения русского народа с его национальным достоинством. Заносчивости и непомерному высокомерию захватчиков в былинах противопоставляется «вежество» русского богатыря как воплощение культурного и морального превосходства русского народа, беззаветной храбрости богатырей, противостоящей коварству и хитростям нечестных захватчиков, побеждающих не силой, а обманом.

Весьма существенна мысль Б. Н. Путилова, что «былина не пассивно отражает историю, а художественно отражает историческую волю народа, его вековые идеалы» [4]. В былине нет изображения конкретных исторических событий, описаний реально существовавших сражений. Но для нас крайне важно то, что в русском эпосе в это время меняется сама художественная структура эпического произведения. Борьба с иноземным игом, с этим действительно общенациональным бедствием, централизация государства, рост экономического и политического единства не только выдвигают конкретного общерусского героя, дела которого имеют общерусское значение, но, что особенно важно, делают возможным самое его осмысление как героя общенационального [5].

Эпоха золотоордынского ига причудливо отразилась в русских былинах. В них оказались смещенными и хронологические и географические представления, и исследователям приходится проводить сложную работу по выявлению различных и разновременных напластований. Былины отражали историческую действительность на всем протяжении их существования, что и привело к многоплановости содержания эпоса. Это отражение Путилов верно назвал эпическим [6]. Добавим, что эпос и не мог сделать этого: вовсе не случайно мы не знаем ни одной былины, посвященной какому-либо одному реальному историческому событию.

. . ..

[4] *Путилов Б. Н.* Успех творческих исканий.— Звезда, 1956, № 3, с. 183.

[5] См. об этом: *Емельянов Л. И.* Отражение исторической действительности в фольклоре (Русские исторические песни XIV—XVI веков): Автореф. канд. дис. Л., 1956, с. 12.

[6] *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.; Л., 1960, с. 140.

Но в то же время творцы-сказители былин не могли не откликнуться на такое крупное событие в жизни страны, как Куликовская битва, выходящая далеко за пределы собственно русской истории. И действительно, отражение Куликовской битвы в эпосе заключается в том, что и Куликово поле, и хан Мамай стали общими типическими местами в былине [7]. Они стали включаться сказителями в живую ткань возникших ранее былин, описывавших совсем иные эпические ситуации. Исследователь, специально занимавшийся этой проблемой [8], пишет: «Мы не знаем произведений фольклора, прямо посвященных Куликовской битве 1380 года, однако уже редкие упоминания Куликова поля и Мамая в былинах и исторических песнях XVI века говорят о том, что в народной поэтической памяти события 1380 года запечатлелись определенным образом» [9]. Относительно «редких упоминаний» автор ошибается. При более подробном анализе оказалось, что упоминания Куликова поля в былинах довольно часты и, что важно подчеркнуть, разноплановы. Действительно, в ряде былин Куликово поле — это обычное эпическое обозначение некоего географического места, где совершаются героические подвиги богатырей, и не случайно именно в запеве былины упоминается об этом:

По полюшку было да было жа полю Куликовскому.
Там ходил жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял же он не год, гулял он не год, не два:
Погулял жа вот бы млад Добрынюшка,
Да гулял же он ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет еще три года [10].

Куликово поле в былине, как отметил и Путилов,— это и былинное место казни, и окраинная земля, и просто «чисто поле», где спасается от татар Марья Юрьевна, где стоит «бел горюч камень» с предупредительными надписями — тот самый, который изобразил на своей картине

[7] См. об этом подробнее: *Ухов П. Д.* Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин.— В кн.: Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957, т. II, с. 129—154.

[8] *Путилов Б. Н.* Куликовская битва в фольклоре.— ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. XVII, с. 107—129.

[9] *Путилов Б. Н.* Русские исторические песни XIII—XVI вв.— В кн.: Исторические песни XIII—XVI вв. М.; Л., 1960, с. 27.

[10] *Миллер В. Ф.* Былины новой и недавней записи из разных местностей России. М., 1908, с. 92, № 34.

«Витязь на распутье» В. М. Васнецов. Фольклористы давно уже заметили, как часто упоминается в былинах Куликово поле просто как место совершения событий: «Довольно часто упоминается в былинах поле Куликово... порой без большой связи с сюжетом и, таким образом, является общим эпическим местом. Однако возникновение такого эпического места в былинах,— это не требует доказательств,— объясняется исключительно великим событием 1380 г.» [11] Однако не во всех былинах Куликово поле стало общим, внегеографическим «эпическим местом», таким, как Пучай-река, речка Смородина, Сорочинское поле, Брынские леса, Леванидов крест, камень Алатырь и пр. Путилов выделил в ряде былин те упоминания Куликова поля, которые описывают его как поле битвы, поле боевого поединка. Так, Алеша Попович, собираясь сражаться с Тугарином Змеевичем, говорит:

Надо со змеем переведаться
На поле на Куликовом [12].

В былине о Хотене Блудовиче герой вызывает на бой Чусову вдову с ее девятью сыновьями, причем желает, чтобы ехала она

Да со мною, с Хотенушкой, побрататься
Да и на поле Куликово,
Да и на то на займище Трепетово,
На то побоище Мамаево [13].

Еще более выразительно описание Куликова поля в печерской былине «Маево побоище» из сборника Ончукова:

Прибегала собака Кудреванко-царь
Он со тим со зетем со Киршиком,
Он со тим со сыном со Миршиком...
Становился на поле Куликово,
Заставливал шатры он чернобархатны.
От того от пару лошадиного
От того ет духу человеческа
А и поблекло красно солнышко,

[11] *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М., 1962, с. 174—175.
[12] *Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф.* Русские былины старой и новой записи. М., 1894, с. 96, № 28.
[13] *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1902 гг. М., 1904, т. I, с. 133.

Помертвел батюшко светел месяц,
А и потерялись де тут да звезды частые.
Звезды частыя да зори ясныя.
А и его де у собаки силы множество,
По праву его руку сорок тысячей,
По леву-то руку сорок тысячей,
Посреди, собаки, сорок тысячей,
Позади его да числа-сметы нет [14].

Эти чисто эпические легендарные цифры численности войска противника [15] должны были показать неслыханную доселе силу монголо-татарского войска и тем самым оттенить величие подвига богатырей, сражающихся за Родину. В былине «Илья, Ермак и Калин царь» мы также встречаем сходную ситуацию: Калин царь

Собирает силы и сметы нет,
Собрал сорок царей и сорок королей,
У всякого царя по сорока тысячей и по тысяче,
У всякого короля по триста и по тысяче.
Собирался собака ровно три года,
Во четвертый год собака во поход пошел,
И будет на том поле на Куликове,
И расставил он силу по чисту полю [16].

Те же мифические цифры численности монголо-татарского войска встречаются и в летописях, и в «Сказании о Мамаевом побоище», и т. д. Вне всякого сомнения и идейная, и художественная близость этого эпизода в былине к литературным произведениям на тему о Куликовской битве. Эта близость бесспорна, но она, увы, ничего не объясняет: Куликовская битва не смогла изменить сюжетно уже сложившийся к этому времени Киевский цикл былин об отбитом вражеском нашествии и отразилась лишь в отдельных деталях и образах.

Итак, самостоятельная былина о Куликовской битве не могла возникнуть в силу специфики эпического отображения действительности. Эпосу чуждо описание конкретного исторического события, он тяготеет к обобщенному образу, выражающему вековые чаяния и ожидания наро-

[14] *Ончуков Н. Е.* Печерские былины. СПб., 1904, № 26, с. 133.
[15] См. об этом подробнее: *Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— Вопросы истории, 1955, № 8, с. 16.
[16] *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909, т. I, 2-е изд, № 39, с. 264.

да. Куликовская битва и хан Мамай отобразились лишь в отдельных мотивах и образах былевого эпоса. Русский эпос, сложившийся задолго до 1380 г., в сюжетном отношении после Куликовской битвы не изменился, да и не мог измениться.

Помимо былин в русском народном творчестве этого времени бытовали и духовные стихи. Не отразилась ли эта битва в них? Исследователи давно уже обратили внимание на стих о Дмитрии Солунском — небесном патроне Дмитрия Ивановича Донского. Этот стих рассказывает о победе Дмитрия Солунского (с помощью небесной силы, разумеется!) над Мамаем и освобождении девушек-полонянок. Стих о Дмитрии Солунском — греческого происхождения. Об этом великомученике, пострадавшем во время императора Диоклетиана, давно уже было известно на Руси: Повесть временных лет под 907 г. упоминает о нем при рассказе о взятии Константинополя Олегом: «Несть се Олег, но святый Дмитрей, послан на ны». Житие Дмитрия Солунского помещено в Минее и в месяцеслове архимандрита Сергия. Икона с изображением Дмитрия Солунского (писанная, по преданию, на гробовой доске великомученика) была в 1380 г. перенесена из Владимира в Москву и поставлена в Успенском соборе. В роду Рюриковичей существовала традиция называть первенца в семье Дмитрием, так было у Ярослава Мудрого, Юрия Долгорукого, Александра Невского, Ивана I, Ивана II, Ивана IV Грозного, Алексея Михайловича.

В русском духовном стихе место сарацин, с которыми сражался греческий великомученик, заняли золотоордынцы во главе с Мамаем, а воин-святой, защитник родного города от неверных сарацин, превратился в героя, защищающего Русь от вражеских полчищ и одновременно выручающего из плена девушек-полонянок [17]. Известна также икона «Святый Дмитрий победи царя Мамая и всю силу его вражью» [18].

Духовные стихи, как известно, создавались и бытовали в специфической среде, испытывавшей сильнейшее

[17] *Соколов Б. М.* Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе.— Этнографическое обозрение, 1909, № 2—3, с. 182—185.

[18] А. И. Кирпичников утверждает, что в образе Мамая слились «безымянные начальники сарацинских полчищ» (*Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880, т. I, с. 232).

влияние со стороны христианства [19]. Путилов, заново обследовавший духовные стихи, отразившие в своем содержании Куликовскую битву, подчеркивает несомненное влияние устной фольклорной традиции на духовный стих. Однако говорить о коренной переделке духовного стиха под воздействием Куликовской битвы нельзя. Да, в народном сознании сближались образы Дмитрия Донского и Дмитрия Солунского, но Путилов прав: вытеснения образа греческого святого русским национальным героем не произошло. Духовный стих, правда, приобрел героико-патриотический характер, но не пошел дальше прославления божественной силы как единственной причины победы над нечестивыми монголо-татарами. И в этом смысле духовный стих стоял, конечно, неизмеримо ниже русских героических былин, в которых победа русских над монголо-татарами достигалась мужеством и отвагой богатырей [20].

Обратимся теперь к исторической песне, к тому жанру, истоки которого уходят как раз в это время — в период формирования русской народности и единого централизованного государства. Их своеобразие верно оценено Э. С. Литвиным [21]. Таким преобладающим типом в исторической песне стало описание конкретных, реально существовавших в истории событий с конкретным, реально существовавшим историческим героем. Продолжая традиции былевого эпоса и во многом используя традиционные художественные приемы былин, исторические песни брали за основу своего сюжета действительно происходившие события, важные для той эпохи социальные и внешнеполитические конфликты.

Естественно, монголо-татарское иго породило ряд откликов в фольклорных произведениях того времени, посвященных полону, борьбе русского народа с иноземными захватчиками. В этих произведениях выражалась тревога за судьбы родины, ненависть к иноверцам-поработителям.

[19] См. об этом подробнее: *Кирпичников А. И.* Особый вид творчества в древнерусской литературе.— ЖМНП, 1890, № 4, с. 306—312; *Он же.* Источники некоторых духовных стихов.— Там же, 1877, № 10, с. 133—150.

[20] *Адрианова-Перетц В. П.* Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия.— ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. VIII, с. 101.

[21] *Литвин Э. С.* О некоторых художественных особенностях народной исторической песни.— В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958, с. 125.

В центре начавших возникать в это время исторических песен стоят народные герои, борцы за свободу своего народа. Глубоко прав Путилов, писавший, что «исторические песни — это песни не столько о событиях, сколько о людях» [22]. При этом необходимо подчеркнуть, что герои исторических песен существенно отличаются от героев былин, от богатырей. Герой исторической песни — живой человек, выделяющийся среди других людей не сверхчеловеческой силой, «богатырством», а умом, храбростью, сметкой, уменьем, ловкостью, т. е. обычными человеческими чертами.

Для исторических песен характерна идея общерусского единства, особенно для тех, которые возникли после Куликовской битвы, укрепившей веру в возможность освобождения от иноземного ига. В том, что какие-то фольклорные произведения на эту тему существовали, сомневаться не приходится. Исследователи пытались (и довольно убедительно) выделить в составе древнерусских повестей следы этих начавших создаваться лироэпических песен (например, С. К. Шамбинаго выделяет песню о походе новгородцев на помощь Москве [23]). С этим согласны и фольклористы: «Следы исторических песен, в частности связанных с Куликовской битвой 1380 г., обнаруживаются в „Задонщине" и в „Сказании о Мамаевом побоище"» [24]. Однако это только следы. Выше была уже сделана попытка объяснить, почему эта битва не нашла своего сюжетного воплощения в русской былине. Но почему же эта битва (равно как и другие крупные столкновения с монголо-татарами — нашествие Тохтамыша 1382 г., стояние на Угре 1480 г. и др.) не послужила поводом к созданию самостоятельной исторической песни?

Полагаю, что причина этого лежит в том, что историческая песня как жанр сложилась только в XVI в. Попытки исследователей «удревнить» этот жанр, отнести время его возникновения к XIII в., к так называемому «рязанскому песенному циклу» (песни о Евпатии Коловрате, об Авдотье Рязаночке и т. д.) подверглись весьма

[22] *Путилов Б. Н.* О некоторых проблемах изучения русских исторических песен.— В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958, с. 117.

[23] *Шамбинаго С. К.* Литература Московского княжества XIV и XV вв.— В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1945, т. II. Литература 1220—1580 гг., ч. 1, с. 218—219.

[24] *Путилов Б. Н.* Русская историческая песня.— В кн.: Народные исторические песни. М.; Л., 1962, с. 14.

аргументированной и убедительной критике [25]. А. А. Зимин совершенно справедливо сопоставляет возникновение жанра исторической песни с такими явлениями, как «смена актового материала документами приказного делопроизводства, летописного повествования — исторической повестью (и хронографом, добавим от себя! — *Л. П.*), былин — исторической песнью, иконописания — изображением реального человека» [26]. Конечно, все эти явления не были единовременными. Наоборот, все они были процессами, длившимися во времени. Их корни, безусловно, уходили в предшествовавшие столетия.

Что же касается исторических песен, то хотя они и начали возникать как жанр еще в годы монголо-татарского ига (и произведения на историческую тематику в это время, безусловно, в русском фольклоре существовали), но в самостоятельный жанр в то время они, по-видимому, еще не оформились.

[25] *Емельянов Л. И.* Некоторые вопросы генезиса исторической песни.— В кн.: Историко-литературный сборник. М.; Л., 1957; *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI—XVII вв.— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Новая серия. М., 1960, т. 61, с. 14—17.

[26] *Зимин А. А.* Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни.— История СССР, 1963, № 3, с. 110.

В. Н. Ашурков

ПАМЯТНИКИ КУЛИКОВА ПОЛЯ

Одной из замечательных страниц истории нашей Родины явилась битва на Куликовом поле при впадении р. Непрядвы в Дон (Куркинский район Тульской области) 8 сентября 1380 г., завершившаяся победой русских войск над монголо-татарскими захватчиками. В течение столетий лишь курганы близ р. Непрядвы и церковь с. Монастырщина, заменившая некогда поставленную воинами Дмитрия Донского, напоминали о славном прошлом этих мест [1]. Только в середине XIX — начале XX в. здесь появился замечательный ансамбль мемориальных памятников, созданию которого предшествовала длительная история [2].

Беспримерный подвиг русского народа, разгромившего армии Наполеона в Отечественной войне 1812 г., побудил обратиться к тем событиям прошлого, которые были созвучны «славной памяти двенадцатого года» (А. С. Пушкин); открытие в Москве в 1818 г. памятника К. З. Минину и князю Д. М. Пожарскому, созданного И. П. Мартосом, став патриотическим торжеством, привлекло внимание общественности и официальных кругов к теме защиты Отечества.

Под впечатлением этого тульский гражданский губернатор граф Б. Ф. Васильев в июне 1820 г. решил возбудить вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия

.....

[1] *Нечаев С. Д.* Некоторые замечания о месте Мамаева побоища.— Вестник Европы, 1821, ч. 113, № 14, с. 125—129 (с планом); *Макаров М. Н.* Село Рождествено-Монастырщина и Куликово поле. М., 1826; *Афремов И.* Куликово поле. М., 1849; *Луцкий Е. А.* Куликово поле.— Исторический журнал, 1940, № 9, с. 44—54.

[2] Впервые на основе неопубликованных архивных материалов она рассмотрена: *Ашурков В. Н.* На поле Куликовом. Тула, 1970, с. 46—78.

в 1380 г.»[3] Инициатива исходила от директора училищ Тульской губ. С. Д. Нечаева, ревностного любителя наук и просвещения. Он принадлежал к «Союзу благоденствия», был близок с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, печатался в декабристских изданиях. Внимание декабристов привлекало героическое прошлое русского народа, отсюда и интерес Нечаева к Куликову полю, тем более что «он владел частию сего знаменитого места»[4].

Дворянство выразило готовность почтить память «сынов Отечества» достойным памятником. 9 июля 1820 г. Васильев обратился к генерал-губернатору Тульской, Орловской и Рязанской губерний А. Д. Балашову с просьбой получить согласие Александра I на возведение памятника и сбор добровольных пожертвований «со всех сословий государства». На щедрость тульских дворян не слишком рассчитывали!

Желая привлечь к будущему памятнику общественное внимание, Нечаев поместил на страницах популярного тогда журнала «Вестник Европы» описание Куликова поля и сделанных там находок[5]. Упоминая о «двух значительных возвышенностях» — Красном холме и холме к югу от сельца Куликовка,— он высказал мнение, что одна из них «избрана будет пьедесталом» для памятника.

На постановку его последовало «соизволение императора». Начались подготовительные работы. В августе 1820 г. Балашов обратился к И. П. Мартосу с предложением разработать проект памятника. В ответном письме от 22 августа скульптор раскрыл ему свой замысел[6]. Он мыслил памятник Дмитрию Донскому как полководцу, который «героизмом возбудил мужество своих соотечественников и сотворил поборников, себе достойных». Памятник «по обширности места» требовал величественных монументальных форм, и скульптура «составляла

[3] *Яблочков М. Т.* Памятник великому князю Московскому Димитрию Ивановичу на Куликовом поле.— Тульская старина, 1902, № 9, с. 3—7.

[4] *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черняев, С. Д. Нечаев).— Исторические записки, М., 1975, т. 96, с. 242—251.

[5] *С. Н.* [*Нечаев С. Д.*]. Описание вещей, найденных на Куликовом поле.— Вестник Европы, 1821, ч. 121, № 21, с. 348—350; *Он же.* О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях.— Там же, 1823, ч. 123, № 8, с. 307—311.

[6] Государственный архив Тульской области (далее: ГАТО), ф. 90 (Канцелярия губернатора), оп. 1, д. 621, л. 6—7.

в нем главное». Работа увлекла Мартоса, и 21 октября он уже представил проект памятника Балашову [7]. Мартос трактовал образ Дмитрия «в виде героя сражающегося. Убитый из противников и другой, слабо защищающийся, выражают и превосходство в силах татар, и гибель их на Куликовом поле, и храбрость князя, им противостоящего». Вопреки традиции князь изображался полуодетым, так как в «его время простые воины дрались нередко только в шишаках, легких латах и рубашках, в день же Куликовской битвы он сражался, как простой воин». Тем самым фигура князя становилась обобщенным образом русского воина, олицетворением героического подвига самого народа. Пьедестал, чтобы «общая масса памятника имела более игры и легкости», делался с пролетом. Мартос использовал ту идею памятника — триумфальной арки, которая получила распространение позднее (О. И. Бове, В. П. Стасов). На закате дней прославленный скульптор стремился создать еще одно большое патриотическое произведение.

Васильев, находясь в Туле, сохранил связи в невской столице. Для осуществления своих планов он искал поддержки у влиятельных лиц. Одним из них был археолог и историк, директор Петербургской публичной библиотеки и президент Академии художеств А. Н. Оленин (1769—1843 гг.). От него, безусловно, зависело многое.

Переписка Васильева с Олениным, хранящаяся в Отделе рукописей ГБЛ, которая ранее не привлекала внимания исследователей, объясняет многое в дальнейшей судьбе проекта Мартоса.

Письмом от 22 октября 1820 г. Васильев осведомил Оленина о проведенном осмотре Куликова поля, а также послал ему «как любителю отечественной истории» один из найденных там бердышей [8]. Оленин, отвечая Васильеву 7 декабря 1820 г., сообщал, что Мартос, увидев у него этот бердыш, «непременно хотел употребить его в руках героя русского в памятнике предполагаемом». «Признаюсь Вам,— писал далее Оленин,— что желал бы видеть сей памятник в ближайшем к тому полю городе или даже селении, ибо произведения ваятельного искусства в чистом обширном поле совершенно теряют над-

[7] Старина и новизна. Исторический сборник ревнителей русского исторического просвещения. СПб., 1905, кн. 9, с. 1—6. Прилож.— рисунок памятника.

[8] ГБЛ, ф. 211 (А. Н. Оленин) М — 3620/3а, л. 3—4.

лежащий эффект, извините, что нет русского на это слово»[9]. Он прямо высказался здесь против намерения Васильева возвести памятник именно на Куликовом поле.

В ответном письме 17 декабря 1820 г. Васильев, указывая, что «дело на полном ходу..., нетерпение и любопытство многих дошло до степени достаточной, а Иван Петрович Мартос **жадничает** (подчеркнуто в оригинале.— *В. А.*) приняться за работу», явно стремился показать, что пересматривать его предложение теперь уже поздно. Но все же он был вынужден признать, что «на Куликовом поле в Епифанском уезде на пространстве диком и глухом едва ли кто воздаст хвалу русскому Фидию». Поэтому Васильев и сделал несколько неожиданное предложение: «Нижегородский гражданин Минин оказался на Красной площади в Москве. Почему же герою Донскому не украсить своим присутствием губернский город Тулу?»[10]

Не исключено, что, хотя документальных свидетельств и нет, обсуждалась возможность постановки памятника Дмитрию Донскому в столице. Только в связи с этим может быть понято страстное обращение Васильева к Оленину: «Молю Вас всем именем древности российской, не отдавайте Дмитрия ни Москве, ни Петербургу..., чем увидеть его на великолепных площадях Ваших, соглашусь скорее, чтобы он поставлен был хотя бы в дебрях, но только тульских»[11]. Он осторожно пытался вернуть Оленина к своему первоначальному предложению.

25 января 1821 г., отвечая Васильеву весьма дружественным письмом, Оленин, однако, остался непреклонным. «Как президент Академии художеств,— писал он,— **я протестую** (подчеркнуто в оригинале.— *В. А.*) против сооружения памятника Дмитрию на самом Куликовом поле». Но далее он заявлял, что «готов обеими моими руками» подписать согласие на постановку памятника в Туле. На Куликовом поле он предлагал «воздвигнуть простую, но огромную пирамиду или столп с надлежащей надписью»[12].

Авторитетное мнение президента Академии художеств и предопределило судьбу проекта Мартоса, который осенью 1821 г. поступил на рассмотрение Комитета

[9] Там же, М — 3620/3в, л. 4 об.
[10] Там же, М — 3620/3а, л. 5 об.— 6.
[11] Там же, л. 6 и об.
[12] Там же, 3620/17, л. 4 об.

министров. Министр просвещения и духовных дел А. Н. Голицын и министр внутренних дел В. Г. Кочубей нашли, что проект Мартоса слишком роскошен для провинциальной глуши, и потому «за нейдением к месту» (так!) от него решили отказаться [13].

10 декабря 1821 г. министры определили воздвигнуть на Куликовом поле обелиск, «подобно тому как и на многих местах, где были замечательные сражения, существуют». Тем самым был обусловлен характер нового проекта, составление которого поручалось Академии художеств. Комитет предпочел грандиозному замыслу Мартоса более традиционное решение, но оно означало официальное признание плана Васильева и Балашова. Комитет под председательством Балашова предложил создать на Куликовом поле целый мемориальный ансамбль. В него должны были войти: обелиск из гранита или чугуна (на Красном холме), храм во имя Сергия Радонежского, инвалидный дом для ветеранов войны 1812 г., которым поручалось охранять памятник и «возвещать древнюю отечественную славу» [14].

Для осуществления столь широких планов пока не было средств. Единственно возможным оставалось проектирование памятника. Архитектор А. М. Мельников (1784—1854 гг.) разработал новый проект. Он, умело используя привычные формы, не проявил особой оригинальности. На пьедестале возвышался гранитный обелиск с беломраморным барельефом. Он изображал эпизод, когда соратники сообщают раненому князю Дмитрию «о совершенном поражении татар». Масштаб памятника мало отвечал условиям местности, а сюжет барельефа не выражал героического пафоса борьбы и подвига, какой был в проекте Мартоса. Все же Комитет министров в 1823 г. одобрил проект (с заменой барельефа надписью) и назначил на его исполнение 49 160 руб. [15]

Только 27 августа 1824 г. Александр I, окончательно утвердив предложения Балашова, разрешил открыть «повсеместно в государстве» подписку «на добровольные приношения» для сбора средств на памятник и инвалидный дом. По всей России открылся сбор добровольных пожерт-

[13] *Мухина С. Л.* Указ. соч., с. 248.

[14] *Берже А. П.* Памятник великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.— Русская старина, 1880, № 10, с. 437—440.

[15] *Яблочков М. Т.* Указ. соч., с. 6—7.

вований. Создание памятника становилось подлинно всенародным делом.

С призывом участвовать в сборе пожертвований Балашов обратился не только к высшим сановникам и «благородному дворянству», но и ко всему населению, опубликовав обращение к «Жителям Тульской губернии». «Вы, ревностные любители страны родной, вы, неизменные соучастники в каждом из подвигов славы отечественной, вероятно, сорадуетесь предприятию важному и оправдаете благородными пособиями надежду зреть скорее памятник великому на земле вашей месте первоначального спасения всей России»,— так писалось в воззвании [16]. Четко выраженной патриотической тенденцией, отчасти стилем обращение напоминало воззвания и реляции, с какими власти обращались к населению в памятные дни 1812 г. Призыв встретил широкий отклик. Если дворяне и купцы давали от избытков, то «простонародье» — крестьяне, работные люди, мещане Тульской и других губерний, храня память доблести предков, несли доставшиеся им копейки. Была собрана значительная сумма — 367 тыс. руб. ассигнациями.

Однако неожиданные обстоятельства осложнили создание памятника. В 1823 г. и Васильев, и Нечаев оставили службу в Туле. Правительство после восстания декабристов с подозрением относилось к любым общественным начинаниям. О памятнике на Куликовом поле «забыли». Балашов в сентябре 1827 г. все же осмелился напомнить о нем новому императору Николаю I. Он просил утвердить комитет для строительства памятника, но это «было оставлено до времени» [17].

Только в начале 1835 г. Николай I поручил Академии художеств составление проектов обелиска (вместо принятого в 1823 г. проекта Мельникова), храма и жилья на 20 воинов. К участию в конкурсе были привлечены архитекторы: А. П. Брюллов, К. А. Тон, А. А. Тон, Х. Ф. Мейер. Среди них выделялись Брюллов — автор церкви Петра на Невском проспекте (1838 г.) и К. Тон — создатель пристани с египетскими сфинксами на набережной Невы (1834 г.). Идейно-художественные принципы и творческие приемы классицизма уже уступали место тому официальному направлению в архитектуре, выразив-

[16] ГБЛ, ф. 226 (А. А. Писарев), карт. 6, д. 29, л. 5.

[17] ЦГВИА, ф. 405 (Департамент военных поселений), оп. 7, д. 1702, л. 3 об.— 4.

телем которого позднее стал К. А. Тон — создатель «русско-византийского стиля». Это неизбежно сказалось и на характере, и на эстетической стороне проектов.

Из всех представленных Николай I 25 января 1836 г. «соизволил одобрить» проект А. П. Брюллова [18]. Проектируемые им здания отвечали официально принятому стилю: четырехстолпный храм, перекрытый сводами, завершался массивным барабаном с луковичной главой; примыкавшие к храму галереи, образуя внутренний двор, связывали его с жилыми помещениями и службами. Перед главным фасадом храма возводился обелиск. Строительства все же не начинали, считая, что капитала недостаточно, и ждали, «когда он умножится».

Только 17 февраля 1845 г., знакомясь с ходом строек военного ведомства, император вспомнил о проекте Брюллова. Указав, что памятники в честь побед 1812 г. строились без церквей и богаделен, повелел ограничиться на Куликовом поле «возведением одного только обелиска по образцу уже построенных в империи». Тогда же, грубо нарушая волю жертвователей, Николай I определил на это 50—60 тыс. руб., назначив остальные 300 тыс. «на образование дворянского юношества в кадетских корпусах» [19].

Император все же чувствовал «связь времен», приравнивая памятник на Куликовом поле к памятникам в честь побед 1812 г. Они возводились по типовым проектам, которые делились на три разряда «по важности мест сражения». Поэтому Департамент Главного штаба, признав, что «слава соотечественников наших, действовавших на Куликовом поле, глубоко и справедливо вкоренилась в мнении народном», отнес Куликовский памятник к первому разряду, как и памятник «Великого дня Бородина» (А. С. Пушкин).

Брюллов сам проектировал этот памятник (1839 г.), и потому создание нового проекта монумента с соблюдением требуемого «единообразия» не составляло для него трудности. Все же Брюллов искал оригинальное решение и предложил памятник в виде трехъярусного столпа из пучков колонн (с часовней в его основании), завершавшегося ходовой площадкой с вышкой, увенчанной луко-

[18] Там же, л. 74. Г. А. Оль в книге «Архитектор Брюллов» (М., 1955) описания этого проекта не дает.

[19] ЦГВИА, ф. 405, оп. 7, д. 1703, л. 161—162; д. 1702, л. 81 об.— 82.

вичной главой [20]. Необычность памятника вызвала неодобрение властей, и, следуя указаниям свыше, Брюллов подверг проект переработке.

В окончательном проекте памятник представлял чугунный, несколько суженный вверх столп (в 28 метров) на трехступенчатом основании. Он состоял из многогранного базиса, деленного на ниши пилястрами, украшенными щитами с московским гербом и шлемами. На базисе возвышались поставленные в три яруса мощные пучки трехчетвертных коринфских колонн, завершавшиеся широким фризом из дубовых листьев и золоченой главой с крестом над луной [21]. Памятник соответствовал тому образу торжественного триумфального столпа, который уже получил признание в русском искусстве (Колонна полтавской победы 1811 г., Александровская колонна 1834 г. и др.).

20 апреля 1847 г. Николай I «высочайше соизволил» утвердить проект. Произвести отливку, доставку и установку памятника на месте за 52 778 руб. серебром взялся по контракту Петербургский машиностроительный завод К. Берда, известный художественным литьем [22].

Оригинальная конструкция монумента была разработана бывшим управляющим Александровским чугунолитейным заводом генералом А. А. Фулоном. Указывая на трудности отливки и монтажа «весьма крупных деталей», он предложил выполнить памятник из девяти составных частей («сростов»), разделенных на трети. Основой для сборки этих частей воедино служил опорный внутренний полый чугунный столб, к нему крестовинами с болтами крепились детали памятника. Вес памятника определялся в 26 085 пудов, или 428 тонн, по примерному расчету. Памятник является одной из монументальных художественных отливок первой половины XIX в.[23] Под руководством Брюллова были изготовлены чертежи и модели. Завод «с особым тщанием отливал детали памятника».

[20] Музей Академии художеств в Ленинграде (далее: МАХ), чертеж А — 2461, фасад и разрез.

[21] Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее: ЦГАВМФ), ф. 3 (Главное инженерное управление), оп. 28, № 1713, рассмотрен Департаментом военных поселений 24 января 1846 г.; МАХ, А — 2458, А — 2459.

[22] ЦГВИА, ф. 405, оп. 7, д. 1703, л. 296.

[23] Там же, л. 274—275; ЦГАВМФ, ф. 3, оп. 28, № 1715. Технический проект памятника (разрез).

Предстояло определить текст мемориальных надписей. Брюллов, ссылаясь на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, предложил 8 февраля 1848 г. присутствию Департамента военных поселений поместить по окружности памятника на выбор либо слова из 45-го псалма («Бог нам прибежище и сила...»), что соответствовало официальной идеологии, либо обращение князя Дмитрия к своим соратникам («Братие, потягнем вкупе»), что выражало огромное значение того всенародного единства, которое и обеспечило победу на Куликовом поле. Для ниши основания предлагалась надпись: «Лета 1848. Государем императором Николаем I великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому, освободителю России от татар в 1380 году» [24]. Текст явно отступал от истины: памятник создавался не императором, а на всенародные пожертвования, и освобождение Руси от ига Орды произошло лишь через сто лет после Куликовской битвы.

Департамент военных поселений выбрал для одной надписи текст псалма, в другую внес изменения. Она стала читаться: «Изволением императора Николая I победителю татар князю Дмитрию Ивановичу Донскому признательное потомство. Лето от рождества Христова 1848». В самодержавно-крепостнической России даже признательность потомства могла выражаться лишь с «высочайшего изволения». Николай I утвердил текст надписей, но все же вычеркнул упоминание о своем «изволении» [25].

Теперь до завершения памятника оставалось немного. Изготовленные детали заводчик направил по санному пути из Петербурга в г. Епифань (Тульская губ.), оттуда к Красному холму, где развернулись с весны 1849 г. монтажные работы. Летом ступени пьедестала и вся колонна, кроме главы, были собраны. Осенью работы закончились, и в декабре 1849 г. комиссия приняла памятник, признав, что он выполнен «с особой отчетливостью и во всем согласно чертежа» [26].

Николай I в феврале 1850 г. повелел открыть памятник в день годовщины Куликовской битвы, определив к нему для охраны двух солдат — ветеранов 1812 г., тульских уроженцев.

Открытие памятника было проведено 8 сентября 1850 г., как казенно-церковное торжество с участием

[24] ЦГВИА, ф. 405, оп. 7, д. 273, л. 1—2.
[25] Там же, л. 8 об., 12.
[26] Там же, д. 1703, л. 407; д. 1704, л. 50 об.

губернского начальства и почетных гостей. Однако оно было нарушено неожиданным происшествием. На поле собралось множество крестьян, а когда в палатке, где был парадный завтрак, провозгласили «Ура!», крестьяне решили, что «объявлена воля», и ринулись туда; жандармы оказались бессильны, палатка завалилась под напором толпы. Спокойствие с трудом восстановили [27]. Открытие памятника было отмечено в печати, и это способствовало популярности Куликова поля как одного из исторических мест.

Прошло полвека, и в России многое изменилось. С обострением классовой борьбы и ростом революционного движения на рубеже XIX—XX вв. правительство, церковь и дворянство, стремясь укрепить свое влияние на массы, освещали героическое прошлое в религиозно-монархическом духе, использовали как повод для построения храмов, нередко с одобрения мистически настроенного царя.

Тульские церковники давно желали, чтобы близ «мертвого безгласного монумента» был построен храм во имя Сергия Радонежского. Дворянство поддержало «пастырей духовных». Генерал-адъютант царя граф А. А. Олсуфьев в 1902 г. пожертвовал участок земли и привлек к составлению проекта талантливого архитектора А. В. Щусева (1873—1949 гг.) [28].

Прекрасно знакомый с памятниками древнего русского зодчества, Щусев глубоко постиг его сущность, сумел выделить в нем подлинно народные черты, близкие и ценные для нового времени. Одной из его ранних работ в этом направлении был проект храма на Куликовом поле.

Зодчий предполагал возвести пятиглавый храм (с трапезной) в стиле древних церковных зданий. Западный фасад имел звонницу над главным входом и по углам башни с шатровыми перекрытиями. Этот проект 1906 г. не удовлетворил автора, и он продолжал работу. В окончательном проекте 1911 г. каждая из башен получила

[27] *Оболенский Д. Д.* Наброски из прошлого.— Исторический вестник, 1893, кн. 12, с. 661—662.

[28] О нем см.: *Соколов Н. Б.* А. В. Щусев. М., 1952; *Дружинина-Георгиевская Е. В., Кронфельд Я. А.* Зодчий Щусев. М., 1955. А. В. Щусев стал выдающимся зодчим советской эпохи, прославив себя как создатель Мавзолея В. И. Ленина и других зданий.

особую трактовку [29]. «Я изменил верх второй башни — вместо купола шлем... Оставить обе башни одинаковыми — это ложноклассично, робко...» [30]. В здании не было ничего от официальной церковности, весь облик его, близкий к древним «градам» и кремлям, напоминал о борьбе, о подвиге предков здесь, на поле Куликовом. Своеобразие композиции, ее логичность, простота и жизнерадостность, издавна присущие народному зодчеству, ярко проявились в созданной Щусевым церкви, сделали ее подлинным произведением искусства, имеющим высокую непреходящую ценность.

Благодаря связям Ю. В. Олсуфьева строительству было придано почти государственное значение. Строительный комитет состоял под «покровительством» брата царя — великого князя Михаила и проводил широкий сбор пожертвований, которых поступало немного. Стройку поэтому не начинали. Однако в марте 1910 г., принимая тульского губернатора, Николай II неожиданно проявил к ней «высочайшее внимание». Это заставило тульские власти назначить закладку храма на 8 сентября 1910 г., о чем и доложили царю. Впрочем, вскоре под предлогом эпидемии, возникшей в Епифанском уезде, закладку отложили «до более благоприятного времени» [31].

Прошло почти два с половиной года, пока были собраны средства и подготовка к строительству завершилась. 16 июня 1913 г. при громадном стечении народа из окрестных сел и деревень состоялась закладка храма [32]. В 1913—1914 гг. здание было вчерне построено, что обошлось в 24 тыс. руб. Начавшаяся летом 1914 г. мировая империалистическая война замедлила ход работ.

Имело значение и то, что граф Ю. В. Олсуфьев — председатель строительного комитета, не считался с замыслами зодчего и пытался навязывать ему свои решения. Это было «крайне не по душе» А. В. Щусеву и вызывало неизбежные конфликты. 15 февраля 1915 г. Олсуфьев писал Щусеву: «... мне слишком дорог общий замысел постройки, чтобы умалять ее, скажу откровенно,

[29] Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб., 1906, вып. 1, с. 128—133; СПб., 1911, вып. 6, с. 147—148.

[30] Из письма Щусева П. Н. Нерадовскому (*Дружинина-Георгиевская Е. В., Кронфельд Я. А.* Указ. соч., с. 24).

[31] ГАТО, ф. 90, оп. 3, д. 325 за 1910—1913 гг., л. 1, 3, 4.

[32] Там же, л. 18—19; Храм-памятник на Куликовом поле.— Нива, 1913, № 27, с. 540.

неудачной деталью. Вы мне простите, но шлема я выполнять не могу и не буду...». Это вызвало возмущение Щусева. В ответном письме он заявил, что прекращает выдачу чертежей и наблюдение за стройкой до выяснения вопроса. Если этого не последует, он откажется от авторства, и «строительный комитет может с спокойной душой завершить **сознательный вандализм**» (подчеркнуто Щусевым.— *В. А.*) [33].

Заявляя так, Щусев, по-видимому, знал о том, что «для укрепления нравственных начал в народе» Олсуфьев вознамерился наскоро строить монастырь близ церкви. Величавый храм-памятник, прекрасно вписавшийся в просторы Куликова поля, должен был оказаться среди случайных, безликих построек, потерять в своей художественной выразительности.

Создавшиеся взаимоотношения ярко характеризовали «свободу творчества» в дворянско-помещичьей России, но зодчий все же хотел, чтобы его создание предстало перед потомством. Это побудило его пойти на компромисс: он отказался от шлемовидного перекрытия южной башни, заменив его шатром с главкой, от побелки стен и некоторых деталей. Предстояла окончательная отделка здания.

Пятиярусный иконостас (не сохранился) был заказан Д. С. Стеллецкому, одному из художников группы «Мир искусства» (известному стилизациями иконописи XVII века), и В. А. Комаровскому. Стеллецкий написал иконы «Благовещение», «Архангел Гавриил» и др.; сделал рисунки утвари. Внутреннее оформление церкви не было осуществлено, а нетерпеливые церковники уже намечали день священия храма. Но царская помещичья Россия доживала последние дни.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции просторы Куликова поля, как и все прилегающие к нему помещичьи земли, стали достоянием самого народа, вступавшего под руководством Коммунистической партии на путь строительства социализма. Исторические памятники Куликова поля взяло под охрану Советское государство, и они должны были служить делу просвещения и политического воспитания масс.

Это стало возможным только с завершением гражданской войны и переходом к мирному строительству.

[33] Центральные государственные научно-реставрационные мастерские, шифр 197, инв. № 39. Пояснительная записка к проекту реставрации храма-памятника на Куликовом поле, л. 14, 16.

На поле начались первые экскурсии. В отделе истории Тульского областного краеведческого музея (основан в 1927 г.) была развернута экспозиция по Куликовской битве. Переработанная и дополненная, она и сейчас привлекает внимание. В 1939—1940 гг. музей провел экспедицию для обследования и фиксации состояния памятников и исторических мест. Осенью 1940 г. в здании церкви была открыта выставка к 560-летию битвы. Намечалось дальнейшее развертывание исследовательской и массовой работы.

Война, навязанная Советскому Союзу немецкими фашистами летом 1941 г., на время прервала мирное строительство. Грозная опасность создалась для памятников Куликова поля, когда осенью 1941 г. немецко-фашистские войска, стремясь прорваться к Москве, предприняли обход Тулы. В числе временно занятых врагом пунктов оказались Епифань и ее округа. Близ Куликова поля развернулись упорные бои. Стойко обороняя занятые рубежи, наши части успешно отражали атаки врага [34]. Меткий огонь артиллеристов уничтожил семь вражеских танков. 5—6 декабря началось грандиозное контрнаступление советских войск под Москвой. 10-я армия генерала Ф. И. Голикова, прорвав линию немецкой обороны на Дону, заставила гитлеровцев поспешно бежать, как некогда войска Мамая.

Наш героический народ под руководством Коммунистической партии, одержав всемирно-историческую победу над врагом в мае 1945 г., приступил к восстановлению разрушенного хозяйства, к осуществлению новых планов мирного строительства. Рост социалистического производства создал прочную базу для повышения материального благосостояния и культуры советского народа. В воспитании всесторонне развитого человека коммунистического общества существенное место заняло и замечательное наследие прошлого.

Наряду с другими историческими местами нашей великой Родины Куликово поле с его памятниками получило известность далеко за пределами Тульской области. С 1965 г. в здании храма открыт филиал Тульского областного краеведческого музея. Только за 1979 г. здесь побывало до двадцати тысяч человек и проведено 400 экс-

[34] *В. З. Рожков.* На Куликовом поле в 1941 г.— Вперед (Куркино), 1968, 14 декабря, № 146.

курсий. Среди посетивших эти места туристы из Москвы, Ленинграда, Риги, Киева, Минска, Рязани, Брянска, многих других городов Советского Союза, из братских социалистических государств.

Интерес к памятникам Куликова поля растет с каждым годом, и это помогает им обрести новую жизнь, органически войти в нашу эпоху. По проекту Центральных государственных реставрационных мастерских Министерства культуры СССР (главный архитектор проекта А. В. Воробьев, автор О. В. Череватая) Тульской научно-реставрационной мастерской объединения Росреставрация (директор А. Н. Новиков) проведены большие работы по всему мемориальному комплексу. Реставрирован памятник на Красном холме, несколько пострадавший от времени. Восстановлена, согласно авторским чертежам А. В. Щусева, церковь Сергия Радонежского, в стенах которой развернуты экспозиции музея Куликовской битвы. Реставрирована и церковь (1867 г.) в с. Монастырщина на месте захоронения русских воинов. Проведено благоустройство охранной зоны и примыкающей к ней территории.

Мы чтим наше героическое прошлое, страницы которого навсегда останутся грозным предостережением, уроком любым современным агрессорам, стремящимся ввергнуть мир в новые губительные войны. Великий подвиг, совершенный русским народом на широких просторах Куликова поля, пройдя через века, навсегда сохранится в памяти потомства.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА 1380 Г.
УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Русские и советские издания

Библиографические указатели

Белокуров С. А. Указатель ко всем периодическим изданиям Общества истории и древностей российских при Московском университете по 1915 год.— Чтения в О-ве истории и древностей российских 1916, кн. 2, IV, 288 с.

Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. [1674—1959 гг.] — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.—353 с.

Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.— 434 с.

Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР: 1958—1967 гг. Ч. 1 (1958—1962 гг.).— Л.: Наука. Ленинград. отд., 1978.— 205 с.

Дробленкова Н. Ф., Бегунов Ю. К. Библиография научно-исследовательских работ по «Задонщине» (1852—1965 гг.).— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла.— М.; Л., 1966, с. 557—583.

Иконников В. С. Опыт русской историографии: в 2-х т.— Киев: Тип. имп. ун-та, 1891—1908.

Инглези Р. М. Куликовская битва (1380 г.— 8 сентября — 1955 г.): Краткий список лит.— М.: Гос. публ. ист. б-ка, 1955.— 5 с.

История СССР: Указ. сов. лит. за 1917—1952 гг. Т. I.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— 724 с.

Казакевич А. Н. Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.).— В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 294—358.

Кинкулькин А. Т. Наши великие предки: Указ. лит.— М.: Всесоюз. кн. палата, 1942.— 80 с.

Ламбин П. П., Ламбин Б. П. Русская историческая библиография: Год [1855—1864 гг.].— СПб.: Имп. Акад. наук, 1861—1884.

Мазаев М. Н. Систематический указатель статей исторического журнала «Древняя и новая Россия». 1875—1881.— СПб.: А. С. Суворин, 1893.—83 с.

Махновець Л. Є. Українські письменники: Біо-бібліографичний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.).— Київ: Худ. літ-ра, 1960.— 979 с.
Повісті про Мамайове побоіще, с. 827—831.

Межов В. И. Русская историческая библиография: Указатель книг и статей по рус. и всеоб. истории и вспом. наукам за 1800—1854 гг. вкл.: Т. 1—3.— СПб.: И. М. Сибиряков, 1892—1893.

Межов В. И. Литература русской истории за 1859—1864 гг. Т. I.— СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского.— 1866.— XVIII, 418 с.— Прил. к «Журн. М-ва нар. просвещения», 1866.

Межов В. И. Русская историческая библиография за 1865—1876 гг. вкл.: Т. 1—8.— СПб.: Тип. Акад. наук, 1882—1890.
Мельц М. Я. Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1917—1944.— Л.: БАН СССР, 1966.— 683 с.
Мельц М. Я. Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1945—1959.— Л.: БАН СССР, 1961.— 402 с.
Неустроев А. Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703—1802 гг. и к историческому розысканию о них.— СПб.: Тип. П. О. Яблонского, 1898.— 805 с.
Осипов К. Куликовская битва.— Что читать, 1940, № 8, с. 16—19.— (Ист. справка и обзор лит.).
Полегаева В. П. Куликовская битва. 1380—1955: (Памятка в помощь библиотекарю) / Вступ. статья В. Ашуркова.— Тула: Тульск. кн. изд-во, 1955.— 20 с.
Роспись содержания «Русского архива», изд. П. И. Бартеневым за первые тридцать лет (1863—1892): С азбучным указателем.— М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1894.— IV, 239 с.— Прил. к журн. «Русский архив», 1894, кн. 1.
Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800: Т. 1—5.— М.: Книга, 1962—1967.
То же.— Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения.— М.: Книга, 1975.— 190 с.
Систематический указатель содержания «Исторического вестника» за 1880—1889 годы.— СПб.: А. С. Суворин, 1891.— 272, XXV с.
То же — за 1890—1894 годы.— СПб.: А. С. Суворин, 1896.— 155 с.
Сопиков В. С. Опыт Российской библиографии / Ред., примеч., доп. и указатель В. Н. Рогожина: Ч. 1—5.— СПб.: А. С. Суворин, 1904—1906.
То же.— Указатель...— СПб.: А. С. Суворин. 1908.—253 с.
Тимощук В. В. Систематическая роспись содержания «Русской старины», изд. 1870—1884 гг.— СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1885.— 282 с.

Источники

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина: Текст и примеч.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1947, т. 5, с. 194—224.
Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — нач. XVI в.: Т. 1—3.— М.: Изд-во АН СССР, 1952—1964.
Варлаам, архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря.— Уч. зап. имп. Акад. наук, 1859, 2-е отд-ние, кн. 5, раздел 3, с. 1—66.— Прил. 5: Задонщина, сочинение Софония старца Рязанского, с. 57—66.
Воинские повести древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 358 с., 26 л. ил.
Дмитриева Р. П. Тексты «Задонщины»: Публ.— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 535—556.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 585 с.
Ильин А. А. Классификация русских удельных монет.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940.— 44 с.
Ильин А. А. Монеты великого княжества Черниговского конца XIV в.: Монетный двор в Ярославле.— Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1920.— 17 с.

Исторические песни / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л. Шептаева.—2-е изд.— Л.: Сов. писатель, 1951.
С. 79—122: Татаро-монгольское иго.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 640 с.
Поведание и сказание о побоище великаго князя Димитрия Ивановича Донскаго / Предисл. И. Снегирева.— Рус. ист. сборник, 1838, т. 3, кн. 1, с. I—XVI, 1—80.
Повести о Куликовской битве: Тексты, переводы и примеч. / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 511 с.
Полное собрание русских летописей.— СПб.; Пг.; М., 1853—1968.
Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1.— Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915.— IX, 320 с.
Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2.— Л.: Изд-во АН СССР, 1925.— с. 321—536.
Т. 4. Ч. 2. Новгородская пятая летопись. Вып. 1.— Пг.: Тип. Я. Башмакова, 1917.— VI, 264 с.
Т. 6. VI. Софийские летописи.— СПб.: Тип. Э. Праца, 1853.—358 с.
Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку.— СПб.: Тип. Э. Праца, 1859.— VIII, 301 с.
Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.— СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897.— 254 с.
То же.— М., 1965.— VII, 254, VI, 266 с.
Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.— СПб.: Тип. Л. Демиса, 1863.— 503 с.
Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец.— 2-е изд.— Пг.: [Б. и.], 1922.— 186 с.
Т. 17. Западнорусские летописи.— СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907.— 648 с.
Т. 18. Симеоновская летопись.— СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913.— III, 316 с.
Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. Ч. 1.— СПб.: Тип М. А. Александрова, 1901.— IV, 418 с.
Т. 21. Ч. 2. Книга степенная царского родословия. Ч. 2.— СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913.— 343—708 с.
Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2. Хронограф западнорусской редакции.— Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1914.— IX, 289, II с.
Т. 23. Ермолинская летопись.— СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910.— V, 239 с.
Т. 24. Типографская летопись.— Пг.: 2-я гос. тип., 1921.— III, 271 с.
Т. 25. Московский летописный свод конца XV в.— М.: Изд-во АН СССР, 1949.— 463 с.
Т. 26. Вологодско-Пермская летопись.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 412 с.
Т. 27. Никаноровская летопись: Сокращ. летописные своды конца XV в.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 418 с.
Т. 28. Летописный свод 1497 г.; Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись).— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.— 411 с., 4 л. факс.
Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1968.— 262 с.
Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам.— Пг.: Тип. Научное дело, 1916.

Гл. 2. Восстановление начального текста краткой коллекции ярлыков, с. 56.

Псковские летописи: Вып. 1—2.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1955.

Ржига В. Ф. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»): С прилож. текста Слова Софония и 28 снимков с текста по рукописям Гос. Ист. музея XVI в.— М.: Изд-во МГПИ, 1947.— 99 с. с ил.— (Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 43. Каф. рус. лит-ры).

Рукопись о Задонском побоище под заголовком: Сказание о Задонском побоище, како бысть то побоище за рекою Доном Великого князя Дмитрия Ивановича Московского с Мамаем, царем Татарским.— Рус. вестник, 1810, ч. 9, № 3, с. 1—31.

Русская устная словесность. Т. 2. Былины. Исторические песни / Под ред. и с вводн. статьей и примеч. М. Сперанского.— М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1919.
Татарщина, с. 349—396.

Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV—XVIII ст.: «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата князя Володимира Андреевича по Кириллo-Белозерскому списку 1470 г.— Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1922.— I, 34 с., XVII табл. фототипич. воспроизв. текста.— (Сб. отд-ния рус. языка и словесности Рос. Акад. наук, т. 100, № 2).

Синопсис, или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славенороссийскаго народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева, о житии святаго благовернаго Великаго князя Киевскаго и всея России первейшаго самодержца Владимира. И о наследниках благочестивыя державы его Российския... Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1674.
С. 124—179: Сказание о Мамаевом побоище в ред. Синопсиса.

Сказание о Мамаевом побоище / С предисл. С. К. Шамбинаго.— СПб: Тип. М. А. Александрова, 1907.— 108 с., 74 л. ил.— (Тр. О-ва любителей древ. письменности, т. 125).

Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его князе Володимере Андреевиче яко победили супостата своего царя Мамая / Сообщ. В. М. Ундольским. С предисл. И. Д. Беляева.— Временник Моск. О-ва истории и древностей российских, 1852, кн. 14, разд. 2. Материалы, с. XIV, 1—8.

Слово и житьи и о преставлении великаго князя Дмитрія Ивановича царя рускаго, 1389 г.— Рус. ист. сборник, 1838, т. 3, кн. 1, с. 81—106.

Смирнов А. 3-й список Задонщины по синодальному скорописному сборнику XVII века.— Рус. филолог. вестник, 1890, т. 23, № 2, отд. 1, с. 268—288.

Снегирев И. Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского.— Рус. зритель, 1829, ч. 5, № 17—20, с. 3—68. Подпись: И. С.

Снегирев И. Древнее сказание о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем.— М.: Изд. И. Снегирева, 1829.—67 с.

Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка: Общее повременное обозрение (X—XIV веков).— СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1882, с. 240—246: 1380 год.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1—2.— СПб.; М.; Л.: Тип. имп. Акад. наук; Изд-во АН СССР, 1884—1941.

Тихонравов Н. Древние жития Сергия Радонежского. Т. 1.— М.: [Б. и.], 1892.— 210 с.

Устюжский летописный свод: Архангелогородский летописец / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 127 с.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище.— СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1906.— VIII, 375, 190 с.— (Сб. отд-ния рус. языка и словесности имп. Акад. наук, т. 81, № 7).

Шляпкин И. А. Синодик 1552—1560 г. Новгородской Борисоглебской церкви.— Сб. Новгород. о-ва любителей древности, 1911, вып. 5, июль, с. 1—9.

Исследования

XVIII в.

Дмитрий VII Иванович Донской: Биограф. свед.— Словарь исторический. М., 1791, ч. 5, Д — Е, с. 156.

Дмитрий VII Иванович Донской: Историческая надпись к нему.— Разные письмен. материи, 1791, с. 109—122.

Захарьин П. М. Новый Синопсис, или Краткое описание о происхождении славенороссийскаго народа, владычествование всероссийских государей в Нове Городе, Киеве, Владимире и Москве, с подробным повествованием, поражения страшнаго татарских войск полководца Мамая, от Димитрия Иоанновича, великаго князя московскаго, и о последствующих по нем великих князях и царях, до вступления на престол государя императора Петра Великаго...— Николаев: Черномор. адмирал. тип., 1798.— [12], 353 с.

Михайлов И. Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы и последовавшей за нею знаменитейшей победы, бывшей в царствование великаго князя Димитрия Иоанновича между российским и татарским ополчениями, на Куликове поле, между рек Мечи и Дона, при устье речки Непрядвы, взятое из разных достовернейших авторов Иваном Михайловым.— М.: Унив. тип., 1798.— VII, 119 с.

То же.— 2-е изд.— М., 1810.— 77 с.

То же.— 3-е изд.— М., 1827.— 2, 74 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4 (1238—1462 гг. От Ярослава II Всеволодовича до Василия III вкл.).— М.: Тип. имп. Моск. ун-та, 1784.— 595 с.

То же.— Т. 5.— М.; Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1965.—343 с.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. От начала царствования вел. князя Димитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования вел. князя Иоанна Васильевича.— СПб.: Тип. при имп. Акад. наук, 1781.— 598 с., 15 табл.

То же.— Т. 4. Ч. 1.— СПб.: Тип. Б. С. Щербатова, 1902.— 776 с.

Арцыбашев Н. Дмитрий Донской.— Вестник Европы, 1827, ч. 153, № 9, с. 3—26; № 10, с. 81—110; № 11, с. 161—190; № 12, с. 241—270; № 14, с. 159—160.

Арцыбашев Н. С. Повествование о России. Т. 2. [XIII—XVI вв.] — М.: Унив. тип., 1838.— 682 с.

Афанасьев А. Н. Русские народные сказки.— 2-е, вновь пересм. изд.— М.: Изд. К. Солдатенков, 1873.
Кн. 4, № 182. Про Мамая-Безбожного, с. 466.
То же.— Т. 3, № 317.— М.: Гос. изд-во худ лит., 1957, с. 36—42.

Афремов И. Историческое обозрение Тульской губернии с картою, планом города Тулы 1741 года, реставрированными планами: крепостей Тулы 1625 и 1685 гг., Куликовской битвы 1380 года; родословными таблицами князей Новосельских, Одоевских, Билевских, Воротынских и знаменитых дворян Демидовых. Ч. 1.— М.: Тип. В. Готье, 1850. (Вышло в свет в 1857 г.).— 8, 241, 112 с., 2 карт., 1 табл.

Афремов И. Куликовская битва.— Тульск. губ. ведомости, 1844, № 1—3.

Афремов И. Куликово поле, с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сент. 1380 года: Отрывок из ист. обозрения Тульск. губ.— М.: Тип. В. Готье, 1849.— 72 с., с ил.

Барсов Н. П. К пятисотлетию Куликовской битвы: Лекция, читанная 8(20) сент. 1880 г. в Варшавском ун-те.— Варшава: [Б. и.], 1880.— 24 с.

Березин И. Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева.— Тр. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва, 1864, т. 8, с. 387—494, илл.

Берже А. П. Памятник великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.— Рус. старина, 1880, окт., с. 437—440.

Бестужев-Рюмин К. О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище.— 2-е изд.— СПб.: Обществ. польза, 1865.— 64 с.
То же.— СПб., 1898.— 40 с.

Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка / Вступ. статья, ред. и коммент. Е. Н. Петровой.— Л.: Учпедгиз, 1941.
С. 149—152: Сказание о Мамаевом побоище; с. 152—153: Похвальное слово Димитрию.

В какой день происходила Куликовская битва.— Ист. вестник, 1880, кн. 10 (окт.), с. 427—429.

Великий князь Дмитрий Иванович Донской, 1363—1389.— Моск. губ. ведомости, 1850, № 21.

Веселовский Н. Куликовская битва: [По поводу ее пятисотлетия].— Древняя и новая Россия, 1880, т. 18, № 9, с. 5—23 (с планом и рис. памятника).

Витовт И. Топографическое известие о Куликовом поле.— Тульск. губ. ведомости, 1838, № 16.

Водовозов В. Рассказы из русской истории. Вып. 1.— СПб.: Тип. И. Огризко, 1861.— III, 184 с.

Гераков Г. Герои русские за 400 лет.— СПб.: Печ. у Шнора, 1801.— 32 с.

Гильтебрандт П. Житие Александра Македонского и сказание о Дмитрие Донском, с рисунками.— Древняя и новая Россия, 1877, т. 3, № 11, с. 284.

Голицын Н. С. Русская военная история. Ч. 1. До Иоанна III.— СПб.: Обществ. польза, 1877.— 208 с.

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия.— Киев: Тип. имп. ун-та св. Владимира, 1896. С. 158—165: Княжение Андрея Ольгердовича.

Димитрий Иоаннович великий князь Московский и Куликовская битва.— СПб.: Ред. журн. «Мирской вестник», 1871.— 27 с.

Дмитрий VII Иванович Донской: Из храма славы Петра Великого.— Новости рус. лит., 1802, ч. 4, с. 38.

Душеприказчики Донского: Письмо А. Н. Попова к М. П. Погодину.— Москвитянин, 1850, ч. 3, кн. 1, № 9 (май), с. 1—4 [Выписка из разрядной книги].

Зотов Р. В. О Черниговских князьях по Любецкому Синодику и о Черниговском княжестве в татарское время.— В кн.: Летопись занятий Археограф. комис. за 1882—1884 гг. СПб., 1893, вып. 9, с. 144—145.

Иловайский Д. И. История России. Т. 2. Московско-Литовский период, или собиратели Руси.— М.: Тип. И. Н. Кушнерева, 1884.— VI, 587 с.

Иловайский Д. История Рязанского княжества.— М.: Унив. тип., 1858.— VI, 329 с.

То же.— М.: Изд. А. Васильев, 1884.— XI, 596 с.

Иловайский Д. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского: Ист. очерк.— М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1880.— 55 с.

То же.— 2-е изд.— М., 1880.— 75 с.

Иловайский Д. И. Пятисотлетие Куликовской битвы: (Как праздновать этот юбилей): [Заметка].— Рус. архив, 1879, № 1, с. 142—144.

История военного искусства в России от начала Руси до царствования государя Алексея Михайловича.— Воен. журн., 1856, № 1, с. 1—78; № 3, с. 65—134; № 4, с. 1—48. Прил.: [реставрированный план Куликовской битвы 1380 г.].

То же.— Журн. для чтения воспит. военно-учебн. завед., 1856, т. 123, № 491—492, с. 308—335, 409—436.

К 500-летней годовщине Куликовской битвы.— Тульск. губ. ведомости, 1880, № 62, 9 авг.

Казадаев А. Историческое похвальное слово Димитрию Донскому.— СПб.: Тип. К. Крайя, 1827.— 344 с.

То же.— Отечеств. зап., 1827, ч. 29, с. 75—104, 216—257, 377—430; ч. 30, с. 49—90, 206—263, 337—386; ч. 31, с. 60—103, 212—240.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. [1363—1462 гг. Дмитрий Донской — начало Крымской орды].— СПб.: Воен. тип. Глав. штаба, 1817.— 592 с.

То же.— Кн. 2, т. 5.— СПб.: Изд. И. Эйнерлинга, 1842.— 242 с.

То же.— Т. 5.— СПб.: Изд. А. А. Петровича, 1903.—198 с.

Катаев И. Димитрий Донской и Куликовская битва.— Иркутск: Тип. Штаба войск, 1863.— 21 с.

Кельсиев В. Александр Невский и Дмитрий Донской.— Нива, 1872, № 3, с. 41—43; № 11, с. 170—171.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2.— М.: Синод. тип., 1908.— 508, IV с.

То же.— Т. 2. Ч. 2.— М.: Госполитиздат, 1957.— 468 с.

Князь литовский Яков Андреевич, так названный Ягайла.— Вестник Зап. России, 1869, № 3, с. 75—81. Подпись: П. Г.

Костомаров Н. И. Куликовская битва.— Месяцеслов на 1864 г.— СПб.: Изд-во Акад. наук, 1864.— Прил.: с. 3—24.

То же.— Отд. отт.— СПб.: Изд-во Акад. наук, 1864.— 24 с.

Полемика: — Голос, 1863, № 335, 17 дек.
— Журн. для родителей и наставников, 1864, № 3, с. 24—28. Подпись: А. Ш.
— *Аверкиев Д. Г.* Костомаров разбивает народные кумиры.— Эпоха, 1864, № 3, с. 276—297.
— *Погодин М.* Два слова о статье Н. Костомарова «Куликовская битва».— День, 1864, № 4, с. 19—22.
— Переписка гг. Погодина и Костомарова.— Голос, 1864, № 32, 1 февр., № 62, 3 марта.
— *Костомаров Н. И.* Апология за Дмитрия Донского гг. Аверкиева и Аскоченского.— Голос, 1864, № 124, 6 мая.
— *Погодин М.* Ответ г. Костомарову на его возражение, помещенное в газете «Голос».— День, 1864, № 7, с. 20—22.
— *Аверкиев Д.* Как отвечают гг. профессора.— Эпоха, 1864, № 4, с. 287—291.

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 3.— СПб.: Тип. Д. Е. Кожанчикова, 1867.— [4], 378 с.

Костомаров Н. Собрание сочинений: Ист. монографии и исследования. Кн. 1. Т. 3.— СПб.: Лит. фонд, 1903.
С. 519—541: Куликовская битва.

Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 1. Господство дома св. Владимира. Вып. 1. X—XIV ст.— СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1873.— [4], 239 с.
То же.— Кн. 1.— СПб.: Лит. фонд, 1912.— IV, 594 с.

Коялович М. О. Куликовская битва и ее значение в истории русской государственности и русской церкви.— СПб.: Тип. Деп. уделов, 1880.— 30 с.

Куликовская битва.— Нива, 1876, № 46, с. 766—769.

Макаров М. Н. Записка о памятнике великого князя Дмитрия Ивановича Донского.— Моск. губ. ведомости, 1843, № 48, с. 657—665.

Макаров М. Н. Материал для истории предположенного соорудить памятника в. кн. Димитрию Иоанновичу Донскому на поле Куликовом: Письмо И. П. Мартоса ген.-адъютанту А. Д. Балашову.— Моск. наблюдатель, 1837, ч. 14, с. 450—457.

Мамаево побоище: По поводу 500-летней годовщины Куликовской битвы.— Нива, 1880, № 37, с. 743—746.

Марков А. Татарский шлем, найденный на Куликовом поле.— В кн.: Вестник истории и археологии. СПб., 1885, кн. 3, с. 63—66.

Мартынов П. Куликово поле в Епифанском уезде и битва на нем в 1380 г.— Тульск. губ. ведомости, 1871, № 67—69.

Мартынов П. Река Непрядва.— Тульск. губ. ведомости, 1873, № 11.

Масловский Д. Ф. Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 года, до Куликовской битвы включительно.— Воен. сборник, 1881, № 8, отд. 1, с. 207—235; № 9, отд. 1, с. 19—28.

Мельгунов П. П. О Донском побоище: Речь, произнесенная 11-го сент. в Практической акад. коммерч. наук и 2-го окт. в гимназии Фр. Креймана.— М.: Унив. тип., 1880.— 32 с.

Место Куликовской битвы.— Ист. вестник, 1880, кн. 8 (авг.), с. 799—800.

Мизинов П. Историко-литературные статьи и речи. Вып. 1. Славянские просветители IX века.— Куликовская победа.— Рыбинск: [Б. и.], 1886.— 48 с.

Михневич Н. П. Основы русского военного искусства: Сравнит. очерк состояния воен. искусства в России и Зап. Европе в важнейшие ист. эпохи.— СПб.: Тип. Штаба отд. корпуса погран. стражи, 1898.— [4], 180 с.

Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1858, ч. 99, № 7 (июль-авг.), отд. 2, с. 31—107.

Несколько слов о предстоящем праздновании 500-летней годовщины Куликовской битвы.— Тульск. губ. ведомости, 1880, № 69, 30 авг.

Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища.— Вестник Европы, 1821, ч. 118, № 14, с. 125—129, с планом, с. 164а.

Нечаев С. О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях.— Вестник Европы, 1823, ч. 123, № 8, с. 307—311.

Нечаев С. Описание вещей, найденных на Куликовом поле.— Вестник Европы, 1821, ч. 121, № 21, с. 348—350. Подпись: С. Н.

О походах великого князя Дмитрия Ивановича Донского.— Владимир губ. ведомости, 1854, № 15, с. 113.

Памятник великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому.— Москвитянин, 1850, ч. 5, кн. 1, № 19 (окт.), с. 66.

Памятник великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1851, ч. 69, № 1 (янв.), отд. 7, с. 17—18; Лит. прибавление, № 1, с. 27—28.

Памятник Дмитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.— Рус. худ. листок, 1852, № 14, 10 мая, с. 3—4.

Памятник Куликовской битвы Н. Каразина и план битвы.— Нива, 1880, № 37, с. 737, 748.

Памятник Димитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле: По фотографии С. Лаптева, резал на дереве А. Шлиппер.— Древняя и новая Россия, 1880, т. 18, № 9, с. 9.

Письмо А. Балашова: о сооружении памятника великому князю Дмитрию Донскому.— Тр. и летописи О-ва ист. и древностей российских, 1827, ч. 3, кн. 2, с. 129.

Покровский Ф. Димитрий Иоаннович Донской, великий князь Московский: Ист. повествование.— Тула: Тип. губ. правления, 1823.— 282, 1 л. карт.

[Празднование 500-летней годовщины Куликовской битвы]. Хроника.— Тульск. губ. ведомости, 1880, № 72, 13 сент.; Ист. вестник, 1880, кн. 10 (окт.), с. 422—424.

Прокудин-Горский М. Петр Горский, один из участников Куликовской битвы.— Рус. старина, 1880, т. 29, с. 441—442.

Ремезов И. Куликовская битва.— Сев. сияние, 1863, т. 2, вып. 9, с. 530—550.

Ремезов И. Местность Куликова поля.— Сев. пчела, 1845, № 141.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки.— СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1881.

Мамаево побоище.— кн. 2, с. 23—54; кн. 4, с. 381—383; кн. 5, с. 701—702.

Розанов П. П. Местные предания о Куликовской битве: Реф.— Киев. университет. изв., 1875, № 9, с. 10—17.

То же.— Чтения в Ист. о-ве Нестора Летописца, 1879, кн. 1, с. 63—69.

Русская военная сила: История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. / С рис. одежд и вооружения, картами, планами сражений и укреплений.— 2-е изд. А. Е. Пирогова,

испр. и доп., под ред. А. Н. Петрова.— СПб.: Изд. А. Н. Петрова, 1897.
1 л. 7. Княжение Дмитрия Донского, с. 98—109.

[*Саввантов П.*] Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов, конского прибора, в азбучном порядке расположенное.— СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1896.— 184 с.; с ил.

Савельев-Ростиславич Н. В. Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы.— М.: Тип. П. Степанова, 1837.— 157, 5 с.

Савельев-Ростиславич Н. В. Историческое значение и личный характер Димитрия Иоанновича Донского.— СПб.: [Б. и.], 1837.— 30 с.

Сказание о побоище великого князя Димитрия Иоанновича Донского с нечестивым царем Мамаем и бесчисленными татары на Дону, на реке Непрядве, на поле Куликове, 1380 года 8 сент.: Сочинение XV ст. / Изд. и снабдил примеч. Н. Головин.— М.: Тип. А. Семена, 1835.— 32 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Внутреннее состояние русского общества от смерти Ярослава 1-го до смерти Мстислава Торопецкого.— Княжение Димитрия Донского.— М.: Унив. тип., 1853.— 391, 152 с.
То же.— Кн. 2 (тт. 3—4).— М.: Соцэкгиз, 1960.— 782 с.

Соловьев С. М. Пятисотлетие Мамаева побоища, славной битвы Куликовской, 8-го сент. 1380 г.— 8-го сент. 1880 г.— Одесса: Тип. П. Францова, 1880.— 30 с.

[*Срезневский И. И.*] Задонщина великаго князя господина Димитрия Ивановича и брата его Володимера Ондреевича / Чтение И. И. Срезневского.— Изв. имп. Акад. наук по отд-нию рус. языка и словесности, 1858, т. 6, вып. 5, стлб. 337—362.
То же.— Отд. отт.— СПб., 1858.—52 с.

Срезневский И. И. Несколько дополнительных замечаний к слову о Задонщине.— Изв. имп. Акад. наук по отд-нию рус. языка и словесности, 1858, т. 7, вып. 2, стлб. 96—100.

Тимофеев С. П. Сказания о Куликовской битве: Опыт ист.-лит. исследования.— Журн. М-ва нар. просвещения, 1885, ч. 240, № 8 (авг.), отд. 2, с. 203—231; 1885, ч. 241, № 9 (сент.), отд. 2, с. 19—46.

Тихомиров Д. Краткое описание Куликова поля.— Чтения в О-ве истории и древностей российских, 1846, кн. 2, отд. 4, с. 36.

Топографические известия о Куликовом поле.— Журн. М-ва внутр. дел, 1838, ч. 28, с. 49—50.

Торжественное открытие на Куликовом поле памятника великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому и речь епископа Дамаскина.— Тульск. губ. ведомости, 1850, № 37, часть неофиц., с. 171—174.

Троицкий Н. Берега реки Непрядвы: Историко-археол. очерк.— Тула: Тип. Н. И. Соколова, 1887.— 18 с.

Турбин С. Куликово поле.— СПб.: Тип. Деп. уделов, 1867.— 34 с.

Уваров А. С. Протоколы заседаний Исторического о-ва летописца Нестора / с прил.: Местные предания о Куликовской битве.— Киев. университет. изв., 1875, № 9, с. 1—17.

Участие преподобного отца нашего Сергия в событиях 1380 года, положивших начало освобождению России от татарского ига.— М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1880.— 20 с., ил.

[*Хрущов И. П.*] О памятниках, прославивших Куликовскую битву / Чтение И. П. Хрущова.— Чтения в Ист. о-ве Нестора Летописца, 1879, кн. 1, с. 70—78.

Цветков К. Н. Великий князь Димитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергий Радонежский: К пятисотлетию дня кончины Димитрия Донского 1389 г.— 19 мая — 1889 г.— М.: Тип. К. Цветкова, 1889.— 72 с.

Щепкин В. Н. Золотой перстень, найденный на Куликовом поле.— Археолог. изв. и заметки, 1897, т. 5, № 12, с. 374—378.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биограф. очерки по первоисточн. и пособиям: В 2-х т.— СПб.: Изд. И. И. Толстого, 1889—1891.

То же.— Т. 1—2.—СПб., 1900—1901.

Ягелло: (Ист. монография).— Вестник Зап. России, 1871, кн. 3, отд. 2, с. 40—89.

Начало XX в.

Бартенев С. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1.— М.: Изд-во М-ва имп. двора, 1912.

С. 19—25: Каменные стены и башни князя Дмитрия Ивановича Донского.

Гейсман П. Поход великого князя Димитрия Иоанновича Донского от Москвы к Дону и сражение на Куликовом поле 8 сент. 1380 г.— Военно-ист. вестник, 1912, кн. 1, с. 5—19; 1913, кн. 1, с. 5—22.

То же.— Киев: Киев. отд-ние РВИО, 1913.— 32 с.

Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 г.— СПб.: Сенат. тип., 1907. (Извлеч. из «Журн. М-ва нар. просвещения» за 1907 г.).

С. 84—88: О месте Куликовской битвы.

Марков А. [Рецензия на диссертацию] С. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906).— Журн. М-ва нар. просвещения, 1908, ч. 14, № 4 (апр.), с. 433—446.

Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII веком).— Чтения в О-ве ист. и древностей российских, 1902, кн. 4, отд. 3, с. 1—50.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. (Кн. 1—2). Великая российская равнина в прошлом.— Образование Московского государства.— М.: Мир, 1913.—259 [3] с. То же.— Т. 1.— М.: Госиздат, 1924.— 292 с.

Потебня А. А. Слово о полку Игореве. Текст и примеч.— 2-е изд., с доп. черновых рукописей «О Задонщине»; II. Объяснение малорусской песни XVI века.— 2-е изд.— Харьков: Тип. Мирный труд, 1914.— 4, 233 с.

Проект памятника на Куликовом поле / Из бумаг С. Д. Нечаева.— Старина и новизна, 1905, кн. 9, с. 1—6.

Проект церкви на поле Куликовой битвы.— В кн.: Ежегодник О-ва архитекторов-художников. СПб., 1911, вып. 1, с. 128—132.

Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития.— М.: О-во ист. и древностей рос., 1915.— 494 с.

Соколов Б. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе.— Этнограф. обозрение, 1909, № 2—3, с. 182—185.

Толстой И. И. Деньги вел. князя Дмитрия Ивановича Донского.— Зап. нумизмат. отд-ния Рус. археолог. о-ва, 1906, т. 1, вып. 4, с. 138—154.

Торжество на Куликовом поле 8-го сент.— В кн.: Тульская старина. Тула, 1902, вып. 9, с. 16—27.— Подпись: Посетитель.

Троицкий Н. И. Куликовская победа.— Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1903.— 17 с.— Отд. отт. из «Тульск. епарх. ведомостей», 1903.

Цветков К. Н. Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергий Радонежский.— М.: Тип. В. Чичерина, 1902.— 67 с., ил.

Шамбинаго С. К. Исторические переживания в старинах о Сухане.— В кн.: Сборник статей, посвящ. В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 503—515.

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» (СПб., 1906).— В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении имп. Акад. наук премий митрополита Макария в 1907 г.— СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1910.— 126 с.— (Сб. отд-ния рус. языка и словесности имп. Акад. наук, т. 81, с. 79—204).

Яблочков М. Т. Памятник великому князю Московскому Димитрию Иоанновичу Донскому на Куликовом поле.— Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1901.— 14 с.

Яблочков М. Т. Памятник великому князю Московскому Димитрию Донскому на Куликовом поле.— В кн.: Тульская старина. Тула, 1902, вып. 9, с. 3—16.

Исследования советского периода

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина: (К вопросу о реконструкции авт. текста).— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1947, т. 6, вып. 2, с. 95—100.

Адрианова-Перетц В. П. Задонщина: (Опыт реконструкции авт. текста).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1948, т. 6, с. 201—255.

Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1951, т. 8, с. 95—137.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.— 188 с.

Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича царя Руськаго.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1947, т. 5, с. 73—96.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина».— Рад. литературознавство, 1947, № 7—8, с. 135—186.

Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962, с. 131—168.

Азбелев С. Н. Две редакции Новгородской летописи Дубровского.— В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959, вып. 9, с. 219—228.

Азбелев С. Н. Изобразительные средства героических сказаний.— В кн.: Русский фольклор. Л., 1974, т. 14. Проблемы художественной формы, с. 144—165.

Азбелев С. Н. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве.— В кн.: Проблемы истории феодальной России: Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971, с. 110—117.
Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века.— Новгород: [Б. и.], 1960.— 295 с.
Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов: (на материале Куликовского цикла).— В кн.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1976 г. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976, с. 78—101.
Азбелев С. Н. Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре.— Сов. славяноведение, 1970, № 6, с. 50—57.
Азбелев С. Н. Повесть о Куликовской битве в Новгородской летописи Дубровского.— В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 164—172.
Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому.— В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, т. 13. Рус. народная проза, с. 77—102.
Азбелев С. Н. Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1975, с. 163—190.
Азовцев Н. Н. О полководческом искусстве Дмитрия Донского.— В кн.: О начальных этапах развития русского военного искусства: Сб. статей. М., 1951, с. 101—123.
Альшиц Д. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа.— Уч. зап. / Ленингр. гос. ун-т. Сер. ист. наук, 1939, № 36, с. 110—123.
Амосов А. А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного: (Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 49—60.
Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»: (Вопросы атрибуции и жанра).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 28. Исследования по истории рус. литературы XI—XVII вв., с. 140—154.
Афанасьев В. Куликово поле.— Военно-ист. журнал, 1941, № 2, с. 153—156.
Ашурков В. Н. Куликовская битва. 1380—1955.— Тула: Тульск. кн. изд-во, 1955.— 56 с.
Ашурков В. Н. На поле Куликовом.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1967.— 64 с., с ил.
То же.— Тула, 1970.— 83 с.
То же.— Тула, 1976.— 104 с.
Ашурков В. Н. Памятники Куликова поля.— Вопр. ист., 1971, № 4, с. 217—220.
Бабляк М. М. До питання про участь і роль народних масс в Куликовській битві 1380 р.— Наук. зап. / Луцьк. дер. пед. ин-т. Сер. іст. наук, 1954, т. 2, вип. 1, с. 19—36.
Батура Р. К. Литва в борьбе народов против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод.— Вильнюс: Минтис, 1975.— 383 с.— Библиогр.: с. 349—371. Лит. яз.
Бахрушин С. В. Дмитрий Донской.— Ташкент: Изд-во УЗ ФАН, 1942.— 40 с.

Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 477—523.
Безбах С. Куликовская битва.— Ист. журнал, 1938, № 1, с. 52—60.
Белоброва О. А. О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 243—246.
Борисевич Л. С. Памятники московской литературы XIV — начала XV в. (1326—1418): Автореф. канд. дис.— Тюмень, 1951.— 17 с.— В надзаг.: Моск. гор. пед. ин-т им. В. П. Потемкина.
Бочкарев В. Н. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями: Димитрий Донской.— М.: Воен. изд-во, 1946.— 23 с.
Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.).— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 488 с.
Бушуев С. Димитрий Донской.— В кн.: Наши великие предки. Архангельск, 1942, с. 13—23.
Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев.— М.: Наука, 1969.— 583 с.
Вилькошевский П. В. Борьба за родину в отражении древнерусской литературы.— Тр. / Самарканд. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького, 1942, т. 4, с. 1—12.
Виноградова В. Л. Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 20—27.
Виноградова В. Л. Некоторые замечания по лексике «Задонщины».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1958, т. 14, с. 198—204.
Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии.— В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962, с. 255—275.
Виноградова В. Л. Сравнительный анализ лексики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: Автореф. канд. дис.— М., 1953.— 16 с.— В надзаг.: АН СССР. Ин-т языкознания.
Водовозов Н. В. Русская литература и народное творчество.— М., 1962.— 220 с.— (Уч. зап. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, т. 178).
Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 2. XIII—XV столетия.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 560 с.
Воронкова О. Т. Морфология «Задонщины» по спискам XV—XVII вв.: Автореф. канд. дис.— Л., 1954.— 15 с.— В надзаг.: Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова.
Высоцкий А., Павлов Г. Наши великие предки.— Новосибирск: Новосибгиз, 1942.— 18 с.
Героическая поэзия Древней Руси.— Л.: Лениздат, 1944.— 106 с.
Героическое прошлое русского народа: Сокращ. и перераб. стенограммы лекций, прочит. на сборе фронтовых агитаторов.— М.: Воениздат, 1943.— 160 с.
Глязер С. Куликовская битва.— Молодой большевик, 1939, № 9, с. 44—51.
Головкин А. Куликовская битва: (К 560-летию со дня сражения).— Моск. большевик, 1940, 8 сент.
Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— 478 с.

Греков Б. Д. Татарское нашествие.— Ист. журнал, 1937, № 6, с. 46—63, ил.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.).— М.: Наука, 1975.—519 с.— Библиогр.: с. 488—516.

Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище».— Сов. славяноведение, 1970, № 6, с. 27—36.

Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы: XIV—XVI вв.— М.: Изд-во вост. лит., 1963. Гл. 1. Золотая Орда и страны Восточной Европы в XIV в., с. 13—78.

Гудзий Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона.— Уч. зап. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Тр. каф. рус. лит., 1946, вып. 110, кн. 1, с. 153—187.

Данилевский В. В. Димитрий Донской.— М.: Госполитиздат, 1942.— 32 с.

Данилов В. В. Чешский славист Ян Фрчек.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 642—644.

Демина Н. А., Вайнштейнкер П. Л. О сессии, посвященной 575-летию со дня Куликовской битвы.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 651—652.

Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 440—476.

Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений.— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 385—399.

Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 406—448.

Дмитриев Л. А. «Книга о побоище Мамая, царя татарского от князя владимерского и московского Димитрия».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 61—71.

Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 28. Исследования по истории рус. литературы XI—XVII вв., с. 155—179.

Дмитриев Л. А. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1966, т. 22. Взаимодействие лит. и изобразит. искусства в древней Руси, с. 239—263.

Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1954, т. 10, с. 185—199.

Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 449—480.

Дмитриев Л. А. Описание рукописных списков «Сказания о Мамаевом побоище».— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 481—509.

Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1955, т. 11, с. 140—155.

Дмитриева Р. П. Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? — Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 18—25.

Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 199—263.

Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка «Задонщины»).— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 264—291.

Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины».— Рус. литература, 1967, № 1, с. 105—121.

Дружинина-Георгиевская Е. В., Корнфельд Я. А. Зодчий Щусев.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 199 с.

Егоров В. Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде.— Вопр. ист., 1974, № 8, с. 36—50.

Жидков Г. В. Димитрий Донской: С биограф. справкой Н. А. Гейнике (с. 43—47).— [М.]: Изд. Гос. Третьяков. гал., 1947.— 49 с., с ил., 10 л. ил.

Зиборов В. К. Хронографический вид Печатного варианта Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 240—242.

Зимин А. А. Две редакции Задонщины.— Тр. / Моск. гос. историко-архивный ин-т, 1964, т. 24. Вопросы источниковед. истории СССР, с. 17—54.

Зимин А. А. Задонщина: (опыт реконструкции текста Пространной редакции).— Уч. зап. / Чуваш. науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики, 1967, вып. 36, с. 216—239.

Зимин А. А. Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины».— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970, сб. 3, с. 233—249.

Зимин А. А. Краткое и пространное собрание ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.— В кн.: Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 28—40.

Зимин А. А. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.— Ист. архив, 1956, № 6, с. 133—143.

Зимин А. А. «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина».— В кн.: Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969, с. 41—58.

Зимин А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины».— Рус. литература, 1967, № 1, с. 84—104.

Ивлев А. Куликовская битва. [1380 г.: Попул. очерк].— М.: Воениздат, 1938.— 32 с., с ил.

История Москвы: В 6-ти т. Т. 1. Период феодализма. XII—XVII вв.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.— 778 с.

История русского искусства: В 13-ти т.— М.: Наука, 1953—1968.
Т. 1. Искусство Новгорода. 1954.— 425 с.
Т. 2. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV веков. 1955.— 746 с.

История русской литературы: В 3-х т. Т. 1. Литература X—XVIII вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.— 730 с.

История русской литературы: В 12-ти т. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х — 1580-х гг.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.— 531 с.
История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти т. Т. 2. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XVII вв. Образование единого русского государства.— М.: Наука, 1966, 631 с.
К 575-летию Куликовской битвы.— Вопр. ист., 1955, № 12, с. 197—198.
Карасев А. В., Оськин Г. И. Димитрий Донской.— М.: Воениздат, 1950.— 63 с., с ил.
Каргалов В. В. Куликовская битва.— Препод. ист. в школе, 1972, № 5, с. 18—25.
Каргалов В. В. Куликовская битва и ее место в отечественной истории.— Препод. ист. в школе, 1979, № 5, с. 15—23.
Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в. М.: Просвещение, 1966.— 135 с.
Каргалов В. В. Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига.— Вопр. ист., 1969, № 2, с. 145—157; № 3, с. 105—118; № 4, с. 121—137.
Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига.— М.: Просвещение, 1973.— 144 с.
Карышковский П. О. Куликовская битва.— М.: Госполитиздат, 1955.— 64 с.
Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976.— 105 с. с табл.
Коган А. М. Куликовская битва.— В кн.: Сб. статей студентов ист. фак. Моск. гос. пед. ин-та им. К. Либкнехта. М., 1939, вып. 3. Работы по истории СССР, с. 15—34.
Колесов В. В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 33—48.
Котенко И., Семенов И. Письма с дороги: Здравствуй, Куликово поле! — Правда, 1968, 14 нояб.
Котков С. И. Еще одно древнерусское свидетельство о «зегзице».— Докл. и сообщ. / Ин-т языкознания АН СССР, 1956, № 10, с. 81—83.
Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века.— Уч. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т. Фак. яз. и лит., т. 15, вып. 4, с. 131—160.
Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV века: (Морфология и синтаксис): Автореф. канд. дис.— Л., 1957.— 13 с.— В надзаг.: Ленингр. гос. пед. ин-т.
Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве».—В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 127—198.
Крбец М., Моисеева Г. Первое известие о Задонщине.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 406—408.
Кузнецов К. Из музыкального прошлого Москвы: Этюд первый.— Сов. музыка, 1947, № 5, с. 35—41.
С. 36: Свидетельство о музыке в «Задонщине».
Куликовская битва: (Ист. справка).— Воен. вестник, 1950, № 16, с. 37—39.

Кучин П. Куликовская битва: [Очерк].— М.: Воениздат, 1939.— 32 с., с ил.

Кучкин В. А. Сподвижник Дмитрия Донского [кн. Владимир Андреевич].— Вопр. ист., 1979, № 8, с. 104—116.

Левинтон Г. А., Смирнов И. П. «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 72—95.

Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджело Данти).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1976, т. 31. «Слово о полку Игореве» и памятники древнерус. литературы, с. 165—175.

Лихачев Д. С. «Задонщина».— Лит. учеба, 1941, № 3, с. 87—100.

Лихачев Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем».— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 366—370.

Лихачев Д. Культура Руси на рубеже XIV—XV веков.— Ист. журнал, 1943, № 1, с. 40—45.

Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — нач. XVI в.).— Л.: Госполитиздат, 1946.— 160 с., 14 л. ил.

Лихачев Д. С. Литературная судьба Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV века.— В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе: Сб. статей. М., 1961, с. 9—22.

Лихачев Д. С. Методика изучения истории текста и проблемы взаимоотношения списков и редакций «Задонщины»: (Об исследовании Анджело Данти).— В кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 278—295.

Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.— 120 с.

Лихачев Д. С. О названии «Задонщина».— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 474—475.— (Тр. / Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР, вып. 7).

Лихачев Д. С. «Тактические умолчания» в споре о взаимоотношениях «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».— Рус. литература, 1977, № 1, с. 87—91.

Лихачев Д. С. «Тактические умолчания» в споре о взаимоотношении «Слова» и «Задонщины»: (По поводу работ С. Н. Азбелева).— В кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 329—340.

Лихачев Д. С. «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина»: (К текстол. замечаниям проф. Дж. Феннела).— В кн.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 296—309.

Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1962.— 605 с.

Лихачев Д. Черты подражательности «Задонщины»: (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»).— Рус. литература, 1964, № 3, с. 84—107.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966.— 532 с.

Лурье Я. С. К изучению летописного жанра.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1972, т. 27. История жанров в рус. литературе X—XVII вв., с. 76—93.

Лурье Я. С. К проблеме свода 1448 года.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1969, т. 24. Литература и общественная мысль древней Руси, с. 142—146.

Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1961, т. 17, с. 130—168.

Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 29. Вопросы истории рус. средневек. литературы, с. 207—213.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976.— 283 с.

Лурье Я. С. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 28. Исследования по истории рус. литературы XI—XVII вв., с. 114—139.

Луцкий Е. Куликово поле.— Ист. журнал, 1940, № 9, с. 44—54.
То же.— Уч. зап. / Моск. гор. пед. ин-т. Каф. истории СССР, 1941, т. 2, вып. 1, с. 169—182.

Мавродин В. В. Димитрий Донской.— М.: Госполитиздат, 1942.— 35 с.

Мавродин В. В. Куликовская битва.— В кн.: За родную землю XIV—XVII вв.: [Сб. статей]. М., 1949, с. 3—34.

Малахов М. Куликовская битва.— Воен. вестник, 1948, № 16, с. 36—38.

Матвиевский П. Е. Димитрий Донской: Попул. очерк.— [Чкалов]: Обл. изд-во, 1942.— 36 с.

Мерзон А. Дмитрий Донской: [Ист. очерк].— М.: Воениздат, 1940.— 56 с.

Мингалев В. С. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. / Моск. гос. историко-архивный ин-т, 1966, т. 24, вып. 2. Вопросы источниковед. истории СССР, с. 55—72.

Мингалев В. С. К методике решения некоторых гуманитарных задач с помощью ЭВМ.— В кн.: Применение комплекса вычислительных средств «Ртута-110» в народном хозяйстве: Материалы науч.-техн. семинара 20—22 окт. 1970 г. Вильнюс, 1970.
С. 102—110: На примере «Сказания о Мамаевом побоище».

Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук.— Москва — Вильнюс, 1971.— 16 с. В надзаг.: Моск. гос. историко-арх. ин-т.

Мингалев В. С. Списки «Сказания о Мамаевом побоище» в ЦГАДА.— Сов. архивы, 1970, № 6, с. 104—105.

Михайлова А., Тихомиров Б. Дмитрий Донской.— [Саратов]: Сарат. обл. изд-во, 1942.— 20 с.

Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке Задонщины: (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище).— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 220—239.

Мужественные образы наших великих предков.— [Б. м.]: Политупр. Сев-Зап. фронта, 1941.— 29 с.

Мюллер Л. Особая редакция жития Сергия Радонежского.— Зап. Отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1973, вып. 34, с. 71—100.

Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1956, т. 12, с. 546—575.

Назаров В. Д. Русь накануне Куликовской битвы: (К 600-летию сражения на р. Воже).— Вопр. ист., 1978, № 8, с. 98—114.

Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования.— М.: Наука, 1969.— 555 с.

Насонов А. Н. Монголы и Русь: (История татарской политики на Руси).— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.— 178 с.

Насонов А. Н. Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского.— В кн.: Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л., 1940, ч. 2, с. 59—90.

Наши великие предки.— Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1942. С. 9—15: Дмитрий Донской.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945.— 143 с.

Орлов А. С. Героические темы древней русской литературы: Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв.— Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1945, т. 4, вып. 2, с. 69—85.

Орлов А. С. Литературные источники повести о Мамаевом побоище.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1935, т. 2, с. 157—163.

Осипов К. Куликовская битва.— Красная звезда, 1937, 24 нояб.

Осипов К. Наши великие предки.— М.: Госполитиздат, 1942. С. 13—27: Дмитрий Донской.

Осипов К. Наши великие предки.— Киров: Киров. обл. изд-во, 1943. С. 12—28: Дмитрий Донской.

Основные проблемы эпоса восточных славян.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 347 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.: В 2-х т. Ч. 2 (XIV—XV вв.). Объединение русских земель вокруг Москвы и образование рус. централизов. государства.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— 812 с.

Очерки русской культуры XIII—XV веков.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969—1970.
Ч. 1. Материальная культура. 1969.— 479 с. с ил.
Ч. 2. Очерки русской культуры XIII—XV веков. 1970.—435 с.

Пашуто В. Т. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII—XV вв.— В кн.: Страницы боевого прошлого: Очерки воен. истории России. М., 1968, с. 33—34.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания.— М.: Наука, 1965. С. 102—314: Лицевой летописный свод второй половины XVI ст.

Покровский В. С. История русской политической мысли: (Конспект лекций). Вып. 1.— М.: Госюриздат, 1951.— 130 с.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV ст.— Пг.: Тип. Я. Башмакова и К°, 1918.— VI, 458 с.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства: Очерки по истории XIII—XV ст.— Пг.: 9-я Гос. тип., 1920.— VI, 494 с.— (Летопись занятий Археограф. комиссии за 1917 г., вып. 30).

Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование великорусского государства».— Пг., 9-я Гос. тип., 1920.— 10 с.— (Летопись занятий Археогр. комиссии за 1917 г., вып. 30).

Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1979, т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания, с. 3—17.

Прохоров Г. М. Памятники культуры византийско-русского общественного движения эпохи Куликовской битвы: Автореф. докт. дис.— Л., 1977.— 30 с. В надзаг.: АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом).

Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.— 238 с.

Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1961, т. 17, с. 107—129.

Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков.— М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1960.— 300 с.

Пьянков А. Димитрий Донской.— [Молотов]: Молотовгиз, 1942.— 32 с.

Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. Ч. 2. Военное искусство средневекового феодального общества XI—XVIII веков.— М.: Воениздат, 1940.— 440 с. с ил. и карт.

Разин Е. А. История военного искусства. Т. 2. Военное искусство периода войны.— М.: Воениздат, 1957.— 654 с.

Раппопорт П. А. Древние русские крепости.— М.: Наука, 1965. С. 43—65: Период феодальной раздробленности.

Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. X—XV вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1961.— 242 с.— (Мат-лы и исследов. по археологии СССР, № 105).

Ржига В. Ф. О Софонии Рязанце.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 401—405.

Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве.— Докл. и сообщ. филол. фак. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1946, вып. 1, с. 37—38.

Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 377—400.

Русские повести XV—XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль; Ред. текстов, статей и примеч. Б. А. Ларин.— М.; Л.: Гослитиздат, 1958.— 488 с.

Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1977, т. 32. Текстология и поэтика рус. литературы XI—XVII вв., с. 3—39.

Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1974, т. 29, Вопросы истории рус. средневек. литературы, с. 98—124.

Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 344—384.

Салмина М. А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 524—525.

Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя Русьскаго».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1970, т. 25. Памятники рус. литературы X—XVII вв., с. 80—104.

Санович А. Г. Русская народная картина XVIII века «Мамаево побоище».— Сообщ. / Музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, 1975, т. 5, с. 79—102.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды.— Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960.— 276 с.

Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве».— Изв. АН СССР. Отд-ние рус. яз. и словесности, 1929, т. 2, кн. 1.
С. 181—184: С привлечением плача из «Слова о Дмитрии Донском» и др.

Соколов Н. Б. А. В. Щусев.— М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архитектуре, 1952.— 388 с.

Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1958, т. 14, с. 183—197.

Соловьев А. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла: («Задонщина», «Летописная повесть», «Сказание о Мамаевом побоище»).— Рус. литература, 1965, № 2, с. 243—245.

Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя Русьскаго».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1961, т. 17, с. 85—106.

Соловьев А. В. Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве».— В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 257—262.

Строков А. А. Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности.— М.: Военно-полит. акад. им. В. И. Ленина, 1949.— 192 с.

Строков А. А. О возникновении и начальных этапах развития русского военного искусства.— В кн.: О начальных этапах развития русского военного искусства: Сб. статей. М., 1951, с. 3—29.

Тамарин П. Оружие времен Куликовской битвы.— Коммунар, Тула, 1940, 8 сент.

Ташчиян Л. П. Димитрий Донской.— Баку: Изд-во АзФАН, 1941.— 91 с.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы.— Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.— 320 с.

Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 526—532.

Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина».— В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 311—312.

Терновая Р. Димитрий Донской.— Сталинград: Обл. кн. изд-во, 1942.— 42 с.

Тихомиров М. Н. Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями: Дмитрий Донской.— М.: Моск. большевик, 1944.— 10 с.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва (XII—XV вв.): К 800-летию Москвы.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1947.— 224 с.

Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г.— Вопр. ист., 1955, № 8, с. 11—25.

Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 335—376.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.— 318 с.

Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.).— М.: Наука, 1966.— 174 с.

Федоров Б. В. Куликовская битва.— М.: Гослитиздат, 1939.— 64 с., с ил. и схем.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.— 180 с.

Филатов В. В. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1960, т. 16, с. 397—408.

Филатов В. В. Икона с изображением сюжетов русского государства.— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1966, т. 22. Взаимодействие лит. и изобразит. искусства в Древней Руси, с. 277—293.

Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1.— М.; Л.: Госиздат, 1929. С. 78—79: Сведения о музыке и музыкальных инструментах в литературных памятниках XII—XV вв., в т. ч. в «Задонщине».

Хилл Е. Один вновь обнаруженный лицевой список «Похвалы Великому князю Димитрею Ивановичю і брату его Володимеру Андреевичю. Сказание о Донском бою. В лета 6889» (*Hill E.* A British museum illuminated manuscript of an early Russian literary work...— Cambridge: Univ. press, 1958.— 8 p.).— В кн.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. М., 1962, т. 1. [Резюме докладов], с. 165—166. [Обсуждение ст.: с. 169—173].

Черепнин Л. В. Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского.— Ист. записки, 1947, т. 24, с. 225—266.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси.— М.: Соцэкгиз, 1960.— 900 с.

Черепнин Л. В. Отражение международной жизни XIV — начала XV в. в московском летописании.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 225—256.

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.— 306 с.

Шамбинаго С. К. К вопросу о «генеалогической» поэзии.— В кн.: Сб. статей в честь А. И. Соболевского. М., 1928, с. 182—187.

Шахматов Ф. Секретная миссия рязанского князя: [К истории Куликовской битвы 1380 г. / С коммент. А. Надирова «Старым повесть, а молодым память»].— Техника— молодежи, 1977, № 12, с. 50—53, 57.

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.— 372 с.

Шевелев В. Поле старой битвы.— Наука и религия, 1972, № 1, с. 53—57.

Шевяков В. Н. Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков в XIII—XV веках.— М.: Соцэкгиз, 1961.— 111 с.
Шунков В. Куликовская битва. 1380—1940.— Веч. Москва, 1940, 7 сент.
Ючас М. А. Русские летописи XIV—XV вв. как источник по истории Литвы.— Тр. / АН Лит. ССР. Сер. А., 1958, № 2(5), с. 69—83.
Яковлев Н. Дмитрий Донской.— Ист. журнал, 1942, № 5, с. 138—145.
Якубинский Л. П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV—XVIIвека).— Уч. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т, 1956, т. 15. Фак. яз. и лит., вып. 4, с. 3—35.
Янин В. Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века: [Печать Дмитрия Донского с изображением царя Давида].— В кн.: Краткие сообщ. о докладах и полевых исслед. / Ин-т истории материальной культуры АН СССР, 1954, вып. 53, с. 148—150.
Ярошевский Э. Н. Димитрий Донской.— М.: Воениздат, 1941.— 24 с. То же.— М., 1942.— 24 с.

Зарубежные издания

Библиографические указатели

Blažek V. Bibliografický soupis publikacni činnosti doc. Jana Frčka s přehledem jeho činnosti.— Praha: Univ. Karlova, 1972.— 335 s.
Cooper H. R. The Igor Tale: An annotated Bibliography of 20th century non-soviet scholarship on the Slovo o polku Igoreve.— New York: M. E. Sharpe, 1978.— 129 p.
Crowther P. A bibliography of works in English on early Russian history to 1800.— Oxford: B. Blackwell, 1969.— XVIII, 236 p.
International medieval bibliography. [1967—1969].— Minneapolis: Minnesota, 1968—1969.
Kaiser E., Höcherl A. Materialien zu einer slavistischen Bibliographie: Arbeiten der in Österreich, der Schweiz und der Bundesrepublik Deutschland tätigen Slavisten (1963—1973).— München: Verl. O. Sagner, 1973.— 243 S.
Meyer K. Bibliographie der Arbeiten zur osteuropäischen Geschichte aus den deutschsprachigen Fachzeitschriften: 1858—1964.— Berlin — Wiesbaden: O. Harrassowits, 1966.— 314 S.
Seemann K.-D., Siegmann F. Bibliographie der slavistischen Arbeiten aus den deutschsprachigen Fachzeitschriften 1876—1963.— Berlin: Osteuropa-Inst., 1965.— 422 S.
Wytrzens G. Bibliographische Einführung in das Studium der slavischen Literaturen.— Frankfurt/M.: V. Klostermann, 1972.— 348 S.
Wytrzens G. Bibliographie der russischen Autoren und anonymen Werke.— Frankfurt/M.: V. Klostermann, 1975.— 267 S. (Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie, Sonderheft N 19).

Источники

Frček J. Zádonština: Staroruský zălozpěv o boji rusů a tatary r. 1380: Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydáni textů.— Praha, 1948.— 259 s.— (Práce Slovanského ústavu v Praha, 18).

Jakobson R., Worth D. S. Sofonija's tale of the Russian-Tatar battle on the Kulikovo field.— The Hague: Mouton a. Co, 1963.— 71 p., 49 tables.

Vaillant A. La Zadonščina: Épopée russe du XV-e siécle.— Paris: Inst. d'ètudes slaves, 1967.— XX, 47 p.

Исследования

Арнаудов М. Достоверна или подправена поема? Потеклото на руското «Слово о пълку Игореве» в осветлението на проф. А. Мазон.— Българска мисъл, 1939, год 14, кн. 5—6, с. 290—297.

Бицилли П. М. К вопросу о происхождении «Слова о полку Игореве»: (По поводу исследования проф. А. Мазона).— В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941, вып. 2, с. 1—20.

Гаврилов Г. Дмитрий Донски.— София: Держ. воен. изд-во, 1966.— 133 с., с карт.

Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины».— В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941, вып. 2, с. 49—55.

Исаченко А. В. Двойственное число в «Слове о полку Игореве».— В кн.: Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941, вып. 2, с. 34—48.

Кисаки Р. «Игори энсэй моногатари» ни окэру «Рӯси» то иу котоба ни цуйтэ.— Сирин, Киото, 1960, т. 43, № 5, с. 60—79. На яп. яз.

Лесной С. Слово о полку Игореве: (К 150-летию со дня опубликования).— Вып. 1—4.— Париж: [Б. и.], 1950—1958.— 522 с.

Ляцкий Е. А. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве».— Slavia, 1939, г. 17, № 1—2, s. 110—127; № 3, s. 374—411.

Љацки Е. Слово о полку Игоровјеи: (Поводом седамсто — педесетогодишњице).— Српски књижевни гласник, 1938, т. 55 (нова сер.), бр. 3 (1.X.), с. 181—190.

Свенціцкий І. Русь: Половці в старо-українському письменстві: (Історія літературного сюжету).— Львів, 1939.— 64 с.

Седельников А. Д. Где была написана Задонщина? — Slavia, 1930, г. 9, № 3, s. 524—536.

Соловьев А. В. Словесная ткань Задонщины и Слова о полку Игореве.— In: To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70th birthday.— The Hague — Paris, 1967, p. 1866—1875.

Сэкай котэн бунгаку дзэнсю, т. 37. Росия котэн хэн.— Токио, 1954.— 351 с. На яп. яз.

Под рубрикой «е» — пер. С. Кимура отрывков «Задонщины» на яп. яз.

Фодор И. Синтаксические явления «Задонщины».— Studia Slavia, 1955, t. 1, fasc. 1—3, p. 137—173.

Цэно С. Курикофу сэнсо бунгаку соно хию то хё.— Кодай Росия кэнкю, Киото, 1964, т. 4, с. 67—144; т. 5, с. 141—237; 1965, т. 6, с. 95—145. На яп. яз.

«Задонщина» в сравнении с другими повестями Куликовского цикла и «Словом о полку Игореве» (метафоры, аллегории и выразительность).

Appel O. Die Vita des hl. Sergij von Radonež. Untersuchungen zur Textgeschichte.— München: Fink. i Komm., 1972.— 265 S.

Baye I. La croix de Dimitri Donskoi XIV siecle.— S. I., 1890.—9 c.

Besharov-Djaparidzé J. Reflections of the kievan literary tradition in the Russian epics of the thirteenth to seventeenth centuries.— In: The American philosophical society held at Philadelphia for promoting useful knowledge. Yearbook 1960. Jan. 1. 1960 — Dec. 31. 1960.— Philadelphia, 1961, p. 618—622.

Bida C. Linguistic aspect of the controversy over the authenticity of the tale of Igor's campaign.— Canadian slavonic papers, 1956, vol. 1, p. 76—88.

Blankoff J. Les présages dans le Dit d'Igor et la Zadonščina.— Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, 1960, t. 15 (1958—1960), p. 181—194.

Brückner A. Historja literatury rosyjskiej.— T. 1. (987—1825).— Lwów: Zaklad nauk. im Ossolińskich, 1922.— 572 s.

Čiževska T. A comparative lexicon of the Igor's tale and the Zadonščina.— In: American contributions to the 5th Intern. congress of slavists, Sofia, 1963.— The Hague, 1963, t. 1, p. 49—57.

Čiževskij D. History of Russian literature from the eleventh century to the end of the baroque.— s — Gravenhage: Mouton a. Co., 1960.— 451 p.

Curtin J. The Mongols in Russia.— London: Sampson Low, Marston a. Co., 1908.— XX, 481 p.

Danti A. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina».— In: Annali della fac. di lettere e filos. della Univ. degli studi di Perugia. Roma, 1970, vol. 6 (1968—1969), p. 185—220.

Dobrovský J. Rec. ad op.: Карамзин Н. М. История государства Российского: В 8-ми т.— 2-е доп. изд.— Пб., 1818—1819.— Jahrbücher der Literatur, 1822, Bd. 20, S. 214—258.

Dostal A. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale.— Byzantinoslavica, 1949, t. 10, sv. 2, p. 275—284.

Erben K. J. Dvé zpěvů staroruských totiž: O výpravě Igorevě a Zádonština. S kritickými, historickými i jinými vysvětlujicimi poznámkami a doklady.— Praha: S. n., 1869.— X, 100 S.

Evstafiev A. G. Demetrius, the hero of the Don: An epick poem.— Boston: Publ. by Munroe a. Francis, 1818.— 256 p.

Fennell J., Stokes A. Early Russian literature.— London: Faber a. Faber; Berkley: Univ. of Calif. press, 1974.— 295 p.

Fennell J. L. I. The recent controversy in the Soviet Union over the authenticity of the Slovo.— In: Russia: essays in history and literature / Ed. by L. H. Legters. Leiden, 1972, p. 1—17.

Fennell J. L. I. The slovo o polku Igoreve: The textological triangle.— Oxford slavonic papers, 1968, N 1, p. 126—137.

Frček J. Půdovni podoba staroruské Zádonštiny.— In: III Medjunarodni kongres slavista (slovenschich filologa) 18—25.IX.1939: Odgovori na pitanja. Beograd, 1939, Dopune (suppl.) N 3, s. 94—96.

Frček J. Staroruská Zádonština ve vydáni a překladu Erbenově.— Listy filologické, 1940, r. 64, s. 243—252.

Gapanovitch J. J. Historiographie russe: hors de la Russie.— Paris: Payot, 1947.— 240 p.

Gaumnitz H. Wörterverzeichnis zur Zadonščina.— In: Russia Mediaevalis. München, 1973, Bd. 1, S. 64—107.

Golenischev-Kutuzov I. Problems of «The lay of Igor's host».— Sov. literature monthly, 1965, N 3, p. 137—144.

Grégoire H. La geste du prince Igor.— Bulletin de la classe morale et politique de l'Acad. royale de Belgique, 1948, N 4, p. 143—151.

Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland.— Pesth; C. A. Hartleben's Verlag, 1840.— L, 683 S.
Hill E. A British museum illuminated manuscript of an early Russian literary work...— Cambridge: Univ. Press, 1958.— 8 p.
Jagič V. Gradja za slovensku narodnu poeziju. VI.— Rad. jugoslovenske Akad. znanosti i umjetnosti, 1876, kn. 37, s. 102—106.
То же.— *Ягичъ В.* О славянской народной поэзии / Пер. Н. П. Задерацкого.— В кн.: Слав. ежегодник. Сб. статей по славяноведению. Киев, 1878, с. 227—229.
Jakobson R. L'authenticitè du Slovo.— In: La geste du prince Igor'épopée russe du douzième siècle. New York, 1948, p. 235—360.
То же.— In: Jakobson R. Selected writings.— The Hague, 1966, vol. 4, p. 192—300.
Jakobson R. The puzzles of the Igor' tale on the 150th anniversary of its first edition.— Speculum, 1952, vol. 27, N 1, p. 43—66.
То же.— In: Jakobson R. Selected writings.— The Hague, 1966, vol. 4, p. 380—410.
Jakobson R. Sofonij's tale of the Russian — Tatar battle on the Kulikovo field.— In: Jakobson R., Worth D. S. Sofonij's tale of the Russian-Tatare battle on the Kulikovo field.— The Hague, 1963, p. 1—54.
То же.— In: Jakobson R. Selected writings.— The Hague, 1966, vol. 4. p. 540—602.
Jenseń A. A. Rysk kulturhistoria... Bd. 1.— Stockholm: Aktiebolaget Ljus, 1908.— VIII, 204 s.
Kolankowki L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiełłonów. T. 1 (1377—1499).— Warszawa: Kasa Mian, 1930.— 474 s.
Kralik O. Archetyp Zádonštiny.— Vyd. 1.— Olomouc: Státni pedag. nákl., 1972 (Colophon 1973).— 174 s.— (Spisy Filosof. fak. Univ. Palackeho; Rossica Olomucensia, 8).
Krasiński A. S. Pieśń o pólku Igora: Staroslawiański poemat z XII wieku.— Peterbourg: B. M. Wolff, 1856.— XV, 36 s.
Krżyżanowski I. Z najnowszuch studjów nad poezja staroruską.— Balticoslavica, 1936, t. 2, s. 408—410.
Kuczyński S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy.— Warszawa, 1936.— 412 s.— (Prace Ukr. Nauk. Inst., N 33).
Leger L. P. M. La littérature russe; notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusquá nos jours.— Paris: A. Colin et cie, 1892.— XV, 556 p.
То же.— *Leger L.* Istoria literaturii ruseşti.— Bucureşti, 1924 — 132 p.
Leger L. P. M. La Russic intellectuelle: Études et portraits...— Paris: I. Maisonneuve a. fils, 1914.— 300 p.
Leger L. P. M. Russes et slaves: Études politiques et littéraires.— Paris: Hachette et cie, 1890.— XIV, 347 p.
Lichačev D. S. Niestylizacyjne naśladownictwo w literaturze staroruskiej.— In: Zagadnienia rodzajow literackich, 1965, N 8, z. 1, p. 19—40.
Ljackij E. Historický přehled ruské literatury. Čast 1. Staré ruské pisemnictvi (XI—XVII st.).— Praha: Orbis, 1937.— 404 s.
Matejka L. Comparative analysis of syntactic constructions in the Zadonščina.— In: American contributions to the 5th Intern. congress of slavists, Sofia, 1963.— The Hague, 1963, p. 221—241.
Mazon A. L'auteur probable du poême d'Igor.— In: Comptes- rendus

des séances de l'an. 1944. Acad. des inscriptions et belleslettres. Paris, 1944, 2-me trimestr (avr.— juin), p. 213—220.
Mazon A. Les bylines russes.— Revue des cours et conférences, 1932, an. 33, N 8, p. 673—694.
Mazon A. La campagne d'outre — Don de 1380.— Journal des savants, 1948, jan.— juin, p. 15—25.
Mazon A. Dimitri et Eudoxie.— In: Analecta bollandiana. Bruxelles — Paris, 1950, t. 68. Mélanges Paul Peeters, II, p. 334—342.
Mazon A. Les récits de guerre dans la littérature russe du XV-e siècle.— The slavonic and east european review, 1946, vol. 25, N 64, p. 93—108.
Mazon A. Le slovo d'Igor: Le sujet et le cadre; le modèle principal.— Revue des études slaves, 1938, t. 18, fasc. 3—4, p. 163—213.
То же.— In: Mazon A. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, p. 41—91.
Mazon A. Le slovo d'Igor: Le modèle principal.— Revue des études slaves, 1939, t. 19, fasc. 1—2, p. 52—86.
То же.— In: Mazon A. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, p. 92—126.
Mazon A. Le slovo d'Igor: Les additions massives.— Revue des études slaves, 1939, t. 19, fasc. 3—4, p. 242—288.
То же.— In: Mazon A. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, p. 127—172.
Mazon A. Le slovo d'Igor.— The slavonic and east european review, 1949, vol. 27, N 69, p. 515—535.
Mazon A. La Zadonščina: Réhabilitation d'une oeuvre.— Revue des études slaves, 1938, t. 18, fasc. 1—2, p. 5—41.
То же.— In: Mazon A. Le slovo d'Igor. Paris, 1940, p. 5—40.
Medieval Russia: a source book 900—1700 / Ed. B. Dmytryshyn.— New York: Holt, Rinehart a. Winston, 1967.— 312 p.
Mirsky D. S. A history of Russian literature from its beginnings to 1900.— New York: Vintage Books, 1958.— 383 p.
Mirsky D. S. A history of Russian literature from its earliest times to the death of Dostoyevsky (1881).— New York: A. A. Knopf, 1927.— XIV, 388 p.
Mirsky D. S. Old Russian literature: its place in the history of civilization.— Slavonic and east european review, 1924—1925, vol. 3, p. 74—91.
Mirsky D. S. Russia: 1015—1462.— Cambridge mediaeval history, 1932, vol. 7, chap. 21, p. 599—631.
Müller L. Zadonščina.— Kindlers Literatur-Lexikon. Zürich, 1972, Bd. 7, S. 1351—1352.
O, Bojan, du Nachtigall der alten Zeit: Sieben Jahrhunderte altrussischer Literarur / Hrsg. von H. Grasshoff, K. Müller, G. Sturm.— Frankfurt am Main: H. Scheffer, 1965.— 623 S.
Paszkiewicz H. The making of the Russian nation.— London: Darton, Longman a. Todd, 1963.— 509 p.
Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa.— Warszawa: Gebethoer i Wolff, 1938.— 356 s., 1 tabl.
Paszkiewicz H. The origin of Russia.— London: Allen a. Unwin, 1954.— X, 556 p.
Picchio R. Storia della letteratura russa antica.— Milano: Nuova accad. etitrice, 1959.— 416 p.
Poppe A. Z warsztatu staroruskiego redaktora Przyczynek do studiów nad «Zadonzczyna».— Prace / Poznań. Uniw. Wydz. filoz., 1974, Ser. historia, N 58, s. 175—182.
Prochaska A. Król Władysław Jagiełło. T. 1.— Kraków: Akad. Umiejęt., 1908.— VII, 414 s.

Raab H. Geschichte der altrussischen Literatur (10—17. Jahrhundert). Potsdam: Pädag. Hochschule, 1957.— 76 S.
Schmidt K. R. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters: (bis zum Jahre 1240).— Kopenhagen: Munksgaard, 1964.— 594 S.
Skalová H. Tři zpěvy staroruské.— Praha, 1955.— 134 s.
Skerst H. von. Ursprung Russlands: Frühegeschichte, Christliche Berufung, Volksdichtung.— Sttutgart: Verl. Urachhaus, 1961.—244 s.
Slonim M. L. The epic of Russian literature: from its origins through Tolstoy.— New York: Oxford Univ. Press, 1950.— 367 p.
Smolka S. Kejstut i Jagiełło.— Pamiętnik Akad. Umiejęt. w Krakowie. Widz. filol.-hist.-filoz., 1889, t. 7, s. 79—155.
Sobolevskij A. Altrussisches «хынъ».— Archiv für slavische Philologie, 1909, Bd. 30, S. 474.
Soloviev A. V. Le Dit de la ruine de la terre Russe.— Byzantion, 1952, t. 22, p. 105—128.
То же— *Soloviev A. V.* New traces of the Igor tale in old Russian literature.— Harvard slavic studies, 1953, vol. 1, p. 73—81.
То же.— *Соловьев А. В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли».— Тр. Отд. древнерус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР, 1958, т. 15, с. 78—115.
Soloviev A. V. La rhapsode Bojan et le prince Igor' dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina.— Int. journal of slavic linguistics and poetics, 1964, vol. 8, p. 46—60.
Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502.— Leipzig: O. Harrassowitz, 1943.— XVI, 556 S.
То же.— 2. Aufl.— Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1965.— XVIII, 638 S.
Stender-Petersen A., Congrat-Butlar S. Anthology of old Russian literature.— New York: Columbia Univ. Press, 1954.— XXIV, 542 p.
Stender-Petersen A. Den russiske litteraturs historic.— Bd. 1.— Copenhagen, 1952.
То же на нем. яз.: Geschichte der russischen Literatur.— Bd. 1.— München: Beck, 1957,—XII, 472 S.
Sturm G. Übersetzung der «Zadonščina».— Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd. 3, H. 5, S. 700—710.
Terrill H. J. The Zadonščina: A history of the Investigation: Thesis.— Berkley: 1969.— 206 p.— (Univ. of California).
Uspenskij M. I. Quelques donneés historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan / Trad. franç. et texte russe avec pièces complémentaires et app. par A. Mazon et M. Laran.— Paris: Inst. d'études slaves, 1965.— 176 p.
Vaillant A. «Jaroslavna rano plačet».— Revue des ètudes slaves, 1949, t. 25, fasc. 1—4, p. 106—108.
Vaillant A. Les récits de Kulikovo: «Relations des chroniques» et «Skazanie de Mamai».— Revue des études slaves, 1961, t. 39, fasc. 1—4, p. 59—89.
Vaillant A. За Solomonom сагет.— Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, 1960, књ. 26, св. 3—4, с. 272—274.
Vašica J., Vajs J. Soupis staro-slovanskych roukopisu Narodniho Musea v Prase. Praha, 1957.
Vernadsky G. The Mongols and Russia.— New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1953.— XI, 474 p.
То же.— 2 ed.— New Haven, 1959.— VIII, 462 p.

Wiener L. Anthology of Russia literature: from the earliest period to the present time: In two parts.— Pt 1. From the tenth century to the close of the eighteenth century.— New York; London: G. P. Putman's sons, 1902.— XVIII, 447 p.

Worth D. S. Lexcice-grammatical parallelism as a stylistic feature of 1937—1950. Teil 3.— Zeitschrift für slavische Philologie, 1954, Bd. 23, H. 1, S. 189—194.

Worth D. S. Lexcico-grammatical parallelism as a stylistic feature of the «Zadonščina».— Orbis scriptores, 1966, p. 953—961.

Zenkovsky S. A. Medieval Russia's epics, chronicles and tales.— New York: Dutton, 1963.— XII, 436 p.

Zernov N. St. Sergius — builder of Russia... London: Soc. for promoting Christian knowledge; New York: The Mackmillan comp., 1938.— XI, 155 p.

То же — 2 ed. New York; London, 1939.— XI, 155 p.

Составители: *Н. А. Араловец, П. В. Пронина*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСВР	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М.; Л., 1952—1964, т. I—III
ВУА	— Военно-ученый архив
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
ГИМ	— Государственный исторический музей
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ПКМГ	— Писцовые книги московского государства. СПб., 1872—1877, ч. 1, отделение 1—2
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИИР	— Редкие источники по истории России. М., 1977, вып. 2 (ротапринт)
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив
SCR	— Scriptores rerum prussicarum

СОДЕРЖАНИЕ

Куликовская битва 3

Л. Г. Бескровный
Историография Куликовской битвы 6

В. А. Кучкин
Русские княжества и земли перед Куликовской битвой 26

И. Б. Греков
Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. 113

Б. Н. Флоря
Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле . . . 142

В. Л. Егоров
Золотая Орда перед Куликовской битвой 174

Л. Г. Бескровный
Куликовская битва 214

В. И. Буганов
От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380—1480 гг.) 246

Л. Н. Пушкарев
К вопросу об отражении Куликовской битвы в русском фольклоре 265

В. Н. Ашурков
Памятники Куликова поля 275

Куликовская битва 1380 г. Указатель литературы . . 289

Список сокращений 318

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Сборник статей

*

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства
С. А. Левина

Художник
Э. А. Дорохова

Художественный редактор
Н. Н. Власик

Технический редактор
Р. М. Денисова

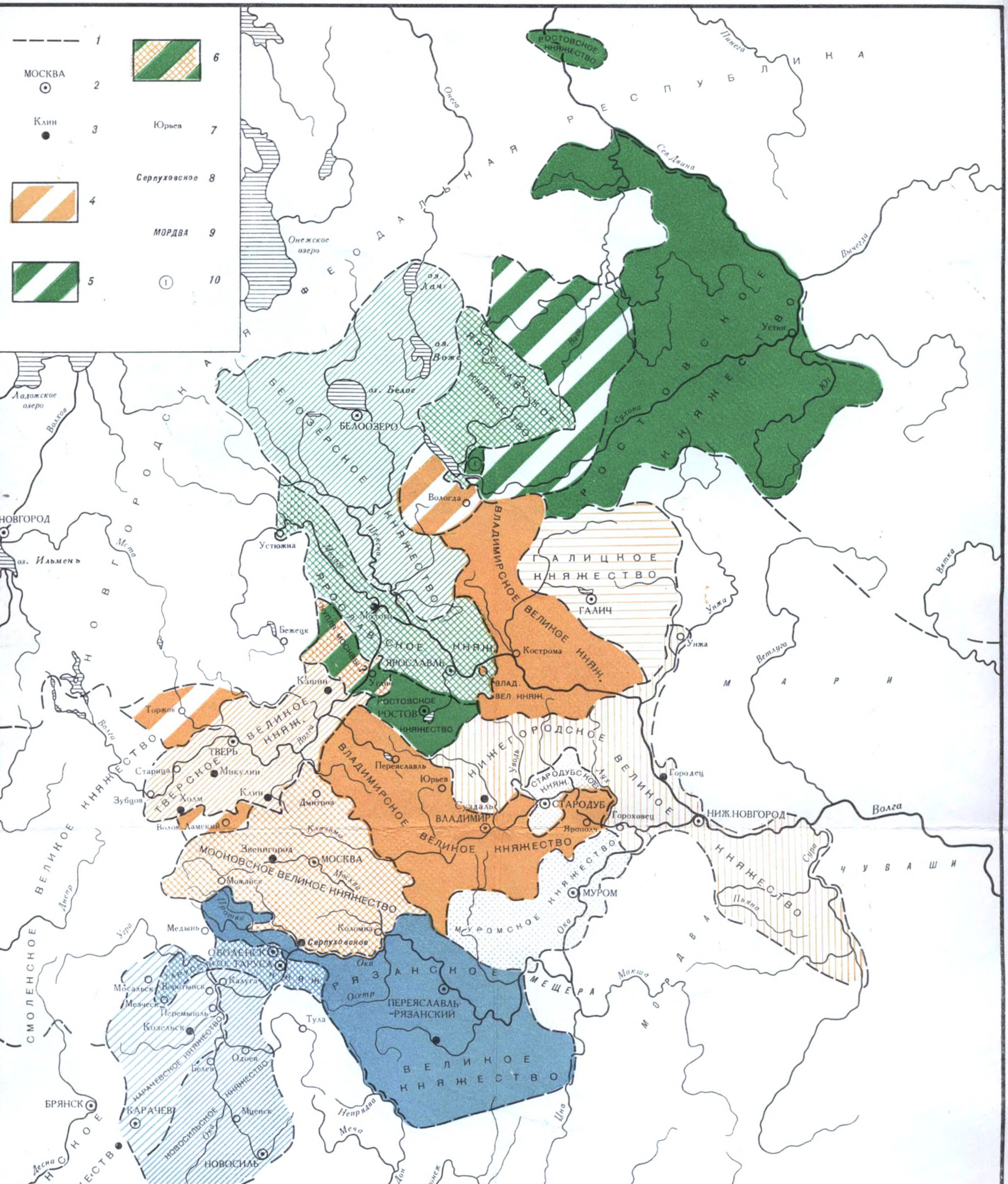
Корректоры М. В. Борткова,
Л. Р. Мануильская

ИБ № 18302

Сдано в набор 20.05.80.
Подписано к печати 18.07.80.
Т-12707. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,12. Уч.-изд. л. 19,6
Тираж 15 000 экз. Тип. зак. 3137
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

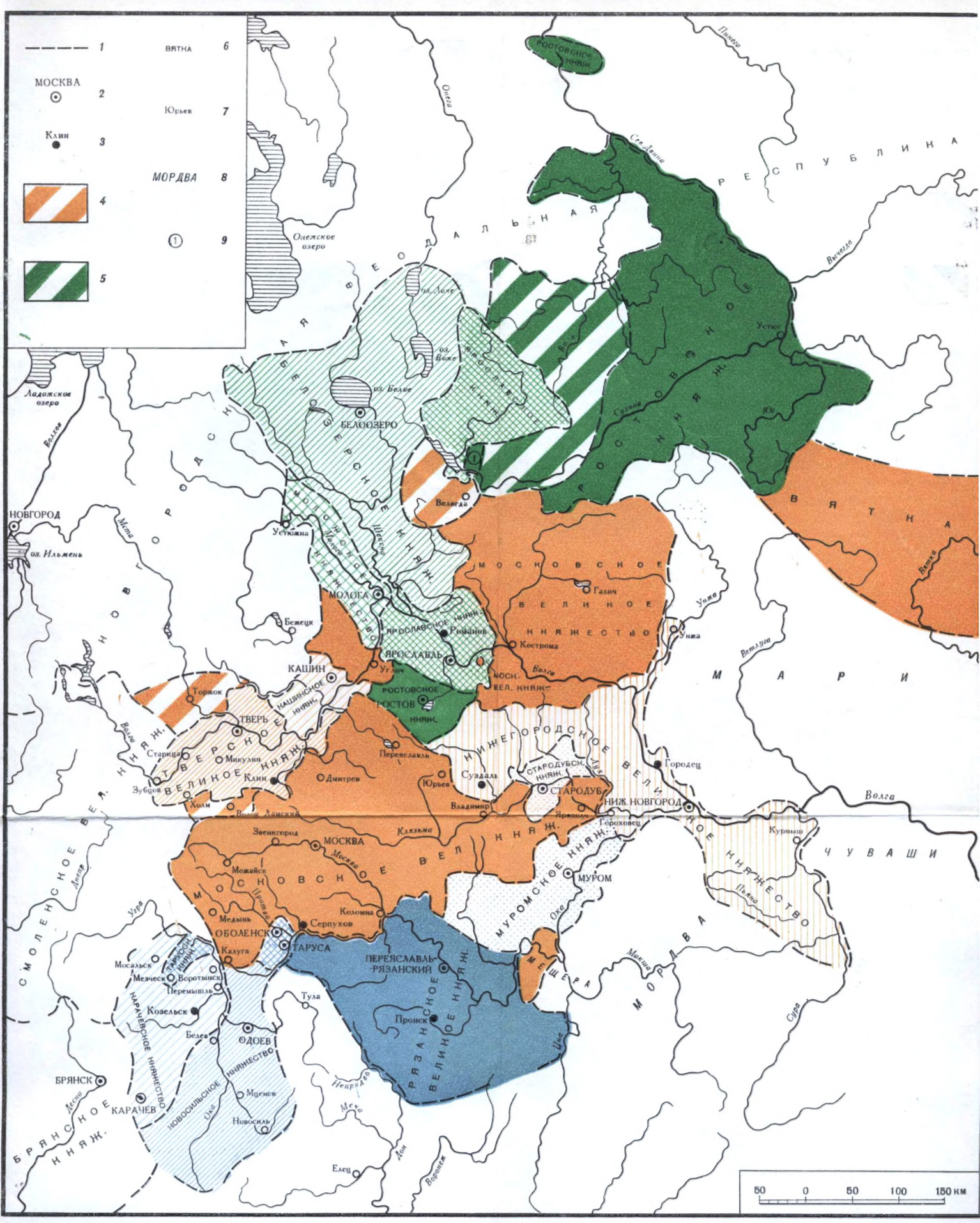
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10



…ЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В 1360 Г.:

…— границы княжеств; *2* — центры княжеств; *3* — центры уделов; *4* — сов…естные владения Владимирского великого княжества и Новгородской …еодальной республики; *5* — совместные владения Ростовского княжества … Новгородской феодальной республики; *6* — совместные владения Московского великого княжества и Ростовского княжества; *7* — города; *8* — села; *9* — народы; *10* — оцифровано на карте Бохтюжское (часть Ростовского) княжество

Зак. 3137



СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ В 1380 Г.:

1 — границы княжеств; *2* — центры княжеств; *3* — центры уделов; *4* — совместные владения Московского великого княжества и Новгородской феодальной республики; *5* — совместные владения Ростовского княжества и Новгородской феодальной республики; *6* — историко-географические области; *7* — города; *8* — народы; *9* — оцифровано на карте Бохтюжское (часть Ростовского) княжество

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1 р. 40 к.